DNIPROVIANA

УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ

ПРОВІДНИКИ
ПОВСТАНСЬКОГО РУХУ
ПРИДНІПРОВ'Я

(за матеріалами органів державної безпеки)

Збірник документів

Дніпро
«ГЕРДА»
2021

УДК 94 : 323.281] (477.63) «1918/1922» (092)
П78

Укладачі: Ю.Г. Пахоменков, О.О. Чепурко.

Рецензенти:

Реєнт Олександр Петрович, д.і.н., професор, член-кореспондент Національної академії наук України, заступник директора з наукової роботи, завідувач відділу історії України XIX – початку XX ст. Інституту історії України НАН України, голова Національної спілки краєзнавців України;

Турченко Федір Григорович, д.і.н, професор, завідувач кафедри новітньої історії України Запорізького національного університету.

Видання здійснено
за підтримки Українського інституту національної пам'яті.

П78 Провідники повстанського руху Придніпров'я (за матеріалами органів державної безпеки): збірник документів / упоряд.: Юрій Пахоменков, Олександр Чепурко; вступна стаття проф. Дмитра Архірейського. – Дніпро: «Герда», 2021. – 288 с.

ISBN 978-617-7639-69-4

У виданні висвітлюється історія національно-визвольної боротьби повстанців Криворіжжя та Дніпровського Надпоріжжя – регіонів України, які сьогодні розташовані в межах Дніпропетровської області і є частиною Придніпров'я. У книзі наведено документи радянських репресивно-каральних органів державної безпеки (ВУНК, ДПУ, НКВС), які містять інформацію як про методи боротьби радянського режиму з повстанцями, так і розкривають подробиці життєписів керівників та організаторів повстанських загонів 1918–1922 рр.

У збірнику використано документи, оригінали або копії яких зберігаються в Архівному підрозділі УСБУ в Дніпропетровській області та Державному архіві Дніпропетровської області. Більшість із них друкується вперше.

Книга стане у пригоді науковцям, краєзнавцям, усім тим, хто цікавиться історією українського повстанського руху та радянськими політичними репресіями.

УДК 94 : 323.281] (477.63) «1918/1922» (092)

ISBN 978-617-7639-69-4

ОТАМАНИ УКРАЇНСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ

Наша Україна, котра не має ні свого попівства, ні панства, ні купецтва, ні держави, а має доволі розумне од природи мужицтво, залюбки прийме науку про безначальні й товариські порядки...

М. Драгоманов

Анархія – це не хаос. Це воля для кожного.

Н. Махно

Що таке партизани? Це головні кадри громадянської війни.

Б. Пастернак

У важкі для країни 2014–2015 рр., з початком російської інтервенції, переконавшись у неспроможності власної держави дати агресору належну відсіч, українське суспільство продемонструвало воістину дива самоорганізації та самопожертви. Не довіряючи дискредитованому державному Левіафану, громадянські активісти, добровольці, волонтери організовували майданні сотні і бойові батальйони, налагоджували безперебійне забезпечення фронтових частин і переселенців, розбудовували мережу громадських організацій, які інформували і просвіщали населення, розвінчували ворога, допомагали нужденним, налагоджували суспільний контроль над чиновниками і можновладцями. Не дивно, що останні, оговтавшись, не забарилися із зворотною реакцією: через контрольовані державою ЗМІ потоком полилися звинувачення активістів у правовому нігілізмі, авантюризмі, політичній безвідповідальності тощо. Нарешті, дійшла черга й до звинувачень у махновщині та отаманщині [7; 13; 19; 22–25; 32].

Звісно, дії активістів та добробатівців подекуди мали радикальний характер, але ж і ситуація в країні у цей час була надзвичайною. В умовах революції та війни важко народжувалося громадянське суспільство, яке прагнуло стати незалежною від держави силою, і це не могло не лякати звиклий до традиційної моделі спілкування з населенням чиновний люд. Тема отаманщини, махновщини, анархії активізувалася в цей час передусім з метою дискредитації руху, що насмілювався бути незалежним від скомпрометованих чи безпорадних державних структур.

Апофеозом та апогеєм «отамано»-викривальної риторики можна назвати виступ 16 липня 2015 р. тодішнього президента України П. Порошенка у Верховній Раді. Ним, зокрема, було сказано таке: «*[...] Анархії в Україні я не допущу. Почитаймо підручники історії. Хіба у нас не було періоду отаманщини, яскравого, але короткого і трагічного? Хіба не завершився він повною перемогою Росії і втратою незалежності України майже на 70 років? Вороги України, запам'ятайте: так більше не буде!*» [26]. Очевидно, що інтерпретація терміна «отаманщина» у виключно негативно-зневажливому сенсі свідчить про явну ідеологічну архаїку та стереотипність, шаблонність уявлень про відповідне історичне явище в головах певної частини сучасного українства, для якої державність важливіше за розбудову реальної демократії. Адже слід визнати, що під отаманщиною чи анархією сьогодні здебільшого розуміється стан беззаконня, безладу, свавілля. Саме такий стан і сприяє, мовляв, поразці від зовнішнього ворога. Отож, хто потурає отаманщині, ллє воду на млин ворога. Простішим кліше, напевно, не може і бути.

Частота звинувачень в отаманщині зростала з кінця 2013 р., маючи, таким чином, пряме відношення до Революції гідності та сучасної війни за незалежність. І не дивно, що для порівняння бралась отаманщина доби Української революції 1917–1921 рр. як класичний приклад даного явища. Адже революції XX і XXI століть мають чимало аналогій, включаючи імперські претензії росіян на українські землі, процеси прискореного національного відродження, необхідність захисту української державності і національної ідентичності, надзвичайну активізацію громадянського суспільства, готового у форс-мажорних реаліях заміщувати собою державні структури і брати на себе ініціативу оборони країни від поневолення. У цих паралелях і знаходимо пояснення нервової реакції та негативних оцінок такої громадянської ініціативи з боку показних чино-державників.

Варто зауважити, що, як це зазвичай трапляється з пострадянськими можновладцями, останні рідко коли здатні продемонструвати глибокі знання історії. На жаль, це цілком стосується й історії Української революції 1917–1921 рр., включаючи такий її складник як отаманщина, безперечно, пов'язану насамперед із повстанським рухом, переважно селянським за своєю соціальною основою. За відсутності твердих знань про це історичне явище, воно сприймається здебільшого як набір певних образів та стереотипів, створених свого часу радянсько-російською пропагандою засобами літератури та кінематографа. Згадаємо, наприклад, як О. Толстой у «Ходінні по муках» закинув своїх літературних героїв-дворян до махновської Вандеї, показавши селянсько-повстанську стихію того часу дикою, безжальною, якоюсь безглуздою силою, мотивованою виключно жагою наживи і вбивств. Радянські фільми, в яких піднімалася тема українського повстанства доби революції («Весілля в Малинівці», «Служили два товариші», серіал «Невловні месники» тощо) створювали здебільшого карикатурні образи селянина-повстанця та його отамана. Чого вартий лише пан-отаман Грициян Таврійський із «Весілля в Малинівці»? Отаман-клоун або отаман-садист – ось як пересічний радянський громадянин мав сприймати українського повстанського ватага доби Української революції 1917–1921 рр. Очолювані такими отаманами формування мали нагадувати або кримінальні банди, або циркові трупи на гастролях. Ясно, що нічого спільного з реальною дійсністю подібні характеристики-ярлики не мали. Коли ж поняття «отаманщина» в такому значенні використовується в сучасних реаліях, ми повинні усвідомлювати, що маємо справу фактично з рудиментарними проявами радянської культурно-ідеологічної спадщини.

Зауважимо, твердження П. Порошенка про те, що т. зв. отаманщина стала могильником Української революції 1917–1921 рр., не нове і само собою встигло стати надбанням історії. Трагізм тієї революції полягав у тому, що від її оптимістичного початку до драматичного фіналу українство було розколоте на кілька конкуруючих і навіть ворогуючих між собою таборів. Не можна сказати, що очільники цих таборів узагалі не шукали можливостей якщо не для об'єднання, то хоча б для взаємного порозуміння. Втім, людська натура та персональні амбіції зазвичай брали верх над суспільними та національними інтересами. Тому і не знайшли між собою порозуміння гетьманці та республіканці, обернули зброю проти УНР махновці, розійшлися, зрештою, шляхи УНР та ЗУНР, а урядування Директорії повсякчас лихоманило від внутрішніх політичних інтриг та військових заколотів. Очевидно, не горезвісна отаманщина була всьому тому причиною.

Але ж звинувачення в отаманщині у період Директорії стало традиційним способом компрометації політичних опонентів. Найбільше діставалося від числених опонентів фактичному керівникові українського національно-визвольного руху та української державності від 1919 р. С. Петлюрі.

На думку С. Кульчицького, першим термін «отаманщина» в негативному значенні (як явище, що спричинило руйнацію української державності) вжив В. Винниченко, який обвинуватив у потуранні отаманщині С. Петлюру [17]. Винниченко у лютому 1920 р., тобто ще під час революції, видав у Відні працю «Відродження нації», присвячену революційним подіям в Україні. Події січня–листопада 1919 р. він назвав періодом Отаманщини, наголошуючи, що за відсутності потужної вертикалі влади (в цьому й обвинувачувався Петлюра) українські отамани ставали всесильними володарями окремих територій, допускаючи тут погроми, мародерство, ґвалт. Саме автор «Відродження нації» висловив думку про те, що отамани в різних історичних умовах мали різне значення для української справи: під час повстання проти гетьманського режиму вони відігравали позитивну роль, а із січня 1919 р., коли спалахнула українсько-радянська війна, ті самі отамани почали перетворюватися на деструктивну силу, переходячи на бік більшовиків, виступаючи проти Директорії УНР або просто їй не підпорядковуючись.

Таку інтерпретацію отаманщини незабаром підхопили як прибічники Винниченка, так і його опоненти-державники, носії консервативної ідеології, що стало основою і відповідних науково-історичних наративів. Саме в такому значенні – загалом не науковому, а суто політичному – отаманщина характеризується і в окремих дослідженнях сучасних українських дослідників [Див.: 20].

Наскільки В. Винниченко був об'єктивним в оцінках подій 1919 р. – питання риторичне, зважаючи на той факт, що він програв С. Петлюрі конкурентну боротьбу за вплив на Директорію, виїхав за кордон і по гарячих слідах почав працювати над «Відродженням нації». Отож, є всі підстави вважати, що друкованим словом він намагався поквитатися з «кривдником» і політично реабілітувати себе.

Зауважимо, що термін «отаманщина» чи «отаманія» саме у негативному значенні з метою політичної дискредитації опонентів використовувався представниками різних фракцій та угруповань українського руху й до появи книги В. Винниченка. Наприклад, у січні 1919 р., здійснюючи перехід на бік більшовиків, отаманією назвав Директорію УНР отаман Н. Григор'єв [28, с. 134]. Хоча, скажімо, для генерала А. Денікіна сам Н. Григор'єв був беззаперечним та ідеальним репрезентантом української отаманщини у значенні, запропонованому Винниченком [11, с. 355]. За свідченнями сучасника подій А. Пузицького, генерал Дієвої армії УНР В. Агапієв негативно ставився до «отаманії» Наказного отамана УНР (тобто не якогось повстанського ватажка, а військового вищого рангу) О. Осецького [27, с. 13]. І таких прикладів чимало.

Характерно, що з-поміж українських діячів того часу найбільшими критиками провінційної отаманщини та анархії (отже, й Петлюри) були зазвичай прихильники твердого порядку, міцної влади, ультрадержавники, інакше кажучи, представники консервативного крила Української революції. Проте саме носії консервативної ідеології, зокрема військові старшини та урядовці [28, с.280], ви-

ступаючи за встановлення військової диктатури, яка одна, на їхнє переконання, могла врятувати українську державність, найчастіше організовували заколоти проти влади Петлюри. Ситуація була доволі дивною: діячі, які підтримували концепцію військової диктатури, виступали проти лідера Директорії, сіючи безлад та анархію, перекладаючи загальну провину за це саме на Петлюру. Останній же, впроваджуючи військову диктатуру для порятунку української справи, був змушений карати правих заколотників (П. Болбочан, В. Оскілко, В. Агапієв тощо).

Своєрідно намагається пояснити такий історичний парадокс дослідник В. Савченко. Він визначає режим Директорії на чолі із Петлюрою як «напіввійськову диктатуру» або «військовий отаманський соціалізм» [28, с. 280]. Очевидно, що історик використовує в цілому термінологію Винниченка, який, описуючи події травня – червня 1919 р., назвав уряд Петлюри «отамансько-„соціалістичним"» [28, с. 283]. Водночас В. Савченко, ймовірно, не поділяє переконань Винниченка щодо персональної відповідальності Петлюри за руйнівну отаманщину, адже за допомогою військової диктатури останній і намагався впорядкувати ситуацію, заспокоївши свавільних отаманів.

Зазначимо, до певної межі погляди В. Винниченка на українську отаманщину поділяв лідер білого руху на Півдні А. Денікін: у 1919 р. він також вважав її деструктивною силою, цілком зрозуміло чому. Отаманщина так чи інакше представляла українську справу, українську державність, Українську революцію, тобто те, що Денікін не визнавав і проти чого свідомо боровся. І все ж один нюанс відрізняв погляди Денікіна і Винниченка: перший не бачив нічого позитивного в отаманщині і до січня 1919 р. Описуючи сили Директорії на початку повстання проти влади гетьмана П. Скоропадського, А. Денікін називає, зокрема, формування повстанців «селянськими бандами» [11, с. 352]. На його думку, під час падіння режиму гетьмана «*поруч із залишками гетьманського „уряду" й органами, що насаджувалися петлюрівськими отаманами, виникали [...] скрізь революційні комітети і совдепи, а місцями й нові форми самодостатніх, ні від кого не залежних анархістських утворень*» [11, с. 354]. Для лідера білого воїнства, як бачимо, отаманщина – це і є повстанський рух, який він асоціює з безладом, анархією, бандитизмом тощо. Така собі беззаперечна державницька позиція, реакція на революційну ініціативу знизу. Відмовляючи українцям у праві на власну державність, Денікін прямо називає повстанців Директорії «бандами Петлюри» [11, с. 363].

Отже, на думку лідера білогвардійців, українське «*отаманство приносило із собою елементи дезорганізації і розкладу; махновщина, крім того, була найбільш антагоністичною ідеї білого руху*» [12, с. 95]. Це твердження А. Денікіна і стало, імовірно, наріжним каменем державницької історіографії – і російської, і української.

Загалом, для Денікіна весь український рух доби Директорії є отаманщиною, хоча він прямо і не вживає цей термін у своїх спогадах. Ось тільки якщо, на думку Винниченка, Петлюра був винний в українській отаманщині, то Денікін обвинувачував у цьому й самого Винниченка. Саме на Винниченка і Петлюру він покладає провину за анархію, розгул провінційних отаманів тощо [11, с. 356, 357].

Поза будь-яким сумнівом, А. Денікін виокремлював у хаосі революційно-військових подій українсько-повстанський рух як самостійне і цільне явище. У своїх спогадах він однозначно ставить знак рівності між українським повстанським рухом та отаманщиною (хоча, слід визнати, він волів говорити, швидше, про повстанство, ніж про отаманщину) [12, с. 88–91], а також висловлює близькі до оцінок В. Винниченка погляди щодо політичного значення українського повстанства кінця 1918 – початку 1919 рр.: «*Повстанство [...] привело директорію у Київ, але одразу ж скинуло її, коли Петлюра спробував покласти край безчинствам банд*» [12, с. 91]. Хоч би як насправді Денікін ставився до українського повстанства, слід визнати, що з часом він визнав його силу і вплив на перебіг подій. Більш того, очільник білого руху визнав незалежність повстанського руху і характер взаємовідносин українських повстанців і білогвардійців: «*Об'єктивно повстанство було фактором позитивним для нас на території, зайнятій ворогом, і одразу ж ставало яскраво негативним, коли території потрапляли у наші руки. Тому з повстанством вели боротьбу всі три режими – петлюрівський, радянський і добровольчий*» [12, с. 91].

Очевидно, що не зовсім справедливо Денікін оцінює взаємовідносини між українським повстанством, селянським загалом за своєю соціальною природою, і петлюрівською владою. Звісно, вища влада УНР була змушена боротися з окремими отаманами, які демонстрували свою нелояльність або до режиму як такого, або до Петлюри персонально, але українська влада, на відміну від червоних та білих прибульців, навіть не помишляла утискати українське селянство, застосовуючи проти нього карально-репресивні методи.

Отже, у більш широкому контексті вже за доби Української революції отаманщина і повстанський рух усвідомлювались як те саме явище. Як сприймали у дійсності це явище державники як-от Денікін?

Насамперед, як специфічний соціальний рух, в умовах військового часу надзвичайно мілітаризований та децентралізований, політично майже невизначений, але притому дуже енергійний[1]. Політики наділяли цей рух також такими якостями як низька дисципліна, стратегічна непослідовність, потяг до кримінальних дій. І головне. Ця сила обов'язково персоніфікувалася: її очолювали батьки-отамани, які, активно борючись з вищою владою, тобто із державою як такою, втім, були не проти самим бути якоюсь владою на місцях, стати такими собі удільними князями чи баронами.

Дуже точно місце отаманів в українській дійсності того часу визначив лідер російських більшовиків В. Ленін, який, зокрема, зазначав: «*[...] при вкрай недостатній пролетарській свідомості на Україні, при слабкості й неорганізованості, при петлюрівській дезорганізації й тискові німецького імперіалізму, – на цьому ґрунті там стихійно зростала ворожнеча й партизанщина. У кожному селі селяни хапалися за зброю, обирали свого отамана або свого „батька", щоб завести, щоб створити владу на місці. На центральну владу вони зовсім не зважали, і кожний батько думав, що він є отаман на місці, уявляв, ніби він сам може вирішувати всі українські питання, не рахуючись ні з чим, що роблять у центрі*» [18, с. 32,

1 Нижче використовуються матеріали авторської статті «Поняття "отаманщина" у контексті досліджень Української революції 1917–1921 рр.» [5].

33]. Пам'ятаємо, аналогічні погляди щодо отаманщини мали окремі представники і Директорії, і Збройних сил Півдня Росії, тобто державники всіх мастей.

Слова Леніна свідчать про те, що він чітко розумів соціальну, точніше селянську, сутність отаманщини. Селянство і в мирний час здатне демонструвати свою непередбачуваність. В умовах затяжної війни і революції, коли село залишалось єдиним джерелом постачання воюючих армій, а, отже, і об'єктом насильства, цей найбільший прошарок населення, отримавши зброю, військові кадри і досвід, отримав і можливість самостійно захищати свою самобутність і свої, як він розумів, економічні інтереси. Зрозуміло, що отамани були лише верхівкою великого селянського айсберга. Без матеріальної та моральної підтримки селян отаманщина не мала б такого розмаху в межах України.

Більшовики в такому сенсі сприймали повстанський рух і в подальшому, хоча офіційно, з ідеологічної точки зору, відповідальними за непослух селян вважали більш заможних – так званих куркулів. Так, у березні 1920 р., виступаючи на VI конференції КП(б)У, голова РНК УСРР Х. Раковський зазначив, що головним завданням радянської влади на селі є знищення отаманщини, котра, на його погляд, стояла між новою владою й селянством. У резолюції партзборів, зокрема, говорилося: *«Захопивши у свої руки частину ліквідованих поміщицьких земель, живий і мертвий реманент [...], порубавши ліс, нагромадивши хліб трьох (останніх) урожаїв, сподіваючись вільного (його) продажу, знахабнівши від безвладдя, [...] маючи зброю, субсидуючи отаманщину, підпорядкувавши собі несвідому голу і голодну бідноту [...], куркуль став фактичною владою на території України»* [15, с. 71].

Селянську природу повстанства-отаманщини чудово усвідомлював і А. Денікін. Проте, як і Ленін, він не вважав за потрібне вибудовувати із селянством щирі взаємовідносини. Таким чином, специфічне ставлення денікінців до українського повстанського руху може пояснити недовговічність білої влади в Україні. Білий головнокомандувач, з одного боку, цілком усвідомлював генетичний зв'язок між селянством та повстанством і правильно розумів причини останнього: *«Поштовхом до повстанського руху послужило, безсумнівно, аграрне питання. Село повстало „за землю" проти „пана" [...]»* [12, с. 89]. Водночас він принципово відмовляв селянам у праві збройно захищати власні інтереси і не бажав зізнаватись у власній незграбній аграрній політиці, яка не дозволила йому порозумітися з українськими селянами. Тому для нього повстанці та їхні отамани – виключно авантюристи, бандити, бездарні актори і т. п.

Важливо акцентувати увагу на тому, що свою загальну характеристику українського повстанського руху і махновщини зокрема Денікін розмістив у розділі своїх спогадів під назвою «Більшовицький спадок у звільнених районах» [12, с. 82]. Він чудово знав, що не більшовизм породив український повстанський рух, і визнавав, що українські повстанці боролися і проти комуністів [12, с. 89, 90]. Тим не менш, очільник російських білогвардійців свідомо прив'язував повстанство до більшовизму з метою політичної дискредитації обох явищ.

Отже, отаманщина часів революції і війни за своєю суттю була збройним селянським повстанським рухом. Саме так це явище переважно розумілося і сучасниками. Очевидно, що отаманщину різні політичні режими остерігалися настільки, наскільки знали і рахувалися із селянством. Однак, безперечно, вони усвідомлювали нерозривний зв'язок між повстанством і селянами. Недивно, що

в ході військово-політичної боротьби державники докладали максимум зусиль для компрометації сили, яка не бажала піддаватися будь-якому контролю. Звідси звинувачення у криміналітеті, ототожнення отаманщини з бандитизмом, безладом тощо. Обмовлення повстанства політиками-державниками, принаймні деякими урядовцями Директорії, як уже зазначалося, викликалось бажанням виправдати власну політичну поразку, мовляв, свавільні отамани розтягли революцію по своїх загонах [8; 30, с. 319, 320].

Запропонований В. Винниченком поділ української отаманщини на позитивну і негативну, на нашу думку, слід визнати в цілому штучним, таким, що у період революції визначався політичною кон'юнктурою, а в наукових дослідженнях пояснюється залежністю від історичних джерел, недостатнім урахуванням історичного контексту, слабким знанням методології та формально-логічного інструментарію [Див.: 4].

Отже, отаманщину слід сприймати як повстанський рух на чолі з отаманами. І оцінювати отаманщину загалом треба не за характером ставлення повстанського руху до влади, а за загальним його внеском у розвиток революції. Визначаючи, описуючи та характеризуючи отаманщину доби революції ХХ ст. як конкретне історичне явище, на нашу думку, слід ураховувати нижче зазначені чинники.

По-перше, отаманщину не можна зрозуміти поза конкретним історичним контекстом. Не повстанство породило революцію, а швидше навпаки. Отже, треба аналізувати загальнореволюційні впливи на отаманщину: ідеологічні, соціально-політичні, економічні, військово-ситуативні, культурні тощо. Необхідно враховувати, що серед отаманів і повстанців багато хто прямо ототожнював себе з революційними процесами, однак, у боротьбі за владу право на революційність монополізували більшовики, пропаганда яких змогла закріпити за повстанцями тавро бандитів або контрреволюціонерів. Урахування, а головне, адекватне розуміння безпосереднього історичного контексту отаманщини доби революції 1917–1921 рр., на нашу думку, дає змогу усвідомити неможливість повторів цього явища в інші історичні часи. Ось чому залякування сучасного суспільства привидом отаманщини слід відносити або до політичних технологій та пропаганди, або сприймати як рудиментарну рефлексію державницької ідеології.

По-друге, отаманщина чи повстанство розуміється насамперед як специфічний соціальний рух військового часу, і цей рух має явну протестну основу. Протестний рух, по суті, є революційним, отож, є безпосередньою реакцією на невдалу, провальну політику попереднього політичного режиму. Протест не можна сприймати як абсолютне негативне явище. Отже, отаманщину доцільно вивчати в контексті дослідження протестного руху як такого. Наскільки цей напрям є перспективним для науки, засвідчують і сьогодення української політики, і глобальні світові процеси. Справжні протести спалахують зазвичай стихійно, на добровольчих засадах. Ось чому ми знаходимо певні аналогії у діях українських «протестантів» доби революції 1917–1921 рр. та добровольців періоду політичних потрясінь XXI ст.

По-третє, повстанський рух часів революції ХХ ст. у соціальному плані мав переважно селянську основу. Тож, цілком можна погодитись із думкою деяких сучасних дослідників про обов'язкове вивчення природи, сутності селянства під час дослідження революційних процесів [21, с. 103]. Однак, суть селянського

збройного «протестантизму» лише нездатністю селян абстрактно сприймати проблему організації державної влади чи їхньою архаїкою, культурним традиціоналізмом [16, с. 36; 21, с. 105, 106, 109], звичайно, пояснювати не можна. Комплекс причин, очевидно, має більш широкий характер. Недарма і сучасні дослідники не просто підкреслюють важливість аграрно-селянського складника революції 1917–1921 рр., а й прямо узалежнюють останню від так званої Аграрно-селянської революції 1902–1922 рр. [Див.: 1]. Тож зрозуміло, що отаманщина, саме як масштабний соціальний рух, не може інтерпретуватися як діяльність купки авантюристів-пасіонаріїв. Кількісні показники (а в 1919–1922 рр. дослідники нараховують 8–10 тис. тільки окремих повстань [29, с. 263]) переконливо засвідчують сутність явища. Крім того, слід ураховувати присутність у повстанстві й інших соціальних категорій, зокрема робітників, і особливо сільської інтелігенції.

По-четверте, серйозна оцінка українського повстанського руху доби революції 1917–1921 рр. передбачає елементарне визнання причинно-наслідкових зв'язків між окремими процесами та явищами. Це дасть змогу чіткіше усвідомити, що не повстанство (отаманщина) спричинило руйнацію державності як такої, а недоліки урядування політичних режимів примножували протестний рух передусім селянства; не отамани організовували протести, а селянство впливало на формування повстанства і визначало політику повстанських отаманів. Отже, безперечно, лише повноцінне дослідження аграрно-селянської проблеми в контексті революції дасть змогу отримати найбільш якісну характеристику повстанства чи отаманщини.

По-п'яте, отаманщину можна розглядати також як продовження українських військово-історичних традицій. Повстанці будь-якого політичного забарвлення, навіть червоні, зазвичай претендували на спадкоємність чи й пряме проходження від українського козацтва. Це важко назвати грою тодішніх інтелектуалів, швидше проявом історичної пам'яті українців. Багато петлюрівських отаманів пройшло через структури Вільного козацтва [10, с. 289, 291, 295, 306; 14, с. 85–92, 180–183]. Отамани брали псевдоніми на честь відомих у минулому козацьких та гайдамацьких ватажків (Байда, Голий, Гонта, Кармелюк, Мамай, Остряниця тощо) [10, с. 293, 294, 302, 304; 14, с. 54, 125]. Навіть махновці, які офіційно орієнтувалися на анархізм, усвідомлювали себе нащадками і військовими спадкоємцями запорізьких козаків [6; 31].

На нашу думку, *«народно-історична пам'ять українців зберігала образ отамана у відповідності до традицій Вольностей Запорозьких – як виборного військового керівника. Отож, немає нічого дивного в тому, що чисельні командири українських повстанців часів революції 1917–1921 рр. охоче називалися отаманами, цілком адекватно розуміючи зміст цього поняття. Був би цей зміст негативним, поняття не набуло такого значного поширення та популярності серед певних категорій населення, передовсім селян. Схожою була логіка вживання селянами-повстанцями по відношенню до деяких своїх ватажків, які мали беззаперечний авторитет серед бійців, прізвиська „батько". Останній термін мав соціально-культурну природу, в той час, як поняття „отаман" – більше військову, притому обидва вписувалися в історичні традиції українців»* [4, с. 122].

Слід ураховувати, по-шосте, і національно-психологічні складники отаманщини. Незважаючи на певні політико-ідеологічні розходження, за багатьма своїми властивостями повстанський рух був ближчим до українських національних режимів. Навіть офіційна посада С. Петлюри в ієрархії УНР була Головний Отаман. Невід'ємним складником українського національного характеру фахівці вважають індивідуалізм. Недарма розхожим кліше того часу став принцип самостійності України. Імовірно, що прагнення до самостійності, незалежності могло бути внутрішнім мотивом і діяльності отаманів. Інше питання, хто з них як розумів свою самостійність. Ось чому поняття української отаманщини цілком органічно об'єднує петлюрівську і махновську течії, які, можливо, розходилися у своєму ставленні до української державності, але були абсолютно подібними у питанні захисту економічної та адміністративної незалежності селянства.

По-сьоме, важливо звернути увагу на персоналістичний вимір отаманщини. Не таємниця, що інколи однією із суттєвих ознак цього явища вважають авантюризм отаманів, їхні амбіційні бажання, користуючись невизначеністю смутної доби, досягти власної, обов'язково корисної мети [20, с. 47, 68, 86, 91, 97]. Однак хіба політику державників у багатьох випадках не логічно пояснювати тими ж суб'єктивними чинниками конкуренції, звичайної заздрості, прагненням до влади тощо [4, с. 123]?

Мотиви, через які люди ставали або обирались отаманами, різні. Тут були і кар'єристи-авантюристи, і політики, і криміналітет, і захисники селян, «батьки». Отже, отаман отаману – різниця, і всіх під один гребінець зачісувати необ'єктивно. Неоднозначність суб'єктивного чинника і змушує деяких дослідників гіпертрофувати її негативні аспекти.

Зрештою, є наукова концепція формування так званої контреліти, яка може цілком логічно пояснити соціально-політичну природу й української отаманщини. Зокрема, Е. Вольф стверджує, що контреліта *«могла кинути виклик і деструктивному керівництву, що базувалося на ринкових відношеннях, і безсилим спадкоємцям традиційної влади, утворюючи новий консенсус через зв'язки із селянством. Таку контреліту частіше за все складали представники провінційних еліт, яких витиснули на периферію комерційної діяльності і політичної влади; посадовці чи спеціалісти, що перебувають між глибиною і центром і зав'язані у протиріччях між ними, а також інтелігенти, яким доступна система символів, здатна забезпечити взаєморозуміння між керівництвом і селом»* [9, с. 298]. За даними більшовиків, до 80 % повстанських отаманів дала саме українська інтелігенція, переважно сільська [29, с. 278]. Репресивні впливи більшовиків з очевидною метою на сільську інтелігенцію України, як контреліту того часу, відомі і досліджуються [2; 14, с. 184–187].

Одна з причин появи отаманщини – криза українського державного будівництва під час революції 1917–1921 рр., коли державні посади і державні персони важили більше, ніж державні інститути. В. Савченко зазначив, що через брак державних інститутів і структур на місцях владу брали військові – чи повстансько-партизанські отамани, чи старшини військ УНР [28, с. 280].

По-восьме, в українській отаманщині доби революції XX ст. можна помітити й елементи традиційного селянського самоврядування, щоправда, у військовий час [3]. Йдеться про принцип виборності у межах певної громади-колективу,

коли жодний голос не міг бути проігнорований рештою голосів. Таким же чином здійснювався вплив усього колективу (загону) на прийняття рішення отаманом. Принцип виборності отаманів в Україні, як підтверджено цитатою вище, визнавав навіть В. Ленін.

По-дев'яте, яку б ідеологію не сповідували українські повстанські отамани, одним з найважливіших імперативів їхньої діяльності був захист рідної території та земляків від чужоземних інтервентів – австрійців, німців, росіян.

По-десяте, критиками отаманщини зазвичай виступали і виступають поборники «твердої руки», ультрадержавники, прихильники диктатури як моделі керування суспільством, які у принципі не помічають у цьому явищі жодних ознак демократичності.

Хоча радянська пропаганда переважно висміювала повстанський рух і повстанських отаманів, насправді комуністичний режим не сприймав українське повстанство легковажно. І під час революції 1917–1921 рр., і після її завершення силові органи режиму доволі жорстоко і системно боролися як із самим повстанством, так і з пам'яттю про нього. Комуністи чудово усвідомлювали, що під час революції їм чинила опір найбільш свідома й активна частина українства, знищивши яку, можна було спробувати переписати генетичний код нації. Події останніх восьми років, утім, свідчать, що українська нація, зазнавши упродовж XX ст. страшних втрат, усе ж зберегла гени бунтарів і повстанців, борців і визволителів. І це дає змогу дивитись у майбутнє українців загалом упевнено.

Бібліографічні посилання:

1. *Архірейський Д.В.* «Аграрна революція» першої чверті XX ст. в Україні: до проблеми визначення терміну. Проблеми політичної історії України: зб. наук. пр. / редкол.: О. Б. Шляхов (відп. ред.) [та ін.]. Д.: Грані, 2017. Вип. 12. С. 166–175.
2. *Архірейський Д.В.* До питання про ставлення більшовицької влади до сільської інтелігенції України на початку 20-х років. Питання аграрної історії України та Росії (XVIII–XX ст.). Матеріали третіх наук. читань, присвячених пам'яті Д.П. Пойди. Дніпропетровськ, 1999. С. 170–173.
3. *Архірейський Д.В.* Елементи селянського самоврядування в умовах переходу до непу (за матеріалами Катеринославської губернії). Питання аграрної історії та Росії. Матеріали других наук. читань, присвячених пам'яті Д.П. Пойди. Дніпропетровськ, 1997. С. 126–132.
4. *Архірейський Д.В.* Отамани революції. Щодо визначення сутності української отаманщини доби революції 1917–1921 рр. (на основі критики однойменної книги Ю. Митрофаненка). Придніпров'я: історико-краєзнавчі дослідження: зб. наук. пр. Дніпропетровськ: Ліра, 2016. Вип. 14. С. 115–125.
5. *Архірейський Д.В.* Поняття «отаманщина» у контексті досліджень Української революції 1917–1921 рр. Питання аграрної історії України та Росії. Матеріали четвертих наук. читань, присвячених пам'яті Д.П. Пойди. Дніпропетровськ: ДДУ, 2002. С. 140–145.
6. *Архірейський Д.В., Малиновський Б.В.* Запорозька Січ і махновщина: пошук аналогій (типологічна подібність чи генетичний зв'язок?). Запорозьке козацтво в пам'ятках історії та культури. Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. Запоріжжя, 1997. Т. 2. С. 197–202.

7. *Бабич Б.* Суспільство, яке змогло одягнути, нагодувати і озброїти армію – є небезпечним для влади. Вебсайт UAINFO. URL: http://uainfo.org/blognews/461128-susplstvo-yake-zmoglo-odyagnuti-nagoduvati-ozbroyiti-armyu-ye-nebezpechnim-dlya-vladi.html (Дата звернення: 21.03.2021).
8. *Винниченко В.* Из истории украинской революции. Революция на Украине по мемуарам белых. Київ, 1990. С. 277–358.
9. *Вольф Е.Р.* Крестьянские восстания. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Москва, 1992. С. 294–304.
10. Героїзм і трагедія Холодного Яру. Збір. матеріалів і спогадів. Київ: Поліфаст, 1996. 316 с.
11. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Мінськ: Харвест, 2002. 560 с.
12. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Мінськ: Харвест, 2002. 464 с.
13. *Ивженко Т.* Порошенко испугался махновщины. Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/cis/2015-04-07/1_poroshenko.html (Дата звернення: 19.03.2021).
14. *Коваль Р.* Повернення отаманів Гайдамацького краю. Київ: Діокор, 2001. 288 с.
15. Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій і пленумів ЦК: У 2 т. Київ: Політвидав, 1976. Т. 1. 1062 с.
16. *Кульчицький С.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ: Основи, 1996. 396 с.
17. *Кульчицький С.В.* Отаманщина. Енциклопедія історії України: Т. 7: Мі-О / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: В-во «Наукова думка», 2010. 728 с. URL: http://www.history.org.ua/?termin=Otamanschyna (Дата звернення: 20.03.2021).
18. *Ленін В.І.* Про сучасне становище і найближчі завдання Радянської влади. Повне зібрання творів. Київ, 1973. Т. 39. С. 32–33.
19. *Медуниця Ю.* Анархії та отаманщини в Україні не буде. Урядовий кур'єр. URL: http://ukurier.gov.ua/uk/articles/anarhiyi-ta-otamanshini-v-ukrayini-ne-bude/ (Дата звернення: 11.03.2021).
20. *Митрофаненко Ю.С.* Українська отаманщина 1918–1919 років. Вид. 2-ге, випр. і доповн. Кіровоград: Імекс-ЛТД, 2016. 286 с.
21. *Михайлюк О.В.* Про деякі особливості взаємин радянської влади і українського селянства в революційний період (1917 – середина 20-х рр.). Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XIII. Запоріжжя, 2001. С. 102–124.
22. *Москвин Е.* Муниципальная милиция или инфернальная махновщина. Народный корреспондент. URL: http://nk.org.ua/ukraina /munitsipalnaya-militsiya-ili-infer nalnaya-mahnovschina-12558 (Дата звернення: 28.03.2021).
23. Порошенко о событиях в Мукачево: «Этот сценарий Кремля является очевидным». ЦЕНЗОР.НЕТ. URL: http://censor.net.ua/n344031 (Дата звернення 23.03.2021).
24. Прокурор Киева: бороться с «махновщиной» добровольческих батальонов. Українська правда. URL: www.pravda.com.ua/rus/news/2014/11/ 10/7043739/ (Дата звернення: 23.03.2021).
25. Прокурор сообщил о захвате вертолетной площадки Януковича и попросил батальоны прекратить «махновщину». Вебсайт OBOZREVATEL. URL: http://kiyany.obozrevatel.com/money/87530-prokuror-kieva-poprosil-komandirov-dobrovolcheskih-batalonov-prekratit-mahnovschinu.htm (Дата звернення: 23.03.2021).

26. Промова Президента України П.О. Порошенка на 65-му пленарному засіданні Верховної Ради України 16 липня 2015 року. Верховна Рада України: офіційний вебпортал парламенту України. URL: https://www.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/5952.html (Дата звернення: 23.03.2021).

27. *Пузицький А.* Боротьба за доступи до Києва. За Державність. Матеріяли до Історії Війська Українського. Каліш: Українське воєнно-історичне товариство, 1935. Зб. 5. С. 9–61.

28. *Савченко В.А.* Симон Петлюра. Харків: Фолио, 2004. 215 с.

29. *Семененко В.І.* Історія Східної України. Поновлення кайданів (1917–1922). Харків: Основа, 1995. 400 с.

30. *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). Київ: Книга Пам'яті; Просвіта, 1999. 507 с.

31. *Чоп В., Лиман І.* Нащадки запорожців: махновський рух у Північному Приазов'ї (1918–1921 рр.). Мелітополь, 2019. 609 с.

32. *Якунов Е.* Прокуратура против батальонов: лед и пламень. Вебсайт UAINFO. URL: http://uainfo.org/blognews/436347-prokuratura-protiv-batalonov-led-i-plamen.html (Дата звернення: 23.03.2021).

проф. Д.В. Архірейський

ПОВСТАНСЬКИЙ РУХ ПРИДНІПРОВ'Я (1918–1922): ІСТОРИЧНИЙ НАРИС

Для українців, розділених політичними кордонами двох імперій, у складі яких вони перебували, початок новітнього періоду історії видався доволі бурхливим. Ціна участі європейських держав у Великій війні виявилася непомірною, маючи катастрофічні політичні та соціально-економічні наслідки, що, зокрема, призвели й до розпаду імперії Романових та Габсбурзької монархії. Процеси демократизації, що посилилися тоді у багатоетнічних суспільствах згаданих імперій, надали шанс національним меншинам реалізувати право на самовизначення, й українське суспільство поступово набувало політичну суб'єктність, здійснюючи еволюцію політичної свідомості від ідеї автономії до підтримки проєкту суверенної соборної України. Водночас не можна відкидати й те, що така еволюція української політичної свідомості відбувалася в надзвичайних умовах гострої повоєнної кризи, яка охопила всю Європу, в умовах кризи традиційних державницьких уявлень, що не могло не відобразитися на подіях в українських землях. Але й це ще не все: мільйони українців, ще учора цілком лояльних підданих Російської чи Австро-Угорської імперій, дізналися про свою етнічну унікальність тільки у 1917–1918 роках. Відтак, процес національної самоідентифікації українців, проминувши теоретичний етап кабінетних наукових та літературних дискусій, відразу вирвався на практичну площину і проходив у надскладних умовах соціальної революції. Українці у добу національно-визвольних змагань (1917–1921) опинилися наче в штормі серед розбурханих хвиль, що несли їх на небезпечні скелі – політичні колізії, економічні проблеми та соціальні катаклізми, які здатні були поховати амбітні політичні мрії – створення власної держави.

Повстанський рух, що сформувався у 1918 р. був відповіддю народу на національну загрозу, масовою самоорганізацією, учасники якої діяли проти різних окупаційних режимів та реставрації старого ладу, й, водночас, захищали свої права на землю та волю. Командарм Дієвої армії УНР М. Омелянович-Павленко, загалом не схильний до перебільшення значення повстанства в умовах бойових дій, зазначав про високе значення самого цього явища: *«Повстанчий рух – це витвір народної думки та народної волі, це та оружна сила, що отримує мандат від самої людності на проведення в життя чи забезпечення її інтересів»* [37, с. 288]. Повстанство було масовим добровільним військовим рухом, передусім селянства, а також певною мірою, робітництва. Та єдиної політичної програми повстанство не виробило, залишаючи за собою право на вільну зміну політичних або партійних симпатій.

Історіографія повстанського руху величезна й представлена працями як вітчизняних істориків (радянської доби та сучасного періоду), так і закордонних авторів, серед яких особливо відзначилися своїми дослідженнями представники української діаспори. І хоч проблематика Української революції загалом та повстанського руху зокрема давно цікавила істориків, нагромаджено значний фактичний матеріал, виявлено нові документи, проте все ще залишаються напрями нових досліджень. Історія повстанського руху на Катеринославщині була предметом дослідження вчених [4; 6; 31]. Безумовно, стійкий інтерес істориків зосереджено на темі повстанства, об'єднаного навколо харизматичної фігури Нестора Махна. З історії махновщини нині опубліковано чимало документів, як із цен-

тральних архівів України, так і регіональних архівосховищ, зокрема Державних архівів Дніпропетровської й Запорізької областей [5; 35; 36]. Проте, незважаючи на зростаючу зацікавленість дослідників, діяльність українського антибільшовицького повстанства початку 1920-х рр. і досі залишається маловідомою сторінкою вітчизняної історії, особливо у його регіональних вимірах. Радянська історіографія цю тему ігнорувала, а пропаганда, як могла, спотворювала в масовій свідомості образ селянина-повстанця, як маргінала-бандита [30]. Тільки з кінця 1990-х рр. розпочато вивчення цього напрямку повстанства в історико-публіцистичних нарисах [27; 28], дослідженнях істориків [24; 29; 31]. Важливій регіональній роботі з вивчення повстанського руху на початку 1920-х рр. на Криворіжжі присвячено низку робіт О. Мельника [32, 33]. Упродовж останніх кількох років з'явилися дослідження біографій низки повстанських отаманів Придніпров'я: Андрія Левченка [2], Петра Красилі-Самарського [26], братів Іванових [3, 32], Михайла Мелешка [40], Трифона Гладченка [44].

У цьому виданні використано документи, що висвітлюють діяльність повстанців на землях Криворіжжя та Надпоріжжя (Придніпров'є), що за адміністративно-територіальним поділом 1918–1922 рр. входили до складу Катеринославської губернії. Сьогодні ж ці території географічно охоплюють переважну більшість Дніпропетровської області, від її західної частини – Криворіжжя до Посамар'я на сході, від Нікопольщини на півдні до Приорілля на півночі. У 1918–1922 рр. це лісові масиви Верхньодніпровського повіту, Орільські та Самарські ліси Новомосковського й Павлоградського повітів відповідно, з численними селами та хуторами Катеринославського та Криворізького повітів, населення яких активно підтримувало повстанців. Високий рівень активності повстанців спостерігався навіть у приміських селах, таких як Кам'янка, Діївка, Сухачівка (нині у складі м. Дніпро), Веселі Терни (у складі м. Кривий Ріг), Вільні Хутори біля м. Верхньодніпровськ та ін. Звичайно, діяльність повстанських загонів не обмежувалась збройними виступами тільки у своїх населених пунктах, або «своїми» волостями, повітами. Повстанці здійснювали рейди територіями Донецької, Катеринославської, Кременчуцької, Миколаївської, Олександрівської (Запорізької), Полтавської, Харківської, Херсонської губерній.

Зародження повстанського руху Криворіжжя та Надпоріжжя пов'язане із піднесенням Української революції, з утворенням перших загонів Вільного козацтва наприкінці 1917 р., на підґрунті соціалістичної ідеї вільного озброєного народу та неоромантичних, навіяних історичними повістями Адріана Кащенка та Дмитра Яворницького, традицій Війська Запорізького Низового. Вже перші збройні виступи проти червоного режиму навесні 1918 р. виявили як сильні, так і слабкі сторони повстанства, як явища суспільно-політичного життя. Емоційний підйом, дух братерства, масовість, соціальні активність і мобільність – це те, що робило повстанство бажаним і незламним. Водночас повстанство через емоційну зарядженість, відрізнялося складнощами в управлінні, відсутністю і запереченням контролю, своєрідним егалітаризмом, який проростав з архаїки селянського світу. Повстанство, зрештою, перетворювалося на явище «само в собі», що не могли не відчувати його ватажки. Так, катеринославські чекісти зазначали, що, відмовляючись від активної участі у повстанській роботі, Р. Федорченко та Горященко вже у серпні 1920 р. (в момент піднесення повстанського руху) вказували

на те, що збройні виступи проти всіх форм влади – гетьманської, денікінської і радянської, може породити недовіру до повстанства серед широких сільських мас [39, с. 130].

Аналізуючи повстанську боротьбу на території Катеринославської губернії, можна виділити сплески повстанської активності. Перші прояви повстанської самоорганізації спостерігаються вже на початку 1918 р. Так, навесні 1918 р. тривали збройні виступи проти політики радянізації, яка проявлялась переважно у масових реквізиціях під час втечі від наступаючих німецько-австрійських військ. Подібні виступи відбувалися з березня 1918 р. у селах Мар'ївка (Криворіжжя), Богданівка (Павлоградський повіт), Перещепине (Новомосковський повіт), Гуляй-Поле (Олександрівський повіт), с. Городищі (нині – м. Марганець), містах Нікополь, Павлоград, Дебальцеве, Маріуполь. Здебільшого ініціаторами протибільшовицьких повстань виступали місцеві загони українського «Вільного козацтва» та/або контрольовані російськими есерами Союзи воїнів. Адже вже під час першої «радянізації» на Катеринославщині, незважаючи на короткий термін її дії (січень–березень 1918 р.), проявилися загальні проблеми режиму, зумовлені різницею в оцінці одних і тих же політичних подій між мешканцями міст і сіл. На відміну від міст, де захоплення політичного контролю більшовиками та їхніми союзниками супроводжувалися зростанням апатії і розгубленості в їхніх політичних опонентів, селянство активно опирається нав'язаній «радянізації» з її апаратом примусу й відвертого насильства.

Після перших повідомлень про гетьманський переворот розпочинається новий підйом селянської активності, який намагалися очолити ліві есери (як українські, так і російські), більшовики, анархісти. Вже на селянському з'їзді Верхньодніпровського повіту, 7 травня 1918 р., делегати зборів висловилися проти втручання німців у внутрішні справи України, проти арештів міністрів УНР, та за негайне відкриття Установчих зборів. Наступного дня губернський з'їзд Селянської спілки постановив не визнавати владу гетьмана. Отаман Новомосковського коша Вільного козацтва Ф. Сторубель закликав: *«Годі воювати резолюціями, пора організовуватися. До зброї, всі умремо, а руйнувати волі не дамо»* [41, с. 16]. У травні 1918 р. у Верхньодніпровському, Новомосковському, Павлоградському повітах Катеринославщини відбувалися збройні сутички вільних козаків із загонами австрійського війська та співробітниками Державної варти Української держави. У відповідь, за розпорядженням Міністерства внутрішніх справ Української держави, відбувається роззброєння Вільного козацтва. Влітку 1918 р. були заарештовані активісти українського освітнього, політичного та військового рухів Катеринославщини: отамани Вільного козацтва брати Горобці, В. Самійленко, А. Грузінцев, П. Рибчинський та ін. Тож не дивно, що за першої нагоди восени 1918 р. повстанський рух проти режиму Української держави гетьмана П. Скоропадського поширився по всій території Катеринославської губернії.

На цьому етапі (жовтень 1918 р. – січень 1919 р.) масовий повстанський рух проходить етап свого становлення. У цей період триває помітне розмежування повстанських організацій за політичною ідеологією: проукраїнський (під гаслами Української Народної Республіки, а за термінологією противників як з білого, так і з червоного таборів – «петлюрівський»), анархічно-махновський, лівоесерівський (соціалістичний), червоний (прокомуністичний).

Будь-який суспільний рух об'єднується на певній ідеологічній платформі, має певне ідеологічне забарвлення. В Україні воно мало два відтінки і досить чітко локалізувалося географічно. На Півдні та частині Лівобережжя діяли загони, об'єднані навколо анархокомуністичних ідей, носієм яких виступав «батько» Н. Махно. На решті території боролися повстанські загони, об'єднані національними гаслами. Тут провідниками виступали ліві есери, які були ближчі до селянства [31, с. 186]. У січні 1920 р. Катеринославський губком КП(б)У доповідав у ЦК: *«Катеринославська губернія має два види повстанських настроїв: 1) махновські в областях Олександрівська, Нікополя, 2) петлюрівські – у Катеринославському, Криворізькому, Верхньодніпровському і Кам'янському та змішані у Новомосковському повіті»* [13, арк. 1, 2].

Список українських повстанських отаманів, командирів, підпільників, які діяли у 1918–1922 рр. на Придніпров'ї, вже нараховує десятки прізвищ і постійно поповнюється (див. Додаток).

Звичним явищем були «хитання» українських повстанців від петлюрівщини до махновщини (отамани М. Брова, брати Іванови, Т. Гладченко та ін.), що швидше свідчить не про близькість суспільно-політичних поглядів повстанських течій, але про другорядність (на даному етапі) ідеологічних догм для рядових повстанців, корисливість лідерів, які бачили у зміні ідеології та політичних переконань військову доцільність, тактичну перевагу, практичний розрахунок. Відтак учорашній червоноармієць сьогодні міг стати махновцем, а завтра – петлюрівцем. Водночас, важливим процесом повстанського руху була трансформація повстанства від соціальних, часто демагогічних гасел (сумно відома «отаманія») у напрямку національному. Поступово повстанський рух набував національного змісту й перетворювався на український визвольний рух із власною політичною програмою.

У травні–червні 1919 р. відбулася нова хвиля повстанського руху, спрямована проти більшовицької політики «військового комунізму». Тогочасна повстанська активність була пов'язана з виступом отамана Никифора Григор'єва й помітно поширилася на правобережні повіти Катеринославщини. Хоч саме повстання Григор'єва червоним удалося придушити, воно дало поштовх до розгортання повстанського руху на Катеринославщині. Відлунням цих подій стало й збройне постання у м. Нікополь (8–14 червня 1919 р., т. зв. «Троїцьке повстання»), спільно організоване українськими і російськими лівими есерами. На підтримку бунтівного Нікополя прийшов повстанський загін Олександра Чайківського [41, с. 227–228].

У вересні–грудні 1919 р. тривало масове повстання проти денікінського режиму, яке охопило всю територію Катеринославської губернії. На цьому етапі утворюється широка коаліція повстанських сил, об'єднаних навколо Нестора Махна. Однак зазначимо, що загони частини українських повстанців (наприклад, лівих есерів-боротьбистів) зберегли автономію і діяли цілком самостійно. Відмітимо й еволюцію тактики повстанських загонів. Якщо повстанські виступи у 1918–1919 рр. були проявом локальної ініціативи місцевих громад, то восени 1919 р., під час масового повстанського руху проти білогвардійців, спостерігаються перші кроки до об'єднання окремих повстанських загонів у територіальні полки.

У наступному, 1920 р. повстанські настрої селян зростали під враженням від успішних військових операцій махновців у боях проти червоних на внутрішньому фронті, успіхи українських та польських військ на Західному, та Врангеля на Південному фронтах. Посиленню протестних настроїв сприяли проведення масових мобілізацій, невдоволення населення політикою радянської влади. В Україну прибували партійні та радянські працівники з російських губерній, які вже мали дворічний досвід ведення радянської роботи в умовах «військового комунізму». На територіях, зайнятих червоними, упроваджувалася політика «військового комунізму», яка супроводжувалася постійними мобілізаціями та реквізиціями, відновлювався «червоний терор». Основою «радянського будівництва» на селі було так зване соціальне «розшарування» селянської громади: виділення «куркулів» – ворогів нової влади, та «незаможників» – її союзників. Ці категорії населення передусім визначалися за політичними, а не за економічними чинниками.

Цей процес супроводжувався з'їздами повстанських отаманів, на яких приймалися рішення про організацію, методи та форми боротьби, затверджувалися отамани повстанських загонів та визначалися території їхньої дії. Так, колишній повстанець і майбутній український радянський письменник Григорій Епік вказував, що Ілля Черненко був призначений отаманом Новомосковського повстанського коша на з'їзді, який відбувався у Херсонській губернії [10, арк. 64]. Ймовірно, на цьому з'їзді були вирішені й інші кадрові питання, зокрема призначення отамана Карпенка командиром Катеринославського повстанського коша, а К. Пестушка (Степового) – командиром Херсонської (Степової) повстанської дивізії. Чекістам, оперативні зведення яких є основним джерелом інформації про повстанство 1920–1922 рр., не вдалося установити ані точні місця проведення таких зборів, ані рішень, затверджених повстанськими з'їздами.

На літо–осінь 1920 р. припадає найвищий розмах повстанського руху. Безпосередній вплив на посилення селянського антибільшовицького руху мала оголошена в цей період мобілізація до Червоної армії. У відповідь на неї почалося масове дезертирство. Цілі села і волості ігнорували накази про мобілізацію, а якщо були спроби провести її насильно, селяни йшли у «повстанство». За даними Катеринославської губернської комісії по боротьбі з дезертирством, упродовж липня–грудня 1920 р. по губернії було зареєстровано 39 572 дезертири [21, арк. 14].

Влітку 1920 р., у збройному протистоянні з червоними частинами проявилася й зміна тактики повстанських загонів – від стихійно організованих сільських загонів, які діяли на свій страх та розсуд, повстанці переходять до рейдів чисельними загонами, вступають у бій із частинами регулярних військ, швидко відновлюються після «розгромів» і «знищень», про які радісно рапортують комуністичні пропагандисти. Упродовж червня–липня 1920 р. формуються великі повстанські загони отаманів Ф. Матвієнка у Новомосковському повіті, С. Клепача та К. Пестушка (Степового) – на Криворіжжі, Р. Федорченка – у Катеринославському повіті. У липні–серпні до них приєднуються отамани М. Брова, Живодерів (Живодер), І. Підгорний-Полин, Красиль-Самарський, О. Пасічний та ін. Крім того, на території Катеринославської губернії діяли постійні та рейдові групи і загони махновців, переважно у Павлоградському та Новомосковському повітах. У липні 1920 р. губком КП(б)У повідомляв: *«Каменський район Катеринославського по-*

віту «Волості петлюрівського настрою...»; Новомосковський повіт «відрізняється бандитськими настроями, особливо у північній частині»; Криворізький повіт *«вважався найкращим за умовами роботи, хоча партійний апарат налагоджений слабо... Днями розкрита крупна контрреволюційна змова, яка охопила більшість волостей. Ватажок – якийсь Кле[п]ач, – петлюрівський отаман. Змова мала зв'язок навіть у самому виконкомі...»* [11, арк. 3–4]. Навіть Н. Махно демонструє зміну свого ставлення до українських гасел. Так, під час українсько-польського наступу ще у травні 1920 р. чекістські інформатори з Олександрівського повіту повідомляли: *«Махно на мітингах називає себе не «батько», а „сином України" і братом козака. До наступу Петлюри відноситься співчутливо»* [42, арк. 25].

Восени 1920 р. відбуваються зміни в розміщенні повстанських загонів на Катеринославщині. Насиченість регіону частинами РСЧА, які перекидали з польського на Південний фронт, змушували повстанців відходити на неконтрольовані червоними території. В боях загинули авторитетні отамани Карпенко, Красиля-Самарський. Відтак, новий отаман Катеринославського повстанського коша Р. Федорченко був змушений вивести свій загін на лівий берег Дніпра, на територію, зайняту врангелівськими військами. На Лівобережжя відводять свої загони отамани Живодерів (Живодер) і Брова, де об'єднуються з махновцями. У північному напрямку, на Чорний Ліс спрямував свою «Степову дивізію» К. Пестушко (Степовий).

В організації повстанських загонів простежується локальний, місцевий характер, однак у своїй діяльності повстанці не обмежувалися тільки рідними місцями. «Степова дивізія» К. Пестушка (Степового), об'єднавши повстанські загони Криворіжжя та Херсонщини, здійснила похід Олександрійським повітом. Загін М. Брови рейдував у Харківській та Полтавській губерніях, отаман Ф. Матвієнко діяв на території Катеринославської та Полтавської губерній, загін братів Іванових (Криворіжжя) здійснював рейди територією Катеринославської, Миколаївської та Херсонської губерній.

Упродовж літа–осені 1920 р. зусиллями місцевих повстанкомів були організовані збройні виступи місцевих жителів низки сіл Придніпров'я. Так, 2 жовтня 1920 р. у містечку Царичанка Кобеляцького повіту Полтавської губернії розпочалося підготовлене повстання, очолюване Красилем-Самарським, у якому взяли участь місцеві мешканці, включаючи жінок і дітей. Більшість повстанців через брак зброї були озброєні вилами, граблями, косами та іншим «землеробським реманентом» [9, арк. 15]. У планах повстанців, як свідчать документи, був штурм Новомосковська. У постійній загрозі перебували червоні у Павлограді, Лозовій, Нікополі, Кривому Розі, Кам'янському та інших населених пунктах.

Повстанство постійно вдосконалювало тактику боротьби. У 1920 р. частими, зокрема й на Придніпров'ї, були напади і бойові зіткнення з військовими частинами РСЧА, каральними загонами ВНУС та ін. У 1921 р. основними ворогами повстанців стали представники органів влади на місцях: продагенти, органи радянської влади на місцях, працівники каральних органів та міліції. Тільки у червні 1921 р. у Криворізькому повіті загинуло близько 30 міліціонерів, у Павлоградському – 9, у Новомосковському повіті повстанці знищили 20 міліціонерів разом із начальником 6-го району [43, арк. 11]. З серпня 1921 р., після низки вдалих операцій ВУНК, повстанці переходять до нової тактики, яка характеризувалася відмовою отаманів від оперування великими загонами: *«швидкі та рухомі, мало чисельні загони без обозів і переважно кінні, неочікувані нальоти, ухилення від зіткнень з нашими загонами. Дрібні шайки, часто однієї і тієї ж банди, розсіяні повсюди...»* [43, арк. 18]. Тільки за жовтень на території Кременчуцької губернії дрібні загони повстанців здійснили понад 27 нападів на органи влади, продзагони, міліцію. За даними ВУНК, за місяць було вбито 23 радянські працівники, 47 міліціонерів, 19 червоноармійців [43, арк. 153]. Присутність таких загонів руйнувала всі зусилля комуністів щодо радянізації села, посилювала повстанські настрої селянства.

Питанням життя і смерті для комуністичного керівництва була продовольча проблема, яка розв'язувалась здебільшого шляхом вилучення хліба у селян за продрозкладкою. В умовах масового збройного опору селянства восени 1920 р. проведення продрозкладки на Катеринославщині було зірвано: із запланованих 7 млн 700 тис. пудів хліба по губернії упродовж вересня – грудня 1920 р. було зібрано лише 1 млн 747 пудів (22,6 %). У Криворізькому повіті вдалося зібрати 46,3 % від запланованого, у Верхньодніпровському – 31,0 %, у Катеринославському – 26,6 %, а у Павлоградському та Новомосковському повітах лише по 13,5 %. Загалом по губернії на грудень 1920 р. було зібрано від запланованого 16,7 % фуражу, 22,2 % рогатої худоби та ін. [7, арк. 50].

Практичним виконанням цих та інших урядових акцій на селі займалися різноманітні надзвичайні органи радянської влади: воєнні наради, польові штаби, надзвичайні трійки, продовольчі загони, комітети незаможних селян, уповноважені ЧК та розгалужена мережа «сексотів». Непрості стосунки з селом змушували режим покладатися на карально-репресивні засоби спілкування. Та будь-які урядові компанії на селі не мали сенсу, доки існував збройних рух опору. Звіти партійних органів, чекістські зведення кінця 1920 – початку 1921 рр. фіксують чисельні відмови та ухиляння членів партії від мобілізації для роботи у сільській місцевості. Проведена у січні 1921 р. мобілізація працівників для проведення продроботи засвідчила: мобілізовані комуністи за будь-яку ціну намагалися уникнути направлення в сільську місцевість. Навіть серед робітництва кількість таких, хто не з'явився за викликом, становила 10 % [43, арк. 2]. Свідченням слабкості червоних у сільській місцевості виступають оперативні зведення каральних органів. Із відібраних для збірника документів випливає, наскільки непевно почували себе представники «народної» влади у сільській місцевості, якими неповними були інформаційні зведення чекістів. Великі повстанські загони, сотні озброєних людей несподівано виринали у різних місцях і так само зникали у невизначених напрямках.

За спостереженнями чекістів, у 1921 р. протирадянські та «петлюрівські» настрої сільської інтелігенції і селян, поряд з махновськими, помічалися у більшості повітів губернії. Із 34 волостей Криворізького повіту тільки у 13 спостерігалося задовільне ставлення до заходів радянської влади [15, арк. 6–7]. З 19 волостей Катеринославського повіту тільки у 5 настрої селянства відповідали очікуванням комуністів [8, арк. 23–26]. Із 34 волостей Павлоградського повіту, у 6 настрої населення відмічалися, як ворожі, в інших – посередні та байдужі [22, арк. 31–31 зв.].

Що змушувало селян іти до лав повстанців? Очевидно, що об'єктивні висновки можна робити тільки на основі скрупульозних досліджень. Основна вікова група повстанців – молоді люди до 25 років. Наведена інформація про майновий стан спростовує тезу радянської історіографії про «куркульський» характер повстанського руху. Так, із 223 повстанців, амністованих упродовж травня–серпня 1921 р. у Павлоградському повіті, тільки 10 % мали земельну власність і вели власне господарство. Переважна більшість повстанців були червоноармійцями, деякі з них – від 1918 р. [19, арк. 60–60 зв., 68–75]. Аналіз рушійної сили збройного опору потребує, звісно, також окремих ґрунтовних досліджень, але вже тепер можна впевнено стверджувати, що його основу складало переважно селянство з певними домішками сільської інтелігенції та люмпену. Важливою особливістю повстанського руху Придніпров'я є активна участь у повстанстві робітників передмістя промислових центрів.

Серед причин масовості повстанства визначаються: ухилення від мобілізацій, роздратування від заходів продрозкладки та «самозабезпечення» червоних частин; частково – національна політика комуністів зразка 1919–1920 рр. Окрім цих загальних пунктів, багато значили людські зв'язки: родинні, сусідські і колективістські стосунки, а також корисливі мотиви «поживитися» й, зрештою, поширене серед молоді бажання «показати чортів Радвладі» [1, арк. 10.].

Зміни радянської політики у 1921 р. позначилися і на активності повстанських дій. Відмова від тотальних мобілізацій та політики реквізицій, оголошення свободи економічної і господарської активності, проголошення амністії учасникам антирадянських виступів зменшили протестні настрої населення. Голод, перші ознаки якого почали проявлятися з літа 1921 р., також вплинув на активність повстанців. Складність постачання для великих повстанських загонів, утримання яких перекладалося на плечі селян, посилювали роздратування останніх, на що із задоволенням вказували партійні та чекістські органи. Завершення військових дій на фронтах (польському, врангелівському) вивільнило особовий склад і технічні засоби Червоної армії для використання їх на внутрішньому фронті. Часткова демобілізація Червоної армії, розпочата з лютого 1921 р., надавала радянським організаціям кадровий резерв для оновлення складу міліції, формування загонів із числа комнезаможів для боротьби з повстанцями. Своєю чергою, оголошена V Всеукраїнським з'їздом Рад амністія повстанцям дозволяла чекістам розширити свої можливості для створення мережі інформаторів (сексотів), агентів впливу, створювати спеціальні загони для проведення терористичних актів проти найбільш авторитетних отаманів та противників влади.

Комбінуючи репресивну політику із заохоченням для тих, хто поривав із повстанським минулим, комуністам вдалося до кінця 1921 р., якщо не вирішити повстанську проблему загалом, то принаймні значно зменшити її вплив. Розкриття мережі підпільних організацій, об'єднаних навколо ЦУПКОМу, підривало організаційні можливості українського повстанського руху в губернії. Після прориву загону Нестора Махна (серпень 1921 р.) за кордон згасає махновське повстанство. Проте чекісти не переоцінювали свої успіхи у боротьбі із повстанцями. У вересні 1921 р. Постійна військова нарада при РНК УСРР констатувала, що у багатьох випадках отамани та рядові повстанці розглядають амністію як можливість отримувати інформацію та проводити контрреволюційну роботу. Так діяли отаман

Орлик у Київській губернії, отаман Іванов на Криворіжжі, отаман Погорєлов у Полтавській губернії, отамани повстанкому Холодного Яру, які продовжили агітацію проти радянської влади, та ін. [43, арк. 17]. Стрімкий і бурхливий підйом повстанського руху восени 1921 р. в районі Чорного лісу, пов'язаний із перебігом Другого зимового походу, засвідчив, що протирадянські настрої досить широко поширені серед населення.

Тільки у 1922 р., після низки поразок та провалів підпільних повстанських організацій, збройна боротьба на Катеринославщині, як і в цілому по Україні, пішла на спад. Це було пов'язано зі зміною політики більшовиків стасовно до селянства, а саме – введенням єдиного продовольчого податку, дозвіл вільної реалізації частини врожаю. Послаблення тиску на селянство в економічній сфері більшовики комбінували з жорстоким придушенням будь-якого спротиву. Врешті-решт, на спад повстанської боротьби вплинуло і те, що у 1921–1922 рр. унаслідок вдалих спецоперацій чекістам удалося розкрити мережу повстанкомів, об'єднаних навколо ЦУПКОМу, проникнути в керівне середовище повстанським рухом у УСРР та на закордонні, ліквідувати підпільну організацію Холодного яру. Внаслідок цих та інших заходів організований опір селянства у формі повстанського руху поступово припиняється. Рішучі заходи влади, складні економічні умови дали змогу владі констатувати перемогу над повстанським рухом на Придніпров'ї. За даними Губернської військової наради, на 1 грудня 1921 р. на території Катеринославщини діяло 5–6 політбанд загальною чисельністю 90 чоловік [16, арк. 50]. Ліквідація загону Іванова в грудні 1921 р., розкриття законспірованої організаційної структури повстанців Криворіжжя дозволяли керівництву Катеринославщини вважати повстанство переможеним. Загальну чисельність повстанців-івановців у січні 1922 р. чекісти обраховували всього 12 чоловік. Відтак, уже з 1922 р. партійні та радянські органи Катеринославщини в наголошували, що політичного (махновського або «петлюрівського») бандитизму в губернії немає. Винятком було Криворіжжя, де зв'язок із повстанськими організаціями Чорного Лісу не переривався увесь час, незважаючи на посилену «чистку» сіл від «бандитського елементу».

Новим стимулом для піднесення руху став голод, що неодноразово зазначалося радянськими організаціями. Повстанські «петлюрівські» організації на Катеринославщині помічено у Нікопольському повіті, на Криворіжжі, у Верхньодніпровському повіті. Так, за рішеннями Надзвичайної Трійки по Криворізькому повіту з 10 грудня 1922 р. по 25 січня 1923 р. тільки у трьох волостях були заарештовані 130 осіб, з них – засуджено до розстрілу 81. Крім того, була розкрита «петлюрівська» організація, за причетність до якої були заарештовані 128 осіб, об'єднаних у т. зв. справу «140» [17, арк. 2–3] – одну із перших масових справ проти колишніх повстанців-українців після остаточного становлення радянського режиму або «із завершенням громадянської війни», як цей період трактувався в радянській історіографії. У травні–червні 1923 р. у Катеринославі відбувся відкритий судовий процес по справі «140». 25 командирів та повстанських активістів були засуджені до розстрілу [25, 2 червня].

У 1921–1923 рр. після низки успішних дій працівників радянських органів держбезпеки у боротьбі з повстанцями, залученням до цієї боротьби частин РСЧА, пом'якшенням економічної та внутрішньої політики, відбувається по-

ступове згасання активності повстанства на тлі застосування широкої амністії щодо рядового складу за збереження жорсткої політики, включно до актів індивідуального терору проти повстанських командирів чи активістів-організаторів повстанства. Розкриття і ліквідація мережі ЦУПКОМу у Києві, Катеринославської губернії, мережі повстанкомів у Холодному Яру, Криворізькому та Новомосковському повітах, загибель та арешти популярних повстанських отаманів упродовж 1921–1922 рр. підірвало можливості для подальшої боротьби. У 1923 р. чекістські зведення фіксують окремі виступи повстанців у районі Чорного Лісу (Олександрійський повіт) та у Мелітопольському повіті.

Завершення масового повстанського руху дало змогу органам влади зосередитися на проблемі роззброєння населення. «Викачка зброї» – таким терміном позначали адміністративно-каральні заходи з вилучення озброєння у місцевого населення. На справжні масштаби повстанства на Катеринославщині можуть указувати й наведені у офіційних звітах дані про кількість відібраної у населення зброї. Тільки упродовж одного місяця у 1923 р. по Катеринославській губернії було вилучено 8 кулеметів, 3764 гвинтівки, 1139 обрізів, 958 револьверів та ін. [18, арк. 9].

Дотепер залишається відкритим питання про втрати, які понесли як повстанці, так і їхні противники, унаслідок бойових дій упродовж 1918–1922 рр. У фондах Державного архіву Дніпропетровської області знайти звіти про людські та матеріальні втрати в Катеринославській губернії, або в межах якоїсь адміністративно-територіальної одиниці, не вдалося. Були встановлені дані радянських втрат тільки у Нікопольському повіті за матеріалами повітового відділу управління: упродовж 1918–1921 рр. на Нікопольщині загинуло міліціонерів 154, продпрацівників – 33, радянських працівників – 78, мирного населення (сюди включені і члени комнезаможів) – 850 осіб [12, арк. 14–14 зв.]. За даними, які наводить О. Мельник про втрати радянських органів на Криворіжжі за 1919–1921 рр.: вбито 5 уповноважених губернських органів влади, 23 уповноважених від повітового виконкому і повітового парткому, 82 члени КСМУ, 9 начальників райвідділів міліції, 80 міліціонерів, 300 членів КНС та сільських активістів [33, с. 59]. Однак до цих обрахунків, зроблених місцевими виконкомами, не занесено втрати чекістів та Червоної армії. Поки що мовчать радянські джерела й про втрати повстанців та осіб, які у різних формах надавали підтримку повстанцям. Їхню чисельність важко відслідкувати, оскільки репресії проти активних повстанців та членів їхніх родин продовжувалися упродовж 1920–1930-х рр.

У відповідь на масовість повстанського руху червоне командування широко застосовувало у боротьбі із повстанськими загонами сили РСЧА, використовуючи усі види важкого озброєння, таких як бронепотяги, броньовані катери Дніпровської флотилії, авіацію. Практика артилерійського обстрілу населених пунктів, запідозрених у підтримці «бандитів», була звичайним явищем для всіх територій. Наприклад, 29 березня 1921 р. артобстрілу з бронепотягу було піддано с. Надеждіне у Лозівському районі. За дві години обстрілу артилерія випустила понад 200 снарядів шрапнелі та гранат [20, арк. 10–11]. Не в змозі зламати повстанський опір, червоне командування всерйоз розглядало можливості повного знищення бунтівних населених пунктів. У липні 1920 р. начальник тилу по Новомосковському повіту пропонував спалити с. Василівку і ще низку сіл, аби «*тим самим змусити їх відчути, що Радянська влада міцна*...» [8, арк. 278 зв.].

Надзвичайні заходи, крайня жорстокість у боротьбі з повстанством, широке використання армійських загонів не допомогли викорінити збройний опір радянізації. Використання армійських загонів у боротьбі з селянством навіть загрожувало переходом таких військових сил до повстанства. У лютому 1921 р. такий перехід здійснила частина червоноармійців 1-ї кавалерійської бригади 4-ї кавалерійської дивізії 1-ї Кінної армії на чолі із легендарним комбригом Григорієм Маслаковим.

Отже, до 1923 р. масовий організований повстанський рух на території Катеринославської губернії припиняється. Переважна частина селянства вимушена була прийняти радянську систему аграрної політики значною мірою через втому від тривалого збройного опору та прагнення до мирного життя. Водночас вважаємо, що загальноприйнята фраза про «поразку Української революції» не повною мірою розкриває зміст подій поч. 1920-х рр. Відхід Дієвої армії за Збруч, поразка Другого зимового походу – ці військові поразки українського війська були свідченням кризи декількох національних політичних проєктів, але не поразки революції загалом. Головним результатом Української революції стало утвердження в центрі Європи українського народу на визначеній історичній Батьківщині. Жоден політичний режим після 1919 р. вже не наважувався ставити під сумнів існування українського народу як чинника політичного життя. Основними здобутками повстанства початку 1920-х рр. стали збереження української ідентичності та помітне пом'якшення політичного та економічного режиму, як компромісу між директивною системою управління економікою та її ринковими методами.

Бібліографічні посилання:

1. Архівний підрозділ УСБУ в Дніпропетровській обл. Ф. 5. Спр. П-23259.
2. *Архірейський Д.В.* Отамани громадянської війни. Андрій Левченко. Грані. 1999. № 2 (4). С. 48–54.
3. *Архірейський Д.В.* Отамани громадянської війни. Федір та Григорій Іванови. Грані. 2005. № 4 (42). С. 15–21. № 6 (44). С. 15–22.
4. *Архірейський Д.В., Ченцов В.В.* Влада і селянство в Україні у 20-ті рр. З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1999. № 1/2. С. 87–127.
5. *Верстюк В.Ф.* Махновщина: селянський повстанський рух на Україні (1918–1921). Київ: Наук. думка, 1992. 368 с.
6. *Демартино А.П.* Повстанський рух в Середньому Подніпров'ї України (1918 – середина 1920-х рр.): Дис... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ: Нац. пед. ун-т ім. М. Драгоманова, 2015. 220 с. Доступно: https://shron1.chtyvo.org.ua/DemartynoAndrii /PovstanskyirukhvSerednomuPodniproviUkrainy1920-tiroky.pdf (Дата звернення: 05.05. 2021)
7. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 146.
8. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 212.
9. Державний архів Дніпропетровської області.Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382.
10. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 278.
11. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6.
12. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 619.
13. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 7.
14. Державний архів Дніпропетровської області. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 872.

15. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3225. Оп. 1. Спр. 10.
16. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3225. Оп. 1. Спр. 2.
17. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3225. Оп. 1. Спр. 85.
18. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3373. Оп. 1. Спр. 2.
19. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3374. Оп. 1. Спр. 27.
20. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3379. Оп.1 дод. Спр. 11.
21. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3649. Оп.1. Спр. 3.
22. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-64. Оп. 1. Спр. 2.
23. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-67. Оп. 1. Спр. 2.
24. *Жуковський М.П., Анцишкін І.В., Зайцев С.І.* Троїцьке народне постання в м. Нікополь у червні 1919 року. Доступно: https://nikopolmuseum-1919.jimdofree.com/історія/троїцьке-повстання-1919-року/ (Дата звернення: 21.04. 2021)
25. Звезда: Орган Екатеринославского губкома КП(б)У, губисполкома, губпрофсовета, Дорпротсожа ЕКЖД, райкома союза металлистов. Екатеринослав, 1923.
26. *Карпенко Р.* Отаман Петро Самарський-«Красиля». Бористен. 2021. № 1. С. 23–27.
27. *Коваль Р.* Отамани Гайдамацького краю: 33 біографії. Київ: Правда Ярославичів, 1998. 203 с.
28. *Коваль Р.М.* Повернення отаманів Гайдамацького краю. Київ: Діокор, 2001. 288 с.
29. *Ковальова Н.А.* З історії селянського повстанського руху на Катеринославщині у 1921 р. Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя: Просвіта, 2004. Випуск XVII. С. 112–117.
30. *Козельський Б.* Шлях зрадництва й авантур (петлюрівське повстанство). Харків: Держ. вид-во України, 1927. 148 с.
31. *Котляр Ю.* Регіональні аспекти повстанського руху селян 20-х рр. XX ст. Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. 2005. № 13. С. 183–201. Доступно: http://resource.history.org.ua/publ/pro_2005_13_183 (Дата звернення: 05.05. 2021).
32. *Мельник О.О.* Антибільшовицький рух опору на Криворіжжі (1919–1923). Кривий Ріг: Вид.: Р.А. Козлов, 2018. 295 с.
33. *Мельник О.О.* Справа криворізьких «боротьбистів». Січеславщина: Краєзнавчий альманах. Вип. 9. Дніпро: ДОУНБ, 2020. С. 48–63.
34. *Мєшков Д., Архірейський Д.* Сини ображених батьків. Константи. 1999. № 2. Доступно: http://mycity.kherson.ua/journal/konstanty11/syny-bat.html (Дата звернення: 27.04.2021)
35. Н. Махно и махновское движение / сост. Г.А. Борисов, Д.Ю. Мешков, М.А. Скок. Днепропетровск: Акционерное о-во «DAES», 1993. 78 с.
36. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 1000 с.
37. *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920): Документально-художнє видання / упоряд.: М. Ковальчук. Київ: Темпора, 2007. 608 с.
38. Отчет Екатеринославского губэкономсовещания Совету Труда и Обороны и Украинскому экономсовещанию. За период июль-сентябрь 1921 (по наказу СТО). Екатеринослав, 1921. 112 с.
39. Отчет Екатеринославской губернской чрезвычайной комиссии с 1 января 1920 г. по 1 ноября 1921 г. Дніпропетровськ: ВПОП «Дніпро», 1994. 234 с.
40. *Пахоменков Ю.Г.* Останній бій отамана Мелашка. Напад повстанців на Верхньодніпровськ (березень 1920 р.). Січеславщина: Краєзнавчий альманах. Вип. 9. Дніпро: ДОУНБ, 2020. С. 29–47.

41. Українська революція 1917–1921 рр. на Придніпров'ї: збірник док. і мат-лів / Державний архів Дніпропетровської обл.; уклад. Ю.Г. Пахоменков, Н.Л. Юзбашева. Дніпро: Ліра, 2016. 372 с.
42. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 77.
43. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 294.
44. *Чепурко О.О.* Архівно-слідча справа Трифона Гладченка як джерело з історії селянського повстанського руху. Проблеми політичної історії України: зб.наук.пр. Дніпро: Грані, 2019. Вип. 14. С. 168–190.

Додаток

ОТАМАНИ ТА КОМАНДИРИ УКРАЇНСЬКИХ ПОВСТАНСЬКИХ ЗАГОНІВ КАТЕРИНОСЛАВЩИНИ (1918–1922 РР.)

Верхньодніпровський повіт

1. Барабаш Яків Прокопович
2. Баський Павло
3. Буц Данило Андрійович
4. Живодьоров (Живодер)
5. Козир
6. Наконечний (Дмитро) Федір Юхимович
7. Палагута Никанор Трохимович
8. Петренко Василь Іванович
9. Руденко А.А. (ініц. рос.)
10. Підгорний-Полин Іван Михайлович
11. Пухальський Михайло
12. Третяк
13. Чорний (Хмара) Олександр

Катеринославський повіт

1. Бабенко Микола Демидович
2. Богдан Гаврило
3. Брова Михайло
4. Гладченко Трифон Федорович
5. Гребенюк А.
6. Грінченко
7. Грищенко
8. Горобець (Воробйов) Гаврило Юхимович

9. Горобець (Воробйов) Микола Юхимович
10. Горященко
11. Гулий
12. Діковський Харитон Омелянович
13. Зірка Андрій
14. Ільченко Юхим Трофимович
15. Канівець
16. Карпенко
17. Коваленко
18. Левін Микола Павлович
19. Литвиненко
20. Луначенко (Луна) Нестор Григорович
21. Мелашко Михайло Васильович
22. Нікопенко Іван Трофимович
23. Пісчан
24. Рудь-Волга Іван Никифорович
25. Семесенко
26. Сміюха
27. Федорченко Родіон Якович
28. Чумаченко Михайло

Криворізький повіт

1. Баранюк Омелян Тимофійович
2. Бондаренко Степан Пилипович
3. Бас Яків Петрович
4. Гнієнко (Вовгура) Григорій Кіндратович
5. Главкун Петро
6. Гладушко
7. Діденко Аврам Сильвестрович
8. Дмитрощенко Георгій Васильович
9. Іванов Григорій
10. Іванов Федір Трохимович
11. Клепач Іван Титович
12. Клепач Сергій Титович
13. Малолітко Захарій Федорович
14. Медвєдєв (Наливайко)
15. Мірошниченко Юхим Мойсейович
16. Нога Никифір Федорович
17. Перепада Терентій Андрійович
18. Пестушко (Степовий) Костянтин Георгійович
19. Свищ Архип
20. Скляр (Шкляр) Василій
21. Іванов (Тишанін) Ілля
22. Ткаченко Федір Федорович

23. Черевик (Лютий) Єлисей Степанович
24. Чирва
25. Чорновус (Гнібеда) Андрій
26. Шаповал Іван
27 Шмагайло

Нікопольський повіт

1. Куралов
2. Микитенко-Огник Олександр Ксенофонтович
3. Сварич Єфим Степанович

Новомосковський повіт

1. Бондаренко Іван Омелянович
2. Велігура Федір Григорович
3. Гаркавенко
4. Загреба
5. Заремба
6. Карабут
7. Керенський
8. Коцур Кирило
9. Красиль-Самарський (Самарський) Петро Трохимович
10. Кривоший
11. Кулеба Порфирій Єгорович
12. Кушпіт Олексій
13. Левенець Опанас Микитович
14. Матвієнко Федір Гаврилович
15. Пасічний Омелян Петрович
16. Савченко
17. Сокур Х.
18. Сторубель Григорій Федорович
19. Федорченко Григорій Петрович
20. Хмеленко Пилип Трохимович
21. Черненко Ілля Дмитрович
22. Шинкаренко

Олександрівський повіт

1. Горбунов (Горбунь) П.
2. Забутний Павло Іванович
3. Марков Іван (Чорна Хмара)
4. Чайківський Олександр Іванович

Павлоградський повіт

1. Бойко Дорофій (Дорош) Хомич
2. Міхненко Іван

Ю.Г. Пахоменков

АРХЕОГРАФІЧНА ПЕРЕДМОВА

Запропонована публікація покликана ввести до наукового обігу маловідомі або раніше неопубліковані документи та матеріали, що містять інформацію про отаманів, організаторів-активістів та пересічних учасників повстанства 1918–1922 рр., що діяли в межах Катеринославської губернії, зокрема в її придніпровській частині. Основу збірника складають матеріали архівно-слідчих справ, що інформують про колишніх учасників повстанського руху та які були порушені карально-репресивними органами радянської влади в 1920-ті – 1930-ті роки, а саме: у 1920–1921 рр. проти Я.П. Барабаша, Т.Ф. Гладченка, Н.Г. Луначенка, О.П. Пасічного, І.М. Підгорного, у 1928–1932 рр. проти О.М. Левенця, Ф.Я. Макаренка, Р.Я. Федорченка, у 1938 р. проти М.Д. Бабенка.

У деяких випадках розшукати оригінальні справи не вдалося (отамани Д.Х. Бойко, Г.К. Гнієнко, М.В. Мелашко, Ф.Г. Матвієнко). Однак, з огляду на роль цих особистостей у подіях Української революції на Катеринославщині, до збірки документів було вміщено протоколи допитів осіб, причетних до діяльності згаданих повстанських ватажків (док. № 23–26, 51–52, 87–94, 97–100). З метою більш глибокого висвітлення регіональних особливостей повстанського руху у збірнику також вміщено матеріали слідчих справ осіб, причетність яких до українського повстанства була нетривалою (А.Т. Дикий, Г.Д. Епік). Матеріали слідчої справи А.Т. Дикого (док. № 53–55) дають змогу чіткіше уявити настрій української молоді в революційні роки. А документи, надані Г.Д. Епіком під час процедури амністії при Катеринославській ГубНК (квітень–травень 1921 р.) (док. № 56–59), висвітлюють не тільки подробиці його біографії, але й процес виникнення українського повстанського руху у 1919 р., оскільки Г.Д. Епік був організатором повстанського загону с. Кам'янка проти денікінського, а згодом і радянського режимів.

Щодо принципу розміщення джерел у даній публікації. Упорядники виявили та розмістили в даному збірнику документи, що стосуються 15 повстанців різного масштабу – отаманів чи організаторів повстанських загонів, які у період із 1918 до 1922 р., відігравали помітну роль у повстанському русі Катеринославської губернії. За алфавітом розміщено короткі змістовні відомості по кожній із 15 персоналій, а після довідкової інформації по кожному повстанському провіднику згруповані документи та матеріали за хронологією їх створення: М.Д. Бабенко (док. № 1–12), Я.П. Барабаш (док. № 13–22), Д.Х. Бойко (Дорош) (док. № 23–26), Т.Ф. Гладченко (док. № 27–50), Г.К. Гнієнко (Вовгура) (док. № 51–52), А.Т. Дикий (док. № 53–55), Г.Д. Епік (док. № 56–59), О.М. Левенець (док. № 60–70), Н.Г. Луначенко (Луна) (док. № 71–79), Ф.Я. Макаренко (док. № 80–86), Ф.Г. Матвієнко (док. № 87–94), М.В. Мелашко (док. № 95–100), О.П. Пасічний (док. № 101–107), І.М. Підгорний-Полин (док. № 108–113), Р.Я. Федорченко (док. № 114–118).

Опубліковані документи, за винятком передрукованих повідомлень тогочасних ЗМІ (док. № 49, 95, 96), є частиною архівно-слідчих справ учасників повстанського руху. Тож охарактеризуємо вищезазначені документи відповідно до послідовності їх формування у процесі слідства.

Перша група – це документи, які передують попередньому слідству. Тобто до пред'явлення звинувачення та арешту підсудного співробітники органів державної безпеки збирали обвинувальний матеріал, який ставав підставою для арешту

та попереднього слідства над підозрюваним. Документів, які можна віднести до цієї категорії, у збірнику небагато, оскільки вони малоінформативні, порівняно з матеріалами попереднього слідства. Зокрема, у збірнику вміщено документи цієї групи зі слідчих справ Т.Ф. Гладченка (листування керівництва повітової міліції, губміліції та ГубНК, телефонограми, доповідні записки, рапорти) [док. № 27–33], Н.Г. Луначенка (доповідь розвідника) [док. № 71], Ф.Я. Макаренка (протокол допиту свідка) [док. № 80] та О.П. Пасічного (повідомлення командира експедиційного загону, доповіді таємного співробітника) [док. № 101, 103, 104]. Ці документи роз'яснюють причини порушення слідчих справ, виявлення інтересу до керівників повстанських загонів Трифона Гладченка, Нестора Луначенка, Феодосія Макаренка та Омеляна Пасічного відповідних органів радянської влади й навіть містять деталі спецоперацій по затриманню повстанських ватажків.

Друга група – це матеріали попереднього слідства, яке починалося з відкриття провадження справи й завершувалося укладанням слідчим обвинувального вироку за матеріалами слідства. Документи цієї групи у збірнику такі: анкети чи автобіографії підслідних (док. № 1, 13, 54, 72, 108), протоколи допитів обвинувачених або свідків по справі (док. № 2–7, 14–16, 18, 19, 23–26, 38, 39, 45, 46, 51, 52, 53, 55, 60–67, 73–76, 81–83, 87–90, 92–94, 97–100, 109–110, 115, 116), протоколи загальних зборів сільських громад (док. № 34, 36, 37, 41–44, 91), обвинувальні висновки або подібні документи (док. № 8, 20, 47, 68, 69, 77, 84, 105, 111, 117).

Анкети та автобіографії в слідчій справі дають змогу дізнатися або уточнити біографічні відомості: дату й місце народження, національність, освіту, фах, місце роботи та проживання, склад родини, політичні уподобання тощо. Також даний документ дає змогу уточнити дату арешту, місце утримання. Анкету заповнював зі слів підслідного працівник відповідних органів, який мав перевірити інформацію за наявними документами. Автобіографії були написані самими підслідними.

Протоколи допиту містять отримані від допитуваного відомості, які мали значення для слідчої справи. Оригінал протоколу допиту заповнював слідчий та його на кожній сторінці підписував підслідний або свідок. Протоколи загальних зборів сільських громад – це документи, що містять рішення мешканців різних сіл Катеринославського повіту на захист заарештованого Трифона Гладченка та реакцію мешканців с. Перещепиного на затримання заручників представниками радянської влади, які змушували селян видати їм повстанців. Подібні документи не часто зустрічалися й нами були знайдені тільки в архівно-слідчій справі Т.Ф. Гладченка та Ф.Г. Матвієнка.

Фото у справах було рідкістю. Тільки у слідчій справі О.М. Левенця знайдені світлини кількох учасників повстанського руху (О.М. Левенець, М.П. Пасічний, Н.Д. Дудка, Г.Г. Котенко, С.М. Левенець, С.Л. Чернявський). Усі ці фотокартки розміщені серед ілюстративного матеріалу цієї збірки документів разом з тими, що знайдені на відкритих інтернет-ресурсах (Т.Ф. Гладченко, Г.Д. Епік) чи отримано від приватної особи (П. Самарський-Красіль).

Обвинувальний висновок – це документ, який містить суть обвинувачення та укладається по закінченню попереднього слідства, коли працівником відповідного органу державної безпеки зібрано достатньо доказів і встановлено всі обставини, без яких справу неможливо вирішити по суті.

Третя група джерел, представлена в збірнику документів – це судові матеріали: протоколи судового засідання (док. № 85, 114); вироки судових або позасудових органів (док. № 9, 17, 21, 48, 70, 78, 107, 112). Із закінченням слідства справа передавалася на розгляд до судового чи позасудового органу, які і вирішили долю більшості згаданих у збірнику повстанців.

Четверта група джерел – це матеріали додаткової перевірки, так звана реабілітаційна частина архівно-слідчих справ, що формувалася у процесі перевірки правомірності висунутих звинувачень і реабілітації раніше засудженого. З цієї групи джерел до збірника документів і матеріалів потрапили: протоколи допиту свідків (док. № 10), висновки слідчого та прокурора щодо перегляду справи (док. № 11, 22), постанови судових органів щодо припинення справи та реабілітації особи або з обґрунтуванням відмови у реабілітації (док. № 12, 50, 79, 86, 113, 118).

Станом на теперішній час частина повстанських ватажків уже реабілітована: М.Д. Бабенко (1959), А.Т. Дикий (1990), Г.Д. Епік (1956), Ф.Я. Макаренко (1994), Р.Я. Федорченко (1989). П'ятьох отаманів, під час перегляду їхніх справ у 1990-х рр., було визнано обґрунтовано засудженими і такими, що не підлягають реабілітації: Я.П. Барабаш (1997), Т.Ф. Гладченко (1995), О.М. Левенець (1991), Н.Г. Луначенко (1999), І.М. Підгорний (1997). Інформація про реабілітацію Г.К. Гнієнка, М.В. Мелашка та О.П. Пасічного відсутня.

Однак – це результат не остаточний. Уже народилося та подорослішало нове покоління українців, які інакше ставляться до радянського минулого. Змінилося й законодавство, на підставі якого в 1990-х рр. відмовляли в реабілітації повстанським ватажкам. У 2018 р. було прийнято Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо удосконалення процедури реабілітації жертв репресій комуністичного тоталітарного режиму 1917–1991 років», який передбачає можливість захисту прав осіб, які були засуджені у позасудовому порядку. Вважаємо, що тепер з'явилася потреба у новому перегляді справ розстріляних повстанських отаманів. Проте реабілітація осіб, засуджених карально-репресивними органами радянської влади, є справою родичів колишніх повстанських провідників та відповідних компетентних органів – регіональних комісій та Національної комісії з реабілітації.

Зазначимо, що представлене видання може стати у пригоді широкому загалу читачів, котрі не мають відповідних знань з історії, але мають можливість ознайомитися з документами, сформувати власну думку про повстанський рух Катеринославської губернії, роль у ньому провідників повстанських груп, особливості взаємин між повстанцями і радянською владою. Однак непрофесійним історикам слід усвідомлювати, що історики-науковці не сприймають на віру написане в документі, оскільки навіть достовірне джерело необов'язково містить адекватну інформацію. Треба враховувати особливості представленого комплексу джерел.

Працівники радянських органів державної безпеки (ВУНК, ДПУ, НКВС), які проводили слідство та укладали обвинувальні вироки, були не біографами своїх підслідних, а непримиренними ворогами, суперниками політичними та світоглядними. Вони захищали різні світоглядні цінності, політичні ідеали. Доля склалася так, що перетнулися шляхи слідчих та підслідних – колишніх повстанців, не на полі бою, а в кабінеті, де проводилася бюрократична процедура

притягнення колишніх комбатантів[1] до відповідальності за законами переможця – радянської влади. У процесі ж попереднього та судового слідства у справах накопичувався цікавий матеріал, який містив характеристику самих підслідних, деталі їхньої повстанської діяльності, біографічні дані тощо.

Професійний історик не сприймає на віру зміст документа без проведення наукової джерелознавчої критики. Безумовно, документи архівно-слідчих справ потребують критичного аналізу, перевірки фактів, співставлення інформації з даними інших джерел: матеріалами преси, джерелами особового походження та ін. Багато часу потребує пошукова робота в архівах – виявлення потрібних досліднику джерел. Найважча частина підготовки будь-якого збірника документів до публікації є археографічне опрацювання документів. Але зовсім інша робота дослідника, коли він працює з джерелом, прагнучи його «розговорити», витискуючи з нього максимум можливої інформації: перевірка контексту створення і контексту описуваних подій, співставлення описаного в джерелі із реальністю, тлумачення тексту, визначення надійності та наукової значущості джерела тощо.

Слід ураховувати, що існує можливість несвідомої або свідомої помилки, неточності даних, наведених автором будь-якого документа, що є частиною справи. Варто також пам'ятати, що зміст архівно-слідчої справи відображав суб'єктивне бачення слідчим злочину, що розслідується. Відповідно працівники органів державної безпеки (ВУНК, ДПУ, НКВС), які підбирали документи, підшиваючи їх у слідчу справу на свій розсуд, визначали таким чином доцільність чи недоцільність їх прилучення до матеріалів слідства. Крім того, не можна бути впевненим, що справа містить усі документи, які проходили через руки слідчих – як ті, що підкріплювали обвинувачення, так і ті, що обіляли підсудного. До того ж слідчі були захисниками політичного режиму, тому могли свідомо фальсифікувати дані проти опонента чинної влади (наприклад, не звертати увагу на свідчення свідків або не долучати до справи документи, які підтверджували невинуватість підсудного, руйнуючи таким чином версію слідства або створюючи обвинуваченому образ, невигідний для органів держбезпеки). Врешті-решт, під питанням може бути і фаховий рівень слідчих, і вірогідність того, що джерело інформації (наприклад, свідок, який дав покази слідчому) міг щиро розповсюджувати неправду.

[1] Комбатант – це особа, яка бере особисту участь в бойових діях у складі збройних сил однієї зі сторін міжнародного збройного конфлікту. Представлені у даному збірнику документи та матеріали – це переважно вибірка зі слідчих справ осіб, які у 1920–1930-ті рр. переслідувалися радянськими органами державної безпеки за нелояльність до нової влади та своє повстанське минуле. І хоч радянська влада в Україні встановилася після військової поразки Української Народної Республіки, по суті, громадянами якої і були колишні повстанці в 1919–1920 рр., слідчі карально-репресивних органів не вважали їх комбатантами, ані в 1920–1921 рр., коли повстання ще тривали, ані, тим більш, наприкінці 1920-х – у 1930-ті рр., коли повстанський рух уже згас. У матеріалах слідчих справ хоч і називали підслідних повстанцями, розуміли повстанський рух як внутрішньодержавний конфлікт, вживаючи стосовно його учасників терміни політбанди, бандити, петлюрівці, контрреволюціонери, злочинці. Врешті-решт, радянський наратив превалював не тільки в документообігу органів держбезпеки, в матеріалах ЗМІ та політпропаганді також практикували дегуманізацію та демонізацію колишнього противника – отаманів та рядових учасників повстанського руху, які свого часу виступали проти радянської влади. Вплив цього радянського наративу проявляється й нині, коли в інформаційному просторі, чи навіть окремих наукових працях, присвячених подіям Української революції 1917–1921 рр. зустрічаються невідповідності. Наприклад, у працях використовують термін громадянська війна, однак присутність іноземних військ на території Української Держави, а згодом Української Народної Республіки, беззаперечна; німецько-австрійські війська та Добровольча армія А. Денікіна вважаються окупаційними, на відміну від підрозділів Робітничо-Селянської Червоної Армії РСФРР; повстанців, які не прийняли радянську владу та захищали власні села від реквізицій та мобілізації більшовицької влади зі зброєю в руках називають бандитами, а насильницькі акції політики «червоного терору» терміном бандитизм не таврують.

Однак, попри вказані зауваги, матеріали архівно-слідчих справ залишаються важливим історичним джерелом, які в процесі співставлення та перевірки інформації з даними інших джерел, уточнюють біографію підслідних, пояснюють хід слідства та допомагають зрозуміти суть провини підслідних перед радянським режимом з точки зору співробітників репресивних органів.

* * *

Під час підготовки збірника використано документи з фондів Архіву Управління СБУ в Дніпропетровській області (Фонд 5 (Р) – Кримінальні справи на осіб, не знятих з оперативного обліку у МВС України 1922–1991 рр.) та Державного архіву Дніпропетровської області (Ф. П-1 – Катеринославський губернський комітет КП(б)У; Ф. Р-1785 – Катеринославський губернський революційний трибунал, Ф. Р-6478 – Управління Служби безпеки України по Дніпропетровській області). Всього у збірнику вміщено документів і матеріалів – 118, світлин – 10. Переважна більшість документів публікується повністю, деякі подані у скороченні (вилучено нетематичну частину тексту). У деяких випадках, заради цілісного відтворення комплексу джерел, до збірника було залучено газетні матеріали та документи, які раніше вже друкувалися. Звісно, у таких випадках історичні джерела містять роз'яснення за попередніми публікаціями.

Збірник містить документи, відібрані шляхом фронтального обстеження архівних фондів. За наявності кількох примірників документів перевага віддавалася оригіналу, а за його відсутності – завіреній копії, достовірність якої не викликала сумнівів. Діловодство в органах радянської влади велося переважно російською мовою, тому документи подано без перекладу. Усі історичні джерела надруковано мовою оригіналу згідно із правилами орфографії та пунктуації, однак зі збереженням фонетичних і стилістичних особливостей. Грубі орфографічні помилки, явні описки (пропуск літер, їх перестановка, подвійне написання літер або складів) усунуто в тексті без застережень. Помилки, які мають змістове значення (подвійне написання слів, літер або складів, спотворення слів), подано в оригіналі, а правильний варіант наведено в текстуальних примітках. Пропущені у тексті джерела слова або літери, відновлені за змістом, подано у квадратних дужках. Похибки, які неможливо усунути (викривлені слова, стилістично неправильно побудовані фрази), відтворені в тексті та оговорені в текстуальних примітках словами «Так у тексті». Кожен документ, крім порядкового номера розташування у даній публікації, має заголовок і супроводжується архівною легендою, в якій зазначено пошукові дані, інформація про спосіб відтворення тексту, наявність позначок і штампів.

Збірник доповнено необхідним науково-інформаційним апаратом: іменним покажчиком та списком скорочень.

доц. О.О. Чепурко

БАБЕНКО Микола Демидович

(22.08.1897–10.05.1938)

Організатор і керівник повстанських загонів у Солонянській волості, сотник повстанського загону, учасник українського повстанського руху (1918–1920).

Народився 22 серпня 1897 р. у с. Солоне Катеринославської губернії в селянській родині, українець. Освіта початкова – закінчив сільську школу. Безпартійний.

У 1918 р. – козак Вільного козацтва. У 1919–1920 рр. – повстанець, сотник загонів Грінченка (під загальною командою Трифона Гладченка), Михайла Брови. Амністований радянською владою. Неодноразово заарештовувався: в 1921 р. (за дезертирство, ухиляння від служби в Червоній Армії), в 1931 р. (за переховування кулемета), у 1933 р. отримав судовий вирок – рік умовно. Востаннє був заарештований у березні 1938 р. На момент арешту – рядовий працівник колгоспу «Червоний колос».

Рішенням Трійки управління НКВС УРСР по Дніпропетровській області засуджений до розстрілу 10 травня 1938 р. Розстріляний 25 травня 1938 р. Реабілітований 30 грудня 1959 р.

№ 1 Анкета заарештованого М.Д. Бабенка

1 березня 1938 р.

Солонянское р/о НКВД УССР

Лист ______

К делу № 21

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия, имя и отчество Бабенко Николай Демидович
2. Дата рождения: число «22» месяц август год 1897
3. Место рождения с. Соленое Солонянского района Д[непро]петровской области
4. Местожительство (адрес) с. Соленое
5. Профессия и специальность член колхоза «Червоний колос»
6. Место службы и должность или род занятий арт[ель] «Червоний колос» рядовой колхозник
7. Паспорт имею выдан Солонянской РКМ ШК № 616516
8. Социальное происхождение из крестьян-бедняков.
9. Социальное положение член колхоза крестьян-бедняков
   а) до революции из крестьян
   б) после революции тоже
10. Образование (общее специальное) сельская школа
11. Партийность (в прошлом и настоящем) б[ес]партийный, в партиях не был
12. Национальность и гражданство (подданство) украинец УССР
13. Категория воинского учета – запаса и где состоит на учете состою в запасе, рядовой
14. Служба в белых и других к-р-револ. армиях, участие в бандах и восстаниях против Соввласти (когда и в качестве кого) в 1919 году в банде Гринченко добровольно, в качестве сотника

15. Каким репрессиям подвергался при Соввласти: судимость, арест и друг. (когда, каким органом, и за что) В 1933 году судился нарсудом по ст. 99. Был осужден условно на один год. В 1921 году я был арестован Екатеринославским ЧК, как дезертир, был освобожден через 2 недели. В 1931 г. Д[непро]петровским ГПУ был арестован за хранение пулемета, был освобожден дней через 7
16. Состав семьи жена Вера Яковлевна 1905 г. сын Анатолий – 13 л., дочь Елена 13, Лида – 11, сын Иван – 11, Алексей – 7 л.

Подпись арестованного [підпис]

1. Особые внешние приметы
2. Кем и когда арестован 1/III 1938 году Солонянским р/о НКВД
3. Где содержится под стражей Днепропетровская тюрьма
4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету [підпис нерозбірливий]

1 марта 1938 г.

Примечание: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

Державний архів Дніпропетровської області. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 21–21 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 2 Протокол допиту заарештованого М.Д. Бабенка

2 березня 1938 р.

1938 г. Марта мес. 2 дня. Я, начальник Солонянского р/о НКВД Черницкий допросил в качестве обвиняемого.

1. Фамилия Бабенко
2. Имя и отчество Николай Демидович
3. Дата рождения: 1897 г.
4. Место рождения с. Соленое Солонянского рай[она]
5. Местожительство с. Соленое
6. Нац. и гражд. (подданство) Украинец УССР
7. Паспорт имею выдан Солонянской РКМ ШК № 616516
8. Род занятий член колхоза «Червоний колос»
9. Социальное происхождение из крестьян-бедняков
10. Социальное происхождение (род занятий и имущественное положение)
    а) до революции тоже
    б) после революции член колхоза
11. Состав семьи жена Вера Яковлевна 1905 г., сын Анатолий 13 л., Иван – 11, Алексей – 7 л., дочь Елена 13 л., Лида 11 л. Все проживают в с. Соленое
12. Образование (общее, специальное) сельская школа
13. Партийность (в прошлом и настоящем) б[ес]партийный, в партиях не состоял
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)

а) до революции нет

б) после революции в 1921 году арестовывался Екатериносл[авским] ЧК за дезертирство, в 1931 году бывшим Д[непро]петров[ским] ГПУ арестовывался за подозрение в хранении пулемета. В 1933 г. судился нарсудом по 99 ст. был осужден к 1 году условно

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти нет

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете в запасе как рядовой

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого не служил

18. Служба в белых и др. к-р. армиях (когда и в качестве кого) нет

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях в 1919 году в банде Гринченко – сотником

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а после и допрашивающего.

Показания обвиняемого (свидетеля) Бабенко Николая Демидовича 2 Марта 1938 г.

Вопрос: В какой должности вы служили в петлюровской банде Гринченко?

Ответ: В петлюровской банде Гринченко я служил в качестве сотника или командира взвода.

Вопрос: А сколько время вы пробыли в петлюровской банде Гринченко?

Ответ: В банде Гринченко я прослужил с 1919 года октября по декабрь месяц того же года, а затем заболел тифом и был доставлен на квартиру.

Вопрос: Вы добровольно в банду пошли?

Ответ: Да, в банду Гринченко я пошел добровольно.

Вопрос: С какими антисоветскими бандами в период гражданской войны сотрудничала петлюровская банда Гринченко?

Ответ: Банда Гринченко была организована в октябре 1919 года[1], т. е. тогда, когда на Украине установилась власть гетмана Скоропадского. Банда Гринченко была украинско-националистического направления. Знамя этой банды было жовто-блакитного цвета и на знамени была надпись «Умремо за ридну неньку-Украину».

В то время на Д[непро]петровщине оперировала петлюровская банда, которую возглавляли Гладченко и Брова. Эта банда была точно такого же направления, как и банда Гринченко, у них было такое же знамя, как и в банде Гринченко.

С бандой, которую возглавляли Брова и Гладченко, банда Гринченко сотрудничала и имела тесную связь. Гринченко входил в подчинение атамана банды Гладченко.

Вопрос: Где находятся быв[шие] руководители банд Брова и Гладченко?

Ответ: Точно я не знаю, но слышал, что Гладченко в 1920 году был расстрелян красными войсками, а Брова как будто бы, бежал за границу.

Вопрос: Таким образом, вы в петлюровской банде Гринченко служили на командной должности, куда пошли добровольно?

Ответ: Я в петлюровской банде служил на командной должности и добровольно.

1 *Так у документі.*

Вопрос: Арестовывались ли вы когда-нибудь и за что?

Ответ: В 1931 году я был арестован быв[им] ГПУ Солонянского района, где провел 10 дней и был освобожден, тогда меня спрашивали о пулемете, который был у меня в свое время.

В 1921 году я тоже был арестован ЧК и также дней 15 просидел и был освобожден, тогда меня также допрашивали об этом пулемете, который мною был сдан австрийскому карательному отряду в 1918 г.

В 1933 г. сидел по ст. 99 и был осужден на один год условно.

Вопрос: Расскажите о своих связях?

Ответ: Я был связан и встречался с Потуренец Пимен Сергеевичем, проживающим в Д[непро]дзержинске и работает в металлоломе инструктором; Сидоренко Семеном Ильичем, проживающим в Д[непро]петровске и работает на каком-то заводе мастером или десятником каменного цеха возле доменных печей.

Вопрос: Вы с перечисленными выше лицами связаны по контрреволюционной деятельности?

Ответ: Да, я признаю себя виновным в том, что я с перечисленными выше лицами связан по организационно-контрреволюционной деятельности, куда я был завербован в конце 1933 года Потуренцем.

Вопрос: О какой контрреволюционной организации идет речь?

Ответ: Я состою членом контрреволюционной националистической организации, куда я был завербован в конце 1933 года Потуренцем Пимен Сергеевичем.

Вопрос: Расскажите подробности вербовки вас в к[онтр]-р[еволюционную] националистическую организацию?

Ответ: В 1933 году я работал на ст. Елизарово в заготзерно приемщиком, а Потуренец в Солонянском районе работал по сбору старого железа для отправки комбинату металлолома в г. Д[непро]дзержинск, с которым я и встретился на станции Елизарово. Разговаривал с ним на разные отвлеченные темы. Мне Потуренец сказал, что он виделся с быв[шим] главарем банды Гринченко, который приезжал летом 33 года в с. Соленое и останавливался для гулянки у Сидоренко Семена Ильича. Потуренец сказал мне, [что] и он был тогда у Сидоренко Семена и там виделся с Гринченком. На мой вопрос, чего Гринченко приезжал в Солонянский район, он, Потуренец ответил, что он приезжал в Соленое для ознакомления с местностью, где он когда-то оперировал со своей бандой, ну и повидаться со своими хлопцами, которые были в его банде. В процессе дальнейшего разговора, Потуренец мне сказал, что Гринченко давал установку приобретать партизанские билеты и если кто еще из моих хлопцев не имеет партизанских билетов, пусть пишут мне письма, я им буду выдавать справки о том, что они были в партизанском отряде. Этим самым я буду знать сколько и где находятся лица, служившие в банде Гринченко. В конце этого разговора Потуренец хлопая меня по плечу, заявил: «не журись, Никола, Гринченко сказал, что скоро прийдет время, что мы снова сядем на коня и будем завоевывать Украину». Прямо мне Потуренец не предлагал принять участие в к[онтр]р[еволюционной] националистической организации, но я понял, что он меня вербует в к[онтр]р[еволюционную] организацию и не возражал ему поэтому и считаю, что я состою в к[онтр]р[еволюционной] организации.

Вопрос: Какие цели и задачи ставила перед собой к[онтр]р[еволюционная] националистическая организация, членом которой вы состоите?

Ответ: Контрреволюционная националистическая организация, в которой я состою, ставила перед собой цели и задачи подготовки к свержению существующего строя путем вооруженного восстания. С этой целью быв[ший] атаман банды Гринченко в 1933 году и приезжал в Солонянский район для установления и налаживания связи с быв[шими] бандитами, находившимися в свое время в его банде. Я тогда с Гринченко не виделся, но мне Потуренец говорил, что Гринченко очень хотел меня видеть.

Кроме этого, к[онтр]-р[еволюционная] организация ставила себе задачу – производить среди колхозников контрреволюционную агитацию, направленную на развал колхозов.

Вопрос: Какая практическая деятельность к[онтр]-р[еволюционной] националистической организации, в которой вы состоите?

Ответ: Я этого не знаю, мне об этом Потуренец не говорил.

Вопрос: Какие вами были получены задания по контрреволюционной деятельности?

Ответ: После вербовки меня, мне Потуренец дал задание проводить среди колхозников контрреволюционную агитацию, направленную на развал колхоза, но я не проводил этого.

Вопрос: Перечислите всех лиц, которые являются членам к[онтр]-р[еволюционной] националистической организации где вы состоите?

Ответ: Мне известны как члены контрреволюционной националистической организации следующие лица:

1. Потуренец Пимен Сергеевич – в прошлом бандит петлюровской банды Гринченко, проживает в Д[непрод]зержинске.

2. Сидоренко Семен Ильич – в прошлом бандит петлюровской банды Гринченко.

Оба они был завербованы Гринченком.

Вопрос: Кто лично вами был завербован в к[онтр]-р[еволюционную] националистическую организацию?

Ответ: Я не завербовал ни одного человека, да и заданий-то таких я не получал.

Вопрос: Каким оружием располагает к[онтр]-р[еволюционная] националистическая организация?

Ответ: Я этого не знаю, мне такого никто из участников к[онтр]-р[еволюционной] организации не говорил.

Показания списаны с моих слов правильно мне прочитали
в чем и расписываюсь [підпис Бабенка].
Допросил нач[альник] р/о НКВД
лейтенант госбезопасности [підпис Черницького]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 22–26 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 3 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка

3 березня 1938 р.

Протокол допроса обвиняемого Бабенко Николая Демидовича

3/III-1938 г.

Вопрос: Куда девался пулемет, который находился у вас спрятанным?

Ответ: Точно не помню, но кажется в 1919 году ко мне на квартиру был привезен пулемет системы «Кольт» с двумя лентами с патронами боевыми и одним запасным стволом.

Пулемет был привезен ко мне Черницей Семеном Ивановичем и Сопруненко Андреем Ивановичем. Названные расстреляны австрийцами. Достали они пулемет в с. Диевке или в Сухачевке от какого-то командира петлюровских войск Горобца.

В это время в селе Соленом готовилось восстание против австрийских оккупантов и я, как пулеметчик старой армии, должен был выступить с пулеметом. Но выступить не удалось, потому, что вскоре в с. Соленое пришел австрийский карательный отряд, который начал требовать сдачи оружия. Я боялся быть расстрелянным, решил сдать пулемет карательному отряду и вместе с патронами и запасным стволом сдал. Для сдачи пулемета носили я и Сопруненко Михаил Иванович и еще один, по фамилии Колаченко, которого сейчас здесь нет и не знаю, где он проживает.

Пулемет был у меня закопан в земле во дворе.

Вопрос: Вы даете неточные показания. Следствию известно, что пулемет вы никуда не сдавали и он вами до сих пор хранится. Требую от вас искренних показаний.

Ответ: Нет, этот пулемет я сдал австрийцам, об этом могут подтвердить свидетели, которые мною указаны выше.

Вопрос: А куда девалось оружие банды Гринченко, в которой вы были на командной должности?

Ответ: Мне не известно, потому, что я в это время лежал дома больной, сдавали [ли] оружие при ликвидации Гринченко, я не знаю.

Вопрос: Мы вам не верим. Давайте правдивые показания по существу заданного вопроса.

Ответ: Больше я ничего не могу дополнить.

Вопрос: В какой должности в петлюровской банде Гринченко служил Строменко Иван Аникиевич?

Ответ: Строменко Иван Аникиевич и его брат Григорий в петлюровской банде Гринченко служили с самого начала и до последнего дня. Иван Строменко находился все время при штабе банды ординарцем, а его брат был рядовым и ездил на тачанке с винтовкой. Надо сказать, что Строменко Иван с атаманом банды, Гринченко, был в приятельских взаимоотношениях и когда Гринченко приезжал в Соленое, то останавливался на квартире Строменко Ивана.

Вопрос: В каких взаимоотношениях вы находились со Строменко Иваном и Григорием?

Ответ: Как с Иваном, так и с Григорием Строменко я все время находился в приятельских отношениях и иногда с ними встречался.

Вопрос: Принадлежал ли Строменко Иван к эсеровской партии и когда?

Ответ: Принадлежал ли Строменко Иван к эсеровской партии, я не знаю. Его брат родной, Строменко Василий, этот состоял в эсеровской организации в 1917 году по спискам, выдвигавшимся в Учредительное собрание. В этом списке в то время был и его дядька, Строменко Веремей. В момент пребывания Петлюры на Украине, Строменко Василий был членом Центральной Рады, а при ликвидации Петлюры, Строменко, якобы, с ним выехал за границу. В 1936 году мне Строменко Григорий сказал, что его брат Василий жив и проживает в Одессе.

Надо сказать, что Строменко Иван по своему духу и настроению ярый националист, у которого еще и сейчас даже в квартире висят всякие националистические картины.

Вопрос: В чем конкретно заключается у Строменко Ивана проявления национализма?

Ответ: В том, что у Строменко Ивана на квартире в 1921 году, когда его арестовали, было изъято много националистической литературы, да и сейчас у него на квартире висят националистические гайдамацкие картины. Кроме того, в разговорах с ним, от него только и слышали разговоры о ненькой и самостийной Украине.

Показания списаны с моих слов и мною самим прочитаны
в чем и расписываюсь [підпис Бабенка].
Допросил нач[альник] р/о НКВД
лейтенант госбезопасности [підпис Черницького]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 27–28 зв. Оригінал, рукопис.

№ 4 Протокол допиту свідка П.П. Лозицького у справі М.Д. Бабенка

7 березня 1938 р.

УССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Протокол допроса

К делу № 81

1938 г. Марта мес. 7 дня. Я, нач[альник] Солонянского р/о НКВД Черницкий допросил в качестве свидетеля

1. Фамилия Лозицкий.
2. Имя и отчество Павел Филиппович
3. Дата рождения: 1897 г.
4. Место рождения с. Соленое Солонянского рай[она]
5. Местожительство село Соленое
6. Нац. и гражд. (подданство) Украинец УССР
7. Паспорт имею выдан Солонянской РКМ
8. Род занятий рабочий склада
9. Социальное происхождение из крестьян

10. Социальное происхождение (род занятий и имущественное положение)
   а) до революции тоже
   б) после революции чернорабочий
11. Состав семьи жена, 4 детей
   (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
12. Образование (общее, специальное) низшее
13. Партийность (в прошлом и настоящем) б[ес]партийный
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
   а) до революции нет
   б) после революции нет
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти нет
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете состою в запасе
17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого нет
18. Служба в белых и др. к-р. армиях (когда и в качестве кого) нет
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях в банде Гринченко две недели и у Петлюры одну неделю

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а после и допрашивающего.

Показания обвиняемого (свидетеля) Лозицкий Павел Марта 7 1938 г.

Вопрос: Знаете ли вы Бабенко Николая?

Ответ: Бабенко Николая Демидовича я знаю, как односельчанина. В 1919 году весною кажется, я вместе с Бабенко Николаем и другими был мобилизован петлюровцами. Бабенко в петлюровской части получил назначение сотника и командовал 3-й сотней. Примерно через две недели я от Петлюры бежал, а Бабенко продолжал оставаться там в качестве сотника. С этой же петлюровской частью Бабенко отступил до Користовки, откуда он и прибыл в Соленое. В конце 1919 года в Соленом организовалась банда петлюровская Гринченко, как я, так и Бабенко Николай, в банду Гринченко пошли добровольно. Бабенко Николай и на этот раз занял должность в банде сотника, в его сотне был и я. Кроме меня в сотне Бабенко были: Строменко Иван Аникиевич, его брат Григорий Аникиевич, Морозенко Василий, Строменко Александр Николаевич, Московка Макар Евсеевич, Московка Феодосий Евсеевич, Потуренец Степан Корнеевич, Строменко Матвей Зосимович, Сопруненко Михаил Иванович, Сопруненко Андрей Иванович, Бабенко Павел Афанасьевич, Сопруненко Александр Семенович, Строменко Гаврило Александрович, Чумаченко Наум, Чумаченко Михаил и другие.

Вопрос: Чем эта банда была в то время вооружена?

Ответ: Банда была вооружена винтовками, револьверами, бомбами и был один пулемет системы «Кольта».

Вопрос: Откуда банда взяла пулемет системы «Кольта»?

Ответ: Когда Бабенко Николай вернулся после разгрома петлюровской части из Користовки, это было в августе или в сентябре 1919 года, примерно недели через две к нему на квартиру был привезен этот пулемет от петлюровского какого-то командира, некоего Горобца, из села Сурско-Михайловки, а до этого

пулемет находился в с. Сухачевке у какого-то петлюровца спрятанным, фамилии его не помню.

Осенью 1919 года, в октябре месяце, при организации банды Гринченко, Бабенко этот пулемет «Кольта» передал банде, который и находился в сотне, где командовал и был сотником Бабенко Николай.

Вопрос: А где этот пулемет сейчас находится?

Ответ: Где находится сейчас пулемет, мне не известно, во всяком случае, никуда этот пулемет сдан или отобран у них не был. Возможно, он где-нибудь и до сих пор храниться.

Вопрос: Бабенко Николай был в банде Чумаченко Михаила?

Ответ: Я не знаю этого, был ли он в банде Чумаченко или нет. Возможно он имел связь с Чумаченко, так, чтобы его никто не видел. Мне известно, что Бабенко был в банде Бровы уже в 1920 году и тоже в качестве сотника. Вместе с Бровой Бабенко Николай уходил из села и возвратился в село лишь в 1924 году, где он был это время, я не знаю.

Вопрос: Предъявленная вам групповая фотокарточка, где сфотографированы в этой группе и вы, к какому периоду относится эта фотография?[1]

Ответ: В 1919 году, когда я вместе с группой лиц, сфотографированных на предъявленной мне фотокарточке, были мобилизованы до Петлюры, на второй же день мы все пошли и сфотографировались.

Вопрос: В каких взаимоотношениях находится Бабенко Николай Демидович с Строменко Иваном, Строменко Григорием и Бабенко Павлом Афанасьевичем?

Ответ: Бабенко Николай, как ранее, так и теперь, находится с перечисленными выше лицами в самых близких и дружественных взаимоотношениях. Очень часто Бабенко Николай, Бабенко Павел Афанасьевич, Строменко Иван и Строменко Григорий собирались на квартире Строменко Григория под видом выпивок и гулянок.

Вопрос: Куда девался пулемет, который был украден у красноармейской части, останавливавшейся в с. Соленом?

Ответ: В 1920 году был такой случай, когда Бабенко Павел Афанасьевич совместно с Чумаченко Михаилом украли станковый пулемет у красноармейцев. Спрятан был этот пулемет у Бабенко Павла Афанасьевича. С этим же пулеметом оперировала в Солонянском районе банда Чумаченко.

Перед ликвидацией банды Чумаченко, пулемет был передан в хранение Бабенко Павлу. Находится ли он спрятанным и в настоящее время, мне не известно. Но, во всяком случае, пулемета никому не сдавали, в то время Бабенко был даже арестован, делали у него обыск, но безрезультатно, пулемет найден не был.

Вопрос: Когда в Соленом был австрийский карательный отряд, был ли случай, когда сдавалось населением вместе с винтовками и пулемет?

Ответ: Винтовки и револьверы сдавались, но пулеметов никто не сдавал, такого случая не было.

Вопрос: Австрийцы в Солонянском районе были до появления банды Гринченко или позже?

[1] *У справі фотокартка відсутня.*

Ответ: Австрийский карательный отряд в Солонянском районе был до появления банды Гринченко, в начале 1919 года.

Вопрос: Что вам известно об антисоветской и к[онтр]р[еволюционной] деятельности Бабенко Николая и его единомышленников?

Ответ: Бабенко Николай очень хитрый и открыто вести антисоветскую агитацию не будет. Что же касается Строменко Ивана, то он настроен антисоветски. В 1930–32 годах Строменко открыто выступал среди колхозников против мероприятий партии и правительства, проводившихся на селе – призывал колхозников не выполнять обязательную поставку государству хлеба, заявлял, что сначала нужно обеспечить колхозников, а потом, то, что останется, дать государству. За такую антисов[етскую] агитацию Строменко был исключен из колхоза «Червоне село». В настоящее время он работает в артели «ХТЗ».

Показания списаны с моих слов правильно, мне прочитаны,
в чем и расписываюсь [підпис Лозицького]
Допросил нач[альник] р/о НКВД
лейтенант госбезопасности [підпис Черницького]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 56–59 зв. Оригінал, рукопис.

№ 5 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка

9 березня 1938 р.

Протокол допроса обвиняемого Бабенко Николая Демидовича

9/III-1938 г.

Вопрос: Сколько времени и в каком году Вы служили в банде Петлюры и в качестве кого?

Ответ: В 1918 году или начале 1919 года я, Бабенко Н., был призван по мобилизации в банду Петлюры. Пробыл я там два дня, дальше не был в части и сразу возвратился домой и больше там не был.

Вопрос: Перебывание Вас в банде Гринченко, был ли у Вас пулемет и какой системы и откуда был взят?

Ответ: Перебывание мною в банде Гринченко, пулемет в данном отряде был один, ручной станковый, но лично у моей сотни пулемета не было и где он был взят, данный ручной пулемет, для меня неизвестно.

Вопрос: В каком году, где Вы вместе с группой лиц были сфотографированы?

Ответ: В 1918 году, будучи я при мобилизации в банду Петлюры и по приезду нами в г. Днепропетровск, я с группой лиц, предъявленной мне на фотографии, был сфотографирован.

Вопрос: Ваши показания ложны, следствию известно, что Вы в 1918 году служили в банде Петлюры сотником и в тоже время вместе с группой лиц сфотографировались.

Ответ: Нет, я в банду Петлюры призывался. Когда мы приехали в г. Днепропетровск,[1] и там же с группой лиц сфотографировались. Что касается службы

[1] *Назва міста вказана підслідним помилково. Правильно – Катеринослав.*

меня сотником, у Петлюры я не служил, так как я пробыл только два дня и возвратился обратно домой в село Соленое.

Показания записаны с моих слов верно, мне прочитаны, в чем
и расписываюсь [підпис Бабенка]
Допросил пом[ощник] оперупол[номоченный] УГБ [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 29–29 зв. Оригінал, рукопис.

№ 6 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка

26 березня 1938 р.

Протокол допроса обвиняемого Бабенко Николая Демидовича

26/III-1938 года.

Вопрос: С кем Строменко Иван был связан по к[онтр]-р[еволюционной] деятельности с быв[шими] эсерами?

Ответ: Строменко Иван имел родного дядю – Строменко Веремея Яковлевича, который в прошлом состоял в эсеровской организации и был активным ее деятелем. Кроме этого, брат Строменко Ивана – Строменко Василий, также был эсером. Оба они еще в 1917 году были в списках эсеровской организации во время выборов Учредительного собрания.

Политические взгляды своего родного брата, эсера и родного дядьки, Строменко Иван всецело разделял и был сторонником взглядов и политики эсеровской организации.

Строменко Василий – брат Ивана, при Петлюре был членом Центральной Рады и, якобы, вместе с петлюровцами, эмигрировал за границу. Строменко Веремей – в 1929 или 1930 году был выслан за антисоветскую деятельность и в ссылке умер.

Вопрос: В каких взаимоотношениях вы находились со Строменко Иваном?

Ответ: Я со Строменко Иваном был в хороших и приятельских взаимоотношениях, иногда с ним встречался.

Вопрос: В 1933 году, как видно из ваших показаний от 22/III-38 г., в Солонянский район приезжал быв[ший] главарь банды Гринченко, для организации к[онтр]-р[еволюционных] повстанческих отрядов и установления с ними связи.

[Вопрос]: По каким селам Гринченко организовывал к[онтр]-р[еволюционные] повстанческие отряды?

Ответ: Мне известно, что Гринченко был в селе Соленом, а из Соленого он отправился по селам, прилегающим к Днепру по своим связям, он видно был и в с. Васильевке.

Показания списаны с моих слов верно, мне прочитано, в чем и расписываюсь.
[підпис Бабенка]
Допросил нач[альник] р[айонного] о[тделения] НКВД
лейтенант госбезопасности [підпис Черницького]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 31–31 зв. Оригінал, рукопис.

№ 7 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка

12 квітня 1938 р.

Протокол допроса обвиняемого Бабенко Николая Демидовича

12/IV-1938 года

Вопрос: Признаете ли Вы свои показания, даваемые Вами на допросе 22-го марта 1938 года?

Ответ: Да, данные мною показания на допросе от 22-го марта 1938 года я полностью подтверждаю о том, что я состою членом контрреволюционном националистическом повстанческом отряде, который ставил себе целью свержение существующего строя на Украине путем вооруженного восстания. Кроме этого, к[онтр]-р[еволюционная] националистическая повстанческая организация ставила в задачу производства среди колхозников контрреволюционной агитации, направленную против колхозов.

Вопрос: Следствию известно, что Вы с 1931 года состоите в к[онтр]-р[еволюционной] повстанческой организации. Укажите, кто вас тогда вербовал в к[онтр]-р[еволюционный] повстанческий отряд?

Ответ: Да, в 1931 году, притом, когда я был арестован, то мне Строменко Иван Аникиевич и Морозенко Василий говорили, что мы тебя тоже внесли в контрреволюционную организацию, формируемую в это время в селе Соленом неким Кочергой и после того я считал себя членом к[онтр]-р[еволюционной] повстанческой организации.

Вопрос: Таким порядком Вы со Строменком Иваном связаны по контрреволюционной организации еще с 1931 года?

Ответ: По объяснению мне Строменко Ивана и Морозенко Василия оно получается так, но я тогда не проводил контрреволюционной деятельности.

Показания списаны с моих слов верно, мне прочитано,
в чем и расписываюсь
[підпис Бабенка]
Допросил пом[ощник] оперупол[номоченный] УГБ [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 30–30 зв. Оригінал, рукопис.

№ 8 Обвинувальний висновок у справі М.Д. Бабенка

19 квітня 1938 р.

По след. делу № 21

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По обвинению СТРОМЕНКО Ивана Аникеевича, БАБЕНКО Николая Демидовича и ШЛЯЕВА Ивана Иосифовича по ст. 54-11 УК УССР.

В Солонянское Р.О. НКВД поступили сведения о том, что в с. Соленом Солонянского района наличествует к[онтр]р[еволюционная] подпольная группа, которая проводит к[онтр]р[еволюционную] подпольную работу по сколачиванию повстанческих кадров из быв[ших] петлюровцев, для борьбы с существующим строем.

Произведенным по данному делу следствием установлено, что СТРОМЕНКО Иван Аникеевич будучи настроен против существующего строя в 1937 году приступил к сколачиванию и подготовке к[онтр]р[еволюционных] повстанческих кадров на территории села Соленое, завербовав в данную группу БАБЕНКО НИКОЛАЯ ДЕМИДОВИЧА и ШЛЯЕВА ИВАНА ИОСИФОВИЧА.

Контрреволюционно-петлюровско-повстанческая группа, как установлено следствием ставила своей целью – подготовку насильственного свержения существующего строя, для чего ставила себе задачу – сколачивание повстанческих кадров из числа быв[ших] бандитов (л. д. № 13, 14, 15).

Следствием установлено, что СТРОМЕНКО Иван, ШЛЯЕВ Иван и БАБЕНКО Николай еще в 1930 году были вовлечены в к[онтр]р[еволюционную] повстанческую организацию для борьбы с существующим строем, за что в 1931 году они подвергались аресту.

Продолжая свою к[онтр]р[еволюционную] деятельность, в 1937 году СТРОМЕНКО Иван Аникеевич приступил к организации к[онтр]р[еволюционного] подполья, о намерении сколотить повстанческий отряд.

Помимо вербовочной деятельности к[онтр]р[еволюционная] повстанческая группа ставила себе в задачу – производить вредительство в колхозах, добиваясь срыва и затяжки уборки хлеба в 1938 году (л. д. № 16, 24, 41, 12 об., 54).

Обвиняемый ШЛЯЕВ Иван Иосифович в 1922–1924 годах в селе Соленом состоял в УКП, где под руководством бывшего видного укаписта – выходца из Галиции – ныне расстреляного за к[онтр]р[еволюционную] деятельность, некоего КАФТАНА Василия, проводил в селе Соленом широкую к[онтр]р[еволюционную] националистическую работу по организации укапистских ячеек и националистической агитации (л. д. № 41, 47, 61, 62, 64).

Опрошены по настоящему делу обвиняемые СТРОМЕНКО Иван Аникеевич, БАБЕНКО Николай Демидович, в предъявленных им обвинениях виновными себя признали. ШЛЯЕВ Иван Иосифович – выновным себя не признал (л. д. № 16, 30, 40, 42).

Исходя из выше изложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1. СТРОМЕНКО Иван Аникеевич 1896 года рождения, украинец, уроженец села Соленое Солонянского района Днепропетровской области, грамотный, беспартийный, по происхождению из крестьян – кулаков, в прошлом служил в петлюровской банде Гринченко, в 1931 году арестовывался, как член к[онтр]р[еволюционной] повстанческой организации – в том, что он состоит в к[онтр]р[еволюционной] повстанческой группе ставившей себе в задачу – подготовку к насильственному свержению существующего строя и производство вредительства в колхозе, т. е. в преступлении предусмотренной ст. 54-11 УК УССР.

2. БАБЕНКО Николай Демидович 1897 года рождения, украинец, уроженец села Соленое Солонянского района Днепропетровской области, беспартийный, грамотный, по происхождению из крестьян-бедняков, в прошлом петлюровский сотник, в 1921 году арестовывался быв[шей] Екатеринославской ЧК за бандитизм, в 1931 году арестовывался быв[шим] ГПУ за подозрение в хранении пулемета, в 1933 году судим по ст. 99 и был осужден на один год условно – в том, что он состоит членом к[онтр]р[еволюционной] петлюровско-повстанческой группы ставившей перед собой цели и задачу – подготовку к насильственному свержению существующего строя, т. е. в преступлении предусмотренной ст. 54-11 УК УССР.

3. ШЛЯЕВ Иван Иосифович 1900 года рождения, украинец, уроженец села Соленое Солонянского района Днепропетровской области, беспартийный, грамотный, служащий, по происхождению из крестьян в прошлом состоял в УКП, в 1931 году арестовывался, как участник к[онтр]р[еволюционной] повстанческой группы ставившей своей целью – подготовку к свержению существующего строя, т. е. в преступлении предусмотренной ст. 54-11 УК УССР.

Настоящее дело подлежит рассмотрению на тройке УНКВД.

СПРАВКА: Обвиняемые СТРОМЕНКО И.А., ШЛЯЕВ И.И. и БАБЕНКО Н.Д. содержатся под стражей при Днепропетровской тюрьме, первые два с 10 марта, а последний с 1 марта 1938 года.

Нач[альник] Р.О. НКВД
Лейтенант Госбезопасности [підпис] ЧЕРНИЦКИЙ

Составлено
19 апреля 1938 года.
с. Соленое.

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 85 – 86. Оригінал, машинопис.

№ 9 Витяг з протоколу засідання трійки УНКВС УРСР по Дніпропетровській області

10 травня 1938 р.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 82
заседания Тройки УНКВД УССР по Днепропетровской области
от 10-го мая 1938 года

СЛУШАЛИ:

55. Дело Солонянского РО НКВД № 81 по обвинению:

1) СТРОМЕНКО Ивана Аникиевича, рожд. 1896 г., урож. с. Соленое, того же р[айо]на Днепропетровск[ой] обл., из кулаков, б[ывшего] петлюровца, арестовывшегося в 1931 году, как члена к[онтр]р[еволюционной] повстанческой организации, брат коего, СТРОМЕНКО Василий, являлся б[ывшим] эсером и членом Центральной рады, работавшего рядовым колхозником в артели ХТЗ села Соленого.

2) БАБЕНКО Николая Демидовича, 1897 г. рожд., урож. с. Соленое, того же р[айо]на Днепропетровск[ой] обл., украинца, б[ывшего] петлюровца, арестовывавшегося в 1921 г. б[ывшей] Екатеринославской ЧК за бандитизм, арестовывавшимся в 1931 г. б[ывшим] Днепропетровским ГПУ по подозрению в хранении пулемета, судимого в 1933 г. по 99 ст. и приговоренного к 1 году условно, работавшего рядовым колхозником в колхозе «Червоный колос», села Соленого.

3) ШЛЯЕВА Ивана Иосифовича, рожд. 1900 г., урож. с. Соленого, того же р[айо]на Днепропетровск[ой] обл., украинца, б[ывший член] УКП, имевшего тесную связь с видным укапистом галичанином КАФТАНОМ (осужден), в 1931 г. арестовывшегося как члена к[онтр]р[еволюционной] повстанческой организации, работавшего бухгалтером сапожной артели в с. Соленом.

Все обвиняемые по настоящему делу являются участниками контрреволюционной петлюровской повстанческой группы, ставившей своей целью подготовку вооруженного восстания для свержения существующего строя.

Все обвиняемые, в целях создания новых к[онтр]р[еволюционных] кадров вели подготовительную работу для вербовки новых членов.

Кроме вербовочной деятельности, к[онтр]р[еволюционная] повстанческая группа ставила себе задачей производить вредительство в колхозах, добиваясь срыва и затяжки уборки хлеба в 1938 году.

ПОСТАНОВИЛИ:
1) СТРОМЕНКО Ивана Аникиевича,
2) БАБЕНКО Николая Демидовича,
3) ШЛЯЕВА Ивана Иосифовича,
РАССТРЕЛЯТЬ
Все лично им принадлежавшее имущество конфисковать.

Верно: секретарь Тройки [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 95. Оригінал, машинопис.

№ 10 Протокол допиту свідка П.П. Лозицького у справі М.Д. Бабенка

17 листопада 1959 р.

Протокол допроса

17 ноября 1959 г. с. Соленое

Я, следователь следотдела Управления КГБ при СМ УССР по Днепропетровской области – лейтенант Сергеев, допросил в качестве свидетеля.

Лозицкого Павла Филипповича, 1897 года рождения, уроженца села Соленого, Солонянского р-на, Днепропетровской области, украинца, беспартийного, с 3-х классным образованием, не судимого, пенсионера, проживающего по месту своего рождения – в селе Соленом по улице Театральная, 26.

Свидетель Лозинский об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст. ст. 87 и 89 УК УССР предупрежден.

[підпис Лозицького]

Допрос начат: 14 час. 05 мин.

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать показания?

Ответ: Я свободно владею русским языком и желаю давать показания на этом языке.

Вопрос: Знаете ли Вы Строменко Ивана Аникиевича, Бабенко Николая Демидовича и Шляева Ивана Иосифовича, если знаете, то как и какие с ними были взаимотношения?

Ответ: Строменко Ивана Аникиевича, Бабенко Николая Демидовича и Шляева Ивана Иосифовича я знаю как бывших своих односельчан – села Соленого. До войны 1941–45 гг. они были репрессированы. С тех пор о их судьбе мне ничего неизвестно. Взаимоотношения с ними были нормальные, личных счетов не было.

Вопрос: Что Вам известно о Строменко, Бабенко и Шляева?

Ответ: Мне лично известно, что Строменко по социальному происхождению из крестьян-середняков, а Бабенко и Шляев – из крестьян-бедняков. От кого-то из своих односельчан я слышал, что Строменко и Бабенко участвовали, якобы, в банде Гринченко примерно в 1919 году. До ареста Строменко и Бабенко работали на рядовых работах в колхозах, а Шляев – бухгалтером в райпотребсоюзе. Работать совместно с ними мне не приходилось. Другого о них мне ничего неизвестно. За что они были репрессированы до войны не знаю. Антисоветских высказываний с их стороны не слышал. Как они работали и относились к мероприятиям Советской власти сказать не могу по указанной выше причине. К тому же близких отношений с ними не поддерживал, знал их просто как односельчан. По-соседству с ними не жил.

Вопрос: Допрашивались ли Вы когда-либо раньше в качестве свидетеля в отношении Строменко, Бабенко и Шляева, если допрашивались, то когда и что о них показали?

Ответ: Допрашивался ли я когда-либо раньше в качестве свидетеля в отношении Строменко, Бабенко и Шляева я сейчас не помню.

Вопрос: Вам предьявляются для ознакомления протокол допроса от 7 марта 1938 года и протокол очной ставки от 13 апреля 1938 года, находящиеся в деле Строменко и других на листах: 49 и 56–59. Вами ли подписаны эти протоколы и подтверждаете ли Вы сейчас свои прежние показания?

Ответ: Ознакомившись с предъявленными мне протоколом допроса от 7 марта 1938 года и протоколом очной ставки от 13 апреля 1938 года, находящимися в деле Строменко и других на листах: 49 и 56–59, я заявляю, что, хотя эти протоколы и подписаны мною, но очной ставки между мною и Бабенко не было. Я хорошо помню, что очных ставок мне ни с кем никогда не делали. А допрашивать в 1938 году, как теперь припоминаю, допрашивали. Что касается показаний, записанных в предъявленных протоколах, то я их не подтверждаю. Они записаны самим следователем. Прежний протокол допроса мне зачитывался в слух и я подписал его, не читая, что в нем в действительности записано. Об участии Строменко и Бабенко в банде Гринченко я только слышал от кого-то из своих односельчан. Других подробностей в этом отношении мне ничего неизвестно. Повторяю, что об антисоветской деятельности Строменко, Бабенко и Шляева, кроме упомянутого, не знаю.

Допрос окончен: 15 часов 55 мин.

Протокол мне прочитан в слух, записан с моих слов правильно.
Допросил: Следователь следотдела УКГБ по Днепропетровской обл.
лейтенант [підпис] (СЕРГЕЕВ)

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 123–125. Оригінал, рукопис.

№ 11 Обвинувальний висновок у справі М.Д. Бабенка

4 грудня 1959 р.

УТВЕРЖДАЮ
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КГБ
при Совете Министров УССР по Днепропетровской области
ПОЛКОВНИК
(ТКАЧЕВ)

«4» декабря 1959 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
(по архивно-следственному делу № 8381)
«4» декабря 1959 г. г. Днепропетровск.

Я, следователь Следотдела Управления КГБ при СМ УССР по Днепропетровской области лейтенант СЕРГЕЕВ, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № 8381 по обвинению:

1. СТРОМЕНКО Ивана Аникиевича, 1896 года рождения, уроженца села Соленого, Солонянского района, Днепропетровской области, из крестьян-середняков, украинца, беспартийного с низшим образованием, семейного, до ареста работавшего в колхозе «ХТЗ» на рядовых работах и проживающего по месту своего рождения;

2. БАБЕНКО Николая Демидовича, 1897 года рождения, уроженца села Соленого, Солонянского района, Днепропетровской области, из крестьян-бедняков, украинца, беспартийного, с низшим образованием, семейного, до ареста работавшего в колхозе «Червоный Колос» на рядовых работах и проживавшего по месту своего рождения;

3. ШЛЯЕВА Ивана Иосифовича, 1900 года рождения, уроженца с. Соленого, Солонянского района, Днепропетровской области, из крестьян-бедняков, украинца, беспартийного, с низшим образованием, семейного, до ареста работавшего бухгалтером в промартели «Заря Коммунизма» и проживавшего по месту своего рождения.

Нашел:

СТРОМЕНКО и другие привлеченные по делу лица были арестованы РО НКВД Днепропетровской области и 10 мая 1938 г. решением Тройки Днепропетровского Облуправления НКВД осуждены за участие в контрреволюционной повстанческой организации и проведение антисоветской деятельности – к расстрелу.

Основанием к осуждению послужили личные показания обвиняемых СТРОМЕНКО и БАБЕНКО об участии их и ШЛЯЕВА в к[онтр]р[еволюционной] организации и проведении антисоветской деятельности, а также показания свидетелей МАКИЕВСКОГО, ЛОЗИЦКОГО, КОЛОДЧЕНКО, БИЛЬЧЕНКО И.С., БИЛЬЧЕНКО К.Н., КОСТЕНКО, КОТЕНКО и СОЧКО об участии обвиняемых в период Гражданской войны в бандах, участии ШЛЯЕВА в 1923–24 гг. в УКП и антисоветских настроениях СТРОМЕНКО в период коллективизации.

Других материалов, подтверждающих антисоветскую деятельность обвиняемых до момента их ареста в 1938 году, кроме показаний СТРОМЕНКО и БАБЕНКО, в деле нет.

ШЛЯЕВ виновным себя в принадлежности к к[онтр]р[еволюционной] организации и проведении антисоветской деятельности не признал. Он признал только факт посещения им в 1923 году кружка УКП.

Изучением материалов дела и дополнительной проверкой их установлено, что обвиняемые были осуждены на основании неконкретных и противоречивых показаний СТРОМЕНКО и БАБЕНКО, вызывающих сомнение в их правдоподобности, а также неконкретных, малоубедительных показаний ряда упомянутых выше свидетелей.

Так, СТРОМЕНКО на следствии в 1938 году показал, что он якобы в контрреволюционную организацию был завербован агрономом КОЧЕРГОЙ и, в свою очередь, лично завербовал в таковую БАБЕНКО П.А., СОПРУНЕНКО, МОРОЗЕНКО В.И. и обвиняемых БАБЕНКО и ШЛЯЕВА, а также назвал как участника организации ЛЮБЧЕНКО.

БАБЕНКО П.А., СОПРУНЕНКО и МОРОЗЕНКО В.И., будучи арестованы в 1938 году по своему делу, СТРОМЕНКО как участника организации не назвали.

Обвиняемые БАБЕНКО и ШЛЯЕВ в ходе следствия 1938 г. показания СТРОМЕНКО о вербовке им их в организацию не подтвердили.

Допросить КОЧЕРГУ и ЛЮБЧЕНКО не представилось возможным, так как они умерли. По сведениям 1 Спецотдела УВД Днепропетровской области, ЛЮБЧЕНКО судимым не значится. Проверить судимость КОЧЕРГИ без других его биографических данных невозможно.

Обвиняемый БАБЕНКО на допросах в 1938 году в начале показал, что он якобы в контрреволюционную организацию был завербован ПОТУРЕНЦЕМ, а затем заявил, что его внесли в списки участников организации СТРОМЕНКО и МОРОЗЕНКО В.И., а также назвал как участника организации СИДОРЕНКО.

Несмотря на такие показания ПОТУРЕНЕЦ и СИДОРЕНКО тогда по делу не допрашивались и к ответственности не привлекались.

МОРОЗЕНКО В.И. в 1938 году был арестован по своему делу как участник шпионской, повстанческой организации. Обвиняемого БАБЕНКО как участника к[онтр]р[еволюционной] организации он не назвал.

СТРОМЕНКО показал о факте вербовки БАБЕНКО Н.Д. не так, как об этом показал последний.

Допросить ПОТУРЕНЕЦ и СИДОРЕНКО не представилось возможным, так как они не установлены.

ЛОЗИЦКИЙ, КОЛОДЧЕНКО и СОЧКО, будучи передопрошены, от своих прежних показаний отказались. Поэтому показания остальных свидетелей вызывают сомнение в их правдоподобности. К тому же они не могут служить достаточным основанием к осуждению обвиняемых.

Передопросить МАКИЕВСКОГО, БИЛЬЧЕНКО И.С., БИЛЬЧЕНКО К.Н., КОСТЕНКО и КОТЕНКО не представилось возможным, так как МАКИЕВСКИЙ и КОСТЕНКО погибли во время прошедшей войны, БИЛЬЧЕНКО К.Н. и КОТЕНКО умерли, а БИЛЬЧЕНКО И.С. осужден в 1938 году к ВМН.

Вновь допрошенные по делу свидетели, знавшие ранее обвиняемых по месту жительства и совместной работе, об антисоветской деятельности их ничего не показали. Охарактеризовали положительно.

Таким образом, проверкой установлено, что обвиняемые были осуждены необоснованно.

Исходя из изложенного,

Полагал бы:

1. Решение Тройки Управления НКВД Днепропетровской области от 10 мая 1938 года в отношении СТРОМЕНКО Ивана Аникиевича, БАБЕНКО Николая Демидовича и ШЛЯЕВА Ивана Иосифовича ОТМЕНИТЬ и дело на них, на основании ст. 197 Ч. 2 УПК УССР ПРЕКРАТИТЬ.

2. Архивно-следственное дело с материалами дополнительной проверки направить Прокурору Днепропетровской области для принятия окончательного решения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ
ПРИ СМ УССР Д/О – ЛЕЙТЕНАНТ (СЕРГЕЕВ)

СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДОТДЕЛА УКГБ ПРИ СМ УССР
по Днепропетровской области
МАЙОР (МАСЛОВ)

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 173–176. Оригінал, машинопис.

№ 12 Постанова президії Дніпропетровського обласного суду у справі М.Д. Бабенка

30 грудня 1959 р.

Доповідач Плотникова

ПОСТАНОВА
ПРЕЗИДІЇ ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО ОБЛАСНОГО СУДУ
Президія Дніпропетровського обласного суду в складі:
Голова Президії т. Яворского
Членів президії: т. Оберемок
т. Бухтиярова и
т. Черненко

З участю – прокурора Дніпропетровської області т. Гром.

Розглянула 30-го декабря 1959 р. протест прокурора Днепропетровской области на постановление бывшей Тройки УНКВД по Днепропетровской области от 10-го мая 1938 года.

Этим постановлением осуждены к расстрелу:

1. Строменко Иван Аникеевич, 1896 года рождения, уроженец села Соленого, Солонянского района, Днепропетровской области, из крестьян-середняков, украинец, беспартийный, с низшим образованием, женат, работал в колхозе «ХТЗ» из рядовых работах.

2. Бабенко Николай Демидович, 1897 года рождения, уроженец села Соленого, Солонянского района, Днепропетровской области, из крестьян-бедняков, украинец, беспартийный, с низшим образованием, женат, работал в колхозе «Червоный Колос» на рядовых работах.

3. Шляев Иван Иосифович, 1900 года рождения, уроженец села Соленого, Солонянского района, Днепропетровской области, из крестьян-бедняков, украинец, беспартийный, с низшим образованием, женат, работал бухгалтером в промартели «Заря Коммунизма».

Указанные лица осуждены за то, что были участниками контрреволюционной организации и проводили антисоветскую деятельность.

В протесте ставится вопрос об отмене постановления Тройки и прекращении дела за недоказанностью предъявленного обвинения, так как обвинение Строменко, Бабенко и Шляева обоснована на противоречивых, неконкретных показаниях самих осужденных.

Рассмотрев материалы дела, выслушав прокурора согласившегося с протестом Президиума находит, что протест подлежит удовлетворению и постановление Тройки подлежит отмене по следующим основаниям:

Строменко, Бабенко и Шляев были осуждены на основании неконкретных и противоречивых показаний Строменко и Бабенко, вызывающих сомнение в их правдоподобности, а также неконкретных малоубидительных показаний свидетелей: Макиевского, Лозитского, Костенко и Сочко.

Так, Строменко на следствии показал, что он был завербован в антисоветскую организацию Кочергой, и сам завербовал в эту организацию Бабенко, Сопруненко, Морозенко и Любченко. Указанные лица проходили по другому делу и об участии Строменко в антисоветской организации ничего не говорили.

Бабенко и Шляев в своих показаниях на следствии, показания Строменко о вербовке им их в организацю не подтвердили.

Осужденный Бабенко на предварительном следствии показал, что участником контрреволюционной организации был Сидоренко. Между тем, Сидоренко по делу не допрашивался и к ответственности не привлекался.

Морозенко был арестован по своему делу, но Бабенко и других, как участников антисоветской организации не назвал.

Вновь допрошенные по делу свидетели, знавшие ранее осужденных по месту жительства и совместной работе о антисоветской деятельности их ничего не показали.

Таким образом, Строменко, Бабенко и Шляев осуждены необоснованно.

Исходя из изложенного, президиум,

Постановил:

Протест прокурора удовлетворить.

Постановление бывшей Тройки УНКВД по Днепропетровской области от 10-го мая 1938 года в отношении Строменко Ивана Аникеевича, Бабенко Николая Демидовича и Шляева Ивана Иосифовича – отменить, дело производством прекратить за недоказанностью обвинения.

Председатель президиума
Днепропетровского областного суда [підпис] (ЯВОРСКИЙ)

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3795. Арк. 181–182 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

БАРАБАШ Яків Прокопійович

(22.08.1897–26.08.1921)

Учасник українського повстанського руху у Верхньодніпровському повіті Катеринославської губернії (1919–1920). Із селян с. Дружино-Надіївка Алферівської волості.

У 1918 р. – організатор Червоної Гвардії у Верхньодніпровському повіті. У 1919 р. – організатор і командир повстанського загону, що діяв проти денікінців. У 1920 р. – старшина загонів отамана Мелашка та Живодьорова. Учасник нападу на Верхньодніпровськ загону отамана Мелашка (05–06.03.1920 р.). Восени 1920 р. і до арешту – командир взводу 1-го продзагону у Верхньодніпровському повіті.

Був засуджений до розстрілу рішенням Колегії Катеринославської Губчека у серпні 1921 р. Повідомлення про розстріл Я. Барабаша надруковане в газеті «К труду!» від 23.09. 1921 р. Заяви щодо реабілітації Я. Барабаша відповідним органам не надходили, однак 03.02. 1997 р. прокурор Дніпропетровської області, переглядаючи слідчу справу Я.П. Барабаша в порядку виконання вказівки від 12.06.1991 р., визнав Я. Барабаша «обгрунтовано притягнутого до кримінальної справи що не підлягає реабілітації» на підставі та у відповідності ст. 2 Закону України «Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні» від 17.04. 1991 р. та п. 13 постанови Верховної Ради України від 24.12. 1993 року «Про тлумачення Закону України «Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні».

№ 13 Анкета заарештованого Я.П. Барабаша

14 березня 1921 р.

Анкета № 1744
для арестованных и задержанных с зачислением за Ч.К.
Лица, давшие неверные сведения в этой анкете,
будут подвержены строж. ответственности

Вопросы	Ответы
I-я часть (заполняется заключенным)	
1) Фамилия	Барабаш
2) Имя и отчество	Яков Прокофьевич
3) Граждан[ин/ка] какого государства	УССР
4) Национальность	
5) Место прописки	Губ.: Ек[атерино]славская уезд: Верхнеднепр[овский] вол.: Алферовка село: Дружно-Надеждовка
6) Возраст (год рождения)	24 лет;
7) Образование: а) грамотный ли б) какую школу окончил в) если не окончил, то ск. класс. / курс. прошел	а) малограмотный б) окончил _______ школу, в) прошел _______ класс./курс._______ школы.

8) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестре)	Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие или место работы и должность или профессия	Место жительства, адрес
	1. отец	Прокофий	47	хлебопашество	с. Дружно-Надеждовка Верхнеднепровский уезд
	2. мать	Александра	47		
	3. брат	Тимофей	26		
	4. сестра	Мария	10		
	5. сестра	Феодосия	8		
	6. сестра	Вера	5		

9) Партийная принадлежность: а) в какой партии сост., б) с какого времени	Беспартийный	
10) Профессия	Хлебопашец	
11) Место работы (службы): а) сначала войны до 1/III 1917 г. б) с 1/III 1917 г. по день ареста	Название предприятия	Профессия или должность
	а) с 1915 августа по 1917 февраля	Формирование Красной гвардии
	б) демобилизовался из армии в января 1919 и был дома, болел до апреля 1919 года [...] [1]	
12) Если состоял на государств. службе, то в каком чине		
13) Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил		
14) Владел-ли недвижимым имуществом, каким и где	Нет	
15) Привлекался-ли к ответственности по суду или в админ. порядке	Нет	
16) Отношение к воинской повинности: а) воинское звание, род оружия или специальность; б) если был освобожден, то на каком основании	мл[адший] унтер офицер, командир отряда	
17) Когда арестован	8 февраля месяца 1921 г.	
18) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	Уполномоченным Губчека	
19) Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, гор., улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собрании и пр.)	дер. Глинск Пушкаревской волости	
20) Когда и кем допрошен	В полит. бюро	

[1] *У документі останнє речення рукописного тексту нерозбірливе.*

21) Предъявлено ли обвинение и в чем именно	В бандитизме
22) Место жительства перед арестом	Отряд Барабаша по разверстке хлеба

Примечание заключенного:

Подпись заключенного[1]

14 мая 1921 года

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

23) Официальное название места заключения	
24) По чьему ордеру арестован и № ордера	
25) За кем зачислен?	
26) Приметы заключенного:	

Примечание:

Подпись заведывающего местом заключения

Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом), четко, разборчиво, полностью выписывая слова по возможности без помарок и поправок.

Архівний підрозділ УСБУ в Дніпропетровській обл. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 2–2 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 14 Протокол допиту Я.П. Барабаша

17–18 лютого 1921 р.

Протокол допроса.

1921 года февраля м-ц 17 дня следствие при Верхнеднепровском Полит-Бюро допрашивал нижеследующего граждан[ина]

в качестве обвиняемого и будучи предупрежденным об ответственности за ложные показания, показал следующее: Я гр. фамилия Барабаш

имя и отчество Яков Прокофьевич

возраст 24 образование малограмотный профессия хлебоп[ашец]

партийность в душе канд. большевик чем занимался до революции хлебоп[ашество], дейст[вительная] воен[ная] служба

с начала революции формирован[ие] Красной Гвардии чем занимается в настоящее время ком[андир] продотряда семейное положение холост социальное положение никого нет.

По существу дела показал: все время, т. е. до взятия меня на военную службу, с малых лет и до 1919 года, до августа месяца, я занимался хлебопашеством. Своей земли у меня всего 1 десятина, а поэтому мне приходилось работать за кусок хлеба у помещиков, кулаков и т. д. Служил я в лейб-гвардии его величества кирасирском полку. Служил я там до мобилизации. Во время переворота мы первые присоединились к рабочим. После всего этого я прибыл домой, в деревню Дружинно-Надежино Верхнеднепровского уезда, где я сразу принялся за организацию Красной гвардии. В результате работы, я организовал отряд человек 20, передал тов. Работенку. Так как был нач[альником] сводных войск и так продолжалось на Украине до прибытия германских войск. На Украине я вошел в ряды Красной гвардии, где я был назначен нач[альником] сводных войск которые вместе со всеми сражаясь с врагом ушли в Россию. Там я был на курсах и т. д., словом работал все время. До прибытия на Украину Красной армии, я был в передовых частях, в 4-м регулярном Воронежском полку. На Украине я заболел тифом и пролежал месяца полтора дома, а когда поправился, меня оставили дома, где я и работал в [рев]коме до прибытия белых. Перед отступлением последней была 14-я армия.[1] Я собирался отступать, но как-то были у нас в деревне тов. Ивченко и тов. Зинченко, предложили остаться здесь, на Украине, для организации восстания против белых. Я согласился. Когда пришли белые я был гоним, скрывался и жить дальше стало невыносимо и я решил догнать 14-ю Красную армию. Собралось нас по дороге, председателя, исполкомовских секретарей, человек 12-ть. По дороге в Черном лесу[2] мы попались в руки петлюровскому отряду, где был некто Шкурин. У нас проверили документы, раздели нас, 2-х расстреляли, так как они были великороссами, а нас не расстреляли ввиду того, что мы украинцы, [должны] вернуться и проводить идею петлюровщины. Конечно, мы были принуждены согласится и так мы вернулись домой. Спустя немного нас арестовали белые.

Конечно, нас расстреляли бы, но благодаря налету повстанцев, нам удалось бежать из под ареста. Стал работать подпольно, организовывать повстанческий отряд, приблизительно человек 300, мы все отступили в лес.

Вопрос № 1 к Якову Барабашу: Какого направления и каких убеждений был отряд, организованный Вами в числе 300 человек?

Ответ: Отряд организовывался для спасения шкуры. Когда организовался, то недели две носил характер красного повстанческого отряда или совласти и имел красное знамя и т. д.

Вопрос № 2: Что было после двух недель?

Ответ: Когда мы организовывались, то к нам в отряд могли пролезть люди какого угодно убеждений. И таким образом к нам в отряд попало несколько человек-самостийников. Некто Бондаренко, Полынь и т. д. и принялись агитировать за самостийность, что подействовало на повстанцев.

Вопрос № 3: Кто был командиром отряда и кем Вы там были?

Ответ: Ком[андиром] отряда был некто Киселев, работал под фамилией Хмара. Я был как организатор и благодаря агитации самостийников, у нас случился раскол, т. е. одни пошли за Бондаренком, а другие – за Киселевым. Киселев продолжал идти за Соввластью.

---

1 *Підпису заарештованого немає.*

---

1 *14 армія РСЧА – військове з'єднання Робітничо-Селянської Червоної армії (1919–1920 рр.). Створена у червні 1919 р. на базі 2-ї Української радянської армії у складі Південного, з січня 1920 р. – Південно-Західного фронту (перший командарм – К. Ворошилов). У 1919 р. вела важкі оборонні бої проти Збройних сил Півдня Росії на катеринославському, полтавському, сумському напрямках. У січні 1920 р. зайняла Катеринослав, розвиваючи наступ на одеському та тираспольському напрямках.*

2 *Чорний ліс – великий лісовий масив Правобережної України (тепер територія Олександрійського та Знам'янського районів Кіровоградської обл.). Центр гайдамацького руху XVIII ст., один із центрів українського повстанського руху у 1918–1922 рр.*

Вопрос № 4: Скажите, за какой партией Вы пошли – за самостийниками, или за соввласть? Что вы успели сделать?

Ответ: Сразу я остался с тов. Киселевым, а потом переговорили с Киселевым и меня он откомандировал в парт[ию] самостийников, для работы, т. е. уговорить повстанцев перейти обратно к тов. Киселеву за Соввласть.

Побыв там одну неделю, мне удалось уговорить человек 40 перейти к Киселеву, но благодаря тому, что тов. Киселев был убит в бою с белыми, мне пришлось быть ком[андиром] отряда. Мы пришли на ст. Верховцево, где мы присоединились к Милашко[1], т. е. работали в контакте.

Вопрос № 5: За что шел Милашко, т. е. за какую власть и почему Вы соединились с Милашко?

Ответ: Несмотря на то, что Милашко говорил сразу, что он идет ни за какую власть, т. е. идет только против белых, я знал, что он идет за самостийность и присоединился потому, что было безвыходное положение. Ввиду того, что белые были кругом нас и своей кучей бороться было невозможно.

Вопрос № 6: Что предпринял Милашко и что было в результате всего, до прибытия и когда прибыли, т. е., где девался отряд Мелашко?

Ответ: И так я рядом с Милашко, он уже стал открыто указывать, что он идет за самостийность. И когда Красная армия стала подходить к Павлограду, то Милашко издал приказ о том, чтобы все нашили шлыки к шапкам. Но повстанцы ответили Милашко: мы ждем своих тов[арищей]-братьев в лице Красной армии, которые только поддержат нас, т. е. избавят от белых. Милашко, после того, как повстанцы отказались от шлыков, попробовал продавить строгий приказ, но и это не помогло и когда красные части вступили в гор. Екатеринослав, мы тогда стояли в Верхнеднепровском уезде. У меня был отряд конный 120 человек. Всех было человек 400. Милашко отдал приказ о переезде в Сурско-Михайловку. На это я не согласился, а решил со своим отрядом отойти на стан[цию] Верховцево и встретить красные части для того, чтобы присоединиться к ним, но вышло иначе. Повстанцы расходились по домам, удержать я их не мог.

Вопрос № 7: Чем занимались, т. е., что Вы предприняли после того, как разбежались Ваши повстанцы?

Ответ: Ввиду того, что я был давно дома и не знал участи моих родных, я хотел отправиться домой в Дружинно-Надеждовку Верх[неднепров]ского уезда.

Вопрос № 8: Чем Вы занимались дома и сколько Вы пробыли дома?

Ответ: Занимался я хозяйством. Был я дома до марта месяца.

Вопрос № 9: А что было в марте и после с Вами?

Ответ: В марте месяце приблизительно меня захватила банда Милашко под силой оружия. Мне пришлось быть 4 дня в банде Милашко.

Вопрос №10: А после четырех дней, где Вы были и что было с Вами?

Ответ: Я убежал домой и был там до формирования продотряда в Комиссаровской волости.

Вопрос № 11: Скажите, за 4-х дневное пребывание в банде Милашко, где Вы успели побывать и что Вы делали, т. е. в качестве кого Вы там были?

[1] *Так у тексті. Тут і далі в тексті документів № 14–17, 19, 20, 22 прізвище вказане неправильно, правильний варіант – Мелашко.*

Ответ: В то время как раз был налет на Верхнеднепровск, где мне пришлось присутствовать, а был я там в качестве арестованного, это факт. При первой панике, т. е. при удобном случае, я убежал домой, о чем я заявил в милицию и тов. Зинченко, так как он был старшим милиционером.

17/II. Дело покамест пребывает неоконченным, следствие будет.

[підпис не розбірливий]

18/II. Начато для продолжения следствия

Вопрос № 12: Скажите, был ли над Вами поставлен караул?

Ответ: Караула не было, но я был под надзором и кроме всего, я был предупрежден, если я сорвусь, то все равно поймаем и тогда без суда я буду расстрелян.

Вопрос № 13: Была ли у Вас лошадь, седло, винтовка или вообще какое-либо оружие?

Ответ: Лошадь и седло были, а оружия никакого не было в виду недостатка и недоверия мне такового.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 3–3 зв, 48–50. Оригінал, рукопис.

№ 15 Протокол допиту Я.П. Барабаша

2 березня 1921 р.

Протокол допроса

1921 года марта м-ц 2 дня следствие при Верхнеднепровском Полит-Бюро допрашивал нижеследующего граждан[ина]

в качестве обвиняемого и будучи предупрежденным об ответственности за ложные показания, показал следующее: Я гр. фамилия Барабаш

имя и отчество Яков Прокофьевич

возраст 24 образование малограмотный профессия хлебоп[ашец]

партийность беспартийный чем занимался до революции на военной службе

с начала революции формирован[ие] Красной Гвардии

чем занимается в настоящее время командир продотряда

семейное положение холост социальное положение нет

Вопрос: Были ли в банде Милашко?

Ответ: Был под силой оружия.

Вопрос: Тогда поясните, при каких обстоятельствах произошло насилие?

Ответ: Приехало 15 чел. кавалерис[тов], которые силой забрали меня из дому.

Вопрос: Кто убил Слизкоухова?

Ответ: Не знаю. Я отсюда убежал и его никогда не видел.

Вопрос: Кто убил парикмахера Кривицкого?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Участвовали ли Вы в банде Живодера и налете на В[ольные] Хутора?

Отв[ет]: Нет, я не участвовал, а наоборот, я давал всякие сведении о бандах Зинченко и политбюро, так как мой брат служил в политбюро.

[Вопрос]: Во время убийства Криницкого Вы у милиционера Павленко забрали седло?

Ответ: Нет. Я Павленко встретил на улице и он попросил у меня денег. Я ему дал 300 руб.

В[опрос]: Вы платили Павленко за седло деньги?
Ответ: Нет. Во время сражения с белыми Павленко находился в моем отряде и седло находилось в отряде. Когда Павленко заболел, он уехал на излечение, а седло оставил в отряде, где находится и теперь.
Вопрос: После налета Живодера на Вольные Хутора, Вы проезжали на вороной лошади и подавали руку Живодеру и что Вы ему говорили по секрету, на что он Вам ответил: «Молодец»?
Ответ: Я никогда у Живодера не был ни одного дня. Может подтвердить товар[ищ] Зинченко.
Вопрос: Вы в плену у Живодера видели милиционеров Кравцова, Петрикова и Бочкова в Комиссаровском лесу и зачем Вы ехали лично к Живодеру?
Ответ: Я не видел, их не знаю. Но когда моего брата забрал в плен Живодер, то [за] брата пообещали достать ему автоматическую винтовку. Тогда Живодер его отпустил. Я в то время был в поле, то его отряд встретил меня с поля и я пробыл в плену 2 часа и видел каких-то пленных и не знал ни одного. Но брат сказал, что забрали штаб Вольнохуторской милиции.
Вопрос: Зачем Вы брали отпуск до налета Живодера на В[ольные] Хутора?
Отв[ет]: Я никакого отпуска не брал.
[Вопрос]: Что Вы говорили милиционеру Павленко во время Вашего налета на город?
Ответ: Ничего не говорил.
Вопрос: Участвовали ли Вы в ограблении уездного казначейства?
Отв[ет]: Нет.
Вопр[ос]: Когда произошло убийство партийного работника Слизкоухова?[1]
Ответ: Не знаю.
Вопрос: Были ли Вы членом К.П.Б.?
Отв[ет]: Я только состоял в 1918 г. в коммунистической полковой ячейке 4-го Воронежского регулярного полка состоя в должности начальника кавалерии.

Продолжение допроса Барабаша
на очной ставке с Павленко и Бычко.

Вопрос милиционеру Кириллу Бычко: Видели ли Вы у Живодера Якова Барабаша?
Отв[ет]: Я действительно его видел. Он проехал на вороной лошади в белом костюме, сделал кавалерийские «ножницы» на лошади. Живодер ответил: «Хорошо живешь!». Потом Барабаш соскочил с лошади, начали ходить по тропинке под руку с Живодером. Что говорили, я не слышал. Потом, когда Барабаш уходил, то Живодер похлопал его по плечу. Больше показать ничего не могу [підпис].
Ответ Якова Барабаша: Показания Кирилла Бычко опровергаю, могут подтвердить крестьяне [підпис].
Барабаш ссылается на крестьянина Федота Шепеля Алферовской волости, деревни Дружково Надежино и другие граждане, которых помнит, человек 20 приблизительно [підпис].
Очная ставка с милиционером Павленко
[Вопрос Я. Барабашу]: Платили ли деньги Павленко за седло?
Отв[ет]: Нет. Подтверждаю свое первое показание.

[1] *Так у тексті. Прізвище вказане неправильно, правильний варіант – Слизкоух*

Вопрос Павленко: Платил ли Барабаш Вам деньги за седло?
Ответ: Платил, но сколько, не помню.
Вопрос Павленко: Что Вам говорил Барабаш во время налета на город?
От[вет]: «Бей жидов, спасай Россию». Я сказал незачем это делать.
Вопрос Павленко: Кто убил парикмахера Кривицкого?
Ответ Павленко: Я лично видел, что Барабаш в парикмахера Кривицкого, находящегося в предсмертных судорогах, застромил шашку в него. [підпис].
Яков Барабаш отрицает это показание, добавляя, что в город Верхнеднепровск въехал отряд Милашко численностью человек 150. Не могу объяснить причины такого показания Павленко на меня [підпис].
Барабаш просит допросить свидетелей т[оварища] Зав[едующего] политбюро Лукъяненко и т[оварища] Овчинникова комиссара 3-го райпродкома в селе Комиссаровка – Саксагани или Алферовка и т[оварища] Бумажного находящегося [в] Комиссаровке и т[оварища] Зинченко Петра бывшего пред[седателя] вол[остного] исполкома в Новобогодановка Алферовской волости.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 4–9. Оригінал, рукопис.

№ 16 Протокол допиту свідка Г.Д. Луканейка у справі Я.П. Барабаша

2 березня 1921 р.

Протокол допроса
1921 года марта м-ц 2 дня следствие при Верхнеднепровском Полит-Бюро допрашивал нижеследующего граждан[ина] в качестве свидетеля и будучи предупрежденным об ответственности за ложные показания, показал следующее: Я гр. фамилия Луканейко.
имя и отчество Георгий Дмитриевич.
возраст 1896 образование низшее профессия шофер партийность КП(б)У
чем занимался до революции работал с начала революции тоже.
чем занимается в настоящее время Зам[еститель] зав[едующего] политбюро семейное положение женат социальное положение ничего.
Вопрос: Что Вы знаете по делу Якова Барабаша?
Отв[ет]: В сентябре мес[яце] 1920 г., через его брата Павла Барабаша, который сейчас убит бандитами у них дома, в деревне Дружнадеждовка, Алферовской волости, работал на продработе. За этот период времени я за ним плохого ничего не заметил, даже он производил на меня очень хорошее впечатление. После я узнал, что он состоял в отряде Милашко и участвовал в налетах на В[ерхне]днепровск. Кроме того, алферовские граждане мне рассказывали, что Яков Барабаш, будучи в отряде Милашко, занимал в нем командную должность. Один раз приехал Алферовку, зашел в театр во время спектакля в очень пьяном виде со своей братией тоже пьяной, приказал никому не выходить из театра и начал отнимать одежду и обувь публики и заявляя, что это нужно для его солдат. Чем эта история кончилась я не знаю, но это было. Мне говорили многие. За пребывание его в отряде Живодера я ничего не знаю. В первые дни моего знакомства с Я. Барабашом, последний произвел хорошее на меня впечатление, почему я ничего не имел против его назначения на командный

состав и за все время пребывания его в отряде, я за ним ничего не заметил.
[підпис]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 13–13 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 17 Витяг з протоколу засідання трійки Верхньодніпровського Політбюро у справі Я.П. Барабаша

9 травня 1921 р.

Выписка
из протокола № 15 заседания ТРОЙКИ, состоявшегося 9 мая 1921 года под председательством Заведующего Политбюро тов. ИОДКО. Члены: за отсутствием уполномоченного по Полит-Партиям тов. РЕМНЕВА – Уполномоченный по борьбе с бандитизмом тов. ПЕТКЕВИЧ и Секретарь тов. КАУН.

СЛУШАЛИ:
Дело № 99/1 БАРАБАША Якова, обвиняющегося в бандитизме и убийстве партийных работников.
ПОСТАНОВИЛИ:
Следствие по делу БАРАБАША считать законченным и обвинение доказанным в службе и участии в налете на город Верхнеднепровск в банде Милашко; дело с личностью направить в Особый Отдел Губчека.

Подлинный за подписями присутствующих.
С подлинным верно: Секретарь Полит-Бюро [підпис]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 51. Завірена копія, машинопис.

№ 18 Покази Я.П. Барабаша

17 серпня 1921 р.

[Вопрос:] Кто тебе поручил формировать отряд в 1919 г.?
[Ответ:] Ни от кого поручений не получал, а формировал по собственной инициативе.
[Вопрос:] Кому подчинялся Ваш отряд?
[Ответ:] Лично мне, т. к. я его был командиром.
[Вопрос:] Назначение этого отряда каково было?
[Ответ:] Это был повстанческий отряд против деникинцев.
[Вопрос:] Какова численность отряда была?
[Ответ:] Человек 30–35.
[Вопрос:] Было ли вооружение у Вашего отряда?
[Ответ:] Да было: винтовки, обрезы и револьверы.
[Вопрос:] Откуда брали это оружие?
[Ответ:] Доставали у крестьян.
[Вопрос:] Долго существовал Ваш отряд?

[Ответ:] С октября 1919 г. до прихода Соввласти в 1920 г.
[Вопрос:] Приходилось ли Вам активно выступать против деникинцев?
[Ответ:] Да приходилось, но редко.
Во изменение ответа на первый вопрос скажу, что отряд был уже сформирован гр. Киселем[1], но после освобождения из-под деникинского ареста, путем побега, мне пришлось влиться в отряд гр. Киселева и после убийства последнего, я принял командование этим отрядом, в котором я оставался.
[підпис] (БАРАБАШ)
Помуполном[оченный] [підпис] (К. МИТРЕВИЧ)

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 62–62 зв. Оригінал, рукопис.

№ 19 Покази Я.П. Барабаша

17 серпня 1921 р.

Показания Барабаша Якова,
17-го августа 1921 г.
[Вопрос:] Будучи в банде Милашко, Вам было известно о том, что Вам комсостав этой банды собирается поручить формировать конную сотню?
[Ответ:] Нет, об этом мне ничего не было известно.
[Вопрос:] Когда Вас арестовала банда Милашко, над Вами, как над арестованным, был ли поставлен караул?
[Ответ:] Специального караула не было.
[Вопрос:] Чем же было вызвано такое доверие со стороны банды по отношению к Вам?
[Ответ:] Т. к. они думали, что я у них буду служить, как и другие.
[Вопрос:] Занимали ли Вы ответственные советские должности?
[Ответ:] Был командиром отряда, формированного лично мною, по разведке, выкачиванию оружия, по борьбе с бандитами.
[Вопрос:] Кем было поручено формировать отряд?
[Ответ:] Тов. Зинченко, который был уполномочен уездвоенкоматом, а он меня уполномочил.
[Вопрос:] Чем было вызвано хорошее отношение к Вам со стороны Живодера и его банды, ибо ведь всем не безызвестно, что Вы были ответственным советским работником?
[Ответ:] Верно, ему по слухам было известно, что я совработник, но может быть он вечером или ночью хотел со мной что-либо сделать.
[Вопрос:] Почему это по отношению других советских работников, не дожидаясь ни дня, ни ночи, а расстреливал сразу, это ни для кого не секрет?
[Ответ:] Безусловно, но объяснить точно не могу. Так случилось.
[Вопрос:] Про убийство Кривицкого и др. что Вы можете сказать?
[Ответ:] Ничего не знаю.
В показаниях расписываюсь [підпис] (БАРАБАШ)
Помощник уполном[оченного] [підпис] (К. МИТРЕВИЧ)

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 63–63 зв. Оригінал, рукопис.

[1] *Так у тексті. Прізвище вказане неправильно, правильний варіант – Киселевым.*

№ 20 Доповідь по справі Я.П. Барабаша

25 серпня 1921 р.

Доклад по делу № 1140,

по обвинению гр-на Барабаша, Якова Прокопьевича – 24-х лет, в бандитизме, выразившемся в службе в бандах Милешко и Живодера и убийстве советских работников в г. В[ерхне]днепровске.

25го августа 1921 г. помощн[ик] уполномоченн[ого] Отдела по борьбе с бандитизмом ЕГЧК Митревич, рассмотрев и закончив следственное производство по сему делу установил:

Гр-н Барабаш Яков арестован Верхнеднепровским Политбюро, на основании заявлений двух конных милиционеров В[ерхне]днепр[овской] уездмилиции Павленко Евсея и Бычко Кирилла, которые говорят, что Барабаш Яков служил в банде Живодера и они его видели, когда были в плену у этой банды, а из заявления гр-на Слизкоуха Ивана видно, что Барабаш был в банде Милашко, с которой участвовал в налете на г. Верхнеднепровск (л. д. 41, 43 и 44).

В периоде следствия выяснилось:

Из показаний самого обвиняемого Барабаша Якова видно, что в марте месяце 1920 года, он был захвачен бандой Милашко под силой оружия, когда этой бандой был сделан налет на город Верхнеднепровск. Был в банде, как арестованный, под надзором, никого не грабил, не убивал и оружия при себе не имел.

На вопрос: «Был ли поставлен над Вами, как арестованным, караул?», Барабаш ответил: «Нет, караула, как такового, надо мной поставлено не было!». Пробыл в банде пять суток, после чего бежал. После бегства из банды Милашко, находясь дома на полевых работах в июне м[еся]це 1920 г., он был схвачен приехавшими 3-мя вооруженными бандитами, которые увезли его в лес около с. Комиссаровки, к командиру банды, который назывался Живодером. Увидя Барабаша, Живодер ударил его по лицу и начал кричать за то, что он сидит дома, когда по всей Украине идет повстание. Затем, во время беседы, Живодер предложил Барабашу стакан самогону, который Барабаш выпил. Живодер и его банда были пьяны и Барабаш, воспользовавшись этим случаем, бежал из банды после двухчасового пребывания в ней.

После объявления мобилизации Барабаш находился на советской службе, которому было поручено формировать кавалерийский отряд для уездвоенкомата В[ерхне]днепр[овского] уезда.

После формирования и сдачи отряда в уездвоенкомат, был назначен командиром взвода 1-го продотряда, который он, Барабаш, формировал, в котором прослужил до ареста. Что касается предъявленного ему обвинения в убийстве партийных работников Кривицкого и Слизкоуха, Барабаш категорически отрицает свою вину в этом (л. д. 53 и 54).

В показаниях своих на очной ставке с Барабашом, милиционер В[ерхне]днепровской уездмилиции Бычко Кирилл, говорит, что он действительно видел Барабаша в банде Живодера. Он приезжал на вороной лошади, в белом костюме, сделал кавалерийские «ножницы» на лошади, на что Живодер ответил: «Хорошо делаешь!». Потом Барабаш соскочил с лошади, начал ходить под руку с Живодером по тропинке, о чем у них был разговор, Бычко Кирилл не мог слышать. Затем, когда Барабаш отходил от Живодера, последний его похлопал по плечу и сказал: «Молодец!!!», на что Барабаш ответил: «Постараюсь!». Бычко все это знает потому, что все время находился в плену у банды Живодера (л. д. 13).

В показаниях своих и на очной ставке милиционера Верхнеднепровск[ой] уездмилиции Павленко Евсея с Барабашом, Павленко на вопрос: «Что Вам говорил Барабаш во время налета на г. Верхнеднепровск?», отвечал: «Барабаш говорил: «Бей жидов, спасай Россию!»», а на вопрос: «Знаете ли Вы, кто убил Кривицкого?», Павленко Евсей ответил: «Я лично видел, что Барабаш в парикмахера Кривицкого, находящегося в предсмертных судорогах, застромил свою шашку» (л. д. 7 и 7 об.).

Из показаний жителя с. Комиссаровки, гр-на Ерша Филиппа Петровича видно: Барабаш Яков действительно был в банде Милашко и занимал командную должность, о чем ему сам Барабаш рассказывал. Делал налет на г. Верхнеднепровск и бил евреев (л. д. 10).

Из показаний Зам[естителя] зав[едующего] политбюро Верхнеднепровского уезда т. Лукьяненко видно, что ему известно, что Барабаш состоял в банде Милашко, участвовал в налете на г. Верхнеднепровск, кроме этого Алферовские гр-не ему рассказывали, что Яков Барабаш, будучи в банде Милашко, занимал в ней командную должность. Однажды приехал в Алферовку, зашел в театр во время спектакля, в очень пьяном виде со своей братией, тоже пьяной, приказал никому из театра не выходить и заставил снимать одежду и обувь с публики, заявляя, что это нужно для его солдат, чем эта история кончилась, т. Лукьяненко не знает (л. д. 13).

В показаниях своих Иван Слизкоух, брат убитого, Демьяна Слизкоуха, определенно говорит, что убийство это совершено во время налета банды Милашко на г. В[ерхне]днепровск, убил его Яков Барабаш (л. д. 14), что подтверждается милиционером Павленко Евсеем в следующих показаниях: во время налета банды Милашко и занятия последней города В[ерхне]днепровска, он, Павленко, лежал в больнице. Его заинтересовало, кто занял город и [он] вышел на улицу до парикмахера Кривицкого, то видел, как Барабаш сам рубил шашкой этого парикмахера Кривицкого, после чего Барабаш Павленко, как знакомому, сказал, что он убил вождя Красной армии Слизкоуха Демьяна, после сказанного, погнался за одним евреем во двор. После этого Павленко Барабаша не видел (л. д. 15).

В деле имеются положительные отзывы за гр. Барабаша, сплошь за последнее время его службы, с половины 1920 г. в Красной армии.

Заключение.

На основании вышеизложенного, факт службы в банде Живодера и Милашко, а также убийство советских работников Кривицкого и Слизкоуха со стороны гр-на Барабаша Якова, считать доказанным и из мельчайших обстоятельств дела усматриваю, что пребывание Барабаша в указанных бандах не было результатом насильственного захвата, а личное желание Барабаша, а может быть и несознательностью, хотя последнее мало оправдывается, ибо Барабаш достаточно развит в политическом отношении, предлагаю применить к нему высшую меру наказания – расстрел.

Дело прекратить и сдать в архив.

Помощн[ик] уполном[оченного]: К. Митревич

Согласна: Симонова.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 64–65. Оригінал, рукопис.

№ 21 Витяг з протоколу засідання Колегії Катеринославської ГубНК у справі Я.П. Барабаша

26 серпня 1921 р.

Выписка[1]

из протокола № 55 заседания Коллегии под председательством тов. ТРЕПАЛОВА, секретаря тов. СУХОДОЛЬЦА, членов Коллегии: т. т. ЛЕПЛЕВСКОГО, ИВАНОВА, ПЕТРОВА, присутствующего от Губкома тов. ПЕТРОВСКОГО

Екатеринославской Губернской Чрезвычайной

Комиссии от «26» дня августа месяца 1921 года

СЛУШАЛИ:

13) Дело № 1140 по обвинению гр. Барабаша Якова Прокофьевича – 24 лет, урожден. Екатеринославской губ., В[ерхне]днепровского уезда, Алферовской волости, – в бандитизме, выразившемся в службе в бандах Живодера и Мелашко, убийстве советск[их] работников Кривицкого и Слизкоуха и налете на В[ерхне]днепровск.

ПОСТАНОВИЛИ:

Считать предъявленное обвинение гр. Барабашу Я.П. – доказанным и применить к нему высшую меру наказания – РАССТРЕЛ.

Приговор привести в исполнение в 24 часа.

Дело прекратить и сдать в архив.

С подлинным верно за надлежащими

подписями: секретарь [підпис нерозбірливий].

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 66. Оригінал, машинопис.

№ 22 Висновок по справі Я.П. Барабаша

3 лютого 1997 р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивному уголовному делу № 23101

в отношении Барабаша Я.П.

По постановлению коллегии Екатеринославской чрезвычайной комиссии от 26 августа 1921 года.

Барабаш Яков Прокофьевич, 1898 года рождения, уроженец с. Дружно-Надеждовка, Алферовской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, украинец, не судимый, проживал в Верхнеднепровском уезде, –

за бандитизм подвергнут высшей мере наказания – расстрелу.

Барабаш Я.П. признан виновным в том, что, проживая в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии, состоял в бандах Живодера и Мелешко, участвовал в убийстве советских работников Кривицкого и Слизкоуха и в вооруженном налете на г. Верхнеднепровск.

[1] *Документ затверджено круглою печаткою з написом всередині «Екатеринославская Губернская Чрезвычайна Комиссия при Губисполкоме».*

В предъявленном обвинении Барабаш Я.П. признал себя виновным частично, признал, что находился в бандах Живодера и Мелешко, но только в качестве арестованного, участия в налете на г. Верхнеднепровск не принимал и евреев не убивал. От Мелешко получил лошадь и седло, оружия не имел.

л. д. 53–55, 62.

Вместе с тем виновность Барабаша Я.П. в инкриминированном ему преступлении подтверждается материалами уголовного дела.

Так, свидетель Бычко Кирилл на очной ставке с Барабашом Я.П. показал, что тот состоял в банде Живодера, где он, Бычко, его видел, будучи там пленным. Барабаш приехал в расположение банды на лошади, одет был в белый костюм, с Живодером держался по-дружески, ходил с ним под руку и о чем-то рассказывал, после чего Живодер похлопал Барабаша по плечу и сказал: «Молодец», на что тот ответил: «Постараюсь».

л. д. 6.

Свидетель Павленко Е.Г. показал, что был очевидцем того, как во время налета банды Мелешко на город Верхнеднепровск находившийся в банде Барабаш Я.П. зарубил шашкой парикмахера Кривицкого. При этом сказал, что он убил также красного ватажка Слизкоуха.

л. д. 15.

Свидетель Ерш Ф.П. показал, что ему, со слов Барабаша Я.П. известно, что тот в банде Мелешко занимал командную должность и участвовал в налете на город Верхнеднепровск.

л. д. 10.

Аналогичные показания дал свидетель Лукьяненко Г.Д.

л. д. 13

Оценивая имеющиеся в уголовном деле доказательства, следует признать, что Барабаш Я.П. привлечен к уголовной ответственности обоснованно.

Заявлений о реабилитации не поступило.

На основании изложенного и в соответствии со ст. 2 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года, п. 13 постановления Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», считать Барабаша Якова Прокофьевича обоснованно привлеченным к ответственности по настоящему уголовному делу и не подлежащим реабилитации.

И.О. прокурора области

государственный советник юстиции

3 класса

«03» февраля 1997 г. [підпис] Г.З. Байрак

Справка: Дело пересмотрено в порядке выполнения указания от 12.06. 1991 года.

Сообщение о принятом по делу решении не направлялось.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23101. Арк. 68–69. Оригінал, машинопис.

БОЙКО Дорофій (Дорош) Хомич

(?–1921)

Український повстанський отаман (1920–1921 рр.) Павлоградського повіту Катеринославської губернії. З селян с. Новопавлівка, Новопавлівської волості Павлоградського повіту. Учасник Першої світової війни, молодший унтер-офіцер 619-го Злочевського полку. У вересні 1917 р. був поранений, відправлений до шпиталю.

Навесні 1920 р. займав посаду писаря при Новопавлівській сільраді. Перші повідомлення про дії загону Бойка відносяться до жовтня 1920 р. У травні 1921 р. чисельність загону Д. Бойка становила до 250 шабель при 6 кулеметах та 25 тачанках. У ніч на 14 травня Д. Бойко здійснив напад на с. Троїцьке, в 7-ми верстах на схід від Петропавловки. Після 6-ти годинного бою з членами місцевого комуністичного осередку, загін Д. Бойка відступив [1, арк. 173]. Ліквідація загону Д. Бойка відноситься до початку жовтня 1921 р. [2, арк. 331], після чого сам отаман переховувався на території Маріїнської артілі іоаннітів, а рештки його загону перейшли до Гришинского повіту Донецької губ. Як видно із опублікованих у цьому виданні матеріалів, Дорофій Бойко був підступно вбитий членами артілі (Єремелець С.О., Циганок І.П., Ненад М.П., Давиденко К.О., Бичек І.Т., Гребенюк О.О.) і таємно похований на землі релігійної громади.

Бібліографічні посилання:
1. ДАДО. Ф. Р-3373, оп. 1, спр. 10.
2. ДАДО. Ф. Р-3373, оп. 1 додатковий, спр. 1.

№ 23 Протокол допиту свідка І.Г. Стародуба

28 січня 1929 р.

Дело № ___

ПРОТОКОЛ.

1929 г. Января м-ца «28» дня. Уполномоченный Д[непро]петровского отд. ГПУ УССР Антонюк допросив ниженазванного гр. Стародуба как свидетеля, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Стародуб Иван Григорьевич
2. Возраст: 1904 г.
3. Место рождения и приписки: в с. Ивановке, Меж[евской] р[айон]
4. Происхождение: сын крестьянина
5. Имущественное положение член артели «Колос»
6. Подданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: на военучете состою
10. Профессия: хлебороб
11. Занимаемая должность: председатель совета артели
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: нет
13. Партийная принадлежность: кандидат компартии
14. Состоит ли в профсоюзе: нет

15. Точный адрес: артель «Колос» Межевского р-на .
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации нет .

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: Мне хорошо известно, что в нашей артели есть винтовки. Эти винтовки были принесены возвращающимися из войны солдатами из артели. По моему подсчету всех винтовок двенадцать штук. Прятались они Цыганком Игнатом Павловичем и Тарасенком Феодосий Митрофановичем быв[шим] белогвардейцем. Эти лица мне хорошо известно, что прятали винтовки. Об этом, что они прятали винтовки еще говорили Леонов Николай, Стародуб Кузьма, Григорьевич, Ненад Федот Михайлович. Должен знать об этих винтовках еще Давиденко Кирилл Онуфриевич, Приходько Ефим Васильевич, Чернокнижный Григорий Яковлевич, Давиденко и Чернокнижный быв[шие] белогвардейцы.

Мне еще хорошо известно, что в 1921 г. летом, в артели[1] скрывалась банда Бойко с тачанкой. В этой банде было двенадцать человек. Выждав походящий момент, эти бандиты из артели совершили того же дня налет на Ново-Павловский сельсовет. Тогда же ими в сельсовете было захвачено и убито несколько коммунистов (братские могилы убитых в Н[ово]-Павловке). После этого бандиты столкнулись с красными частями и были разбиты. Остатки банды, человек пять во главе с Бойко, добрались в нашу артель, где их наше правление спрятало. Были тогда красные, но их не нашли. Помню, оказывали содействие бандитам и прятали их тогда Давиденко Кирилл Ануфриевич, Чернокнижный Григорий Яковлевич, Ненад Михаил Прокопьевич, Солонко Макар Степанович, Цыганок Игнатий Павлович, Тарасенко Федосий Митрофанович, Приходько Ефим Васильевич, Угнивенко Деонисий Савич, Новикова Фекла Петровна, Апанасенко Екатерина Трофимовна, Линник-Фоменко Анна Трофимовна, Борт Улита Платоновна. Последняя являлась кухаркой, готовила обеды бандитам. Банда Бойко петлюровского направления. Эта банда бывала в артели не один раз, а почти всегда. Приезжая в артель, [бандиты] чувствовали себя всегда в безопасности [...][2].

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 11239. Арк. 39 зв. – 40. Оригінал, рукопис.

---

1 *Новопавлівська колонія релігійної групи християн-іоаннітів (шанувальники протоієрея Іоанна Кронштадського, які вбачали у ньому нового Христа), склалася на початку XX ст. Колонія була заснована до 1911 р. у с. Новопавлівка Павлоградського повіту на засадах релігійної громади та спільного ведення господарства. Була визнана Синодом Православної церкви єретичною (1912 р.). У 1918–1921 рр. представники громади підтримували повстанців, брали участь у махновському русі. На початку 1920-х рр. в громаді мешкало до 370 осіб, артіль мала добру професійну підготовку, сільськогосподарський інвентар. На 1923 р. в колонії формально було прийнято статут оновленої (т.зв. «Живої») православної церкви.*

2 *Опущено текст щодо антирадянської налаштованості вищезгаданих членів артілі.*

№ 24 Протокол допиту обвинуваченого К.О. Давиденка

3 лютого 1929 р.

Дело № ____

ПРОТОКОЛ.

1929 г. Февраля м-ца «3» дня. Уполномоченный Д[непро]петровского отд. ГПУ УССР Антонюк допросив ниженазванного гр. Давиденко как______________, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Давиденко Кирилл Онуфриевич
2. Возраст: 1893 году
3. Место рождения и приписки: с. Подгороднее, Меж[евской] р[айон]
4. Происхождение: сын крестьянина
5. Имущественное положение член артели «Колос»
6. Подданство: УССР
7. Образование: низшее
8. Семейное положение: женат, на иждив[ении] три чел.
9. Отношение к воинской повинности: на военучете состою
10. Профессия: хлебороб
11. Занимаемая должность: Зампред совета артели «Колос»
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: нет
13. Партийная принадлежность: беспартийный
14. Состоит ли в профсоюзе: нет
15. Точный адрес: артель «Колос» Межевского р-на
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации служил в белых 1,5 месяца

Будучи предупрежден о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: Я решился открыть вам секрет. Этот секрет я все время хранил и никому об этом не говорил. Заключается это в следующем: в дни бандитизма и гражданской войны нашей артели пришлось перенести многое. Еще больше переживал я в это время. Будучи председателем совета артели, был у всех на виду. Заезжающие банды в артель почти всегда находили приют в последней. Банда Бойко в 1921 году часто скрывалась в артели. Скрывалась эта банда от красных. Мы их передерживали и давали продовольствие. Эти бандиты в 1921 году произвели налет на с. Н[ово]-Павловку, где в сельраде ими было захвачено несколько человек, из коих два человека убито. Этих два человека он убил, мне известно, что красноармейцев. Тогда председателя КНС ранено. После этого Бойко Дорош был разбит и потерял в бою весь свой отряд. Скрываясь в степи, он ночью бывал в артели с тем, чтобы покушать. Так продолжалось несколько дней. И вот, какого числа не помню, мы решили убить Бойко. Сделать это мы решились с тем, чтобы этим спасти многих граждан, которые могли пострадать от его банды. Нами были приняты меры уничтожить его. Когда меня он вызвал для каких-то переговоров в сарай, где он ужинал ночью, я условился с Ненадой М.П., Еремельцем Степаном Алексеевичем, его убить. Явившись в сарай, я поздоровался с Бойко за руку. В то время по условию Степан Еремелец ударил его по голове приготовленным на то молотком. Он, Бойко, в это время упал на пол. Лампа потухла. Мы его схватили за руки, но он, лежа на земле, держал револьвер и стрелял. Видя такое дело, я выхватил нож и начал резать ему горло. Он стрелял до последнего, стрелял еще тогда, когда я ему резал горло. В это время, выхватив у него наган, тем прекратил стрельбу. Зарыт был Бойко сейчас же в карьере, в песке. Зарывали его Бычек Иван Тимофеевич, теперь священник и Цыганок Игнат Павлович. Кроме вышеозначенных лиц знать никто не знает о том, что Бойко Дороша убили. Знала еще об этом Каргачева Екатерина. Находящееся оружие, револьверы системы «Наган» Бойко взяты были мною. Револьверов было два, оба новенькие и вполне исправные. Эти револьверы я спрятал. Через два дня дал Еремельцу Степану спрятать. Прошло некоторое время, я видел их на чердаке спрятанными в крыше. При них были патроны. Частично револьверы заржавели. На этом чердаке я тогда же их перепрятал в другое место. Спустя некоторое время их там не оказалось. Куда они делись, мне не известно.

Относительно партии винтовок могут дать сведения Еремелец Степан Алексеевич и Цыганов Игнат Павлович. Они эти винтовки прятали, и они о них должны знать. Все верно, в чем и расписываюсь. [підпис Давиденка]

Все, что мною показано на допросе и все что мне говорилось буду держать в строжайшей тайне. В случае разглашения с моей стороны буду отвечать перед судом чрезсессии. В чем и расписываюсь. [підпис Давиденка]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 11239. Арк. 45–46. Оригінал, рукопис.

№ 25 Протокол допиту обвинуваченого С.О. Єремельця

4 лютого 1929 р.

Дело №____

ПРОТОКОЛ.

1929 г. Февраля м-ца «3» дня. Уполномоченный Д[непро]петровского отд. ГПУ УССР Антонюк допросив ниженазванного гр. ________________как обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Еремелец Степан Алексеевич
2. Возраст: 1878 г. .
3. Место рождения и приписки: с. Ивановке, Межевской р[айон]
4. Происхождение: сын крестьянина
5. Имущественное положение сельское хозяйство и плотничество
6. Подданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: вдов
9. Отношение к воинской повинности: с военучета снят
10. Профессия: плотник-колесник
11. Занимаемая должность: плотник и хлебороб
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: нет
13. Партийная принадлежность: б[ес]пар[тийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: нет
15. Точный адрес: с. Н[ово]-Павловка Межевского р-на
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации нет

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: В мариинской артели, теперь артель «Колос», состоял

с 1911 года по 1926 год. В 1926 году из артели вышел по своему желанию и поселился в начале в 18 верстах от Новогорода. Там также имеется артель. Эта артель состоит из 14 человек. Еще будучи в артели «Мариинской», мне из Новогорода писали письма, в которых просили немедленно приехать. Им я был необходим исключительно для поддержания хозяйства. Вот почему я туда и поехал. Прибывши туда, пробыл всего полтора года. После чего приехал в село Н[ово]-Павловку. Больше там не схотел быть, т. к. мне там не понравилось. Будучи в селе Новопавловке, артель «Колос» посетил всего раза три. Теперь я расскажу о том периоде, когда была гражданская война. В тот период я был в артели. В 1921 году в нашей артели бывал бандит Бойко. Этот Бойко растерзал в Н[ово]-Павловке коммунистов. Бойко делал налеты на сельсоветы. Он почти всегда скрывался в артели. Давали ему кушать, отказаться поддержать его нельзя было, так как он мог уничтожить нас. И вот летом, в каком году, не помню, Бойко скрывался в артели, отряд его был разбит. Мы решили его убить. Вечером, когда принесли ему кушать, Давиденко К.Д. поздоровался, дал ему руку. Когда Давиденко сжал его руку, я его ударил по голове молотком. Он упал на пол. Мы схватили его за руки, но он успел выхватить один револьвер и начал стрелять. В это время я, Ненад М.П., схватили его за руки, а Давиденко в это время выхватил нож и разрезал ему горло. Когда Бойко был мертв, мы все вместе взяли дроги и отвезли в карьеры, где уже была приготовлена яма. Яму копали Бычек Иван Тимофеевич, теперь священник и Цыганок Игнат Павлович. Два находящиеся при Бойко нагана я взял себе, некоторое время прятал их, а потом побросал в колодец. Один возле прачечной колодец, а другой колодец, куда я бросил револьвер, возле кочегарки. Патроны, десять штук, разбросал. Относительно оружия вообще находящегося в артели могу сказать, что я его прятал. Прятал шесть винтовок, один наган, одну шашку и две тысячи патронов. Это оружие я спрятал в артели в саду в 2-х шагах от каменного креста. Это оружие должно быть там и сейчас. Участвовал в закапывании оружия в саду Зуенко Ф., он умер. Считаю, что это оружие и теперь там, его нужно найти.

Все записано правильно. В чем я расписуюсь. Стефан Еремелец.

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 11239. Арк. 49–50. Оригінал, рукопис.

№ 26 Протокол допиту обвинуваченого М.П. Ненади

26 лютого 1929 р.
Дело №____

ПРОТОКОЛ.

1929 г. Февраля м-ца «26» дня. Уполномоченный Д[непро]петровского отд. ГПУ УССР Антонюк допросив ниженазванного гр. Ненада как обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Ненад Михаил Прокофьевич
2. Возраст: 52 лет

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: В годы гражданской войны банда Бойко Дороша постоянно заезжала в артель. Мы их принимали и кормили. Принимали их радушно, так как и всех, хотя к советским войскам относились враждебно. Лично я с Бойко был знаком еще до того, как он начал заезжать к нам в артель. Познакомился с ним еще в начале переворота, тогда в Ново-Павловском сельсовете, при соввласти, он занимал какую-то должность. Потом его я увидел в артели. Первый раз, когда он ночевал у нас в конюшне, об этом я не знал. Знала об этом Гребенюк Елена Емельяновна, она безусловно, докладывала все без исключения Каргачевой[1]. Второй раз, как он приезжал верхом на лошади, к нему меня послала Каргачева Е.Ф. Послала с ним переговорить. Он тогда меня звал, как знакомого. Вместе с ним, вечером, кроме него были еще каких-то два человека. Я с ним переговорил, что я с ним тогда говорил, сейчас никак вспомнить не могу. Постараюсь припомнить и дать показания дополнительно. Была при этом разговоре Гребенюк Елена или Мараховец Февրония. О том, что Бойко бандит, знала об этом вся артель. Потом еще, помню, вечером, в каком месяце и году не помню, Бойко явился в артель один. Пришел он пешком. Явившись один, Бойко пришел к больнице, встретил его, кажется, Терещенко или Цыганок. О том, что он явился, знали многие. Знала об этом Каргачева. Мы его скрывали. Прятался в артели один, т. к. отряд его был разбит. Когда он скрывался, и мы ему помогали скрываться, то в это время приезжал отряд красноармейцев, искавших его. Бойко им найти у нас не удалось. Бойко скрывался у нас, находя у нас поддержку, решил повести связь с селами, для этого он вызвал однажды вечером меня и Давиденко Кирилла. Вызвавши, он предложил вырыть ему в земле землянку и оббить внутри досками, где он будет писать в соседние села и свое дело сделает. Больше, что он мне говорил, я не помню. Но помню, что мы пообещали ему все сделать. Потом, собравшись, я, Давиденко Кирилл Онуфриевич и Еремец Степан Алексеевич, Бычек Иван Тимофеевич (теперь священник), Цыганок Игнат Павлович, Гребенюк Елена Емельяновна, Зуенко Федор (умер), мы посоветовались, что если его скрыть, то жизни нам не будет. Он мог сдаться, или могли его обнаружить, и тогда [он] мог все рассказать о нас и нам тогда несдобровать. Мы решили его убить. И в тот же вечер его убили. О том, как мы его убили, сообщу дополнительно в следующий раз. После того, как мы его убили, то при нем было два «нагана», их забрал Давиденко К.О. Больше не помню, чтобы еще, что кто брал у него. Знаю, что при нем был шелк. Этим шелком мы перед тем, как бросить его в яму и закопать, обмотали ему голову. Закапывали его Цыганок Игнат Павлович и Бычек Иван Тимофеевич. Закопан он не далеко хутора, в песчаных карьерах. Это место я знаю. Еще припоминаю, когда его убивали, то дежурили Гребенюк Елена, Терещенко Домна и Мараховец Февронья. Помню еще, когда, собравшись, мы сказали про убийство Каргачевой, то она сказала: «Пусть Бог простит!»

Мы его убивали еще потому, что он наделал много делов. А мы зашли в такое положение, что дальше и делать было нечего, как только его убить. Мне лично известно, что перед этим Бойко убил в с. Н[ово]-Павловке двух инструкторов-коммунистов. Делал он еще дела, но сейчас не вспомню.

[1] *Іоанітську артіль очолювала «богородиця» Каргачева Катерина Федорівна (1868 – ?), яка була заарештована за контрреволюційну діяльність у 1929 р. та ув'язнена до концтабору на 10 років. Реабілітована в 1994 р.*

Кроме всего заявляю без всяких стеснений теперь, когда все уже ясно, что мы, артельцы Мариинской артели, в том числе и я, относились во весь период существования совласти к ней с ненавистью. Ненавидели мы тогда совласть, т. к. не соглашались с ее идеей коммунизма, были против ее еще потому, что совласть против религии. Мы были воспитаны в религиозном духе. Нам Каргачева неоднократно заявляла, что за религию нужно стоять, не считаясь ни с чем. Были еще заявления Каргачевой, эти заявления я помню, что если большевики вздумают посягнуть на нашу артель, то всем нам не считаться ни с чем, а отразить антихриста, – хотя бы пришлось и жертвы ложить. Во всех настроение тогда было твердое и непоколебимое. С уверенностью могу сказать, что были все так настроены, что если бы совласть вздумала с артелью тогда что сделать, то все как один оказали бы сопротивление. Для этой цели быв[ший] федфебель Гребенюк Федор Емельянович пproводил военные занятия. [...][1]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 11239. Арк. 116–117 зв. Оригінал, рукопис.

[1] *Опущено текст щодо особливостей військової підготовки членів артілі в 1923–1924 рр.*

ГЛАДЧЕНКО Трифон Федорович

(1890 – 10(?).04.1920 рр.)

Один із лідерів селянського повстанського руху Придніпров'я, учасник українського військового руху, командир і організатор повстанського загону в Катеринославської губернії.

Народився Трифон у 1890 р. на хуторі Чувиліна (нині у складі с. Сурсько-Михайлівка Солонянського району Дніпропетровської області) в селянській родині. Закінчив Новобузьку вчительську семінарію, в подальшому працював за фахом. Не пізніше як з 1912 р. став активним членом «Просвіти» с. Діївка.

З 20-річного віку цікавився політикою, зокрема з 1910 р. по 1917 р. був у партії соціалістів-революціонерів, а з 1917 р. перейшов на позиції анархо-комунізму, проте в роки визвольних змагань в його діях проглядалася схильність до проукраїнського патріотичного руху. У роки Першої світової війни воював, дослужився до молодшого офіцерського складу, мав звання поручика.

З часу антигетьманського повстання – командир повстанського загону Вільного козацтва у Катеринославському повіті. У червні 1919 р. він очолив повстанський загін, чисельністю 80–110 осіб, який діяв проти червоних в районі Карнаухово-Хутірської, Криничеватівської, Сурсько-Михайлівської волостей [1, арк. 331]. Восени 1919 р. Т.Ф. Гладченко брав активну участь у повстанні проти режиму генерала Денікіна. Згодом Гладченко приєднався до отамана М. Мелашка, був заступником отамана Катеринославського повстанського коша та отаманом Вільнокозацької повстанської групи Катеринославщини. У листопаді 1919 р. на чолі загону прибув у Холодний Яр, де підпорядковувався Головному Отаману Василю Чучупаки. У 1920 р. брав участь у підготовці антирадянського повстання.

Після повернення червоних на Катеринославщину, Трифон Гладченко формально визнав радянську владу, очолив радянську робітничо-селянську міліцію в с. Сурсько-Михайлівка. Був заарештований Катеринославською Губчека у березні 1920 р. Розстріляний в квітні 1920 р. Не реабілітований.

Бібліографічні посилання:

1. Держ. архів Дніпропетровської обл. Ф. Р-3373, оп. 1 додатковий, спр. 1.

№ 27 Доповідь інструктора відділу управління Д.К. Жаріна[1]

17 лютого 1920 р.

УЕЗДНЫЙ ПОД. ОТДЕЛ ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИИЯ.

От инструктора Отдела Управления

Д.К. ЖАРИНА

ДОКЛАД.

По приезду моего в Сурско-Михайловскую волость, мною было предложено собрать сход, Сурско-Михайловским Ревкомом было объявлено населению на 30 января с. г. старого стиля сход. Сход не состоялся, собралось человек 25 со всей волости те были распущены, потому что малое количество собралось. Тогда мне

[1] *На документі стоїть прямокутний штамп із текстом і вхідним номером документа: «Общий отдел Екатериносл. Губчека. Вход. № 2000. «27» марта 1920 г.».*

пришлось беседовать с членами Ревкома о их работе т.е. о деятельности Ревкома рассматривал у них все их дела в которых не нашел несправедливости, так что Сурско-Михайловский Ревком оказался на своем месте. Но что касается общего настроения волости можно сказать незавидное. Но еще мне пришлось беседовать с начальником милиции.

Начальником милиции тов. ГЛАДЧЕНКО который нам обрисовал настроени[я] всего населения и где заявляет, что в Сурско-Михайловской вол[ости] незавидное, а именно, что надоело пермен[1] этого времени.

Болтал всякого рода репрессий, но, кроме этого, они сильно вооружены так что нужно принять меры к обнаружению их, конечно приступая к этому осторожно.

Относительно эпидемии сильно развит сыпной тиф и никакие меры не приняты так что нужно принять меры послать медицинский персонал хотя там есть фельдшер, который не имеет медикаментов.

ЖАРИН.

17-го февраля 1920 года.

С подлинным верно: [підпис нерозбірливий]

Архівний підрозділ УСБУ в Дніпропетровській обл. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 8. Копія, машинопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка як джерело з історії селянського повстанського руху. Проблеми політичної історії України. 2019. Вип. 14, с. 178.

№ 28 Заява про антирадянську поведінку Т.Ф. Гладченка[2]

25 лютого 1920 р.

Заведующему Отделом Управления Губревкома

тов. Большунову

Заявление

Дорогой тов. Большунов прошу прочесть посланное Вам заявленіе. Известно ли Вам, где находится атаман повстанцев С[урско] Михайловки Гладченко, если знаете то как он служит и что поделывает. Мне передали товарищи пользующиеся доверіем, что он Гладченко организовывает в селе Михайловке, бандитов, которые хотят нападать на советские учреждения. Прошу принять решительные меры для расследования этого.

[підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 22. Оригінал, рукопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 183.

---

1 *Так у тексті. Вірогідно мало бути слово «перемена».*

2 *На документі є штамп з вписаними вхідними реквізитами: «Вход № 1024. 04 марта 1920 г.». У верхньому лівому кутку документа від руки проставлена дата 25/II. 1920.*

№ 29 Телефонограма

4 березня 1920 р.

По имеющимся сведениям, на ст. Каменское со стороны села Криничек предполагается налет банды Малашко[1] и Гладченко, Хмары или Федорченко, около 1500 человек. Гарнизон с. Каменское в 120 штыков, из коих 75 милиционеров, недостаточен.

4-го марта – 20 г. /Подпись/

С подлинным верно: Нач. Информации [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 3. Копія, машинопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 176.

№ 30 Телефонограма

8 березня 1920 р.

Начальнику Информации Особого Отдела.

Сообщая, что в Сурско-Михайловской волости и в небольших деревнях западнее Диевки-Сухачевки заметна группировка местных повстанцев в числе 80 чел., вооруженных винтовками и шашками, под командой бывшего Петлюровского Атамана Гладченко, Уроженца Сурско-Михайловской волости; повстанцы все конные.

8-го марта – 20 г. /Подпись/.

С подлинным верно: Нач. Информации [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 4. Копія, машинопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 177.

№ 31 Доповідна записка[2]

Не датовано

От тов. С.Ф. Большунова

Докладная записка

Мною получены из самых достоверных источников следующие сведения

В село Михайловки, лежащей в близи гор. Екатеринослава, Сельский народный учитель Гладченко явным петлюровцем организуется петлюровское повстанчество для выступления против советской власти. В селе стоит не большой отряд Красноармейцев, который он может обезоружить во всякое время. У Гладченко собраны уже большие силы и приблизительно через месяц готовиться к выступлению.

Предлагаю принять самые энергичные меры [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 6. Оригінал, рукопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 177.

---

1 *Так у тексті. Тут і далі в тексті документа прізвище вказане неправильно, правильний варіант – Мелашко.*

2 *На документі вписано від руки: «В Сурско-Михайловку послан сотрудник».*

№ 32 Рапорт керівника радянської робітничо-селянської міліції Катеринославського повіту

13 березня 1920 р.

У.С.С.Р.
Начальник Советской — Секретно
Рабоче-крестьянской Милиции.
Екатеринославского уезда — Заведывающему Губмилицией.
ст. Уголовный
Марта 13 дня 1920 г.
№ 194

РАПОРТ

Старший милиционер 8-го милиционнаго района Сурско-Михайловской волости доложил мне, что в означенной волости оперируют банда ГЛАДЧЕНКО, которая занимается агитацией среди населения с целью поднять восстание и грабить мирных жителей поддерживающих Советскую власть. Банда ГЛАДЧЕНКО хорошо вооружена и насчитывает в себе около 100 человек «вильных казаков», кроме того, Гладченко и вся его шайка, на почве самостийности пользуется поддержкой некоторой части населения, посему задержать Гладченко и ликвидировать всю его шайку, в виду малочисленности милиционеров, нет никакой возможности.

Докладывая об этом, прошу Вашего распоряжения о посылке в распоряжение н-ка 8 района вооруженного отряда численностью не менее 75 человек.

Начальник Советской милиции Бочкарев
Вр. и.д. Секретаря [підпис нерозбірливий]
С подлинным верно Делопроизводитель Острова

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 1. Завірена копія, машинопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 175.

№ 33 Відношення щодо вилучення зброї у населення с. Сурсько-Михайлівка[1]

21 березня 1920 р.

У.С.С.Р.
Сурско-Михайловский
Волостной — В Екатеринославскую
Исполнительный Комитет — Губерн. Чрезвыч. Комисиию
21 марта 1920 г.
№ 1370

Согласно распоряжения Комиссии Волостной Исполком при сем представляет 12 винтовок и 20 обрезов сданных населением села Сурско-Михайловки и доносит. Что согласно заявления крестьян больше оружия нет, так как повстанцы

1 *На самому документі проставлено напис «Секр опер»., а також штамп з вхідними реквізитами: «Общий отдел Екатериносл. ГубЧК. Вход № 2290. 3 Апреля 1920 г.».*

отряда Гладченко были обезоружены в декабре месяце 1919 г. 45 дивизией у которых было отобрано: 7 пулеметов, 1 орудие, 290 винтовок, около 4000 патронов, около 20 артиллерийских снарядов, около 80 лошадей, 25 бричек, 12 [...][1], 3 ст. скота, 4 пары волов с двумя арбами, около 4000 пустых мешков, около 1000 п. риса, печеного хлеба 50 п., керосинов 10 п. и 5 п. сахара.

Председатель [підпис нерозбірливий]
Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 26–26 зв. Оригінал, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 185.

№ 34 Протокол загальних зборів с. Сурсько-Михайлівка

25 березня 1920 р.

ПРОТОКОЛ

Общаго Собранія граждан с. Сурско-Михайловки, Екатеринослав. Уезда. 1920 года Марта 25 дня. Мы нижеподписавшіеся граждане с. Сурско-Михайловки собравшись сего числа на общее собраніе в числе 256 челов. Избрав Председателем Собрания Антона Соколенко и Секретарем Ивана Мелешко, имели сужденіе о аресте нашего односельчанина Трифона Федоровича Гладченко и приняв во вниманіе, что т. Трифон Федорович Гладченко являлся ярым защитником Революціи, защитником всех прав и свобод, завоеванных Селянством. Т. Гладченко в свое время был ярым противником Гетьманщины, во время разгула Деникинской банды на Украине г. Гладченко первый поднял возстаніе против белых сорганизовав кругом себя все Революціонное селянство. Своими смелыми и решительными боями освободил большую часть Екатеринославской губ. От белых, чем помог Доблестной Красной Армии вступить на Украину, таким образом повторяем, что т. Трифон Гладченко никогда не мог быть контрреволюціонером или противником Советской власти. Обсудив вышеизложенное и посоветовавшись между собою единогласно ПОСТАНОВИЛИ: избрать из среды своей 2-х уполномоченных гражд[ан] Ивана Алексеевича Бессараба и Григорія Кириловича Кеся, которым поручаем обратиться куда следует о немедленном освобожденіи г. Гладченко, как защитника наших прав и свобод. Твердо уверены, что Советская Власть пойдет нам на встречу и исполнит нашу просьбу. Председатель Собранія А. Соколенко. Секретарь И. Мелешко. Подлинный за подписью 89 грамотных и 161 неграмотных, а за них неграмотных и за себя подписан 6 грамотными.

С подлинным верно
Председатель Сурско-Михайловскаго Водостного Исполнительнаго Комитета [підпис нерозбірливий]
Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 23. Копія, машинопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 184.

1 *Нерозбірливе слово.*

№ 35 Доповідь розвідників щодо роботи з 19 по 26 березня 1920 р.

26 березня 1920 р.

ДОКЛАД

Работы с 19 по 26-ое марта.

По прибытии в село Ново-Александровку, мы получили сведения от крестьян что Гладченко находится в Сурско-Михайловке. Мы с начальником милиции наняли подводу и поехали в Сурско-Михайловку. Приехали туда 20 марта и наткнулись на самогона. Мы попросили крестьян продать нам 2 четверти самогона. Крестьяне ответили нам, что мы всем селом не нагоним самогона для Трифона Гладченко. Мы воспользовались этим словом крестьян и задали вопрос: Чем у Вас он? Крестьянин нам ответил: Ничем, гуляет, пьянствует. Мы задали вопрос: Чем он был начальником милиции? Крестьянин ответил: Он сам себе поставил, для того чтобы пожить, а теперь дома. Мы стали крестьянину говорить, что Гладченко добрый человек. Крестьянин ответил: Для кого добрый и есть, а для кого вредный. Тогда мы спросили крестьянина: вблизи Гладченко есть самогон, он нам сказал есть в Петро-Поваренки, куда мы и направлялись. Через несколько времени вышел Гладченко из своего дома, постоял на дворе несколько и опять пошел в хату, тогда мы решили: одному ехать за вооруженной силой, другому оставаться в его дворе ночевать в соломе, что было сделано в ночь с 23 на 24ое марта. У Гладченко не было ни одного человека. Гладченко тоже не выходил никуда. С 24 по 25 тоже посетителей не было. По прибытии отряда в Сурско-Михайловку в 4 часа утра 25 марта проехали по всему направлению к дому Гладченко, вновь оказалось два выстрела. Позади потом выстрелы стали редки. Посему при аресте Гладченко сопротивления с его стороны не было. Когда нашли Мавзер, Наган и винтовку ему задал Мороз вопрос, что если бы у вас были патроны, то отстреливались бы вы. Он ответил: посмотрел-бы.

Популярностью Гладченко пользовался со стороны кулачества. Настроение крестьян после ареста Гладченко покойное, тихо и смирно. Винтовок в Михайловке очень много.

Разведчики: Орлов и Морозов

26/III-1920 года.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 21. Копія, машинопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 183.

№ 36 Вирок села Олексіївка № 1 та 2

26 березня 1920 р.

Приговор деревни Алексеевки за № 1 и 2

Сурско-Михайловской волости Екат. губ. и уезда

Мы на общем собраніи постановили об освобожденіи Трифона Федоровича Гладченко что он действительно против советской власти ничего не имеет. И Просим об освобождении Трифона Гладченко. И в чем уверяем что он ни в чем предосудительном деле не был. И уверяем Вас что он же Гладченко всецело стоял против деникинцев и гетьманщины и как Первый вызвал повстаніе против белых а против советской власти ничего плохого не делал. И что касается анархическим строем не занимался Покорнейше просим освободить Гладченко как не виновным. И в чем подписываемся.

[...] [1] за неграмотных за 100 человек расписался Григорый Чабаненко.

26.03. 1920.

Председатель Совета [підпис нерозбірливий]

Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 25–25 зв. Оригінал, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 185.

№ 37 Протокол сільського сходу с. Прівольне

26 березня 1920 р.

Протокол № 4

Привольнянского сельского собр.

1920 марта 26 дня

Мы, нижеподписавшиеся гр[аждане] Екатеринославской губ[ернии] и уезда Солонянской волости с. Привольное, быв сего числа на нашем собрании где в присутствии председателя нашего Самуила Супруна из числа 278 человек, явилось 195 челов[ек] где слушали заявление гр[ажданина] с. Сурско-Михайловки Екатеринославской губ[ернии] и уезда, Александра Куценко об аресте Трифона Гладченко Екатеринославской губернской чрезвычайной комиссией.

Принимая во внимание, что Гладченко как истинный защитник прав социалистического революціонного движенія, тем не менее, что он во время существованія у нас добровольческой арміи которая делая разные реквизиции как скота разного рода фуража, а так же и 5 пудов урожая с десятины, чем стала заводить нас беднейшее крестьянство в самое трудное положеніе но благодаря известном нам героическому повстанческому движенію Гладченко мы заграждены были от такого подавляющего для нас требованія добровольческой арміи, а потому посоветовавшись единогласно постановили: требовать через представителей наших односельчан Трофимова Михаилова Курочка, Г.И. Додатко об освобожденіи с под ареста чрезвычайной комиссии Гладченко, в чем и подписываемся.

Подлинный протокол подписали грамотные и не грамотные

Председатель Привольнянского

Исполкома [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 35–35 зв. Оригінал, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 188.

---

1 *На документі проставлено 25 підписів*

№ 38 Протокол допиту Т.Ф. Гладченка

26 березня 1920 р.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

Город Екатеринослав марта 26 1920 г.

Допроса произведенного Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлен. по должности.

ПО ДЕЛУ №

Я нижеподписавшийся Гладченко Трифон допрошен в качестве ___________ показываю

1. Фамилия Гладченко .
2. Имя и отчество Трифон Федоров
3. Возраст 30 лет
4. Место рождения Сурско-Михайловск. Екатер[инославского] уезда
5. Место жительства ____________________
6. Род занятия хлебоп[ашец]
7. Имущественное положение 1½ десятин земли 1 пара лошадей 2 коровы

а) до войны 1914 года ____________________

б) до февральской революции 1917 г. ____________________

в) до октябрьской революции____________________

г) в настоящее время ____________________

8. Семейное положение жена и 3 детей .
9. Партийность и с какого времени в партии состоял с 1910 года по 1917 год в партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]
10. Политические убеждения анархист коммунист с 1917 г.
11. Образование: общее окончил учительскую семинарию
12. Специальность народный учитель
13. Чем занимался раньше и где служил учительствовал

а) до войны 1914 года ____________________

б) до февральской революции 1917 г. служил в старой армии

в) до октябрьской революции 1917 г. ____________________

г) с октябрьской революции до ареста все время в повстанческих отрядах

14. Отношение к воинской повинности служил в чине поручика
15. Сведения о прежней судимости был арестован Центральной раде

Показания по существу дела.

В первых числах Февраля месяца ко мне заезжал в село Михайловки Батько Мелашко, завез целую подводу литературы от Роста; он мне говорил, что он записался в члены партии Коммунистов Боротьбистов и едет в свою бригаду в Саксагань, но в это время Мелашко имел приказ от Н-ка 45 стрелковой дивизии выступить на фронт с бригадой; я спрашиваю у него выступит ли он на фронт? Он ответил: «Нет, буду мотивировать, что люди раздеты и разбуты и на фронт не поеду». Между прочим, я у него просил денег для расплаты долгов на содержание лазарета, денег не выдал, но сказал: «Поезжай со мной, деньги будут», я ему в этом отказал; он пробыл у меня на квартире всего с 8-ми часов вечера до 6-ти часов утра. Разговоров Мелашко о совместных действиях против Советской власти между нами не было, знаю Мелашко, как явного Петлюровского Сторонника и в боях храбрый, пользуется авторитетом в Екатеринославском, Верхнеднепровском и Новомосковском уездах. О налете в Верхнеднепровск, я узнал уже после совершения от случайных людей.

В селе Михайловке насчитывается около 6 000 жителей, настроение села подавленное, имеются Петлюровские Националистические элементы.

Я в селе пользуюсь авторитетом среди крестьян и также пользуюсь авторитетом среди железнодорожников и в тех местностях, где я только побывал; полк мой находится в Тирасполе в распоряжении 45 Сов. Дивизии. Я от полка отстал 24-го января 1920 г. по болезни. Я лежал в Екатеринославе в госпитале и в это время был получен приказ, что полк должен выступить на фронт; полк выступил на фронт и я остался.

После выздоровления числа 5 февраля выехал в село Михайловку, но чувствовал себя очень слабым, технически я не мог добраться до полка, ожидал распоряжения местных властей мобилизации офицеров. Оружия, т.е. винтовок в селе имеется около 200 штук, поскольку мне известно.

Фамилий, у кого винтовки находятся, не могу указать; пулемет имеется или в селе Криничкиили Романовке у кого не знаю. Организованного отряда у нас не имеется, оружие хранится у каждого. Приказ или просьба Сов. Власти о сдаче оружия не подействовало бы, только посредством обыска у каждого из них. На мой вопрос: «Если бы Вы тов. Гладченко, обратились бы к крестьянам с просьбой принести оружие к Вам, крестьяне выполнили бы это». Гладченко ответил, что часть крестьян принесла бы, а меньшая часть нет. Я сам в принципе, как анархист против всякой политической власти, но признаю Советскую власть, потому что она может организовать страну. Против Советской власти отрядов не намерен бы организовать, но если бы пришли поляки, то я организовал бы повстанческие отряды для борьбы с ними. По точным сведениям, знаю, что батько Мелашко находится больной тифом в селе Орлове в 20-ти верстах от села Михайловки; находится он на квартире или у Авдеенко или Орла. Приметы Мелашко следующие: низкого роста, полный, блондин бритый с длинными усами.

Читал Гладченко. Настоящий протокол составил Леплевский

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 10–10 зв. Оригінал, рукопис на бланку.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 179–180.

№ 39 Протокол допиту Т.Ф. Гладченка[1]

Не датовано

Я знаю, что в Селе гораздо больше оружия Мотивы не сдачи оружия сов[етской] власти могут быть следующие, во-первых, банды, во-вторых, кулаки, которые думают сражат[ь]ся против сов[етской] власти. Я был поставлен ревкомом [...][2] Сурско-Михайловска.

---

[1] *Текст документа написаний від руки, з граматичними помилками та практично без розділових знаків. Наприкінці документу проставлені підписи Гладченка та Леплевського. Документ створено не раніше 26 березня 1920 р.*

[2] *Нерозбірливе слово.*

Милицией всего на этом посту был 2 недели вооружал 5 человек милиционеров, которые состоят милиционерами в настоящее время. Милиционеры из местных жителей при белых все состояли в моем отряде.

Я лично никогда против сов. власти не выступал сражаться с моим отрядом против Гетмана против Петлюры я не сражался. Когда было Григорьевское восстание я находился дома в селе Михайловке.

Читал Гладченко. Составил Леплевский

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 7. Оригінал, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 178.

№ 40 Доповідна записка керівника радянської робітничо-селянської міліції Катеринославського повіту[1]

27 березня 1920 р.

Заведующий под. отделом ГУБМИЛИЦИИ ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО ГУБРЕВКОМА
Марта 27 дня 1920 г.
№ 2

С[овершенно] Секретно
В ГУБЧЕКА.

Управление Губмилиции сим сообщает, что все бумаги по делу Гладченко препровождены Вам бывшим Заведывающим Отделом Управления т. Большуновым, при сем же досылаются дополнительный материал по его же делу.

К сему Управление Губмилиции добавляет, что деятельность ГЛАДЧЕНКО в прошлом году проявлялась в форменном бандитизме в пределах Екатеринославского уезда, выражавшемся в грабеже, убийстве Советских Сотрудников, разгроме районных участков Уездной Милиции и т. п. действиях во вред Советской Власти.

Завед. Губмилицией [підпис нерозбірливий]
И.о. Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 13. Оригінал, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 181.

№ 41 Протокол сільських зборів с. Аполонівка[2]

27 березня 1920 р.

Протокол № 10

Аполлоновского сельского собранія марта 27 дня 1920 г. На общем собраніи сего числа в присутствии помощ. председателя – Ивана Григорьевича Черновола

[1] *На документі стоїть прямокутний штамп із текстом і вхідним номером документа: «Общий отдел Екатериносл. Губчека. Вход. № 2137. «30» марта 1920 г.».*

[2] *На документі проставлено 43 підписи.*

постановили: относительно выдачи одобрительного протокола Гладченко Трифону гр. Села Сурско-Михайловки, той же волости, и посылать делегатов для его одобренія – решили выдать таковой протокол, заявляя, что Трифон Гладченко, человек идейный, все цело придерживающійся класса трудящихся рабочих, крестьян и солдат рабочей революціи и которого тоже на деле уничтожал белых, таких людей, которые всеми силами старались задушить революцію рабочих, и которого. Как не опасного для трудящихся – просим освободить, ибо человек, повторяем, ничем невинен пред трудящимися крестьянами, рабочими и солдатами защищающими революцію трудящихся. 2) делегатом по поводу Гладченко, послать своего односельчанина гр. Емельяна Борисовича Патыченко, человека хорошего поведенія и ничем предосудительным не замеченного и который представляет из себя жизненного пролетаріата, в чем и подписываемся.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 30–30 зв. Оригінал, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 187.

№ 42 Протокол загальних зборів с. Миколаївка

28 березня 1920 р.

Протокол № 6

Общаго собрания граждан села Николаевки Романковской волости Екатеринославского уезда 1920 года марта 28 дня н/с. Мы нижеподписавшіеся граждане села Николаевки Романковской волости Екатеринославского уезда сего числа созваны нашим сельским старостой Кириллом Кабкой на сельскій сход в числе 100 человек из общего числа 210 человек имеющих право голоса на сходе, где слушали заявленіе Мануила Сергеевича Юрко села Сурско-Михайловки той же волости Екатеринославского уезда об аресте Трифона Федоровича Гладченко.

Постановили: Ввиду того, что как нам известно т. Трифон Федорович Гладченко был защитником селянства в отношеніи завоеванных последним прав и свобод; не был противником советской власти и контрреволюціонером, просить сим приговором освободить т. Трифона Федоровича Гладченко из под ареста, т.к. он того не заслуживает. Настоящий наш протокол послать Сурско-Михайловскому Волостному Исполкому для направления сего нашего ходатайства куда следует. Подлинный подписали 20 грамотных участников схода, остальные неграмотные. Сход созывали и на оном присутствовали Николаевский сельский староста К. Кабка (м.п.).

Что настоящая копія с подлинным верна том Николаевское сельское Управленіе своими подписями и приложеніем печати свидетельствует. Марта 29 дня 1920 года

Сельскій староста К. Кабка
Писарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 32–32 зв. Копія, рукопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 187.

№ 43 Протокол сільських зборів с. Попова-Балка

28 березня 1920 р.

Протокол № 10

Попово-Балковского сельского собрания

28 марта 1920 г.

Председательствовал Никифор Моисеевич [Горайда][1]

Секретарь: Иван Нестеренко

Повестка дня:

9 воп. Слушали предложение нашего селянина Онуфрия Попко о выдаче одобрительного протокола относительно ареста Комиссией к-ра повстанческого отряда Трифона Гладченко

Слушали Предложение нашего селянина Онуфрия Попко о выдаче одобрительного протокола относительно ареста командира повстанческого отряда Трифона Гладченко

Постановили Выдать одобрительный протокол, так как при восстании с своими казаками Гладченко селянам вреда не делали

Подлинный за надлежащими подписями

С подлинным верно

Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 27. Оригінал, рукопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 186.

№ 44 Вирок сільського сходу с. Петровське

29 березня 1920 р.

Приговор

Петровского сельского схода Екатеринославской губернии и уезда, Сурско-Михайловской вол. 29 марта 1920 г. Мы нижеподписавшиеся граждане Екатеринославской губернии и уез[да] Сурско-Михайловской волости селища Петровского были созваны сего числа на сельскій сход по распоряженію нашего сельского представителя Ивана Аксентіевича Атаманенка, где слушали от него же Атаманенка, извещеніе о аресте красноармейскими войсками гражданина с. Михайловки Сурско-Михайловской волости Трифона Федоровича Гладченко которого просим товарищей красноармейцев освободить с под ареста, так как он Гладченко против советской власти не шел, бандитом никаким не был. В чем и подписываемся граждане с. Петровского неграмотные ... и за себя подписали грамотные [...].[2]

В чем и свидетельствую

Председатель Петровского сельского исполнительного комитета Иван Атаманенко. [підпис нерозбірливий] 30/III

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 34–34 зв. Оригінал, рукопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 188.

---

1 *Прізвище нерозбірливе.*

2 *Наприкінці документа проставлено 38 підписів. На початку документа зроблено від руки напис «Секр опер 29/III. 20», а також штамп з вписаними вхідними реквізитами: «Общий отдел Екатериносл. ГубЧК. Вход № 2130. 30 марта 1920 г.».*

№ 45 Покази обвинуваченого Т.Ф. Гладченка

4 квітня 1920 р.

Ко мне явился на квартиру в селе Михайловка перед моим арестом молодой парень лет 22 низкого роста худенький и говорит Я послан от Батько Махно для того чтобы поднимали восстание на местах, и говорит Ко мне Вы шкурник ничего не делаете. Я сказал ему выбираться из квартиры он стал ругаться подошел к двери и бросил бомбу и выстрелил из нагана но бомба не разорвалась и пуля к счастью не попала Я с маузера выстрелил в него и убил его на месте взял его и закопал его в степи документов у него не искал фамилии его не знаю Я об этом случае заявил в милицию Михайловки.

Читал и расписывался Гладченко

4 апреля 1920 г. Настоящий протокол составил Леплевский

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 16. Оригінал, рукопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 181.

№ 46 Протокол допиту свідка С. Задорожнього

Не датовано

Допрошен Задорожный Сергей по делу убитого Гладченко Николини Карлова. Я как раз был на квартире, когда Гладченко выпивал с одним молодым человеком. После этого Гладченко спрашивает документы у этого парня. Документ не показал, но вынул бомбу и бросил в квартире Гладченко, но бомба не разорвалась Гладченко сразу его схватил и забрал у него револьвер наган. Этот человек вынул деньги и бросил на стол и говорил: «Вот за эти деньги я тебя, сволочь, захотел уничтожить». Тогда Гладченко говорил ему: «Теперь пойдешь со мною». Я ушел, но знаю, что Гладченко его убил. Об этом знают все крестьяне села.

Читал и расписался Сергей Задорожный

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 16 зв. Оригінал, рукопис.

Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 182.

№ 47 Висновок уповноваженого 1-ї групи таємно-оперативного відділу Катеринославської ГубНК

Не датовано

Я Уполномоченный I-й группы Секретно-Оперативного отдела Екатеринославской Губчека, рассмотрев дело за № 664 Гладченко Трифона, обвиняемого в подготовке восстания против Советской Власти и в убийстве сотрудника Губчека тов. Николи и в уклонении от несения военной службы в Красной армии заключил считать:

1/ Факт подготовки восстания против Советской власти видно из имеющихся сведений и из протокола допроса, где говорится, что ГЛАДЧЕНКО знал, что оружия у всех крестьян много и по его требованию таковое было бы ему доставлено, а Советской Власти отказано;

2/ Факт преступления: убийство сотрудника Губчека тов. Николи [...][1] сознания самого обвиняемого Гладченко считать доказанным;

3/ Факт уклонения от службы в Красной армии считать доказанным, что видно из протокола допроса, что он состоял Начальником Милиции в селе Михайловка в течении 2-х недель и не поехал на фронт.

А по сему применить к нему, как к врагу Рабоче-Крестьянской власти высшую меру наказания. – расстрел. Леплевский

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 36. Оригінал, машинопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 189.

№ 48 Витяг з протоколу засідання Колегії Катеринославської ГубНК у справі Т.Ф. Гладченка[2]

10 квітня 1920 р.

Выписка
из Протокола № 15 Заседания Коллегии Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии от 10-го апреля 1920-го года.

Слушали: Дело № 664 гр. Гладченко Трифона Федоровича, обвиняемого в организации банд и неисполнении боевого приказа, и зверском убийстве сотруд[ника] Губчека тов[арища] НИКОЛИ.

Постановили: Гр-на Гладченко в указанных обвинениях признать виновным и подвергнуть высшей мере наказания расстрелу.

Председатель Рудаков
Члены (подписи)
Секретарь Суходолец
С подлинным верно: Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 38. Копія, машинопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 189.

№ 49 Повідомлення в газеті щодо розстрілу отамана Т.Ф. Гладченка

14 квітня 1920 р.

Дело Т.Ф. Гладченко.

Губернская чрезвычайная комиссия в заседании своем от 10 апреля, рассмотрев дело Т.Ф. Гладченко, обвиняемоего в измене Советской власти и неисполнении боевого приказа, в отказе сдать оружие и в зверском убийстве сотрудника Губчека т. Николи, у которого оказались выколотыми глаза и изрублена спина, постановила подвергнут его высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Известия Екатеринославского губернского Революционного комитета. 14.04. 1920 г. № 74.

1 *Нерозбірливе слово.*
2 *Резолюція на документі: «Согласен 4/V 20 г.». Підпис нерозбірливий.*

№ 50 Висновок по справі Т.Ф. Гладченка[1]

21 квітня 1995 р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по архивному делу № 23705
в отношении Гладченко Т.Ф.

Постановлением Коллегии Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии от 10 апреля 1920 года.

Гладченко Трифон Федорович, 1890 года рождения, уроженец и житель села Сурско-Михайловское Екатеринославской губернии

осужден за организацию банд, неисполнение боевого приказа и зверское убийство сотрудника Губчека к высшей мере наказания – расстрелу.

Гладченко признан виновным в том, что занимался подготовкой восстания против Советской власти на селе, организовал банды, уклонился от службы в Красной Армии, зверски убил сотрудника Губернской Чрезвычайной комиссии.

Постановление в соотношении Гладченко не изменялось.

Осужденный Гладченко признавал себя виновным в том, что он действительно выстрелом из маузера убил сотрудника Губернской Чрезвычайной комиссии и закопал в степи (л. д. 17).

Из доклада разведчиков Орлова и Морозова о работе с 19 по 25 марта (л. д. 21) усматривается, что Гладченко гуляет, пьянствует, от службы в Красной Армии уклоняется, при его аресте у него было изъято оружие: маузер, наган, винтовка; Гладченко пользовался популярностью среди кулачества.

Из донесения заведующего Губмилицией в Губчека от 27 марта 1920 года усматривается, что деятельность Гладченко проявлялась в форменном бандитизме в пределах Екатеринославского уезда, выражавшемся в грабеже, убийстве советских сотрудников, разгроме районных участков уездной милиции, в действиях во вред Советской власти (л. д. 13).

Обвинение Гладченко в подготовке восстания против Советской власти доказано его же показаниями о том, что он знал о наличии большого количества оружия у крестьян и что по его требованию оно было доставлено ему, а не советской власти (л. д. 9).

Оценивая имеющиеся в уголовном деле доказательства в их совокупности, можно сделать вывод о том, что Гладченко осужден обосновано.

На основании изложенного и в соответствии со ст. 2 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года и п. 13 постановления Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» считать Гладченко Трифона Федоровича обоснованно осужденным по настоящему уголовному делу и не подлежащим реабилитации.

1 *На документі олівцем зроблено напис: «арестован 26.03. 1920».*

Зам. Прокурор области

Государственный советник юстиции

2 класса

«21» 04. 1995 г. [підпис нерозбірливий]

Справка: Дело пересматривается в порядке выполнения указания от 12.06. 1991 г.

Сообщение о принятом решении по делу не направлялось.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. П-23705. Арк. 39–40. Оригінал, машинопис.
Опубл.: Чепурко О.О. Архівно-слідча справа Трифона Гладченка... с. 190.

ГНІЄНКО Григорій Кіндратович (отаман Вовгура)
(?–1921)

Один із найвідоміших повстанських діячів Катеринославщини. У звіті Катеринославської Губчека за 1921 р. йому присвячений окремий розділ «Золотопогонний «самостійник» (Справа Гнієнко-Вовгури)». Із звіту Губчека відомо наступне. Гнієнко «Вовгура», студент 1-го курсу Лісового інституту, був мобілізований у 1915 р., пройшов підготовку у школі прапорщиків та закінчив артилерійські курси, отримавши чин підпоручика. У 1917 р. він командує ротою на Південно-західному фронті, а під час відпустки у Катеринославі захоплюється політикою, вступає в УСДРП. Як делегат, бере участь у Всеукраїнському Військовому з'їзді у Києві, а після повернення з Києва вступає у 3-й Катеринославський гайдамацький курінь (у тексті помилково названий «Січовим куренем») [1, с. 156].

Під час антигетьманського повстання Г. Гнієнко виступає як сотник Верхньодніпровського полку, але у подальшому від участі у повстанській діяльності ухиляється. Восени 1919 р. він організатор і керівник антиденикінського повстання в Жовтянській волості. У квітні 1920 р. Г. Гнієнко був обраний військкомом Жовтянської волості. Згодом Г. Гнієнко очолив повстанців с. Жовте, а пізніше приєднався до 1-ї Олександрійської повстанської дивізії отамана Степового, де обіймав посаду начальника штабу. Після розпуску повстанської дивізії Г. Гнієнко перейшов на нелегальне становище під прізвищем «Наконічний».

Під час арешту Г. Гнієнко прагнув спочатку підкупити чекістів, а коли йому це не вдалося, залякував, погрожуючи їм: «погано буде вашим родинам і тій місцевості, де ви живете: від всіх вас залишиться пух і прах, бо я зареєстрований у партії самостійників, де вже відомо хто мене взяв, і куля, приготована для мене, потрапить вам» [1, с. 157]. Розстріляний за постановою Катеринославської Губчека, як переконаний ворог Радянської влади. Вірогідне місце розстрілу – Жандармська балка поблизу м. Катеринослава [2]. Даних про реабілітацію немає.

Бібліографічні посилання:

1. Отчет Екатеринославской Губернской чрезвычайной комиссии (С 1-го января 1920 г. по 1-е ноября 1921 г.). Екатеринослав: Типография Губчека, 1921.
2. *Коваль Р.М.* Вовгура. Енциклопедія Сучасної України: електронна версія / гол. редкол.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк та ін.; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2006. URL: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=35196 (Дата звернення: 09.06.2021)

№ 51 Протокол допиту обвинуваченого М.В. Нестеренка

4 березня 1938 р.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

НЕСТЕРЕНКО Николай Васильевич,
1899 г. рождения, урож. с. Желтое,
Пятихатского района, украинец, гр[аждани]н СССР,
по специальн[ости] счетовод, судим в 1920 г. и в 1931 г.
по ст. 54-10 и 54-13 УК УССР.
Марта 4-го дня 1938 г.
п. Пятихатка.

Вопрос: Как Вы попали на службу в банду Петлюры?

Ответ: В банду Петлюры я попал по своей воле – добровольно и при следующих обстоятельствах: в 1918 г. на ст. Дебальцево во время власти Гетмана вспыхнула забастовка рабочих и служащих узла. Я примкнул к этой забастовке. По окончании забастовки меня со станции уволили без права поступления на работу на железнодорожном транспорте. После увольнения с работы я вернулся к своему отцу в село Желтое, теперешнего Пятихатского района. Отец, узнав о причинах моего увольнения с транспорта сделал мне соответствующее внушение и предложил подыскать себе работу.

Через некоторое время, примерно в конце 1918 года я из дома выехал в г. Днепропетровск, т. к. разнеслись слухи об изменении власти Гетмана и захвата таковой Петлюрой. По приезду в г. Днепропетровск я явился в Управление Екатерининской жел[езной] дороги и предложил свои услуги. Находившийся там Петлюровский вербовщик предложил мне выехать в г. Киев, я согласился. По приезду в г. Киев я был зачислен в одну из Петлюровских частей, где пробыл до апреля мес[яца] 1919 г.

Вопрос: Как называлась Петлюровская часть, где Вы служили?

Ответ: 2-й железнодорожный полк.

Вопрос: Как Вы попали в банду ГНИЕНКО?

Ответ: В 1920 г. я работал переписчиком бумаг при Желтянском сельсовете. Председателем сельсовета в то время был петлюровец ГНИЕНКО. Этот ГНИЕНКО организовал кулаков и кулацкую молодежь в политбанду к которой примкнул и я, и, вывел весь состав банды на соединение с отрядами быв[шего] петлюровца ПЕСТУШКО. Обе банды – банда ГНИЕНКО и банда Пестушко образовали один мощный контрреволюционный отряд, который занимался тем, что ликвидировал местные сельские советы, уничтожая коммунистов. Отряд был вооружен винтовками, пулеметами и 2-мя орудиями. Участником этого отряда являлся и я, пробыл в нем до начала его распада и разгрома. Руководители отряда ГНИЕНКО и ПЕСТУШКО впоследствии были расстреляны.

Вопрос: Вы заявляли, что в 1920 году в Желтянском сельсовете при председательстве ГНИЕНКО был заместителем коммунист ЛУЧКО, был ли он в политбанде и где он в настоящее время?

Ответ: В банде он не был и почему он уцелел я не знаю. Знаю, что ГНИЕНКО и ЛУЧКО не смотря на различные политические взгляды – были не плохими друзьями. В настоящее время ЛУЧКО где-то учительствует. Последний раз я его встречал 3 года тому.

Вопрос: Кто остался в живых из быв[ших] участников политбанды ГНИЕНКО-ПЕСТУШКО?

Ответ: Из быв[ших] участников Петлюровско-повстанческой низовки, так называемой банды ГНИЕНКО-ПЕСТУШКО я знаю следующих:

1. ДУНДУК Леонтий Тимофеевич – из кулаков, последний раз я встречался с ним в 1937 г. Он приезжал в Пятихатки, как будто к своим родственникам. При встрече он мне рассказывал, что работает на ст. Апостолово в депо, кажется конторщиком. Тогда же он мне рассказал, что намерен вступить в партию, на что я ему ответил: «Если примут, – вступай». ДУНДУК служил у Петлюры во 2-м железнодорожном полку рядовым, служил он вместе со мной.

2. ТОКОРЕНКО Александр (отчество не знаю), из рабочих, отец его работал машинистом водокачки на ст. Зеленая. Был в банде ГНИЕНКО вместе со мной в 1920 году. Сейчас он работает в депо ст. Пятихатка – машинистом.

В 1937 г. в начале декабря или ноябре мес[яце] я встретил его в квартире моего соседа. Тогда я ему напомнил о нашем совместном пребывании в банде ГНИЕНКО.

3. ОВСЮК Ефим (отчество не знаю), уроженец с. Желтое, Пятихатского района. Встречался с ним до 1930 г. Работал он дежурным по ст[анции] на ст. Хортица или же Канцеровка Сталинской жел[езной] дороги, вместе со мной был в банде ГНИЕНКО.

4. ЕДАМЕНКО Петр Петрович из кулаков отрубщиков с. Желтое. До 1930 г. работал или диспетчером или же дежурным по ст[анции] где-то в Днепропетровске. В банде ГНИЕНКО он был со мной вместе, одновременно со мной ушел из банды.

5. ШЕРШЕНЬ Василий Михайлович – 1897 или 1898 г. рождения из кулаков. В настоящее время работает где-то в Москве. О нем я интересовался у его брата (брат ШЕРШЕНЬ Иван работает на шахте «Нерудсталь» – конюхом, инвалид), который об этом мне рассказал. ШЕРШЕНь Василий служил у Петлюры в 1-м железнодорожном полку командиром четы (взвода) в г. Киеве. Последний раз я встречал его в 1936 или 1937 г. Работал он до выезда в Москву в г. Днепропетровске, а семья жила (жена) в п. Пятихатке, где его теща ШИНКАРЕНКО по улице Театральной имеет собственный домик.

6. ПОЛОВИНА Макар Григорьевич. Из кулаков, был в банде ГНИЕНКО в 1920 г. В банду он пошел вместе со мной, одновременно со мной и ушел из банды. В 1930 г. он работал на ст. Нижнеднепровск дежурным по станции, где сейчас работает не знаю.

7. ТЕРЕЩЕНКО Роман Кузьмич. Из бедняков села Желтое. Отец его расстрелян немцами. Со мной был в банде ГНИЕНКО. Сейчас работает на ст. Пятихатки в депо – бухгалтером. Сам он беспартийный, а жена его член партии.

Допрос прерывается.

Протокол мне прочитан, ответы с моих слов записаны правильно.
(НЕСТЕРЕНКО)
Допросил: врид Нач[альника] райотделения НКВД
Сержант госбезопасности (НИКОЛАЕВ)
Верно: [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3115. Арк. 257–260. Завірена копія, машинопис.

№ 52 Протокол допиту свідка С.М. Аксененка

16 березня 1932 р.

УССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К делу №__

1938 г. Марта мес. «16» дня. п/оперуполномоченного УГБ Пятихатского РОИНКВД Башо допросил в качестве свидетеля:

1. Фамилия Аксененко
2. Имя и отчество Семен Митрофанович
3. Дата рождения 1899
4. Место рождения с. Желтое, Пятихатского р-на
5. Место жительство пос. Пятихатки того же р-на
6. Нац. и гражд. (подданство) Украинец, гражд. СССР
7. Паспорт имеет
8. Род занятий зав. сельхоз [...] Пятихатки
9. Социальное происхождение из крестьян
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
   а) до революции крестьянин
   б) после революции служащий
11. Состав семьи женат
12. Образование низшее
13. Партийность (в прошлом и настоящем) б/партийный
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
   а) до революции не подвергался
   б) после революции не подвергался
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов.власти не имеет
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете снят с учета
17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого не был
18. Служба в белых и др. к.-р. армиях, (когда и в качестве кого), когда и в качестве кого не был
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях не принимал
20. Сведения об общественно-политической деятельности –

Показания (свидетеля) Аксененко С.М.
Марта 16 1938 г.

Вопрос: Что Вам известно о пребывании у Петлюры Нестеренко Николая Васильевича?

Ответ: Упомянутый Нестеренко Н.В. в 1919 году в первых месяцах вместе с группой железнодорожников пошел в петлюровскую армию откуда возвратился в село Желтое примерно через 3–4 месяца. Там же вступил в политбанду петлюровского течения Тышанина, где активно боролся с оружием в руках против

советской власти. В 1919 г. под руководством Тышанина банда оперировала в Пятихатском и Верхнеднепровском р-не. После разгрома банды Тышанина в 1919 году, Нестеренко где-то скрывался и возвратился в село Желтое в 1920 г.

В 1920 году в селе Желтом было организовано восстание против совласти под руководством местного учителя Гниенко. Также эта политбанда была петлюровского течения в руководстве названной банды был Нестеренко, Зубенко Афанасий, Лавренко Василь и Половина.

Названная банда активно боролась с Красными войсками возле села Желтого. Ими был пушен эшелон с Красной армией под откос. Разбирали полотно железной дороги и взорвали ж[елезно]д[орожный] мост расположенный вблизи села Желтого. Примерно на вторые сутки банда была разгромлена. Половина, Лавренко первой конной армией были расстреляны, а Зубенко и Гниенко, и Нестеренко было удрали – где находятся сегодня Зубенко и Гниенко не могу сказать, но Нестеренко возвратился в Пятихатки примерно в 1930 г.

Вопрос: Что Вам известно о к[онтр]р[еволюционной] деятельности Нестеренко в настоящее время?

Ответ: О к[онтр]р[еволюционной] деятельности Нестеренко в настоящее время ничего не могу сказать, так как, я с ним не встречался.

Записано с моих слов верно, мной прочитано в чем и расписуюсь
[підпис Аксененко]
Допросил п/оперуполномоченного УГБ сержант госбезопасности [підпис]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 3115. Арк. 179–180 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

ДИКИЙ Андрій Тимофійович

(1895–?)

Активний учасник революційних подій в Новомосковському повіті Катеринославської губернії. Із селян с. Голубівка Новомосковського повіту. Учасник Першої світової війни, старший унтер-офіцер 4-го Фінляндського прикордонного піхотного полку. У листопаді 1916 р. з пораненням був відправлений до шпиталю.

У 1917 р. добровільно вступив до 3-го Катеринославського гайдамацького куреня. Восени 1918 р., під час антигетьманського повстання – організатор і командир партизанського загону с. Голубівка. У цей час був прихильником ідеї союзу з республіканськими військами УНР на Катеринославщині.

Лівий есер за переконаннями, член КП(б)У у 1919–1920 рр., після організації УКП (боротьбистів) А. Дикий виходить із КП(б)У, приєднується до боротьбистів, а після їх об'єднання з КП(б)У, залишається безпартійним. У 1922 р. вступив до Харківського сільськогосподарського інституту, агроном за освітою. У другій половині 1920-х рр. Андрій Дикий, разом з своїм братом Арсеном, планує організацію не комуністичної Української народної партії, яка б обстоювала інтереси українського селянства. Під час організаційної роботи Андрій Дикий був заарештований та засланий до Казахстану (1928 р.). Після відбуття терміну заслання повернувся до УСРР. Вдруге був заарештований у 1932 р., за результатами слідства був засуджений до 10 років ВТТ. У 1946 р., після відбуття ув'язнення, повертається в Україну, деякий час мешкає у м. Снятин. У 1949 р. був повторно заарештований по тій же справі, як і його брат Арсен, відправлений на спецпоселення в Красноярський край. Реабілітований у 1990 р.

№ 53 Протокол допиту обвинуваченого А.Т. Дикого

10 травня 1932 р.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО

1932 г. Мая месяца «10» дня. Уполномоченный ГПУ УССР Бардон допросил в качестве обвиняемого гр. Дикого Андрея Тимоф[еевича], который дал о себе такие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество Дикий Андрей Тимофеевич
2. Возраст 37 лет
3. Место рождения с. Голубовка, Новомосковского р-на, Днепропетровской области
4. Социальное положение служащий (до революции отец имел 18 д. земли, 4 – 3 лошади, 2 коровы, 2 брички, лобогрейку, сеялку, 2 плуга
5. Имущественное положение не имущий
6. Гражданство лишен права гражданства
7. Образование высшее – незаконченное
8. Национальность украинец
9. Семейное положение женат
10. Категория воинского учета состоял на учете ГПУ
11. Профессия агроном
12. Место службы и должность или род занятий Днепропет. Облсвиноводсовхоз, зав п/отд. учета и статистики

13. Сведения о судимости и нахождении под следствием 1) 1919 г. сидел в особом отделе 14-й армии и оправдан, 2) 1921 г. в Новомосковском политбюро и оправдан, 3) В 1921 г. в Екатерин[ославском] Губчека и оправдан, 4) 1921 г. в Голубовке в политтройке, бежал и амнистирован, 5) 1928 г. в Харькове в ОГПУ, был выслан в Казахстан на 3 года, 6) 1931 г. судим нарсудом на 3 года и Кас[ационной] коллегией Верх[овного] суда оправдан
14. Партийная принадлежность в 1919 г. был членом КП(б)У, в 1920 г. УКП-боротьб.
15. Состоит ли в Профсоюзе ___________
16. Точный адрес Днепропетровск, Барикадная, 17
17. Социальное и политическое прошлое бывший красный партизан

Будучи допрошенным по существу дела обвиняемый показал следующее:

В целях абсолютного и объективного выяснения истины, – я становлюсь на путь чистосердечного и полного признания по данному делу.

I. Началом формирования политических взглядов я считаю с 1905 г., в то время, когда мой отец принадлежал к подпольной революционной организации. Тогда у меня зародилась ненависть к существующему строю и религии и проявились симпатии к эсеровской партии.

II. 1915–17 г. Будучи призванным в царскую армию и пребывая на передовых позициях, где получил тяжелое ранение в грудь, я осознал нелепость и зло империалистической войны и необходимость революции и замены существующего строя, строем народно-демократическим.

III. 1917 г. с февральской до октябрьской революции мои симпатии были на стороне Украинской Центральной Рады, но в этот период активно против большевиков я не боролся, хотя и служил добровольно в 3-м Екатеринославском петлюровском полку.

IV. 1918–20 г. с момента позорного заключения договора Украинской Центральной Рады с немецким правительством, прихода австро-немецких оккупантов на Украину, водворения гетманщины на Украине и деникинщины, я становлюсь на сторону большевиков и под руководством коммунистической партии принимаю участие и провожу подпольную и повстанческую работу в 1918–19 г. г. против австро-германской оккупации, гетманщины и деникинщины, петлюровщины и контрреволюционных формаций.

В 1919 г. я вступил в КП(б)У, но вскоре, не соглашаясь с политикой «военного коммунизма», того же 1919 г. в июне, или июле месяце я подал заявление о выходе из партии. В 1920 г. в феврале месяце я вступил в УКП (боротьбистов), но вскоре состоялось слияние УКП(б) с КП(б)У, а ввиду интриг, проводимых против меня влиятельными лицами из КП(б)У, остался вне партии, но работал вместе с большевиками (будучи членом уисполкома в течении 2-х созывов и проч.), вплоть до выезда моего на учебу – 1922 г.

V. 1921/27 г. – я вне партии, но принципиально на стороне революционных завоеваний. Признавая советскую систему управления, я рассчитывал на некоторое перерождение коммунистической партии и, как следствие – расширение диктатуры пролетариата в диктатуру трудящихся (пролетариат + трудящиеся середняки и бедняки-крестьяне + трудовая интеллигенция).

VI. 1927/28 г. в период Шляпнико-Медведевской, Сапроновской и троцкистской оппозиции, я рассчитывал на серьезный раскол в ВКП(б) и, как следствие, на политические пертурбации в партии Сов. союза. Отсюда зародилась мысль и о необходимости создания политической группировки, с ориентацией на трудовое крестьянство, пролетариат, трудовую интеллигенцию, которая и должна была принять участие (на случай полит. пертурбаций) в спасении революционных завоеваний трудящихся, в коалиции с социалистическими партиями. Создание этой политгруппировки мыслилось сверху, не задевая широкие слои упомянутых социальных категорий. Была цель создать небольшую группу из квалифицированных, по духу и содержанию надежных людей, которая и занялась бы изучением теоретических вопросов и подготавливали бы к созданию программы упомянутой группы.

Грубые наметки будущей программы – независимая Украина в равноправном союзе с прочими такими же республиками, трудовая демократия, Учредительное собрание, коалиция социалистических партий, социализация земли, национализация крупной и средней промышленности, банков и земных недр и проч. Название будущей партии не было определено, но грубо намечалось создать Украинскую трудовую социалистическую крестьянскую партию.

VII. 1928/32 г. я в ссылке. До 1930 г. я оставался при означенных выше взглядах, а с 1931 г. я начал пересматривать свои позиции и в результате анализа, пришел к выводу: 1) система Советского Союза крепка и непобедима; 2) руководящая роль пролетариата неизбежна и неоспорима; 3) коммунистическая партия – в действительности организатор нового социалистического общества и хозяйства; 4) Красная армия непобедима; 5) всякого рода оппозиции и контрреволюционные формации – «Промпартия», «Союзное бюро – ЦК меньшевиков», «СВУ», мечтавшие об изменении системы советов и политического строя, оказались абсурдными; 6) нужно отказаться от мысли создания намечаемой в 1927 г. политгруппировки; 7) необходимо стать на путь реабилитации, приобщиться к этой среде откуда я родом, включиться в великую стройку новой жизни и стать на путь защиты революционных завоеваний. Другого выбора быть не может. Есть два фронта: фронт революции и фронт к[онтр]революции. Я становлюсь на фронт революции.

8. С означенной переоценкой я приезжаю на родину, приезжаю туда, где знают мои положительные и отрицательные стороны, приезжаю на последний суд.

Признавая в принципе политику Соввласти и коммунистической партии на данный период, исторический период времени правильной, я не согласен лишь с установленными темпами коллективизации с[ельского] х[озяйства], негармонирующими с психологией крестьянского населения (серед[няки], бедняки), бытовым укладом и техникой земледелия, что в результате негативно отражается на сумме органической продукции, создаваемой с[ельским] хозяйством. Сельское хозяйство следует считать базой (сырьевой) городской промышленности и в целях гармонического развития всего народного хозяйства, следует установить контакт в производительных силах с[ельского] хозяйства и городской промышленности. Сельское хозяйство нуждается в материальном подкреплении. Последние мероприятия правительства и партии с запрещением принудительного обобществления скота в колхозах, уменьшение государственных хлебозаготовок на 1932 г. и закон о сданном с[ельско]х[озяйственном] едином налоге на 1932 г., освобождающий колхозный и членов колхоза скот от налога, считаю положительными и благотворительными для сельского хозяйства.

В период (1927 г.) разгара оппозиций внутри ВКП(б) (Шляпников, Сапронов, Троцкий, Каменев, Зиновьев), я, анализируя эти события, считал, что может произойти внутри ВКП(б) серьезный раскол, а как следствие возможны политические пертрубация внутри страны. Поэтому возникла мысль о создании политической группы с ориентацией на трудовое середняцкое и бедняцкое крестьянство, пролетариат и трудовую интеллигенцию, которые должны быть приняты участие, в коалиции с другими социалистическими партиями, в формировании нового политического режима на случай полит. пертрубации, последствия раскола ВКП(б). На сей счет я не раз беседовал с Глебом Швидким, который был такого же мнения. В результате было решено приступить к созданию упомянутой политгруппы из небольшого круга квалифицированных по духу и содержание надежных лиц [....].[1]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 10918. Арк. 322–325 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 54 Автобіографія А.Т. Дикого

24 травня 1932 р.

Биография Дикого Андрея Тимофеевича

Родился я в 1895 году 17/X, в с. Голубовке, Новомосковского р-на на Днепропетровщине. Мои родители – бедные крестьяне-украинцы. До 8-ми летнего возраста я воспитывался в семье родителей моей матери. По возвращению отца из долголетней военной морской службы, мы стали жить самостоятельно.

С 8-ми до 12-ти лет я учился в местной церковно-приходской школе. Было желание и дальше учиться, но ввиду бедности и отсутствия помощи в хозяйстве, отец не разрешил. Таким образом, на мои замыслы учиться был поставлен крест и я с того момента прикрепился к хозяйству.

В мае 1915 года я был призван в царскую армию. После кратковременной выучки в учебной команде, осенью того же года отправлен на фронт. На фронте я пробыл около года и вследствие тяжелого ранения в грудь (24/IX–1916) выбыл в тыл для излечения. По выздоровлению мне предоставили месячный отпуск на родину для поправки. Означенный отпуск я самовольно просрочил и по этой причине местная полиция задержала меня как дезертира и этапным порядком направила в г. Екатеринослав, под надзор к[омандова]ния 228-го зап[асного] полка[2]. Должен был состояться суд, но февральская революция освободила меня от этого.

Революция захватила меня в войсках и превратила в противника существовавшего строя. С первых дней я стал на сторону революции и в качестве выбран-

---

[1] *Опущено текст щодо деталей створення політичного угрупування в 1932 р.*

[2] *228-й запасний піхотний полк було створено у жовтні 1914 р. у складі 5-ї піхотної запасної бригади у м. Катеринославі (Одеський військовий округ). Враховуючи національні особливості особового складу (переважали мобілізовані селяни-українці Катеринославського та Верхньодніпровського повітів), у полку упродовж 1917 р. активно проводилася українізація та утворення українських рот. Особовий склад був демобілізований у березні 1918 р.*

ного председателя (члена ротного к[омите]та, чл[ена] ротного и полкового суда) принимал участие в рев[олюционном] движении в войсках и среди крестьян в направлении расширения и углубления революции и установления республиканского демократического строя.

Позднее я перенес свои симпатии на сторону Украинской Центральной Рады и осенью 1917 г. (после выздоровления от сыпняка) я вступил в ряды ее армии (3-й Екатеринославский полк)[1]. Будучи в войсках Центральной Рады я активной борьбы с большевикам не вел. Был даже выборным представителем от воинской части в полковом совете.

По занятию большевистскими войсками гор. Екатеринослава (конец 1917 года) я не решился отступать с войсками Центральной Рады, не сопротивляясь, с целой почти своей частью остался в городе, явился в губревком к т. Квирингу и по его распоряжению в числе всех оставшихся был демобилизован. С той поры и до весны 1918 г. я проживал в с. Голубовке, занимаясь сельско-хозяйственной работой. С момента позорного соглашения Центральной Рады с немецким правительством, прихода оккупантов и гетманской власти на Украину, я окончательно разочаровался в политике Центральной Рады и стал на сторону большевиков.

Примерно с мая 1918 года немецкая комендатура и гетманская варта начинают активно меня выискивать. Они устраивают на меня ловушку, избивают и грабят отца. Вот с той поры я бесповоротно иду в подполье, с целью организации бедняцко-средняцкой крестьянской массы на борьбу с гетманским режимом и к[онтр]революцией, за систему и власть Советов. В скором времени я связываюсь с Екатеринославским подпольным губревкомом, а затем с Курском и Москвой (через своих представителей) – руководящими партийными центрами. И с той поры, уже под водительством компартии принимаю участие в организованной подпольной работе, направленной к свержению гетманской власти на Украине и на борьбу с прочими формациями, за советскую власть. В подполье я прошел такие этапы – был пред[седателем] Голубовского волревкома, пред[седателем] Николаевского волревкома, наконец, членом Новомосковского уездного ревкома.

Осенью 1918 года на территории Новомосковского уезда, ревком объявил восстание и организованно выступил со своими силами на вооруженную борьбу с гетманщиной и проч. к[онтр]революцией, ведя таковую до полной победы и закрепления власти. В этот период борьбы я исполнял обязанности – член уездного ревкома, командира 2-й повстанческой группы, адъютанта уездного военного комиссара, уполномоченного по связи с повстанцами на Полтавщине.

С февраля 1919 года и до момента отступления от белых, я был членом Новомосковского уисполкома – в должности пом[ощник] увоенкома и зам. отд. [...][2]. Когда положение стало угрожающим, я добровольно вступил в ряды Красной армии (1-я бригада, 7-я дивизия, 14-я армия, в резерв чинов комсостава) и отправился на фронт против белых. С означенною частью я и отступил до Кременчуга. В Кременчуге мне было предложено (как члену КП(б)У) прифронтовым Бюро ЦК КП(б)У[1] отправиться в составе тройки (Колосов, Никитин и я) в тыл белым, на участок Лозово-Синельниково, для организации партизанской борьбы с противником. Перед тем, как пойти в тыл неприятеля, по поручению Колосова и Никитина (из хут. Турово) я вернулся в Кременчуг в прифронтовое Бюро для выяснения некоторых вопросов. По прибытии в Кременчуг я узнал, что прифронтовое Бюро выехало в Киев, поэтому и я решил, было отправиться туда же, но был задержан с моими документами впредь до выяснения личности. Через 10–15 дней меня освободили, но ехать в Киев было уже поздно, так как белые подходили уже к гор. Кременчугу. Не дожидаясь дальнейшего отступления, я решил отправиться в тыл противника, в направлении Новомосковска, что и совершил с большим риском, после троекратного пленения, сидения в болотах, на чердаках и прочего, скитаясь по лесам и оврагам. Прибыл в Новомосковский район примерно в середине августа. К этому времени разнузданія деникинцами своей мести над революционно настроенными крестьянами, дошли до крайних пределов. Они обстреливали с пушек и пулеметов села, поджигали жилые дома и постройки, грабили крестьянское имущество, насиловали женщин всех возрастов и зверски убивали всякого сколько-нибудь подозрительного человека. Это – цветы деникинщины!

Через несколько дней я нащупал и связался с т. т. Кучеренком, Никитиным, Заярским, [...][2], Молибогой, Кузьминым, Мирошниченком, [...][3], Журавлевым, Герасименком и проч. Вскоре был созван в лесу уездный съезд, где и был разрешен вопрос, что делать, и избран уездный революционный комитет, которому и было поручено заняться подготовкой к вооруженной борьбе с противником и руководить таковой, стоя на принципах советской власти. Я был избран в число членов уездного ревкома и заместителем председателя. На меня также были возложено ведать и военными делами.

Практическая борьба с врагом заключалась:

1) в недопуске мобилизации людей, лошадей, бричек, сбруи;

2) в срыве пятипудового сбора с десятины зернохлебов;

3) в срыве налогового обложения;

4) в разрушении средств связи (телефон, телеграф);

5) в разгроме становых участков;

6) в захвате уездного центра (г. Новомосковска);

7) в борьбе с экспедиционными отрядами;

8) в общей деморализации и разрушении тыла противника и, тем самым, в ослаблении его фронта;

9) в задержке подвозки продовольственных продуктов к городским центрам.

---

[1] *Літом 1917 р. з українізованих частин російської армії та добровольців почали формуватися українські військові частини (курені й коші), особовий склад яких становили гайдамаки. 22 листопада (5 грудня) 1917 р. генеральний секретар у військових справах УНР С. Петлюра видав наказ про повну українізацію військ Південно-Західного та Румунського фронтів, а також запасних полків гарнізонів України й формування з них гайдамацьких куренів (кошів). Формування гайдамацьких частин в Одеському військовому окрузі почалося літом 1917 р. Восени було завершено формування 1-го Одеського та 2-го Єлизаветградського гайдамацьких кошів. За прикладом Одеси та за ініціативи начальника гарнізону, командира 5-ї запасної бригади М. Омеляновича-Павленко, у Катеринославі восени 1917 р. розпочалася організація 3-го Гайдамацького куріня з солдатів-українців Катеринославського гарнізону.*

[2] *Нерозбірливе слово*

[1] *Правильно – «Зафронтове бюро ЦК КП(б)У» (Зафронтбюро) – надзвичайний орган управління, створений у липні 1919 р. рішенням Політбюро ЦК КП(б)У для керівництва діяльністю більшовистських організацій і повстанською боротьбою в тилу військ генерала А. Денікіна. Очолив Зафронтбюро секретар ЦК КП(б)У С. Косіор. Ліквідовано у грудні 1919 р.*

[2] *Прізвище нерозбірливе.*

[3] *Прізвище нерозбірливе.*

В таком, примерно, направлении и велась борьба с врагом вплоть до прихода красных войск в г. Новомосковск (1/I–1920).

За весь период борьбы не мало пришлось претерпеть моральных и физических лишений, дважды истекал кровью спасаясь от противника и трижды стоял на волосок от смерти.

По занятию Новомосковска красными войсками, уездревком явился туда же и после объединения с политотделом 45-й дивизии приступил к работе. Первым делом уездревком распорядился о вступлении партизанских отрядов и отдельных партизан в ряды Красной армии, а также о сдаче оружия. В легальном ревкоме я остался также в должности заместителя председателя. С того дня временно, по случаю болезни Кучеренко был председателем ревкома. Примерно в феврале 1920 я вступил в УКП(б), а в марте отправился на Всеукраинскую партийную конференцию УКП(б), где и произошло слияние партий УКП(б) с КП(б)У. Вследствие интриг, проводимых в отношении меня руководящими лицами КП(б)У, а также некоторого расхождения в национальном вопросе – я остался вне партии. С мая 1920 и до декабря того же года я работал в качестве народного судьи 15 участка. В декабре 1920 г. был избран членом уисполкома и до апреле 1921 г. заведовал уездн[ым] РИК. В апреле 1921 года был арестован Новомосковским политбюро и через 2–3 недели, без предъявления обвинении, освобожден.

После ареста я заведовал земельным проф[союзом] коммунхоз и вскоре был послан врачебной комиссией на курортное лечение, но в пути, в Днепропетровске[1] (1921 г., июня) был арестован Губчека и через 15–20 дней без предъявления обвинения освобожден. После этого (будучи членом уисполкома) я с ведома Новомосковского уисполкома получил отпуск и уехал в с. Голубовку, где опять же, по неизвестным для меня причинам, подвергся аресту Турченко И.Л. (председатель тройки). К Турченко я явился сам, он прочитал мне нотацию, что сижу дома и ничего не делаю, в то время, как много работы и нет людей. В результате посадил в сарай. Зная горячий характер Турченко и боясь недоразумения, я бежал из под стражи. Хотел было направиться в Харьков для выяснения причин посадок, но получил письмо тройки, подписанное самим Турченко, в котором объяснялось, что мой арест – это недоразумение и просьба вернуться к работе. Я свое намерение оставил и приступил к работе. С того времени и до весны 1922 года я работал совместно с Турченко – зам. уездного управления ЗАГС и одновременно учился в Новомосковском педтехникуме.

Летом 1922 года я вступил в Харьковский с[ельско]х[озяйственный] ин[ститу]т и пробыл в нем до весны 1928 года. Будучи студентом я принимал активное участие в общественной жизни. Я состоял в агрокружке, был членом бюро комнезаможа, не раз избирался на съезды и конференции. В марте 1928 года я был арестован ГПУ УССР и вскоре, за организацию к[онтр]рев[олюционной] группировки, выслан в Казахстан сроком на 3 года. В ссылке я почти все время служил и работал: 1) статистиком, 2) учительствовал, 3) сортировщиком шерсти, 4) мойщиком коней, 5) счетоводом, 6) коопер[ативным] агрономом, 7) райагрономом и агрономом бригорганизатором при компартии.

1 *Так у документі. Правильно «Екатеринославе».*

В 1931 году украинский нарсуд (за направленное [...][1]) приговорил меня к 3 годам лишения свободы, но в порядке кассации Верхсудом оправдан. Согласно постановлению Особого совещания при коллегии ГПУ, по окончанию срока ссылки я получил «минус» 12 пунктов с прикреплением, сроком на три года. В качестве минуса я избрал город Днепропетровск, куда и прибыл 9 декабря 1931 г.

В последнее время служил в Днепропетровском областном свиновод[ческом] колхозе, в качестве зав. п[од]отделом учета и статистики.

16 апреля 1932 г. арестован Днепропетровским отд. ОГПУ.

[підпис Андрія Дикого]

24/V–32 г.

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 10918. Арк. 317–321 зв. Оригінал, рукопис.

№ 55 Протокол допиту свідка М.М. Макарова-Нікітіна

11 вересня 1932 р.

Протокол допроса свидетеля

1932 г. сентября месяца «11» дня. Уполномоченный Новомосковским Рай (Гор) Отдела Днепропетр. Сектора ГПУ УССР Таксар допросил в качестве свидетеля гр. Макарова Н.М., который дал о себе такие сведения:

1. Фамилия, имя, отчество Макаров-Никитин Никита Мефодиевич
2. Возраст 43, 1888 г.
3. Место рождения б. Полтавская губ. гор. Хороль
4. Социальное положение рабочий
5. Имущественное положение –
6. Гражданство УССР
7. Образование грамотный
8. Национальность украинец
9. Семейное положение женат, 7 душ
10. Профессия слесарь
11. Место службы и должность или род занятий гор. Новомосковск Жесте-Прокатный завод зав. кадрами
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием нет
13. Партийная принадлежность кандидат КП(б)У с 1931 № 28180
14. Состоит ли в Профсоюзе да, союз «металистов»
15. Точный адрес гор. Новомосковск, Упорная ул. дом № 8
16. Социальное и политическое прошлое рабочий

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР по существу дела свидетель показал следующее:

В бытность моей рев[люционной] работы в период гражданской войны с 1917 по 1922 г. на руководящей работе, как-то, 1917 г. – член Военно-рев[олюционного] штаба города Амур-Нижнеднепровск и член первого Совета Екатерининской ж[елезной]д[ороги] и командир красногвардейского отряда. В 1918 г. – командир

1 *Слово нерозбірливе.*

красногвардейского отряда особого назначении в Ростове, при областном совете народных комиссаров Донской республики[1]. 1918 г. – организатор и командир красно-партизанских отрядов и также член подпольного Новомосковского ревкома против немцев, Гетмана и Петлюры. 1919 г. – во время Соввласти раб[отал] при Екатеринославском губкоме уполномоченным по восстановлению Соввласти, а также работал инструктором и уполномоченным при Екатеринославском губчека. Во время наступления деникинцев был послан Зафронт[овым] бюро ЦК КП(б)У и штабом 14 армии начальником штаба повстанческих советских войск Лозово-Синельниковского направления, на каковой работе и проработал до прихода Красной армии. 1920 г. – по реорганизации партизанских отрядов согласно приказа командующего штаба повстанческих советских войск Левобережной Украины тов. Колосова. С 1920 и по 1922 г. по распоряжению Екатеринославского губкома организовывал подполье против Врангеля. С 1922 г. – членом Мануйловского и Карломарксовского райкомов. С 1924 г. по 1927 г. – председателем КНС. С 1927 г. и по 1931 г. – уполномоченным и председателем артелей при Д[непроп]етровском промсоюзе. Считаю своим долгом заявить о лицах, с которыми приходилось вместе работать следующее:

1) Кучеренко-Гай Пилип из села Николаевки Новомосковского района, в 1917 г. служил в царской армии на Кавказе. По возвращению из армии в 1918 г. в село Николаевку и во время реакции немцев, гетмана и Петлюры работал в подпольном Новомосковском уездном ревкоме и проводил свою работу как эсер-боротьбист, вел соглашательскую политику с петлюровцами и при всевозможных случаях критиковал работу ВКП(б), о несостоятельности и не умении захватить власть и восстановить таковую, особенно на Украине, и под свое влияние вербовал среди ответственных партизан лиц, в чем и имел успех. Из лиц членов подпольного ревкома находился тесно связанным с ним Дикий Андрей, Жарко Федор, Завральский Денис Лукьянович, Исаев Мирон Семенович, Северин Антон Силович, Видлога, Земляной (убитый петлюровцами) и ряд лиц. Все эти лица под его руководством организовывали ячейки боротьбистов. Ячейки имелись в селах Вольное, Губиниха, Николаевка, Голубовка.

При занятии гор. Новомосковска 18 ноября 1918 г. партизанами, Кучеренко настаивал вести переговоры с вартой и частью оставшихся офицеров 8-го белогвардейского корпуса в гор. Новомосковске, и Дикий, и Жарко вели таковые переговоры, чем и дали возможность отступить с Новомосковска частям, которые вывезли оружие и ценности. При подходе части с села Кулебовки, которой я командовал, Новомосковск был занят. При занятии Новомосковска мною было издано распоряжение арестовать имеющеюся контрреволюцию и в действительности много было таковой изъято и расстреляно. Против этого Кучеренко вел агитацию среди партизан и членов штаба, что мол большевики делают и было несколько случаев освобождения офицеров, и особенно, был выпущен известный

[1] *Донська республіка – територіальне утворення у складі РСФРР з центром у Ростові-на-Дону. Радянська влада утвердилася після боїв з військами генерала Каледіна з кінця лютого 1918 р. 23 березня постановою Донського обласного ВРК було проголошене створення Донської радянської республіки у складі РСФРР. У зв'язку із німецьким наступом, 4 травня 1918 р. уряд Донської Радяської Республіки залишив Ростов-на-Дону. 12 серпня 1918 р. РНК Донської республіки прийняв рішення про саморозпуск.*

контрреволюционер Паляничка (Новомосковский видный купец), которому особенно содействовал Завральский Денис Лукьянович, который по рассказам многих партизан взял выкуп.

При заседаниях и совещаниях ревкома, где решались важные и секретные оперативные вопросы, Кучеренко, Дикий, Завральный и другие конспиративно совещались от ревкома и представителей областного и губернского ревкома и на заседаниях старались проводить свое мнение, которое в большинстве сводилось в недоверии большевикам, а вводилось в соглашательство с петлюровцами, на которых в большинстве опирались, указывая, что национальный вопрос ближе стоит петлюровщине, чем Москве, и чем не давали возможности бороться с организовывающими по селам петлюровских частей, как например в районах Перещепиной, Очеретовской, Чаплинской, Котовской, Нехворощи. И в действительности, дали возможность создать организационный центр в бывшей кащенковой экономии, где под руководством петлюровцев Бондаренка и Сторубля была организована часть гайдамаков в количестве 300 человек, а также много было перекинуто в Екатеринослав, в распоряжение петлюровского штаба Горобца. Неоднократно ставился [вопрос] разогнать это гнездо, но под тем или другим предлогом эти указанные лица оттягивали, поскольку они являлись членами ревкома. В действительности в последствии, эта часть под руководством Бондаренко и Сторубля (который при занятии был убит), заняла Новомосковск без бою, потому, что вышеуказанные лица устроили панику и дали возможность занять петлюровцам без выстрела Новомосковск.

При каких обстоятельствах был убит Сторубель, Бондаренко. Мною была с Павлограда послана группа тов[арищей] в Екатеринослав для разведки и при проходе Новомосковска встретили таковых (которые были в курсе, что Новомосковск оставлен, въехали без части в город) и были разведкой расстреляны.

Кучеренко, будучи членом ревкома, при боях Красной армии с петлюровцами никакого участия не принимал. В 1919 г. в период восстановления соввласти, не однократно выступал на съездах в Новомосковске и селах против мероприятий партии и соввласти, особенно активно проявил себя во время авантюры Григорьева и Махно, открыто выступил за соединение с таковыми. Этим самым дал возможность [вз]бунтоваться мобилизованным унтер-офицерам и [способствовал] разложению некоторых частей, особенно партизан. К тому же имел тесную связь с разными петлюровцами, как например с Сечевым из Перещепино, Манжелеем Иван Ивановичем из Мануйловки, Сидником из Васильевки. За все это был арестован и находился в Екатеринославском губчека и при эвакуации от белых был направлен в Киев пароходом, но бежал с баржи. Точно не помню, был приговорен Тройкой к расстрелу.

Во время деникинщины в 1919 г. в августе месяце появился в Ивано-Михайловке, в лесу и начал вербовать оставшихся партизан ([в] это время я работал уже в подполье в Казачьем Гаю и, зная, что из себя представляет Кучеренко, пришлось держаться в стороне, не доверяя ему).

При приезде Дикого А., объединились и начали проводить работу под лозунгом «советская власть без большевиков и комиссаров» и организовали Новомосковский ревком. Лично мне неоднократно приходилось выступать против агитации таковых, неоднократно вопрос стоял о изъятии их из среды партизан. Ревком

состоял [из] Кучеренко – председатель, Дикий и Завральский – члены. При получении мною распоряжения в сентябре месяце от штаба повстанческих советских войск Левобережной Украины и ЦК КП(б)У о выступлении партизан и открытии военных действий, что и было мною выполнено, Кучеренко и ряд других лиц начали активно проводить работу о съезде партизан и объединении с Махном и петлюровцами, агитируя среди партизан, что им не по дороге с большевиками и коминтерном, и необходимо соединиться с Петлюрой. На что немедленно пришлось мне реагировать, поддержать таковой съезд и расширить таковой, вызвав на съезд павлоградских, константиноградских, кобеляцких и с Екатеринославского подпольного ревкома. И в действительности, таковой съезд состоялся 29 сентября, на каковом присутствовали и выше указанных районов 39 человек, в большинстве представителями явились мною вызванные большевики. Мною была выработана декларация, в которой было указано, что Коминтерн есть основа руководства мирового пролетариата, в чем Кучеренко особенно возражал.

Съезд состоялся, председателем которого являлся Кучеренко, член – Дикий, секретарь – Павловский. Особенно разрешался вопрос, и велись упорные дебаты, кто должен руководить повстанческим движением в вышеуказанных уездах: или Новомосковский ревком, или штаб Лозово-Синельниковского направления. После долгих дебатов было решено, что штаб должен, как руководил этим, [так] и руководить дальше, и избрана была инициативная группа для объединения возле штаба отрядов, в которую вошли я, Никитин, Кучеренко от Павлограда, Боровко от Константинограда, а Новомосковский ревком остался в своих рамках. При наступлении Красной армии в ноябре месяце на Украину, Кучеренко и весь Новомосковский ревком вел среди партизан агитацию, что наступающие красные войска принесут обратно на Украину контрибуцию и власть большевиков, которые сделают Украину колонией, а необходимо соединиться с Петлюрой. И в действительности при Генеральном наступлении Красной армии и партизан на Деникина, Кучеренко и Дикому удалось разложить небольшую часть партизан, которые не пошли на соединение с Красной армией, а остались по домам.

При восстановлении совввласти в 1920, в январе месяце, Кучеренко, Дикий, Завральский заняли руководящее положение и начали вести разлагающую работу среди партизан, чтобы не сдавали оружия, а также проводили работу на селах: «советская власть без большевиков и коммунистов». Все это проводилось под лозунгом боротьбистов и эсеров, и в это время Кучеренко и Дикий были связаны тесно с бывшими петлюровцами и разными темными личностями, как то, Сечевой, Матвиенко (впоследствии имел крупную банду в 1920–21), Сиденко, Манжелей Иван Иванович, Горяной Иван, Матвеенко из села Мануйловки. И в действительности имели успех, не только спровоцировали партизан, но и спровоцировали перед совввластью и партизан многих видных честных большевиков партизан, которых или расстреляли, или спровоцировали и не дали возможности реорганизовать партизанские отряды, в чем и дали возможность петлюровским вождям организовать крупные банды, как то Матвиенко, Волоконского, Бровы и много мелких разных банд. И в это же время, с 1920 г. начал проводить Кучеренко под флагом боротьбистов и УКП организационную работу против всех мероприятий совввласти и Политбюро ЦК СССР[1].

[1] *Так у документі.*

За свое темное дело опять был арестован, но поскольку в Новомосковске в политбюро были свои люди, как например Бодня из села Голубовки, который в настоящее время не отрицает, что его освободил, после этого Кучеренко скрылся в банде Матвиенко, что может подтвердить старый большевик и партизан то[в]. Карпенко Семен Порфирьевич из села Ивано-Михайловки, в настоящее время работает в заводе Петровского. При ликвидации банд в 1922 г. Кучеренко выехал в Харьков, где активно работал в рядах УКП и при слиянии вошел в ряды РКП [...].[1]

2) Дикий Андрей из села Голубовки Новомосковского рай[она], сын мощного середняка. В 1918 г. во время реакции немцев, гетмана, Петлюры, работал при подпольном уездном Новомосковском ревкоме и являлся членом такового. В период своей работы выявил себя как боевой эсер в положительном смысле, свое политическое направление не выявлял. Тесно был связан с Кучеренко-Гаем П., Жарко Федором, Завральским Д.Л., Сиденко из села Васильевки, петлюровец Сичевым из села Перещепино, петлюровцем расстрелянным Совввластью в 1920 г., и другими. Во время своей работы по организации партизан проводил работу двояко, за советскую вл[асть] и петлюровскую. Не однократно мне приходилось возражать на неправильную его работу, не однократно замечалась его связь с петлюровцами.

При занятии Новомосковска партизанами 18 ноября 1918 г. Дикий командовал Голубовским отрядом и при занятии им позиции Новомосковска вел переговоры по телефону с вартой, с офицерами 8 корпуса, а Жарко послал на переговоры к ним, чем и дал возможность варте и офицерам отступить, и вывезти оружие и ценности. По оперативному плану наступление на Новомосковск должно было быть внезапным. Были подозрения, что со стороны Дикого и Жарко были какие-то провокации.

Во время работы в Новомосковском ревкоме Дикий вел соглашательскую работу с городской управой и собирал конспиративные совещания из лиц, политически стоящих против совввласти. Был арестован петлюровский офицер, который оказался капитаном, за что и был расстрелян. Он был тесно связан с Диким. При разработке оперативного наступления на Екатеринослав, на петлюровцев возражал, при совещании с Махно изъявил первый свое согласие.

При настоятельном требовании разоружить петлюровский отряд в экономии Кащенко отказался. При отступлении от петлюровцев из Новомосковска ушел самовольно с отрядом на Голубовку, отказался отступать к Павлограду, в чем и содействовал взятию петлюровцами Новомосковска без боя.

При восстановлении совввласти в 1919 г. в Новомосковске работал при уездном ревкоме и проводил разлагающую работу среди партизан и военных частей. Отказался сдать все снаряжение, оставшееся в Голубовке из разрушенного эшелона, привезенного на станцию Кильчень при отступлении от петлюровцев, мотивируя тем, что советская власть продержится недолго и снаряжение пригодиться.

При выступлении Григорьева и Махно против совввласти в 1919 г. поддерживал таковых, за что и должен был быть арестован, но имея связь с Кравченко, командующим Новомосковским фронтом при наступлении Деникина, и за измену по распоряжению Ворошилова был расстрелян, остался не арестован.

[1] *Опущено текст щодо деталей антирадянської діяльності Кучеренка у 1925–1932 рр.*

При отступлении от Деникина разложил партизан села Голубовки, Губинихи, Николаевки, которые на 95% дезертировали с оружием с рядов Красной армии и остались по домах.

При организации подполья в Кременчуге Зафронт[овым] бюро ЦК КП(б)У и штабом 14-й армии штаба Лозово-Синельниковского направления, в каковом был командующим тов. Колос, и начальником штаба я. И нам были даны установки использовать все возможности, вплоть до использования дезертиров для разрушения деникинского тыла. При организации отряда для передвижения в тыл Деникина, Колосом и мною был в Кременчуге встречен Дикий, и при разговоре с ним выяснилось, что он ничего не делает и есть стремление перебраться в тыл, где по его указанию осталось много партизан, особенно в селе Голубовке. Мы ему предложили ехать вместе с нами для организации отрядов в тылу Деникина, на что он изъявил согласие.

Мною с тов. Колосом было условлено поддерживать его мнение и использовать такового до поры, до времени, и поручили ему подобрать людей, что им было частично проделано. При переброске партизанских отрядов из села Турово, Кобеляцкого уезда, где находился штаб Лозово-Синельниковского направления, Дикому было поручено перейти фронт с отрядом, но он не перешел, а как впоследствии выяснилось, он хотел спровоцировать 1 из красных дивизий на Кременчугском фронте. Вел агитацию, что Советская власть погибла и необходимо организовывать другую власть, за что и был арестован и предан военному трибуналу, но каким-то образом бежал и появился в селе Голубовке в последних числах августа 1919 г. Мне было передано тов. Колосом и штабом 14-й армии о задержании такового, но мною при обнаружении его пришлось столкнуться, что он пользуется большой популярностью среди партизан и пришлось оставить его до более удобного случая. Дикий по приезде связался с Кучеренко и весь период своей работы в подполье вел политику среди партизан, что советская власть должна быть без большевиков и коммунистов. В дальнейшем был [связан] с Махно, ездил несколько раз сам. При наступлении Красной армии отказался наступать своим отрядом по направлению [на] Кременчуг и распустил таковой.

При восстановлении сов. власти в 1920 г. использовал момент и пристроился при Новомосковском ревкоме, где и начал совместно с Кучеренко, Завральским и другими организовывать боротьбистов ячейки и проводил агитацию, что советская власть не долго будет существовать и необходимо организовывать свою власть боротьбистов, за что был арестован, но был освобожден своими приспешниками и выехал в село Голубовку, где и проводил свою работу против Соввласти. При налете банды Матвиенко на Голубовку, был таковым арестован и ездил с Матвиенко на тачанке и освобожден, а захваченные продагенты и комсомольцы были зверски порублены. Имелся слух, что Дикий снабжал Матвиенко снаряжением, оставшимся из эшелона. В 1923 или 1924 г. выехал в Харьков учиться и по приезде в Голубовку проводил разлагающую работу среди селян, критикуя налоговую систему соввласти, указывая, что Россия Украину сделала колонией, и этим неоднократно срывал налогово-финансовые мероприятия.

Под видом рецензий статей и собирания материалов периода гражданской войны проводил троцкистскую работу, был связан с Раковским, Золотовым Федором. Неоднократно приезжал ко мне и под видом проверки моих документов имеются ли коммпрометирующие в отношении Колосова. К тому же указывал, что со мной хочет видется Золотов и Раковский, и в разговоре занимался критикой политики партии и Коминтерна во главе с тов. Сталиным. Я на этот вопрос не давал им какого ответа. Между тем указывал мне, что я как руководитель партизанского движения обойденный и сдекретированный[1] партией и советской властью, указывал, что я должен был занимать крупное место. Мой был ему ответ: «Что я сам виноват, что отстал от партии», но он все таки настаивал свидится с Золотовым, который должен мне сказать многое. По приезду Дикого из ссылки в Екатеринослав имел частые встречи с Жарко Федором, Стадником, Турченко и часто с таковыми приставал. Из разговоров Турченко его, как будто бы, выписали из ссылки для каких то целей. И заезд Дикого в Голубовку посеял неудовольствие среди партизан в отношении коллективизации и всех мероприятий соввласти, многие относятся враждебно. При опросе мною в отношении имеющегося оружия в Голубовке подтверждают, что таковое имеется, но выдать не хотят. Некоторые чуть ли не говорят прямо, что таковое еще нам пригодится. В разговоре указывается, что Дикий мог бы при желании все сделать [...].[2]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 10918. Арк. 81–92 зв. Оригінал, рукопис.

[1] *Так у тексті, малося на увазі дискредитований, тобто в розумінні нехтуємий, нешанований.*

[2] *Опущено текст щодо біографічних даних Федора Жарко, Федора Золотова та Дениса Завральського, яких М. Макаров-Нікітн знав особисто.*

ЕПІК Григорій Данилович

(1901–03.11.1937)

Український радянський письменник, перекладач і публіцист доби «Розстріляного відродження». Маловідомо, що у 1919–1920 рр. Григорій Епік був активним учасником українського повстанського руху на Катеринославщині, організатором повстанського загону с. Кам'янка, проти деникінського, а згодом і червоного режимів.

Народився у робітничої сім'ї с. Кам'янка, Новомосковського повіту Катеринославської губернії. У 1916–1918 рр. працював конторником на складі при залізничних майстернях. За участь у антигетьманському русі був звільнений з роботи. У 1919 р. – доброволець 1-го Новомосковського повстанського полку. На початку 1920 р. вступив до КП(б)У. У 1920 р. – працював інструктором політпросвіти, секретарем та головою повітового виконкому Полтавської губернії. З 1922 р. – в культвідділі Полтавського окружкому КП(б)У, у губкомі комсомолу. У 1924–1926 рр. – головний редактор видавництва «Червоний шлях» та ДВУ (Харків). Григорій Епік брав участь у діяльності культурно-просвітницьких товариств, входив до Спілки селянських письменників «Плуг», згодом приєднався до групи Хвильового ВАПЛІТЕ.

У червні 1934 р. під час партійної чистки Епіка виключили з КП(б)У з таким формулюванням: «Протягом довгих років і до останнього часу опирався лінії партії в літературі, підтримував націоналістичні елементи в їхній боротьбі проти партії». Заарештований у грудні 1934 р. за належність до контрреволюційної націоналістичної організації. Термін ув'язнання відбував у Соловецькому таборі. Разом з великою групою українців розстріляний 3 листопада 1937 р. у Сандормоху (Карелія). Реабілітований у 1956 р.

№ 56 Анкета Г.Д. Епіка для реєстрації амністованих повстанців

30 квітня 1921 р.

АНКЕТА

Для регистрации повстанцев, явившихся согласно амнистии,
принятой на Украинском 5-м Съезде Советов

1. Фамилия, имя и отчество Епик Григорий Данилович
2. Возраст 20 лет
3. Образование Министерское 2-х кл. училище, был на курсах социального воспитания в Полтаве в 1921 г. два месяца
4. Основн. професия инструктор политпросвета при уездн[ой] Народраде
5. Социальное положение Пролетарий, у отца дом и надельной 3 дес. земли 2 коровы в с. Каменке
6. Место рождения: село Каменка вол. Каменской уезд Н[ово]московский губерния Ек[атерино]славская
7. Постоянное местожительство Полтава Культпросвет
8. Семейное положение женат, с [19]20 года сентября м[еся]ца, детей нет
   а) Перечислить состав семьи, их лета и род занятий жена, до брака Куликова Вера Афанасьевна 23 лет, живет в Полтаве Уезднаробраза; Мать Клеопатра Самуиловна, ур[ожденная] Усенко – Епик 44 года Каменка домохоз[яйка]; Отец Данило Демьянович с. Каменка – хлебороб, раньше работал на лесопилке

10. Служил ли в старой армии, в какое время, в какой части и в каком чине нет
11. Служил ли в Петлюровских войсках, в какое время, в какой части, в каком чине нет
12. Служил ли в Махновских войсках в какое время, в какой части, в какой должности нет
13. Служил ли в Деникинской и пр. белогвардейских бандах, в какое время, в какой части, в каком чине нет
14. Служил ли в Красной Армии, в какой части, в какое время, в какой должности нет
15. Участвовал ли в боях на фронте, когда, на каком, против кого был в организации по ликвидации бандитизма в Полтавском уезде Старо-Санжаровской волости, член комнезама и член комячейки – против бандитов с ноября 1920 года по настоящее время
16. Чем занимался и где был:
   а) До февраля 1917 г. Учился в Министер[ском] уч[илище], служил на жел[езной] дор[оге] в Амур-Н[ижне]днепровске – был переплетчиком
   б) С февраля 17 г. по октябрь 17 г. тоже
   в) С апреля 17 г. по апрель 1918 г. там же, уволен Гетманской властью
   г) С апреля 18 г. по январь 1919 г. не служил, был дома
   д) С января 19 г. по июнь 19 г. Служил на жел[езной] дор[оге] на старой работе
   е) С июня 19 г. по январь 1920 г. Жил дома, работал организации сопротивление против белых, с самостоятельным отрядом в 30 человек
   ж) С января 20 г. по настоящее время с февраля 20 г. по апрель служил в Военкомате Каменки переплетчиком. С Апреля по Май в милиции секретарем. С мая жил в Романковке по 15 августа нигде не служил и уехал в Васильевку, через неделю приехал в Полтаву [...][1]
17. Сколько время был в повстанческих отрядах, в каких именно, в какое время и в какой должности в 1919 г. с сентября по декабрь в Новомосковском полку, полком командовал Руденко подчинили Мелашко и Гладченко
18. Политическая окраска отряда смешение «желто-блакитные», «бандиты» и «большевики»
19. Что побудило пойти в повстанческий отряд классовая борьба против Деникина
20. Численность отряда в разное время: людей 300 лошадей 30 вооружения у всех пулеметов 3 повозок 20–25
21. Перечислить по очереди фамилии командиров отряда Руденко, начальников штаба Дьяковский командиров пулемётных не знаю начальников разведки не знаю
22. Когда отряды участвовали в боях с Красной Армией[2], с какими частями, сколько раз и с какими результатами много раз с отрядом Глухого по линиям

[1] *Нерозбірливий текст.*

[2] *Так у тексті, слова* «Красной Армией» *закреслені.*

ж[елезной] д[ороги] от Запорожья до Полтавы и во многих селах Ек[атерино] славского уезда и В[ерхне]днепров[ского]
23. Главные места стоянки отрядов не было постоянных .
24. Отношение селян к отряду в разных местах Немецкие хутора, украинские хутора, Михайловская волость – как кадетски настроены враждебно
25. Участие в совершенных преступлениях вследствие службы в повстании при белых – держал связь с повстанцами борящихся с красными и давал возможность спасаться другим
26. Имеете ли сведения о скрытом оружии и продолжающих свои преступления против Соввласти – указать такие сведения в данный момент не имею
27. Что побудило явиться в Губчека Моральное угнетение, знания сокрытых организаций против Соввласти. Кроме того, знал, что мое имя фигурирует в деле бандита Черненко
28. Политические убеждения коммунист член РКП с декабря 1920 г.
29. Чем желаете заняться сейчас остаться на старой службе в Политпросвете
30. Желаете ли поступить в ряды Красной Армии нет
31. Где желаете избрать постоянное жительство в Полтаве
32. Что желаете еще сказать не имею

[підпис Григорія Епіка]

30 апреля 1921 года.

ОСОБЫЕ ОТМЕТКИ:

Показания на вопросы по § 17–24 относится к периоду власти белогвардейцев. [остальное] относится к 20–21 году.

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 278. Арк. 58–58 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 57 Зобов'язання Г.Д. Епіка

30 квітня 1921 р.

Епик Григорий Данилович

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Апреля 30 дня 1921 года.

Я, нижеподписавшийся, гражд. села Каменка вол. Каменская уезда Н[ово] московск[ой] губ. Ек[атерино]славская .

сознавшись в совершенном мною преступлении против рабочего и крестьянского трудового люда, убедившись в том, что Советская власть является действительной защитницей интересов трудового селянства и рабочих, желая искупить свою вину перед нею и доказать, что я истинный сын трудящихся – даю настоящее ОБЯЗАТЕЛЬСТВО перед лицом Соввласти рабочих и селян в том, что будучи, несмотря на мои тяжкие грехи, ПОМИЛОВАН Рабоче-Крестьянской Советской властью на основании закона об амнистии, принятого Всеукраинским Съездом Советов, я с настоящей минуты буду вести мирную трудовую жизнь честного селянина, буду всеми силами выполнять все законы Советской власти, ни в каких преступлениях против Советской власти участвовать не буду, буду всячески помогать Советской власти в борьбе с теми бандитами, кои еще продолжают разрушать мирную трудовую жизнь Советской Республики и обо всех этих преступниках доносить Советской власти.

В чем громко КЛЯНУСЬ перед всем трудовым народом Советской Украины и заявляю, что нарушение моей настоящей клятвы будет самым тяжким преступлением и за таковое я понесу самую суровую кару, как изменник и предатель трудового селянина и рабочего.

Подпись Григорий Епик

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 278. Арк. 59. Копія, машинопис.

№ 58 Автобіографія Г.Д. Епіка

4 травня 1921 р.

Начальнику Секретного Оперативного Отдела Екатеринославской чрезвычайной комиссии
крестьянина Каменки Нов[омосковского] уезда Ек[атеринославской] губ[ернии]
Григория Эпика
родившегося в 1901 году

Автобиография

Происходя из беднейших слоев селянства – сын рабочего, который всю свою жизнь с 16 до 44 л[ет] проработал на заводе, я вырос в тяжелых экономических условиях жизни крестьянина. А если взять те политические и классовые отношения рабочего, в которых я прожил до 16-летнего возраста, то это послужит живым и ясным доказательством желания бороться за угнетенный народ, что и показали последствия моей самостоятельной жизни в период нашей революции. До 1916 года я учился в начальном училище и в начале [19]17 года (январь) поступил на Ек[атерининскую] ж[елезную] д[орогу] в Н[ижне]дн[епровский] материальный склад на должность рабочего, а потом переписчика. 1917 год был годом начала великих революционных событий в России, которые привели нас к социальной революции беднейшего рабочего и крестьянина. Как сын угнетенного, я не мог спокойно или безучастно отнестись к делу революции, решивши, что я здесь не заинтересован и что революция не для меня. С самого начала ее, у меня явилось самое искренне желание работать для народа, который зовет нас и просит нашей помощи. Но «народ» слово очень растяжимое и я, как и большинство, тогда молодых работников, не разделяя народ на классы, готовы были стать бороться за него, не видя того, сколько укрывается за спинами этого народа классовых врагов рабочего и беднейшего крестьянина. Я не имел жизненной практики, не отнесся серьезно к национальному вопросу, который был, выдвинут «патриотами» узко националистических партий и уже в начале революции, руководимый прочитанными книгами шовинистического содержания украинских писателей, я был склонен без разделения на классы, поддерживать национальные взгляды тех, в кругу которых я вращался, и бороться за «народ» (общ[ие] собр[ания] ж[елезной] д[ороги], митинги).

Но мое участие в политической жизни оставалось только желанием до периода власти Гетмана Скоропадского, с какого момента я начал уже разделять, хоть и не совсем сознательно, народ на классы, следствием чего была активное участие

в ж[елезно] д[орожной] забастовке[1], за что и был уволен, – впервые почувствовал, что не все украинцы свободолюбивый народ, как рассказывают романтики, не все они товарищи нам по классу и защитники наших прав. С увольнением меня за ж[елезно] д[орожную] забастовку с [19]18 года, я, до вступления советских войск в пределы Екатеринославской губ., работал у отца. С вступлением советских войск я был снова принят на дорогу служить в старой должности, где поработал без прямого участия в политической жизни, состоя лишь членом союза до вступления на Украину Деникина (июль), когда я, руководимый классовым отношением к нам белых, бросил службу и снова пошел в село работать с отцом, но потом пригласили меня в Каменское потр[ебительское] общество, где я проработал с июня до ½ сентября. В период работы в селе Каменке, состоя членом культурно-просветительной организации[2] и ответственным работником в кооперации, мне пришлось не один раз вступать в серьезные отношения с белыми на почве ограбления то кооперативов, то культ[урно]-просв[етительной] организации. После дней периода моего свободного существования, был мой протест против предложенной одним из членов к[ультурно]-пр[осветительной] организации добровольной записи в Доброармию на общем собрании членов, после чего (с 19 августа) я должен был скрываться, но в то же время работать в конторе кооператива, которая была в общественном учреждении. Начало моей нелегальной жизни была и началом организации против белых молодежи в с. Каменке, преимущественно из членов культурно-просвет[ительной] организации, ядром которой были 3–5 человек, в том числе я, как организатор (Эпик Гр[игорий], Сидоренко Иван, Губаренко Яков, Пустовойт Сысой, Сесь Панфил). Цель этой организации – восстание против власти белых, носило классовый характер и все принимавшие участие в большинстве принадлежали к пролетариям. Прошло не больше недели (вторая половина августа), как о нашей организации узнал через Панфила Сеся гр. Руденко, который и пригласил нас на собрание, призывая нас к объединению. Из слов гр. Руденко, который в тот же вечер постарался прибрать нас к рукам, выяснив нам, что самостоятельно мы существовать не можем, да и не имеем права, объяснилось, что у него есть организация и что он руководится указаниями из центра, который прислал своего представителя гр. Мокринца (центр был петлюровский). После этого стало ясно, что восстание принимает классовую национальную политическую окраску. Мы, как молодая организация, должны были подчиниться старой, организованной Руденко, и с тех пор прекратили самостоятельную организационную жизнь, а во всем подчини[лись] распоряжению гр. Руденко. Скоро после этого в Каменке был созван подпольный съезд в количестве 50–70 чел[овек]. Съезд носил не организационный характер, а скорее секретно-оперативный, с распределением ролей каждой организации в восстании. На том же съезде был избран Повстан[ческий] штаб Екатер[инославской] губ. (если не ошибаюсь). Главными руководителями были избраны Мелашко, Руденко. Съезд шел под председательством Мелашко (тоже не помню). Я исполнял [обязанности] караульного по охране. На съезде были представители некоторых волостей Новомосковского уезда (не помню каких, кроме Петриковской, Очереватовской и других) и представители Екат[еринославского] уезда. Кажется Гринченко, Богдан Гавриил и др. (не знаю фамилий), Павлогр[адского] уезда (не знаю кто), Верхнеднепровского уезда – Федорченко. Кроме того были почти все члены повстанческой организации с. Каменки. Съездом были приняты резолюции (я узнал по ходу дела) о немедленном выступлении, которое было назначено, кажется, с 30 сентября на 1-ое октября, или с 31 августа на 1-ое сентября ст. ст. В назначенный день восстания не было, его перенесли на другой, а потом перенесли еще, не получая сведений с правобережья. Наконец выступили [члены] только одной Каменской организацией, после чего в Петриковке были разбиты кадетами, где Руденко был ранен. Из отряда осталось не больше 40 человек, а может и меньше, которые под руководством Чухмаря, и я вместе с ними, заняли ст. Н[ижне]днепровск и Амур в то время, когда Махно занимал Екатеринослав (не помню числа, в октябре). После этого мы направились в Екатер[инославский] уезд, где часто приходилось вступать в бой с карательным отрядом капитана Глухого. Здесь же, в Екат[еринославском] и Верхне[днепровском] уездах руководителями был «жовто-блакитный стяг» с главною петлюровскою окраскою политическою. Новомосковск[ий] полк был в распоряжении штаба повст[анческих] войск, начальником Нов[омосковского] полка был Руденко, а после Руденко был Карпенко. С октября и до второй половины января (точно не помню) велась самая отчаянная борьба и до вступления сов[етских] войск на правобережье. В это время я заболел тифом, проболевши до половины февраля. Отношение крестьян к повстанческой армии было не одинаковое. В кулацких селах и хуторах крестьяне выдавали повстанцев кадетам, а в более бедных селах сочувствовали и шли на помощь нам. Я, как член организации, занимал должность сначала просто рядового. Потом Чухмарь предложил мне быть переписчиком потом, но не понравилось, что тут еще сделал выговор гр. Чухмарь за неаккуратное отношение и я бросил канцелярию и пошел рядовым. Но в период борьбы мне пришлось работать и [в] культ[урно]-пр[осветительной] организации повстанческого отряда и заведующим лазаретом (после контузии) и еще раз переписчиком (не помню дат). В 1920 году вступили красные войска, которые погнали в Крым остатки деникинских полков, оперировавших в Екатер[инославской] губ. Новомосковский повстанческий полк был распущен и все Каменские уехали домой (последнее я узнал по возвращении в Каменку, февраль 1920 года после болезни). Когда я возвращался в Каменку, мне было предложено в форме мобилизации военруком с. Каменки, работать в военном комиссариате, на что я согласился и проработал с февраля по май. Был уволен по сокращению штата. После этого я перешел служить в Каменскую раб[оче]-кр[естьянскую] милицию секретарем. В мае месяце ко мне явился гр. Черненко с определенной целью втянуть меня (потом выяснилось) в восстание против Рабоче-кр[естьянской] власти. Руководимый может быть моими взглядами в борьбе с белыми, он решил, что я могу принять участие и в борьбе с Советской властью. Когда я от предложения [участвовать] в вооруженном восстании отказался решительно, мне было объявлено постановление подпольного съезда о мобилизации всех, кто принимал участие в борьбе с белыми, для борьбы с Раб[оче]-кр[естьянской] властью. Из слов гр. Черненко

[1] *Всеукраїнський страйк залізничників – один із найбільших виступів робітників України проти режиму Української Держави (липень–серпень 1918 р.). Виступ проходив під гаслами: визнання повноважень залізничної профспілки; звільнення заарештованих за політичні переконання робітників та поновлення їх на роботі, 8-ми годинний робочий день тощо. Страйк на залізницях України охопив до 200 тис. робітників.*

[2] *Мав на увазі «Просвіту».*

я узнал, что съезд был в Херсонской губ. (места и даты не знаю), где был и сам Черненко и тем же съездом [он] назначен был организатором или полковником на территории Новомосковского уезда, он на правах руководителя втягивал всех, кто был малодушным или заблудшим, к каковым принадлежал и я, в борьбу с Советской властью, пользуясь еще чисто товарищескими отношениями тех, с кем приходилось ему быть вместе в повстанстве против кадетов и я, из товарищеских чувств к бандиту Черненко (но не к его идее), согласился после его решительного предложения помочь ему в том гнусном деле.

На меня была возложена миссия передачи сведений от Сокура, жившего в с. Обуховке Каменской волости и Каменки Черненко. Я передал ему несколько писем, от 3–5, неизвестного содержания. С первого же дня (когда я согласился давать сведения), я пошел на дипломатию, решивши уехать, что в последствии и было сделано. Вместе с Черненко я имел не больше одного месяца. В июне я уехал к знакомым в Романково (где все время оказывал помощь им в полевых работах дома), откуда возвратился в Каменку в первой половине августа. Пробыл в Каменке около двух недель (не помню точно). Решил навсегда порвать связь с бандитами, после не иметь ничего общего с ними. Вместе со своей невестой уехали к ее родным в Павлоградский уезд, с. Васильковy, где вступил в брак и после направились к намеченной цели, в Полтавский уезд.

7-го сентября ст. ст. приехал я в м[естечко] Старые Санжары, куда с октября месяца был назначен инструктором политпросвета. С самого начала моей деятельности мне пришлось работать вместе с комнезаможем и комячейкой. В декабре месяце мне предложили записаться членом комячейки, я согласился и до последнего времени работал там, как член партии и секретарь ее. Были перевыборы волостного совета, куда я был выбран общим собранием крестьян. После этого был выбран делегатом на 5-ый съезд Полтавского уезда и уездный съезд послал меня делегатом на губернский съезд Полтавщины. Кроме того, работал в полтавской прессе (орган полтавской РКП).

Принимая участие в контрреволюционном деле, начатом Черненко, я чувствовал, какую я сделал вину перед Рабоче-крестьянской властью и этим я тяготился до последнего дня. В декабре месяце я получил из дому письмо, в котором сообщалось, что меня разыскивают. Прожив в Полтавском уезде до марта, меня командировал упарком на курсы социального воспитания в Полтаву, дабы иметь человека знающего дело воспитания новой школы для контролирования школьного дела. На курсах я пробыл около двух месяцев и после был откомандирован в упарком инструктором политпросвета Полтавского уезда. Узнав об амнистии 5-го Всеукраинского съезда Советов, я, чувствую себя виновным, решил явиться в распоряжение властей, но не хотел просто назвать себя виновным, явившись в Полтавскую Чрезвычайную комиссию, чтобы получить амнистию, я приехал в Екатеринослав, чтобы искренне рассказать с кем я имел дело, считая, что до некоторой степени моя явка поможет органам власти в дальнейшей борьбе за укрепление социальной революции.

Приехавши в Екатеринослав, я решил явиться в Чрезвычайную комиссию, чтобы сказать гласно о моей вине перед властью рабочих и крестьян, чтобы дать обязательство, что я буду бороться, как член РКП за всеобщую политическую программу среди братьев по классу и дать обязательство что больше не подымится слепо рука заблудшего против рабочего и крестьянина. У меня нет идеи бороться за «народ», а есть прямое желание бороться за свободную жизнь и право пролетариата. Теперь для меня ясно, как я глубоко ошибался, будучи узким националистом, нанеся этим вред общему ходу социальной революции. После восстановления меня в правах по амнистии, приложу все силы, чтобы подготовить равных себе по классу братьев политически зрелыми, дабы и с ним не случилось того, что пережил я. Я страдал, тяготился тем, что был заблудшим и теперь, когда есть возможность отдать все силы на дело укрепления советского строительства, буду работать вместе с беднейшим крестьянством и рабочими Украины.

[підпис Григорія Епика]
4/V-21 года

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 278. Арк. 61–64 зв. Незавірена копія, рукопис.

№ 59 Додаткові покази до анкетних даних Г.Д. Епіка

4 травня 1921 р.

Дополнительные показания к показаниям в анкете

Вопросы: Расскажите подробно, почему Вы явились для амнистии. Вы указываете, что чувствовали моральное угнетение и знали, что о Вас возбуждено дело в связи с арестом Черненко. Откуда Вам известно и в чем Вас обвиняют? Что побудило Вас совершать преступления?

Ответы: Мною получено письмо от родных из Каменки в декабре с[его] г[ода], где мне сообщают, что Черненко, который к тебе приходил, арестован и ищет тебя. Зная за собою вину в передаче письма Черненко от Сокура, и разных сведений, мне данных Сокуром, я решил теперь явиться. Передача сведений была с середины мая по середину июня, – я это сделал с одной стороны под угрозой Черненко, а с другой – по несознательности.

Вопросы: Что из себя представляли Черненко и Сокур, для чего им понадобилось Ваше посредничество, почему они Вам доверились, в чем выражалась их работа, цель ее?

Ответы: Не знаю социальное положение Черненко, а Сокур из богатой семьи, был в петлюровской армии, кем не знаю, около 30 лет, а Черненко около 21 года. Посредничество мое им понадобилось для передачи друг другу сведений военно-разведывательного характера. Почему именно они мне доверились, я не знаю, лишь полагаю, что Черненко мне доверился потому, что я совместно с ним работал в повстании против деникинской армии. Их работа выражалась в подготовке вооруженного выступления против Соввласти носивший петлюровский характер.

Вопросы: Что было достигнуто их работой?

Ответы: Было организовано войско численностью от 10 до 30 человек, передавали Сокур и Фоменко, что у них есть оружие, динамит и пулемет.

Вопросы: Кого Вы можете указать из главарей этого движения и организаторов, а также и главных членов организации, отдельно каждого?

Ответы: Из верхов Карпенко – Черненко Илья, 21 год, живет в Мануйловке Н[ово]московс[кого] уезда. Ниже Черненко – Фоменко Павел Илларионович, 28 лет, живет в Каменке, Сокур Хонон – 30 лет, живет в Обуховке Каменской волости. В число предполагаемой военной силы из села Каменки должны войти 1) Василенко Николай, 2) Василенко Мефодий, 20 лет, 3) Топчий Петр – 23–25 лет, 4) Топчий, брат Петра, лет 20, 5) Сова Анисий и 6) Сова Илья, 7) не знаю, кличка «Кутоня», лет 25, 8) Черненко Иван, 28 лет, 9) это не Каменский, не знаю, откуда, 10) Тельник, не помню. Несколько человек из Обуховки и Сухачевки Каменской волости.

Вопросы: Были ли у них совещания, замечались ли где таковые проходили? О чем говорили на заседании?

Ответы: Были, рассказывал мне один из соучастников, Зосименко, заседания были еще на Новых Планах, говорилось о выступлении против Соввласти.

Вопросы: Никто из этой кампании арестован не был, а если был, то когда, кем, что и какие результаты этого ареста?

Ответы: Один из соучастников, Петр Топчий, был арестован милицией за работу в петлюровской организации и как богач, последствий не знаю, это было в августе с[его] г[ода].

Вопросы: Провалы в организации были?

Ответы: Был донос в милицию и вследствие этого провала и был арестован Топчий, были арестованы и другие, но я не знаю, кто именно.

Вопросы: Откуда Вы это знаете?

Ответы: Мне передал это Мефодий Замченко, сообщено это было в августе месяце.

Вопросы: Что в это время делали Вы?

Ответы: Я жил в это время в Романковке, ничем определенным не занимался, помогал знакомому сотнику Петренко.

Вопросы: В чем же конкретно выразилась Ваша работа у них, сколько Вы передали сведений?

Ответы: Точно не помню, от 3 до 5 сведений военного характера, переданы Сокуру для Черненко и Фоменко для Черненко.

Вопросы: Почему сведения доставляли лишь Черненко, что, у него был отряд, что ли?

Ответы: Черненко, рассказывали мне, что он назначен съездом головными петлюровскими верхами – командиром полка Новомосковского уезда.

Вопросы: Кем был Сокур и Фоменко?

Ответы: Сокур назначен организатором на Обуховке, а Фоменко в Каменку.

Вопросы: А Вы?

Ответы: А я передаточный пункт.

Вопросы: Где находился в это время Черненко?

Ответы: В Мануйловке.

Вопросы: Точно скажите, когда это было?

Ответы: Это было в начале июня месяца.

Вопросы: А Вы где в это время были, где был передаточный пункт?

Ответы: Был дома в Каменке, служил в милиции.

Вопросы: Были еще передаточные пункты и где?

Ответы: Кажется, не было.

Вопросы: Зачем был передаточный пункт в Каменке, когда сам Сокур стоял недалеко от Фоменко, служил в Каменке?

Ответы: Фоменко был начальником милиции 2-го района, ему нельзя оторваться от службы, а Сокура он преследовал, им обоим нельзя было ездить.

Вопросы: Значит, ездили Вы по передаче сведений Черненко?

Ответы: Я ездил 2 раза сам, Черненко был у меня 1 раз, 1 раз был в милиции у Фоменко и раза 2–3 приходила симпатия Черненко – Марина Кривошея.

Вопросы: Где Мария сейчас?

Ответы: Кажется, застрелилась. Мне рассказали об этом дома у родных жены, Куликовых, которая живет на [...][1] за Ек[атерино]славс[ким] мостом.

Вопросы: Где тогда жил Черненко, у кого именно?

Ответы: Он служил в исполкоме, секретарем земельного отдела, я носил ему письма в исполком.

Вопросы: Была ли у Вас связь с другими подпольными организациями?

Ответы: Знаю, Черненко посылал кого-то для Махно.

Вопросы: О Криворожской уездной организации ничего не можете сказать?

Ответы: Был съезд в Херсонской губ. в мае 20 года, об этом сказал мне Черненко.

Вопросы: Тов. Эпик, когда Вы и с какого времени начали чувствовать колебания и неправильность своих политических убеждений, что послужило толчком к Вашему вступлению в РКП(б), в то время как Вы не позволяли[2] убеждения узко национальные?

Ответы: В период гетманщины я был националистом, или националистом был в следствии прочтения на школьной скамье целого ряда политических ук[раинских] революционных сочинений и вообще того набора книг, которые попадались мне. В период власти гетмана, видя классово происходящее, я понял всю несостоятельность моих прямых взглядов и понял, что народ прежде всего разделяется на классы и борьба классов побудила меня вступить в РКП.

Вопросы: В чем выразилась угроза Черненко, при его заставлении Вам войти в обязанности передатчика сведений?

Ответы: Он сказал мне, что ты по постановлению съезда подпольного, бывшего в Херсонской губ., мобилизован, как и все, принимавшие участие в восстании против белых и угроза сделанная не официально мной была понята, это и заставило меня войти в дипломатию.

Вопросы: Вы в то период где жили?

Ответы: Дома в Каменке, а пришел в милицию при н[ачальни]ке Фоменко в мае.

Вопросы: В тот период Вы уже переменили ли свои взгляды из национальных на классовые?

Ответы: У меня в тот период была борьба, я колебался в своих убеждениях.

Вопросы: Почему Вы не сказали и не донесли об этом до последнего момента?

Ответы: При поступлении в партию я не сказал об этом, т. к. это бы подорвало мою работу и я не был уверен, что я не буду привлечен к ответственности, теперь явившаяся, т. к. мне гарантирована амнистия.

Вопросы: Расскажите мне подробно, что за отряд у Вас был из 30 человек, когда и для какой цели, его политическая окраска и проч.

---

1 *Слово нерозбірливе.*

2 *Так у документі.*

Ответы: В июле месяце 1919 года, в период власти Деникина, руководствуясь общим недовольством крестьян властью, я стал организовывать молодежь в ряды повстания, организаторами явилось 8 [человек]: Сесь, Сидоренко Иван, Овчаренко Иван, жители с. Каменка и Губаренко Яков, Юдин Григорий, который вскоре и отказался. В ряды повстания набирались люди из разных концов села, через организаторов, которым я доверял. Завербовано было около 30 человек. В августе мес[яце] был съезд в с. Каменке, на котор[ый] пригласили и меня. Был и Мелашко предс[едатель], Руденко, Богдан, Надутый, Федорченко, Гращенко, Глущенко, секретарем съезда Дубовый или Дубовик, Гринченко, Мокринец. На съезде была вынесена резолюция с боевыми оперативными заданиями, были установлены сигналы на 1-ое сентября или 10 октября – выброшенная ракета, как представительница выступления. Политическая окраска всего начала характерно национальная. Был организован штаб, во главе которого был Мелашко, а его помощ[никами] Руденко, Гринченко, секретарем был Богдан Гавриил.

Вопросы: Вы имели какие-нибудь клички?

Ответы: Я работал под кличкой «Лихой».

Вопросы: Что достигнуто Вашим отрядом?

Ответы: Было несколько выступлений отряда, в с. Петриковке разбит, человек 8 убито. Руденко ранен и в одиночку возвратились в Каменку. Нами же был занят Н[ижне]днепровск и ст. Амур. Это было в конце октября [19]19 года. В Екатеринославе соединились с организацией Лоцманской Каменки и ушли в глубь Ек[атерино]слав[ского] уезда.

Вопросы: Каким путем Вы из организатора собственного отряда пошли в ряды повстанцев? Какова судьба тех 30 людей Вами организованных?

Ответы: Постановлением съезда все отряды были объединены в большие единицы уездным масштабом, подчиненных губернии, а также мой переход из организаторов связи тем, что отряд Чухмаря дал выговор за неправильное составление документов и угрожал расстрелять.

[підпис Епіка]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 278. Арк. 65–67 зв. Незавірена копія, рукопис.

ЛЕВЕНЕЦЬ Опанас Микитович

(1878–1930)

Український отаман (сотник) загону Матвієнка. Походив із селян-бідняків с. Бабайківка, Новомосковського повіту Катеринославської губернії, освіта початкова. У 1913–1917 рр. – охоронець залізничної команди на Катерининській залізниці. Учасник Першої світової війни.

У 1920 р. добровільно вступив до повстанського загону О. Пасічного, після від'їзду із загону останнього, був обраний отаманом військового підрозділу до часу його розгрому. Загін зберіг назву і після відходу О. Левенця від повстанської діяльності. Навесні 1921 р. політбюро Новомосковського повіту повідомляло, що «банда Левенця чисельністю біля 25 чоловік» продовжує діяти в Бабайківській волості [1, арк. 246].

У 1922–1929 рр. працював на шахтах Донбасу. У матеріалах слідства, опублікованих у цьому виданні, зазначається, що у 1927 р., під час роботи на шахтах Донбасу, О. Левченко був завербований відділом ДПУ м. Сталіно (сьогодні м. Донецьк) в якості таємного співробітника, про що повідомив своїм рідним. Заарештований у липні 1929 р. Засуджений до розстрілу у червні 1930 р. Відмовлено в реабілітації 7 травня 1991 р.

Бібліографічні посилання:

1. ДАДО. Ф. Р-3377. Оп. 1. Спр. 5.

№ 60 Протокол допиту заарештованого О.М. Левенця

16 липня 1929 р.

Дело №

Протокол допроса

1929 г. Июля м-ца «16» дня. Уполномоченный Днепропетр[овского] отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Левенец в качестве подозреваемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Афанасий Никитович Левенец
2. Возраст, год рожд[ения]: 1878 г.
3. Место рождения и приписки: с. Бабайковка, Царичанского р[айона]
4. Социальное происхождение: крестьянин
5. Сословная принадлежность до революции крестьянин, имущественное положение до револ[юции] и в наст[оящий] момент: жил бедно, а сейчас нет ничего
6. Гражданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: –
10. Профессия: крепильщик-шахтер
11. Место службы и занимаемая должность: Макеевка, шахта № 29
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: не был
13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: горняков
15. Точный адрес: Макеевка, шахта № 29, кв. 15 (общежитие)

16. Служба в антис. армиях и учрежд. (добровольно или по мобилизации): в банде Пасечного

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал: Я уроженец с. Бабайковка, Царичанского района, Днепропетровского округа, происхожу из бедной семьи. Учился я в церковно-приходской школе, которую окончить не удалось, так как нужно было работать по сельскому хозяйству. До призыва в старую армию, я все время работал по сельскому хозяйству и только последние два года до призыва мне удалось поступить бурильщиком на Павловский рудник. В 1908 г. был призван в армию и зачислен в кавалерийский полк рядовым, который в то время находился в гор. Петрограде. В старой армии по призыву я прослужил 4 ½ года, а после этого я приехал к себе в с. Бабайковку и через некоторое время поступил в поездную команду при ст. Екатеринослав по охране поездов, где был стражником – это было в 1913 г. и до 1917 г. я служил в указанной команде рядовым жел[езно]-дорожным стражником. В 1917 г., во время Февральской революции, я был мобилизован и направлен в 8-й драгунский кавалерийский полк, с которым был на позициях на немецком фронте, на этот раз я в старой армии пробыл до февраля месяца 1918 года, а затем обратно возвратился к себе в село Бабайковку и сразу же по возвращению поступил приказчиком в Бабайковский кооператив. В этом кооперативе я пробыл с 1918 года до сентября м[еся]ца 1920 года. В 1920 году в сентябре я добровольно вступил в политбанду петлюровской окраски Пасечного Павла Петровича. Мое добровольное вступление в политбанду Пасечного было при следующих обстоятельствах. Пасечного Павла Петровича, я знал как своего односельчанина, он сын урядника, в старой армии служил прапорщиком. С этим Пасечным я вместе работал в кооперативе, так как в тот период он был председателем районной кооперации, и я по службе был в его подчинении, следовательно, лично знакомым с Пасечным, а также и то, что я, как стражник, был, гоним некоторыми красными партизанами, – все взятое вместе и послужило главной причиной вступления в политбанду Пасечного. И вот однажды ко мне на квартиру от Пасечного пришло два вооруженных кавалериста, один из них по фамилии Серебряный, из села Кобеляцкого уезда, а другой, по фамилии не знаю, которые мне заявили, что меня приглашает сам Пасечный вступить в их отряд. Я на их предложение согласился и тот же раз вместе с ними выехал к Пасечному. Там, в штабе Пасечного, дали лошадь, и я вместе с отрядом его солдат выехал в с. Андреевку Н[ово]московского района – в лес.

В лесу я был избран командиром сотни отряда Пасечного и в этот же день, под вечер, отряд Пасечного был разбит красными частями. После этого некоторые из отряда начали расходится, в том числе ушел домой и я. В политбанде Пасечного я пробыл всего три недели. Придя домой, я некоторое время скрывался, а затем приехал в г. Екатеринослав и занялся спекуляций продуктами.

В 1922 году я поступил на частный рудник к хозяину Файбеновичу в районе Лозовой Павловки, где проработал около 6–7 месяцев и перешел в Красногригорьевскую капитальную шахту «Бис», здесь я работал до 1924 г., июля м[еся]ца, из этого рудника переехал в Давыдовское рудоуправление, шахта № 9 «Орловка» в Сталинском округе и, последнее время, с 1925 г. января, перешел на шахту № 29 Макеевского рудника, где и работал по сей день, то есть по день ареста.

В[опрос]: Скажите, где в данное время находится Пасечный – быв[ший] командир политбанды, скажите, численность этой банды в первое время, скажите, по какое время она оперировала и где?

Отв[ет]: В момент моего вступления в политбанду Пасечного, она насчитывала 45 [человек], самое же большое количество в банде – до 80 человек. Указанная банда начала оперировать с 1919 г., но существовала до апреля м[еся]ца. Командир этой политбанды Пасечный был в 1921 г. расстрелян советской властью в гор. Екатеринославе. Банда эта главным образом оперировала в районе Кобеляцкого и Н[ово]московского районов. Указанная политбанда начала оперировать с 1919 г. и первое время ее организовывали Левченко и Красиля Петр – местные жители с. Бабайковка, офицеры старой армии, которые подняли восстание в с. Царичанке при Соввласти и в этом было бою Красиля Петр был убит, а Левченко с отрядом ушел в Кременчугский округ. После, остатки банды Красиля и вся банда Матвиенко и Пасечного вместе объединились и их всего насчитывалось до 75 человек. В момент объединения их вместе, общего командования не было, а каждый в отдельности командовал свои отрядом.

После убийства Красили, весь его отряд влился к Пасечному и через неделю после этого я был избран командовать сотней, но командиром я фактически не был, так как отряд разбит был красными и я после этого из отряда ушел совершенно. Это было в 1920 году, кажется, в сентябре или октябре м[еся]це.

В свои показания вношу поправку, что имя и отчество политбандита Пасечного – Емельян Петрович.

Находясь в политбанде Пасечного, я принимал участие в бою с Красной армией всего два раза, участия в расстрелах красноармейцев, совработников и коммунистов я не принимал. Правда, нашей бандой забирались пленные красноармейцы, которых тогда же и расстреливали. Заявляю откровенно, что девиз этой банды был именно не брать, а расстреливать, а поэтому всех попавшихся политбанда Пасечного расстреливала.

Протокол прочитан, записан с моих слов правильно.

[підпис Левенця]

Допросил: пом[ощник] Упол[номоченного] КРО [підпис Галділіна]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 2–5 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 61 Протокол допиту обвинуваченого О.М. Левенця

17 липня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. Июля м-ца 17 дня. Уполномоченный Днепр[опетровского] окр[ужного] Отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Левенца в качестве подозреваем[ого], который показал:

В[опрос]: Скажите, кто из местных жителей с. Бабайковки и соседних сел служил в политбанде Левченко, Красиля и Матвиенко? Кто, в частности, служил вместе с Вами в политбанде Пасечного?

Отв[ет]: Из местных жителей с. Бабайковки вместе со мной в политбанде Пасечного служил родственник самого главаря политбанды Пасечного гр-н Пасечный Николай Павлович, сейчас ему лет около 30, в банде служил кавалеристом и гр-н Дудка Никанор Демьянович, около 50 лет, он поступил в политбанду Красиля в 1919 году, после убийства Красиля он перешел к Пасечному и у последнего был адъютантом главаря политбанды Пасечного, а в октябре м[еся]це 1920 г. он из банды ушел совершенно. Сейчас указанные лица живут дома в с. Бабайковке и занимаются сельским хозяйством. Кроме них вместе со мной служил из с. Бабайковки гр-н Шинкоренко Афанасий, живет сейчас на х[уторе] Шинкаренка, он служил в банде рядовым. Гр-н Ткачев Василий Степанович, кулак, живет в с. Бабайковке и занимается сельским хозяйством, в банде служил рядовым. Гр-н Качюренко Андрей – убит. Гр-н Левенец Касьян – мой родной брат, служил рядовым, по слухам убит.

Все указанные лица служили до последнего времени, то есть до ликвидации банды.

В[опрос]: Скажите, сколько времени Вы служили в банде Пасечного и были ли главарем этой банды после ухода Пасечного из банды?

Отв[ет]: Всего в банде Пасечного я был три недели, а после начал скрываться один, но участники банды этой не знали мое местонахождение и связи с этого времени я с бандитами не имел. После ухода из банды Пасечного, я стал руководителем этой банды, количеством она насчитывала около 45 человек и руководил я этой бандой всего три недели, а после этого я ушел и связи с ними не имел, но бандиты считали меня их руководителем и называли банду – «отряд Левенца».

В 1920 г. в декабре м[еся]це я выехал совершенно из с. Бабайковки в г. Екатеринослав.

В[опрос]: Скажите, были ли Вы в банде Красиля и участвовали в боях в с. Царичанке?

Отв[ет]: В банде Красиля я не был совершенно и участия в боях не принимал в с. Царичанке. Поясню, что после ухода главаря Пасечного из банды, я был бандитами избран руководителем этой банды и ею руководил всего только три недели и за это время только два раза был в боях с красными.

В[опрос]: Скажите, сколько раз Вы приезжали в с. Бабайковку и в г. Днепропетровск за все время с момента ухода из банды по сей день?

Отв[ет]: 1) Первый раз в с. Бабайковку я приехал в 1926 г. просто навестить родных, то есть отца. Из числа участников политбанд я не видал никого и ни с кем не говорил, пробыл в с. Бабайковке 3 суток.

2) В 1927 г. в июне м[еся]це приезжал к брату, гр-ну Левенцу Тимофею Никитовичу, проживающему на Амуре, Садовая № 42, работал тогда на ст. Днепропетровск сигнальщиком, он умер в 1928 г. Этот раз был у брата на квартире и второй мой брат, гр-н Левенец Макар Никитович, прожив[ающий] на Амуре, ул. Садовая № 41, работает стрелочником ст. Днепропетровск и больше никого не было. Братья мои знали и знают, что я скрываюсь.

3) Последний раз я приезжал в с. Бабайковку в 1929 г., в апреле м[еся]це, домой в отпуск, был у матери дома. За это время встречался с гр. гр. братьями родными Левенец Петром, Семеном и Ефимом, с зятем Рыбалка Трофимом Григорьевичем, с Луценко Федором Федоровичем, Гаращенко Андреем Михайловичем, и была жена гр-на Новосели Феодосия. Все указанные лица ни в каких бандах и отрядах не были. В честь моего приезда мною была куплена овца и водка и устроили вечеринку в квартире матери вечером. Все эти приезды, как в г. Днепропетровск, так и в с. Бабайковку, были нелегальные, и поэтому я старался не показываться людям на глаза. Всего в с. Бабайковке я этот раз пробыл две недели. Из участников политбанд я никого в этот раз и вообще не видел, в частности не видел Дудку, Пасечного совершенно, ими не интересовался и родных их не видел также. В разговоре за выпивкой с родными я также о них не говорил, т[о]есть о Дудке и Пасечном.

В[опрос]: Скажите, знали Вы об амнистиях и почему не амнистировались?

Отв[ет]: Об амнистиях я знал и читал, но не амнистировался, просто по халатности.

В[опрос]: Скажите, участвовали ли Вы в расстрелах?

Отв[ет]: Я никакого участия не принимал совершенно и за время моего командования этим отрядом, мне известно, что мои бандиты поймали красноармейцев и вообще вредных тогда нам людей, конечно расстреливали, о чем мне докладывали, но я им распоряжения расстреливать не давал и делали они расстрелы по своему усмотрению и воле. При мне и по моему распоряжению никто расстрелян не был.

Сейчас припоминаю случай, что когда я был главарем этой банды Пасечного, то однажды моя банда вместе со мной налетела на обоз красных, всего в обозе было 30 человек, причем весь их обоз мы забрали, а красноармейцев отпустили совершенно, так как никто из них коммунистов и начальника обоза не выдал.

Цель моей банды[1] и моя идея тогда была – добиться самостийности Украины и в этом духе я призывал крестьян и убеждал своих участников отряда. В банде я служил с полным сознанием и убеждением, что добьюсь своей цели – Самостийной Украины.

Протокол прочитан и записан правильно, в чем и расписываюсь.

[підпис Левенця]

Допросил: пом[ощник] Упол[номоченного] КРО [підпис Галділіна]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 6–9. Оригінал, рукопис на бланку.

[1] *Із двотижневого зведення Губчека про стан Катеринославської губернії: «19 ноября бандой Матвиенко разоружен и рассеян отряд ВНУС численностью 30 человек при 4 пулеметах, въехавший в село Николаевку для изъятия дезертиров» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1 дод. Спр. 6. Арк. 41].*

№ 62 Протокол додаткових показів обвинуваченого О.М. Левенця

18 липня 1929 р.

Дополнительные показания гр-на Левенца

1929 г. Июля м-ца 18 дня. Уполномоченный Днепропетр[овского] окр[ужного] Отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Левенца в качестве обвиняем[ого], который показал:

Заявляю откровенно, что в банде я служил не три недели, как я показал в предыдущем допр[ос]е, а 4 м-ца.

После Царичанского и Бабайковского восстания, которые проводились под руководством бандита Красиля, я на третий или второй день добровольно вступил в банду Пасечного, последнюю он организовал из числа восставших против соввласти, а также объединил под свое командование остатки банды Красиля, так как Красиля в этом восстании был убит.

С этого времени начинается деятельность Пасечного как атамана банды. Я лично вступил в его банду вполне сознательно, как враг соввласти, с целью вести вооруженную борьбу с последней. На четвертый или пятый день я был избран бандитами командиром сотни, а после того, как Пасечный бежал из отряда, я в тот же день, то есть в день его побега, был избран атаманом его банды и с этого времени банда стала называться моим именем – «отряд Левенца».

В банду Пасечного я вступил примерно в августе или сентябре м[еся]це 1920 г., а через 10–12 дней бежал из отряда атаман Пасечный и я вступил, то есть был избран атаманом этой банды, в которой я находился с перерывами до декабря м[еся]ца 1920 года.

Во время моего нахождения в банде атаманом, мой отряд соединился с бандой Матвиенко и Бровой, и общее количество бандитов насчитывалось более 1000 (тысячи человек).

За время оперирования банды в 1920 г., передовыми частями в с. Ждановка было поймано и расстреляно 11 человек, работавших по продразверстке. Этих продработников расстреляли бандиты отряда Бровы, это было в тот период, когда моя банда, Матвиенко и Бровы действовали совместно. Я тогда был тоже, но был в задней колоне и расстрелянные к моему приезду уже были убраны.

Правильно – читал: [підпис Левенця]

Допросил: пом[ощник] Упол[номоченного] КРО [підпис Галділіна]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 20–20 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 63 Протокол допиту обвинуваченого М.П. Пасічного

19 липня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. Июля м-ца «19» дня. Уполномоченный Днепроп[етровского] Отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Пасечного в качестве обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Николай Павлович Пасечный
2. Возраст, год рожд.: 1901 г.

3. Место рождения и приписки: с. Бабайковка Днепр[опетровский] окр[уг]
4. Социальное происхождение: крестьянин
5. Сословная принадлежность до революции середняк, имущественное положение до револ. и в наст. момент:
6. Гражданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: на учете
10. Профессия: хлебороб
11. Место службы и занимаемая должность: сельским хозяйством
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: не состоял
13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: не состоит
15. Точный адрес: с. Бабайковка, Цар[ичанского] района
16. Служба в антис. армиях и учрежд. (добровольно или по мобилизации): служил добровольно в политбанде Самарского и Левенца

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

В[опрос]: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленных Вам обвинениях?

Отв[ет]: Виновным себя не признаю, так как никогда против Соввласти контрреволюционной агитации не вел и не веду. В подпольной петлюровской к[онтр]р[еволюционной] организации не состою и о ней мне ничего не известно. Что же касается службы моей в политбанде Самарского и Левенца, то там я служил рядовым, так как в тот период был молод и политически не разбирался совершенно. Служа в политбандах, я лично участия не принимал в расстрелах.

Находясь в бандах, я сейчас припоминаю случай, имевший место в дер. Клиново, Царичанского района, где однажды бандой был пойман коммунист [Усанд][1] , которого благодаря моей просьбе оставили в живых. Больше показать ничего не могу.

Правильно, читал: [підпис Пасечного]

Допросил: п[омощник] уполном[оченный] КРО [підпис Галділіна]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 47–47 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 64 Протокол допиту обвинуваченого М.П. Пасічного

22 липня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. Июля м[еся]ца «22» дня. Уполномоченный Днепропетр[овского] Отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Пасечного в качестве обвиняемого, который показал:

[1] *Прізвище нерозбірливе.*

1. Имя, отчество, фамилия: Николай Павлович Пасечный
2. Возраст, год рожд[ения]: 1901 г.
3. Место рождения и приписки: с. Бабайковка Царичанского р[айона]
4. Социальное происхождение: крестьянин
5. Сословная принадлежность до революции крестьянин, имущественное положение до револ[юции] и в наст[оящий] момент середняк, в прошлом тоже, так же:
6. Гражданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: на учете
10. Профессия: хлебороб
11. Место службы и занимаемая должность: сельским хозяйством
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: не состоял
13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: не состоит
15. Точный адрес: с. Бабайковка
16. Служба в антис[оветских] армиях и учрежд[ениях] (добровольно или по мобилизации): в политбанде Красиля, Левченко, Матвиенко и Левенца, а также и у Бровы

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

После неоднократных со мной бесед, я решил о себе рассказать все откровенно. В 1920 году, кажется в сентябре м[еся]це, я добровольно вступил в политбанду Самарского, с которой участвовал в боях с красными в с. Бабайковке. Во время боя с красными было убито по 1 человеку, как с нашей стороны, так и со стороны красных.

Второй бой был также при личном моем участии в с. Царичанке. На этот раз нашей бандой были взяты латыши в плен, но сколько и кто они такие, и что с ними сделали, я сейчас не помню совершенно.

Примерно за неделю до царичанского боя, нашей бандой в количестве до 20 человек, в том числе и я, был сделан налет на спектакль в с. Могилеве. Здесь, во время налета нашей бандой на село, также был взят милиционер, по фамилии гр-н Гутеля, которого мы взяли с собой и по дороге в с. Царичанку расстреляли.[1]

В д. Клиново, Царичанского района, нашей бандой был пойман красный партизан гр-н Галаган, последнего наша банда расстреляла там же, возле деревни Клиново.

В с. Прядивке, по доносу какого-то местного крестьянина, фамилии и кто он такой не знаю, нами был пойман председатель Ревкома гр-н Спицкий, его мы расстреляли, кажется, в с. Магдалиновке. Это было в момент избрания Левенца Афанасия помощником атамана банды Пасечного.

[1] *Із інформаційного зведення Губчека про стан Катеринославської губернії на 9 вересня 1920 р.: «В Бабайковку, что в 70 вер. сев.-зап. Новомосковска, прибыла банда численностью 110 чел. с черным флагом, сделала налет на Могилев, что в 70 вер. зап. Новомосковска, сняв в исполкоме телефонный аппарат, забрав с собой милиционеров, ограбив посетителей во время спектакля, скрылась в неизвестном направлении» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1 дод. Спр. 6. Арк. 216].*

В с. Михайловке, под г. Новомосковском, нашей бандой было поймано 3 человека, но кто они такие, я точно не знал и не знаю. Этих 3-х ч[еловек] расстреляла наша банда в самом селе.

В с. Андреевке, тоже под г. Новомосковском, ночью, нашей бандой был сделан налет на красный обоз, который насчитывал примерно до 20 подвод, уже утром после боя, весь обоз нашей бандой был взят в плен, причем все имущество обоза было нами взято, а что сделано с пленными красноармейцами я лично не помню, но их кажется отпустили, но точно утверждать не могу.

В селе Магдалиновке нашей бандой было расстреляно несколько человек, но сколько, кто они – не помню.

В с. Ждановке Н[ово]московского района, по дороге нашей бандой было поймано около 6 челов[ек], но точно не знаю, возможно и больше, продработников, которых мы расстреляли там же, в с. Ждановке.

В перечисленных выше налетах и убийствах я участвовал со всеми вместе, как бандит, но лично я никого не расстреливал.

В[опрос]: Скажите о случае Вами убийства красноармейца в момент Ваше[го] ареста и сопровождения в штаб?

О[твет]: Однажды во время боя с красными, я ими был пойман и вот, во время сопровождения меня в штаб, а сопровождал меня в штаб один кавалерист, я, по дороге выбрав удобный момент, вырвал у этого кавалериста винтовку, а затем сбросил его с лошади, сам сел на его лошадь и таким образом удрал. Указанного красноармейца я не убил, он остался в живых.

В[опрос]: Скажите, что Вам известно о Левенце Афанасии?

Отв[ет]: Левенец Афанасий в банду поступил после убийства главаря Самарского, это было в конце сентября м[еся]ца 1920 г. и он сразу, как военный, был избран помощником атамана Пасечного, а впоследствии, когда из банды ушел Пасечный, то на его место был избран атаманом Левенец Афанасий, который участвовал сам и под его руководством, как атамана политбанды, были совершены налеты и убийства, как-то: убийство Спицкого – предревкома, участие в бою, когда нашей бандой был взят в плен красный обоз – около 20 человек, расстрел в с. Ждановке 6 человек или больше, продработников, – все эти убийства были совершены в тот момент, когда Левенец Афанасий был атаманом банды и под его руководством все это проделывалось.

Левенец Афанасий, в бытность его в банде, отличался особой жестокостью и мстительностью. Так, например, он неоднократно хотел, пытался убить отца Дрелевского, якобы за то, что он выдает бандитов, но убить Левенцу что-то помешало. Лично я находился в бандах, а последние месяцы уже скрывался один до 1922 г., а в 1922 г., в августе месяце, я явился по амнистии и был амнистирован.

Сейчас еще припоминаю случай, что в 1922 г., в первых числах, я еще был в банде, наша банда была из 3-х человек, то однажды мы поймали в с. Бабайковке, Царичанского района, комсомольца гр-на Лутая, которого убил мой соучастник по банде, я лично в убийстве не участвовал, т. е. не расстреливал его.

В[опрос]: Скажите, что Вам известно о Дудке Никандре?

Отв[ет]: Дудка был в политбанде Самарского, Пасечного, Левенца; какую он занимал должность в этих бандах, я не знаю, но как грамотный человек и чиновник военного времени, близко стоял к атаманам.

Последнее время на селе, как односельчанин, я с ним иногда встречался и даже выпивал.

В[опрос]: Скажите, что Вам известно о местонахождении Левенца Афанасия, как часто он приезжал и с кем имел во время приезда встречи?

Отв[ет]: Со слов местного жителя с. Бабайковки я знаю, что Левенец Афанасий, кажется, в марте м[еся]це 1929 г., приезжал в с. Бабайковку, о чем мне при встрече заявлял сам Луценко, что, мол, приехал Афанасий Левенец, что они целую ночь пьянствовали, и что он уходит – идет за водкой и будет попойка. Я его выслушал, но значения этому не предал. Заявляю, что Левенца в тот день сложно было бы поймать, но я знал, что Луценко – член сельрады, и если он ничего не делает в смысле поимки Левенца, то мне делать нечего и его дело касалось не меня.

[підпис Пасечного]

Допросил: пом[ощник] уполн[омоченного] КРО [підпис Галділіна]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 49–51 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 65 Протокол допиту свідка А.А. Остапенка у справі О.М. Левенця

22 липня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. Августа м-ца «31» дня. Уполномоченный Днепроп[етровского] Отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Остапенко в качестве свидетеля, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Андрей Андреевич Остапенко
2. Возраст, год рожд.: 1901 г.
3. Место рождения и приписки: с. Бабайковка, Царичанского р[айона]
4. Социальное происхождение: крестьянин
5. Сословная принадлежность до революции крестьянин, имущественное положение до революции и в наст. момент: бедняк, сейчас нет ничего
6. Гражданство: УССР
7. Образование: студент Гор[ного] Института, 3 курса
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: на учете
10. Профессия: студент
11. Место службы и занимаемая должность: студент
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: не судился
13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: металлистов
15. Точный адрес: г. Днепр[опетровск], проспект К. Маркса, № 14
16. Служба в антис. армиях и учрежд. (добровольно или по мобилизации): не служил.

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

Узнав об аресте быв[ших] политбандитов с. Бабайковки, Царичанского района, я счел своим долгом рассказать о них все, что мне известно как старому партизану, боровшемуся с арестованными Вами политбандитами.

О них мне известно следующее:

В период 1920–1921 годов в с. Бабайковке быв[ший] царский поручик Красиля-Самарский организовал в лесах политическую банду, в которую вошли из местных жителей с. Бабайковки гр. гр.: 1) Пасечный Николай Павлович, весьма зажиточный крестьянин, кажется, родной брат Пасечному Петру Авросимовичу – быв[ший] урядник с. Бабайковки, 2) Дудка Никандр Демьянович – чиновник старого времени и волостной писарь, 3) Киприч Давид, где он сейчас – точно не знаю, и 4) Левенец Афанасий Никитович. Помимо указанных, в этом отряде состояли и другие, фамилии коих сейчас припомнить не могу. Указанной бандой вылавливались и расстреливались красные партизаны, советских работников и вообще, семьи ушедших в Красную армию. Сначала атаманом этой политбанды был Красиля-Самарский, а потом эта политбанда соединилась с Левченко и Живодером.

Политбанда под командой Красиля-Самарского, с участием Левенца Афанасия Никитовича, Дудки Никандра и Пасечного Николая, однажды, кажется в 1920 году, в июне месяце залетев – наскочив на село Бабайковку эта банда переловила местных милиционеров районной Бабайковской милиции в количестве 12 или 11 человек, которых там же, в разных местах по огородам, и расстреляла. Трупы убитых милиционеров я лично видел сам, из коих опознал в лицо убитого милиционера тов. Коваленко Пантелеймона. Остальных же милиционеров узнать в лицо было нельзя, так как все они были зверски замучены – исколоты и изрубаны.

От этой политбанды пострадал и я. В 1921 г., летом, эта банда вторично наскочила на село Бабайковку. Я в это время из гор. Днепропетровска только приехал к своим родным в с. Бабайковку и не успел прожить ни одного дня. Эта банда, залетев в село, начала сразу вылавливать красных партизан и вообще, коммунистов, и в этот же день они поймали меня на улице и сразу же арестовали, причем арестовывали меня не местные жители – участники банд, а из других сел, но их фамилий я не знаю. После ареста меня направили в волостное правление, а через некоторое время, в день ареста, бандиты собрали сход и поставили меня перед лицами схода. Как только увидели меня крестьяне, они начали кричать, чтобы бандиты меня освободили и я, благодаря настоянию схода, был освобожден и потому остался в живых. Там же, на сходе, из перечисленных выше политбандитов, я видел самого Пасечного Николая, остальных не видел и были ли они этот раз в налете на Бабайковку, я не знаю. Добавлю, что в день поимки и расстрела 11–12 милиционеров в с. Бабайковке, был ограблен этой бандой и я; у меня забрали все домашние вещи, а также и моей семьи. Кто лично рубил – расстреливал милиционеров, я не знаю, но в это время были в налете бандиты Левенец Афанасий и Пасечный Николай.

Правильно: читал [підпис Остапенка]

Добавляю, что Чернявского Сергея Лаврентьевича я знаю как участника политбанды, но в каком отряде и какую он играл роль, не знаю.

[підпис Остапенка]

Допросил: [підпис Галділіна]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 98–99 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 66 Протокол допиту обвинуваченого Н.Д. Дудки

29 липня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. Июля м-ца «29» дня. Уполномоченный Преображенского Отд. ГПУ УССР Преображенский допросив ниженазванного гр. Дудка Н.Д. в качестве обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Дудка Никандр Демьянович
2. Возраст, год рожд.: 1884
3. Место рождения и приписки: с. Петриковка того же района
4. Социальное происхождение: из кр[естьян]н .
5. Сословная принадлежность до революции кр[естьяни]н, имущественное положение до револ. и в наст. момент: 8 дес., сейчас 9 дес.
6. Гражданство: УССР
7. Образование: низшее
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: в запасе
10. Профессия: хлебороб, письмоводство
11. Место службы и занимаемая должность: с[ельское] хозяйство
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: нет
13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: ______________
15. Точный адрес: Бабайковка, Царичанск[ого] р[айо]на
16. Служба в антис. армиях и учрежд. (добровольно или по мобилизации): служил добровольно в политбанде Красиля-Пасечного-Левенца в продолжении трех месяцев

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

Я родился в 1884 году в селе Петриковке того же района. Отец мой был кр[естьяни]ном, имел 8 дес. земли, хоз[яйст]во было хорошим. Закончив двухклассное училище, я хотел поступить в семинарию на казенный счет, что мне не удалось и я поступил к нотариусу в гор. Днепропетровске. Пробыл у него в учениках месяца три и вернувшись в Бабайковку я поступил в волость писарчуком. Прослужил я в волости до 1905 года, т. е. до мобилизации на военную службу. Служил я в Новомосковске у в[оинского] начальника месяца три, а потом меня командировали в местную бригаду гор. Одессы. В этой бригаде я прослужил писарем до 1909 года. Выйдя в запас, я держал экзамен на классную должность и потом вернулся домой. В это время мой отец и брат приобрели через Крест[ьянский] банк в данной области 16 дес. земли, из которых я получил 6 дес. и мы все переехали на другое местожительство. Там я занимался хозяйством. В 1910 году я вернулся в Петриковку с целью поступить на службу по письмоводству, что мне и удалось. Я поступил в волость с. Петриковки пом[ощником] писаря, где я прослужил четыре–пять месяцев, а затем перешел в с. Бабайковку на вакантную должность волостного писаря. В Бабайковке я прослужил четыре года, т. е. до мобилизации в армию в 1914 году. В армии я прослужил до февраля м-ца 1918 года сначала в должности писаря, а затем помощником старшего адъютанта при штабе Особой армии. В феврале 1918 года я вернулся домой, т. е. в Бабайковку, где и был в том же году избран председателем потребительского общества села Бабайковка, в должности которого я прослужил до оккупации Украины немцами. С приходом немцев я с месяц ничего не делал, а потом, с образованием волостных земских управ, я поступил секретарем последней. За время своего пребывания в должности секретаря земской управы, я оказывал помощь тем, кого преследовали немцы. В земской управе я прослужил месяца три–четыре, т. е. до ухода немцев. Когда немцы ушли, у нас образовалась Соввласть и я при волревкоме был секретарем до прихода белой армии. Председателем ревкома был Григорий Сологуб, а затем был Пола Андрей. С приходом белой армии в нашем селе образовалась снова земская управа, при которой я служил секретарем. Председателем которой был Салкуцкий. В земской управе я прослужил до ухода белой армии. После ухода их я опять стал секретарем волисполкома до марта м[еся]ца 1920 г., т. е. до мобилизации в Красную Армию и служил в Латышской дивизии. Прослужил я в ней несколько м[еся]цев. Получил кратковременный отпуск на четыре дня и приехал в Бабайковку. По истечении отпуска я не вернулся в часть, а поступил в банду Самарского-Красили. Мое поступление в эту банду произошло при следующих обстоятельствах: сам Красиля из села Бабайковка и, встретивши меня на хуторе Шинкаривки, он предложил поступить к нему в банду, в противном случае угрожал репрессиями к моей семье. В силу этих обстоятельств я пошел к нему в банду. В это время у Красили было человек 16–18. В этой банде я был рядовым. Кроме меня участниками были: 1) Ткачев Николай из села Бабайковки, убит. 2) Цимбалистый Иван, из села Бабайковки, в настоящее время, кажется, за границей. 3) Шинкаренко Афанасий, из сел. Бабайковки. В настоящее время проживает где-то в Оренбургской губернии. 4) Шинкаренко Федор. В настоящее время проживает в с. Бабайковке. 5) Киприч Давид, проживает в хут. Помазановка, Царичанск[ого] района. Других не помню.

Всего в банде до убийства Красили я пробыл полтора – два месяца. Ее количество колебалось между 18–20 челов[ек]. За время своего участия у Красили я участвовал в пяти боях против Красной армии. Первый бой был под Кобеляками, где нам удалось разбить высланный против нас отряд красных, численностью 60 челов[ек]. До этого боя наш отряд соединился с бандой Левченко. Всего нас было с отрядом Левченко человек сорок. Во время этого боя в плен мы взяли человек десять, из которых четыре человека были расстреляны, как коммунисты, а оставшихся шесть человек были отпущены домой предварительно избитых. Второй бой с Красной армией был в с. Бабайковке, который закончился победой Кр[асной] ар[мии], в результате чего наша банда распалась. Я лично после этого скрывался у крестьянина Сало Никиты – в клуне. После ухода красных я опять связался с бандой. До третьего боя наша банда оперировала в селах: Юрьевке, Преображенском и др. За это время были случаи расстрелов, но точно сколько и кто, я не помню. Третий бой, в котором я принимал участие, был в с. Царичанке. Он закончился нашей победой. Красные отошли, их было приблизительно 150 человек. Наша банда, слившись с бандой Матвиенко, насчитывала 120–130 человек. В бою мы взяли человек 5–6 пленных, из которых, лично мне известно, расстреляли двух, но потом я слыхал, что расстреляно было четыре человека. Во время этого боя был убит Красиля и командование принял Пасечный Емельян Петрович.

При Пасечном отряд насчитывал 150 бойцов. В это же время к нам в банду поступил Левенец Афанасий, ур[оженец] с. Бабайковки. Его присоединение было при следующих обстоятельствах: Пасечный Емельян со своим отрядом приехал в Бабайковку и он лично был у Левенца Афанасия, и в результате их беседы, Левенец поступил к нам и был правой рукой атамана Пасечного Емельяна. Я предполагаю, что Левенец Афанасий вступил в нашу банду добровольно, т. к. никаких разговоров о насилии не было.

При Пасечном Емельяне наш отряд ставил себе задачей добиться «Самостійной України». В этом же отряде служил добровольно Пасечный Николай, который является племянником Пасечного – атамана. С с. Бабайковки наш отряд поехал в Новомосковск с целью выбить оттуда красных. По дороге в Новомосковск, в с. Прядивка, был арестован коммунист Спицкий, который тут же был нашим отрядом расстрелян и под Новомосковском, в с. Михайловке, были еще расстреляны два человека по указанию местного населения. Кто они и за что они были расстреляны, мне не известно. В это же время разведка донесла, что в Васильевском лесу с горки показался обоз. Наш отряд на него налетел и без всякого боя, захватил. Все, что было в обозе, мы забрали, с сопровождающими его людьми. Их всех было человек 60, все они были нами отпущены домой. С этим обозом мы скрылись в Васильевском лесу. Крас[ные] ком[андиры] частей, стоявшие в Новомосковске, наверное, узнали об ограблении обоза, двинули свои силы против нас, в результате чего мы были окружены. Ночью нам удалось прорваться и наш отряд поскакал в Бабайковку, под командой Левенца Афанасия, а Пасечный Емельян остался с какими-то двумя учителями в лесу, отказавшись от командования. Почему он так поступил, мне не известно. О дальнейшей судьбе Пасечного Емельяна мне известно, что он скрывался в Новомосковске у своей двоюродной сестры, которая была замужем за служащим исполкома Древлевский. Там был обнаружен и, по приговору, расстрелян.

Когда наш отряд вернулся в с. Бабайковку, нам приходилось скрываться, т. к. мы были преследуемы Красной армией. В этом же отряде принимал участие брат Левенца Афанасия, не помню имени, который был впоследствии расстрелян красными, за что – мне не известно. Нашему отряду приходилось все время вести скрытый образ жизни, скрываясь по селам. Я лично скрывался у нач[альника] почтового отделения с. Бабайковки, у Белоконя Василия. Где он в настоящее время, мне не известно. Такое незавидное положение банды заставило меня удрать. И, видя, что банда рассыпается, я скрылся и уехал на Дон к братьям, которые проживали: Донская область, Донской округ, Сараново-Большанский с[ель]совет, с. Чернорубовка в хуторе Константиновка. Там проживают мои братья 1) Василий, 2) Ксенофонт и племянник Антон, сын Ксенофонта.

Прожил я у них месяцев восемь, а затем вернулся в Бабайковку, амнистировался и был принят в продкомиссию с[ель]совета деловодом, а впоследствии я поступил на должность секретаря с[ель]совета, т. е. волисполкома. О дальнейшей судьбе банды Левенца мне известно, что еще до моего отъезда в Дон[скую] область, его отряд принял бой с красными в предместье Бабайковки, в Новостроевке и заставил красных отступить, открыв пулеметный огонь. В отряде Левенца с отрядом Матвиенко было три пулемета.

После этого боя, по слухам, отряд Левенца слился с отрядом Бровы, но кажется в это время, Левенца Афанасия в отряде не было. Говорили, что он скрылся в Д[непро]петровске и потом пристроился где-то на руднике. Где именно, мне не известно. Со слов Ткачева Василия Степановича из с. Бабайковки, мне известно, что отряд Бровы или Махна налетел в с. Бабайковку, захватили одиннадцать человек продработников и всех порубали. Ткачев Василий в это время был в указанном отряде вместе с двоюродным братом Ткачевым Николаем, который был убит. Со слов местного населения мне известно, что в это время Левенца Афанасия в отряде не было.

В[опрос]: Скажите, за время В[ашего] пребывания в банде Левенца, сколько было случаев расстрела, насилия и т. д.?

О[твет]: Не помню, кажется не было ни одного случая.

Читан – правильно: [підпис Дудка]

Допросил: помуполн[омоченный] КРО [підпис Преображенського]

Добавлю, что лично мне известно, что Киприч Давид, Пасечный Николай и Шинкаренко Афанасий лично расстреляли в селе Бабайковке одного комсомольца в 1921 г.

Читал: верно [підпис Дудка]

Допросил: помуполн[омоченный] КРО [підпис Преображенського]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 33–40 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 67 Протокол допиту обвинуваченого Д.І. Киприча у справі О.М. Левенця

27 вересня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. Сентября м-ца «27» дня. Уполномоченный Днепроп[етровсого] Отд. ГПУ УССР Галдилин допросив ниженазванного гр. Киприча в качестве обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Давид Иванович Киприч
2. Возраст, год рожд.: 1895 г.
3. Место рождения и приписки: д. Помазановка, Царичанского района
4. Социальное происхождение: крестьянин
5. Сословная принадлежность до революции крестьянин, имущественное положение до револ[юции] и в наст[оящий] момент: имел 4 надела, 1 корову, 5 овец, 2 лошади, 1 плуг, а сейчас – 3 ½ дес. земли, 1 лошадь, 3 овцы, хата
6. Гражданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: на учете
10. Профессия: хлебороб
11. Место службы и занимаемая должность: сельским хозяйством
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: в 1925 г. обвинялся по делу к[онтр]р[еволюционной] организации Чернявского, но по суду был оправдан

13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: не состоит
15. Точный адрес: д. Помозановка, Царичанского района
16. Служба в антис. армиях и учрежд. (добровольно или по мобилизации): служил в политбандах Самарского, Левченко, Пасечного и Левенца Афанасия

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

В[опрос]: Скажите, признаете ли Вы себя виновным в предъявленных Вам обвинениях?

Отв[ет]: Признаю себя виновным в том, что я добровольно вступил в политбанду Самарского-Красили, а затем и Левченко, Пасечного и Левенца Афанасия, служа у них я участвовал в налетах на советские учреждения и убийствах, как коммунистов, так и совработников. Признаю виновным себя в том, что я, находясь в политбанде, лично убил в с. Бабайковке комсомольца гр-на Лутая Макара Никитовича, которого я убил как комсомольца-партийца, имея целью уничтожить своих идейных врагов. Что же касается контрреволюционной агитации, то я в этом виновным себя не признаю, так как никакой агитации на селе против Соввласти не вел, честно занимаясь сельским хозяйством.

К своим предыдущим показаниям добавлю, что я банду Самарского-Красили, быв[шего] офицера старой армии, вступил отчасти и благодаря влиянию самого Самарского-Красили, который мне является зятем, и я вместе с ним начал собирать лиц для борьбы с Советской властью и первое время был его ближайшим помощником в деле организации политбанды, которой впоследствии и начал командовать Самарский, я же фактически, как в его политбанде, так и в остальных политбандах, являлся рядовым политбандитом.

В[опрос]: Скажите, кто являлся начальником группы, которая образовалась после того, как банда Левенца была разбита, в которой Вы тогда находились сами и Пасечный Николай и др.?

Отв[ет]: Я начальником этой группы не был, а был Пасечный Николай, который был назначен самим атаманом Левченко и назывался тогда Пасечный «пятерочником».

В[опрос]: Приходилось ли Вам среди крестьян вести антисоветские разговоры?

Отв[ет]: Нет, никакой агитации против Соввласти я никогда после амнистии не вел.

В[опрос]: Участвовали ли Вы в убийстве начальника милиции гр-на Намисного Ивана, председателя ревкома гр-на Полу Андрея и его жены?

Отв[ет]: В убийстве начальника милиции гр-на Намисного я участвовал, это было в тот момент, когда нас было в Бабайковском лесу 6 человек, а милиция хотела нас выбить из лесу, но мы в это время убили начальника и кажется, еще одного милиционера. Что же касается убийства председателя ревкома гр-на Полу Андрея и его жену, то я этом налете не участвовал, так как ухаживал за раненым атаманом Левченко.

В[опрос]: Участвовали ли Вы в убийстве гр-ки Киприч Ганны Корнеевны?

Отв[ет]: Киприч Ганна Корнеевна, вместе со своим мужем была в Красной армии, а потом возвратилась и жила дома. Мы об этом узнали и несколько человек из нашей банды ее поймали и убили. Я в этот период был в лесу с Левченко и в этом убийстве участия не принимал.

В[опрос]: Скажите с какой целью Вы поддерживали в последнее время тесную связь с Пасечным Николаем и Дудкой Никандром?

Отв[ет]: Никакой тесной связи у меня с Пасечным и Дудкой не было, но с ними я иногда встречался и то случайно. Никаких разговоров антисоветского характера у меня с ними не было.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 120–121. Оригінал, рукопис.

№ 68 Постанова у справі отамана О.М. Левенця та інших повстанців с. Бабайківки[1]

28 вересня 1929 р.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Составлено 28-го сентября 1929 г.
г. Днепропетровск
По делу № 590 на гр-н:

1) ЛЕВЕНЦА Афанасия Никитовича, рожд[ения] 1878 г. ур[оженца] с. Бабайковки, Царичанского р[айона] работающего в Макеевке шахте № 29, по профессии крепильщика, члена союза горняков, б[ес]п[артийного], с низшим образованием, украинца, граждан[ства] УССР, женатого, по социальному положению рабочего.

2) ДУДКУ Никандра Демьяновича, рожд[ения] 1884 г. прож[ивающего] в селе Бабайковке, Царичанского р[айона] занимающегося сельским хозяйством, середняка, чл[ен] союза Совторслужащих, б[ес]п[артийного], с низшим образованием, украинца, подданного УССР, женатого.

3) ПАСЕЧНОГО Николая Павловича, рожд[ения] 1901 г. прож[ивающего] в селе Бабайковке, Царичанского р[айона] занимающегося сельским хозяйством, по социальному положению середняка, б[ес]п[артийного] с низшим образованием, украинца, гражданства УССР.

4) КИПРИЧА Давыда Ивановича, рожд[ения] 1895 г. прож[ивающий] в дер. Помозановке, Царичанского р[айона] занимающегося сельским хозяйством, бедняка, б[ес]п[артийного], с низшим образованием, украинца, гражданства УССР.

5) КОТЕНКО Григория Григорьевича, рожд[ения] 1903 г. прож[ивающий] в селе Юрьевке, Царичанского р[айона] занимающегося сельским хозяйством, середняка, б[ес]п[артийного], с низшим образованием, украинца, гражданства УССР.

6) ЧЕРНЯВСКОГО Сергея Лаврентьевича, рожд[ения] 1904 г.

---

[1] *Навпроти прізвищ олівцем проставлені дати. Навпроти прізвища Левенець – 16.08. 1929, Чернявського – 19.06. 1929 р., навпроти інших прізвищ – 19.07. 1929 р.*

проживающего в селе Юрьевке, Царичанского р[айона] занимающегося сельским хозяйством, середняка, б[ес]п[артийно]го], с низшим образованием, украинца, гражданства УССР.
7) ЛЕВЕНЦА Семена Никитовича рожд[ения] 1903 г. прож[ивающего] в селе Бабайковке, Царичанского р[айона] занимающегося сельским хозяйством, бедняка, б[ес]п[артийно]го], с низшим образованием, украинца, гражданства УССР.

По обвинению их по ст. 54 п. 13, 11 и 10 УК УССР.

В период гражданской войны на территории Екатеринославщины и прилегающих к ней соседних округов оперировали разного рода политические банды петлюровской окраски, проводившие активную борьбу с рабочим классом и революционным движением.

Эти банды, выступая с оружием в руках против красных частей, вместе с тем вели разрушительную работу и в тылу, занимаясь террором, поджогами, разрушением жел[езных] дорог, убийствами совработников и коммунистов и поджогами революционно-настроенного крестьянства.

Наиболее яркой по своей активности такого рода и численности являлась политическая банда, руководимая известным атаманом ЛЕВЧЕНКО, силы которого были сконцентрированы, главным образом, на территории Кременчугского округа, граничащего с Днепропетровским.

Однако ЛЕВЧЕНКО в целях более успешной борьбы с красными, проводил организационную работу повстанческого характера и в районах Днепропетровского округа, близь лежащих к Кременчугскому, в частности в Царичанском районе, ныне Днепропетровского округа.

В указанном районе под идейным руководством упомянутого ЛЕВЧЕНКО, была сформирована политическая банда с целями и задачами аналогичными банде ЛЕВЧЕНКО, под руководством вначале некоего бывш[его] офицера САМАРСКОГО-КРАСИЛИ, а впоследствии атамана ЛЕВЕНЦА Афанасия.

Эта банда, численностью до 80 человек, укомплектовывалась главным образом, из жителей села Бабайковки, Царичанского района – место постоянного жительства атамана ЛЕВЕНЦА Афанасия.

В 1920–21 гг., когда внутренние реакционные силы под напором красных были разгромлены и оперировавшие банды ликвидированы, ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, его адъютант ДУДКА Никандр и двое из активнейших их соучастников ПАСЕЧНЫЙ Николай и КИПРИЧ Давид, переходят на нелегальное положение, причем ЛЕВЕНЕЦ Афанасий скрывается одно время в г. Днепропетровске, затем, снабженный ДУДКОЙ Никандром соответствующими документами, переезжает на Донбасс, где и проживал до последнего дня ареста, поддерживая систематически связь с селом Бабайковка.

ПАСЕЧНЫЙ Николай, после разгрома банды, вместе с КИПРИЧЕМ Давидом, присоединились к атаману ЛЕВЧЕНКО, с которым вместе и скрывались до 1922 года, а ДУДКА Никандр, после непродолжительного пребывания на нелегальном положении, явился в село Бабайковку и общим сходом крестьян был амнистирован.

Таким образом, ДУДКА Никандр, КИПРИЧ Давид и ПАСЕЧНЫЙ Николай оставались до последнего дня жить в селе Бабайковке, поддерживая связь с скрывающимся атаманом ЛЕВЕНЦОМ, с рядовыми участниками этой же банды, проводя определенную контрреволюционную работу.

В 1925 году в том же Царичанском районе зарождается подпольная контрреволюционная организация, во главе которой стоял житель села Юрьевки, Царичанского района ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей, брат которого, как участник политбанды ЛЕВЕНЦА, был в свое время расстрелян красными.

Организация ЧЕРНЯВСКОГО, ставившая своей задачей вооруженное восстание с целью свержения Советской власти, привлекла для работы в организацию ряд бывших участников банды ЛЕВЕНЦА, проживающих в селе Бабайковке, как-то: КИПРИЧА Давида и других. Однако следствие, проведенное в свое время по делу ЧЕРНЯВСКОГО, не подтвердило прямой связи ЧЕРНЯВСКОГО с ДУДКОЙ Никандром, ПАСЕЧНЫМ Николаем и другими, бывшими активными соучастниками ЛЕВЕНЦА Афанасия несмотря на то, что признаки такого рода связи были.

Лишь в 1929 году, когда ЧЕРНЯВСКИЙ был освобожден по отбытии наказания за свою к[онтр]р[еволюционную] деятельность и вернулся в село, установлено было, что он связан с ДУДКОЙ Никандром, так как стал его посещать в селе Бабайковке, стараясь пробираться к ДУДКЕ в квартиру так, чтобы не быть никем не замеченным.

Поскольку Днепропетровскому Окружному Отделу ГПУ определенно известны были все вышеизложенные данные, а также, что ЧЕРНЯВСКИЙ по освобождению из ДОПРа связался с ДУДКОЙ Никандром, с бывшими своими соучастниками по к[онтр]р[еволюционной] деятельности КОТЕНКО Григорием, снова стал проявлять антисоветскую активность, что ДУДКА и ПАСЕЧНЫЙ проводят на селе также к[онтр]р[еволюционную] агитацию и что ЛЕВЕНЕЦ Афанасий нелегально приезжает в село Бабайковку, были произведены соответствующие аресты и возникло настоящее следственное дело в июле мес[яце] 1929 г.

В процессе предварительного следствия по делу установлено, что в период 1919 года, на территории Царичанского района, Днепропетровского округа бывш[им] офицером старой армии САМАРСКИМ-КРАСИЛЕЙ была организована политическая банда петлюровской окраски для борьбы с красными.

В организации этой политбанды участвовали бывш[ий] чиновник военного времени ДУДКА Никандр, офицер ПАСЕЧНЫЙ Емельян и КИПРИЧ Давид.

Банда эта ставила своей целью свержение Советской власти и восстановление самостийной Украины. Идейными руководителями ее являлись офицер КРАСИЛЯ, ДУДКА, ПАСЕЧНЫЙ Емельян и КИПРИЧ Давид. Первое время возглавлял эту политическую банду КРАСИЛЯ, а затем, когда последний был убит в бою с красными, то командование перешло к ПАСЕЧНОМУ Емельяну, а его адъютантом стал ДУДКА Никандр.

Указанная политбанда, под руководством ПАСЕЧНОГО Емельяна, ДУДКИ Никандра и КИПРИЧА Давида, вела ожесточенную борьбу с красными, занимаясь поджогами, террором, расстрелами коммунистов и совработников.

Лозунгом их было не брать во время боя в плен, а расстреливать на месте.

С первых дней существования политбанды, к ним добровольно примкнул ПАСЕЧНЫЙ Николай, житель села Бабайковки, двоюродный брат атамана ПАСЕЧНОГО Емельяна, выходец из кулацкой семьи, который особенно отличался зверством, участием в расстрелах коммунистов и совработников.

В 1920 году в политбанду ПАСЕЧНОГО Емельяна добровольно вступил местный житель села Бабайковки гр-н ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, который до официального вступления, в период 1918–19 гг., работал продавцом в «Споживаче», проводил широкую работу за самостийну Украину, выступая на митингах с агитацией и пр. Через неделю после вступления ЛЕВЕНЦА Афанасия в политбанду, последний был избран сотенным командиром, а после расстрела Соввластью ПАСЕЧНОГО Емельяна, избран атаманом. Его же адъютантом продолжал оставаться ДУДКА Никандр.

Став во главе политической банды ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, озлобленный расстрелом ПАСЕЧНОГО Емельяна и тем, что во время последнего боя с красными, они были основательно потрепаны, и, несмотря на это поражение, ЛЕВЕНЕЦ своим личным участием в налетах и зверствах, будучи всегда впереди, сумел воодушевить оставшихся бандитов и привлечь в банду еще несколько человек.

Таким образом его отряд составлял до 85 человек.

Банда атамана ЛЕВЕНЦА, при его личном участии, расстреливала коммунистов, продработников и совслужащих, совершая налеты на советские учреждения, одновременно вела борьбу с частями Красной армии. Ими в 1920 году, во время налета на село Бабайковку, было зарублено 12 чел. милиционеров.

В селе Ждановке Днепропетровского округа зверски замучены были 11 продработников.

В бою с красными бандой был отбит обоз и всех находившихся в обозе красноармейцев зверски измучили, а потом расстреляли. И ряд других убийств и расстрелов, в которых лично сознаются и сами некоторые обвиняемые.

Политбанда атамана ЛЕВЕНЦА Афанасия, для совместных боев с Красной армией, несколько раз соединялась с политбандами БРОВЫ и МАТВИЕНКО, причем во время таких соединений, каждый в отдельности атаман командовал своим отрядом.

В отряде ЛЕВЕНЦА Афанасия преимущественно находились местные жители села Бабайковки и прилегающих к ней сел, главным образом выходцы из кулацких семей.

В отряде ЛЕВЕНЦА Афанасия находился его родной брат Семен ЛЕВЕНЕЦ, который под конец ее ликвидации ушел и проживая в своем селе Бабайковке, он оказывал политбандам ряд услуг по вылавливанию коммунистов и совработников, в частности такие сведения он давал своему брату, тогда атаману ЛЕВЕНЦУ Афанасию.

В 1921 году политбанда атамана ЛЕВЕНЦА была окончательно разгромлена частями Красной армии и оставшиеся ее руководители, в том числе и некоторые рядовые, начали скрываться от преследования Советской власти. Часть из них после разгрома укрывалась по селам, другая часть выехала совершенно из пределов Екатеринославщины, а ПАСЕЧНЫЙ Николай и КИПРИЧ Давид, объединив вокруг себя 6 человек, продолжали заниматься убийствами коммунистов и совработников. Так, например, в 1922 году в селе Бабайковке, Царичанского района, Днепропетровского округа, этой группой бандитов был пойман комсомолец тов. Лутай, который лично был расстрелян КИПРИЧЕМ Давидом.

Спустя некоторое время ПАСЕЧНЫЙ Николай, КИПРИЧ Давид и ДУДКА Никандр амнистировались, при чем ДУДКА амнистировался раньше, и начали проживать в селе Бабайковке.

ДУДКА, будучи хорошо грамотным, устроился секретарем в Бабайковский сельсовет.

Сам атаман ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, после того как его политбанда была окончательно разбита, выехал в г. Днепропетровск, где частично укрывался у своих братьев, проживающих на Амуре-Нижнеднепровск, а после выехал на Донбасс, где и работал по день ареста.

Периодически он поддерживал письменную, так и путем личных нелегальных приездов в село Бабайковку, связь со своим адъютантом ДУДКОЙ Никандром, который, будучи секретарем Бабайковского сельсовета, в 1923 году снабдил ЛЕВЕНЦА Афанасия учетно-воинским билетом с той целью, чтобы последний мог безопаснее укрываться от Советской власти, а также имел связь с ПАСЕЧНЫМ Николаем, который сам не отрицает, что он знал о приезде ЛЕВЕНЦА Афанасия в село Бабайковку 1929 года, в апреле или марте мес[яце].

Семен ЛЕВЕНЕЦ знал все время точное местонахождение Афанасия ЛЕВЕНЦА, с которым поддерживал письменную связь и бывал на квартире у ЛЕВЕНЦА Афанасия во время приезда последнего в Бабайковку.

ДУДКА Никандр живя в селе Бабайковке, поддерживал тесную связь с ПАСЕЧНЫМ Николаем и ЛЕВЕНЦОМ Семеном, которые очень часто собирались у ДУДКИ на квартире, где вели разговоры антисоветского характера, обсуждая вопросы хлебозаготовительной кампании и трудности крестьянства, обремененного непосильными налогами.

ДУДКА Никандр поддерживал также связь с освобожденными из ДОПРа в 1929 году ЧЕРНЯВСКИМ Сергеем, руководителем контрреволюционной организации, которая была ликвидирована Днепропетровским Окружным отделом ГПУ в 1925 году. В свою же очередь сам ЧЕРНЯВСКИЙ по освобождению из ДОПРа сразу же связался с КОТЕНКО Григорием, проходившем в 1925 году по его же делу.

Все вышеперечисленные лица между собой были тесно связаны, а некоторые из них, как ДУДКА Никандр и Семен ЛЕВЕНЕЦ, имели непосредственную связь с ЛЕВЕНЦОМ Афанасием с контрреволюционной целью, которые при благоприятных условиях, могли снова активно выступить с оружием в руках против Советской власти.

Помимо их связей между собой, эти лица, проживая на селе, систематически вели антисоветскую агитацию против проводимых Соввластью мероприятий, используя в своих интересах все недочеты в аппарате местной власти, в частности, на квартире у ДУДКИ Никандра часто собирались лишенные права голоса, которые вели контрреволюционные беседы, и этим кулакам ДУДКА Никандр писал жалобы по разного рода вопросам.

Допрошенные по настоящему делу свидетели показали следующее:

1) ДРЕШПАК Лука Иванович показал, что ДУДКА Никандр, ПАСЕЧНЫЙ Николай и Левенец Семен в период гражданской войны служили в политбандах, грабили, терроризировали крестьян и Совработников. Сейчас указанные лица между собой тесно связаны, очень часто пьянствуют и что он неоднократно был свидетелем того, как они в пивной говорили: «Придет наше время, мы покажем». ДУДКА Никандр при каждом удобном случае ведет антисоветские разговоры, критикуя мероприятия Соввласти. На квартире у ДУДКИ собираются кулаки,

которые ведут разговоры антисоветского характера, а ДУДКА пишет им разные жалобы. ЛЕВЕНЕЦ Афанасий являлся атаманом политбанды, отличался жестокостями, убивал и грабил всех, кто ему попадался (стр. 66).

2) ОСТАПЕНКО Константин Петрович показал, что ЛЕВЕНЕЦ Афанасий являлся атаманом и от его руки погибло не мало красных партизан. Служил в политбанде также его родной брат Семен ЛЕВЕНЕЦ, а после ухода из банды занимался шпионажем и вылавливанием коммунистов, поддерживая связь с этой целью с атаманом ЛЕВЕНЦОМ Афанасием.

Последнее время ЛЕВЕНЕЦ Семен на селе вел антисоветскую агитацию, неоднократно в беседах говорил, что Советская власть грабит и пр.

ДУДКА Никандр в политбанде ЛЕВЕНЦА Афанасия был адьютантом, в прошлом он офицер, последнее время у него на квартире собираются кулаки и ведут антисоветские разговоры, и что ему неоднократно приходилось слышать, как ДУДКА в шутливой форме, говоря по тому или иному мероприятию, искажал весь смысл действительности, бросая фразы «ваша власть, добились и пр.».

ПАСЕЧНЫЙ Николай также служил в политбанде и по словам последнего он лично сам до 500 чел., снял головы и опять будет снимать, если это понадобиться. Среди крестьян открыто говорит, что придет время и будет положен конец издевательству (стр. 67).

3) НОВОСЕЛЯ Кузьма Тихонович показал, что ПАСЕЧНЫЙ Николай и ДУДКА Никандр в период гражданской войны служил в политбанде КРАСИЛЯ и ЛЕВЕНЦА, причем ДУДКА в политбанде занимал должность адьютанта. По возвращению из политбанды ПАСЕЧНЫЙ, особенно последнее время на селе ведет к[онтр]р[еволюционную] агитацию, говоря, что «крестьяне стали «нищими», их ограбила Советская власть».

На квартире у ДУДКИ собираются лишенные права голоса, где ведут антисоветские разговоры, а сам ДУДКА уверяет их в скорой гибели Советской власти. Приходящих к нему кулаков ДУДКА обрабатывает в своих интересах, вооружая их еще больше против Советской власти. ДУДКА в беседе с указанным свидетелем неоднократно говорил, что «власть грабит крестьян, политика власти не верна, и что нужно искать из создавшегося положения исхода», бросая фразы, что «крестьянам нужно объединиться и действовать против Соввласти». По вопросу о сельском хозяйстве ДУДКА доказывал, что компартия неправильно ведет политику в отношении крестьянства, в силу чего сельское хозяйство падает. ДУДКА Никандр в беседах часто упрекал гр-на НОВОСЕЛЮ, что последний период гражданской войны не боролся с советской властью, а сидел дома (стр. 68, 91–93).

4) ХМЕЛЕНКО Макар Кононович показал, что в период гражданской войны ЛЕВЕНЕЦ являлся атаманом политбанды, численностью до 100 человек. Банда ЛЕВЕНЦА поддерживала тесную связь с бандой ЛЕВЧЕНКО и несколько раз для общих боев против красных они соединялись вместе. При личном участии ЛЕВЕНЦА в селе Бабайковка расстреляна его тетка гр-ка ХМЕЛЕНКО Наталия за то что она сказала красным частям о издевательствах над ней и грабежах банды ЛЕВЕНЦА.

ЛЕВЕНЕЦ Семен, ДУДКА Никандр также служили в политбандах, принимали участие в налетах и убийствах совработников. Все эти лица среди крестьян ведут антисоветскую агитацию, а у ДУДКИ, как у подпольного адвоката часто собираются лишенные права голоса и ведут разговоры антисоветского характера.

В момент приезда ЛЕВЕНЦА Афанасия в село Бабайковку у него на квартире по слухам собирались ДУДКА Никандр и ПАСЕЧНЫЙ Николай. Свидетель ХМЕЛЕНКО также в своих показаниях говорит, что он лично сам видел как ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей заходил на квартиру к ДУДКЕ Никандру (стр. 71, 72).

5) СВИНАРЕНКО Макар Степанович, БРЕУС Иван Федорович, ШРАМКО Федор Гаврилович и ШЕСТАК Андрей Потапович показали, что ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей и КОТЕНКО Григорий на селе проводили антисоветскую работу как-то: ЧЕРНЯВСКИЙ после освобождения из ДОПРа тесно связался с выходцем из кулацкой семьи КОТЕНКО Григорием, с которым вместе во время сходов крестьян группировали вокруг себя кулаков и срывали проводимые Соввластью мероприятии, в частности по вопросу о землеустройстве. Кроме того по инициативе ЧЕРНЯВСКОГО и КОТЕНКО было созвано общее собрание верующих, на котором ставились вопросы «о наступлении компартии на религию», где ЧЕРНЯВСКИЙ призывал верующих сплотиться против наступления компартии в защиту религии (стр. 85–90).

6) ГЕРАЩЕНКО Андрей Михайлович и ЛЕВЕНЕЦ Марфа Михайловна показали, что ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, во время приезда в село Бабайковку в начале 1929 года, что его вызывали в Сталинский Окружной Отдел ГПУ, где ему дали секретную нагрузку (вылавливать людей) враждебно настроенных против Советской власти (стр. 65, 69, 70).

7) ОСТАПЕНКО Андрей Андреевич показал, что в 1920 году в селе Бабайковке была организована политбанда, в которой находился ДУДКА, ПАСЕЧНЫЙ Николай, ЛЕВЕНЕЦ Афанасий и другие. Эта банда вылавливала и расстреливала коммунистов и совработников. В 1920 году ЛЕВЕНЦОМ Афанасием, ПАСЕЧНЫМ Николаем и ДУДКОЙ Никандром и другими, во время налета на село Бабайковку было поймано 11 или 12 чел., милиционеров, которые там же и были расстреляны. Лично сам ОСТАПЕНКО также подвергался со стороны указанных лиц репресиям как красный партизан и остался в живых исключительно благодаря настоянию Бабайковского схода (стр. 98, 99).

8) ХМЕЛЕНКО Макар Кононович и ДЕЙНЕГА Ирина Аввакумовна показали, что КИПРИЧ Давид Иванович в 1919 году, вместе со своим зятем бывш[им] офицером царской армии КРАСИЛЕЙ-САМАРСКИМ организовали в селе Бабайковке политическую банду, которой впоследствии начал командовать САМАРСКИЙ-КРАСИЛЯ, а КИПРИЧ Давид являлся в этой банде его правой рукой. Лично КИПРИЧЕМ в тот период была убита гр-ка КИПРИЧ Анна Корнеевна, как служившая в Красной армии.

Также КИПРИЧЕМ лично был расстрелян председатель Ревкома гр-н ПОЛА и его жена.

КИПРИЧ Давид иногда говорил, что оружие они при амнистии не сдали, а спрятали в Бабайковском лесу (стр. 113, 114).

9) ПАСЕЧНЫЙ Николай Павлович и ДУДКА Никандр Демьянович показали, что КИПРИЧ является родственником атамана КРАСИЛЯ-САМАРСКОГО, вместе с последним организовали политбанду. Находясь в банде КИПРИЧ участвовал в расстрелах и налетах. Так, например, им расстрелян в селе Бабайковке комсомолец ЛУТАЙ, также участвовал в убийстве пред[седателя] Ревкома гр-на ПОЛА (стр. 117, 118).

Допрошенные на предварительном следствии обвиняемые о себе показали следующее:

1) ЛЕВЕНЕЦ Афанасий Никитович происходит из крестьян села Бабайковки, Царичанского р[айона] Днепропетровского округа. В детстве учился в народной школе, а года за два до призыва в армию работал на шахте бурильщиком. В 1908 году был призван в царскую армию, где служил в кавалерийской части рядовым. По возвращении домой поступил на Екатерининскую жел[езную] дорогу в охрану стражником, в которой пробыл до 1917 года. Во время февральской революции 1917 года был направлен на фронт и пробыл там ровно год. Придя домой сразу устроился приказчиком в Бабайковский кооператив. В 1920 году добровольно вступил в политбанду петлюровской окраски, которой командовал ПАСЕЧНЫЙ Емельян. На третий день после вступления в банду был избран сотенным командиром, а через неделю банда эта якобы была разбита и он ушел из банды совершенно. После долгих упирательств ЛЕВЕНЕЦ сознается, что после поимки и расстрела атамана ПАСЕЧНОГО он был избран атаманом банды, банда в тот период насчитывалась до 45 чел[овек]. Говоря о себе ЛЕВЕНЕЦ сознается, что он с полным убеждением и ответственностью взял на себя руководство, поставив себе целью добиться самостийной Украины, что с этой целью он проводил широкую агитацию среди крестьян и вкоренял сознание своим политбандитам. Политбанда под его руководством принимала участие в боях с красными частями, делала налеты, убивала и расстреливала коммунистов и совработников, поставив лозунгом пленных не брать а расстреливать на месте. Неоднократно его банда соединялась с бандой ЛЕВЧЕНКО – это было в тех случаях, когда превосходили численностью красные войска. Из числа групповых расстрелов его бандой помнит случай расстрела 11 человек продработников, пойманных в селе Ждановке, Днепропетровского округа и нападения на обоз красных, где якобы только был взят обоз красных, а сами красноармейцы оставлены в живых. Других же случаев он не помнит. Атаманом политбанды и вообще в политбанде он находился до 1921 года, после чего ушел и начал скрываться. Первое время скрывался в г. Днепропетровске, бывая периодически у своих братьев на Амуре Нижнеднепровске, а затем в 1922 году устроился на рудник, где и работал по день ареста. В последнее время работал в Сталинском округе на шахте № 29.

С момента ухода из банды и по день ареста проживал на нелегальном положении. В целях более безопасного укрывательсва от Совласти он в 1923 году, не помнит в каком месяце через своего адьютанта по банде гр-на ДУДКУ Никандра, которой в тот период являлся секретарем Бабайковского с[ель]с[овета] достал учетно-воинскую книжку, которой ДУДКА его снабдил исключительно из чисто товарищеских побуждений, однако он знал, что атаман ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, находится на нелегальном положении.

В село Бабайковку, Царичанского района приезжал нелегально два раза. Один раз в 1926 году и второй раз в 1929 году. Категорически отрицает, что во время приезда в село Бабайковку он как ДУДКУ Никандра, так и ПАСЕЧНОГО Николая не видел и вообще никакой связи с последними не имел, а приезжал исключительно с целью побывать у своих родных. Таким образом связь с ДУДКОЙ и ПАСЕЧНЫМ Николаем, а также и участие свое в к[онтр]р[еволюционной] организации, направленной к свержению Совласти отрицает, говоря, что он советский человек и работает секретным сотрудником в Сталинском окружном отделе ГПУ.

В части его сотрудничества в Сталинском ОО ГПУ установлено что ЛЕВЕНЕЦ действительно с 1927 года является секретным сотрудником о чем во время приезда в село Бабайковку говорил своим родственникам и близким знакомым, поэтому как секретный сотрудник ЛЕВЕНЕЦ расшифровался, никаких связей о своих участниках по банде не дал, свое прошлое скрыл и его сотрудничество в органах ГПУ являлось ширмой, под которой скрывалась настоящая контрреволюционная деятельность ЛЕВЕНЦА Афанасия (стр. 2–12, 20, 83, 95–97).

2) ДУДКА Никандр Демьянович показал. Происходит из зажиточных крестьян села Петриковки Днепропетровского окр. Окончил 2-х классное училище. После чего работал в канцелярии нотариусом, откуда через непродолжительное время вернулся в село Бабайковку, поскольку к этому времени его родные переехали на постоянное местожительство туда и там работал в волостном правлении писарем до 1905 года.

В 1905 году был призван на военную службу и работал в Управлении Новомосковского воинского начальника. После, в г. Одесса, в штаб-бригаде. Перед выходом в запас держал экзамен на классную должность. По возвращении из армии некоторое время занимался вместе с отцом сельским хозяйством, а потом обратно поступил писарем в Бабайковское волостное правление, где и работал до мобилизации в Старую армию. В 1914 году был мобилизован и по февраль 1918 года служил в армии сначала в должности писаря, а затем помощником старшего адьютанта при штабе Особой армии. По демобилизации возвратился обратно в Бабайковку и все время работал в волостном Правлении. В марте мес[яце] 1920 года был мобилизован в Красную армию, где после непродолжительной службы получил кратковременный отпуск. По истечении отпуска обратно в свою часть не возвратился, а добровольно вступил в политбанду САМАРСКОГО-КРАСИЛЯ. За время нахождения в этой банде участвовал в налетах и боях всего 5 раз. Так, например, во время налета на красные части бандой было взято в плен 10 красноармейцев, из которых 4 человека были расстреляны как коммунисты.

В селе Юрьевке, во время боя бандой было взято и расстреляно несколько человек.

В селе Царичанке взято в плен 6 чел[овек] красноармейцев, которые тот же раз были расстреляны.

В селе Прядивке их бандой был пойман и расстрелян коммунист СПИЦКИЙ, там же было расстреляно в районе села Михайловки 2 неизвестных ему человека. После того, как политбанда ЛЕВЕНЦА была разбита он через некоторое время явился в село Бабайковку и на общем сходе просил извинения за участие в бандах и сходом был оставлен на жительсиве в селе Бабайковке.

О времени пребывания в политбанде ДУДКА упорно скрывает как например, в некоторых своих показаниях он говорит, что был 3 месяца, 9 м[есяцев] и пр.

По вопросу о связи с атаманом ЛЕВЕНЦОМ Афанасием, который проживал на нелегальном положении и его приезде в Бабайковку ДУДКА показывает, что будучи секретарем Бабайковского сельсовета в 1923 году он незаконно снабдил ЛЕВЕНЦА Афанасия учетно-воинским билетом заведомо зная, что ЛЕВЕНЕЦ скрывается от Совласти, причем в тот же раз при выдаче этого же документа жене ЛЕВЕНЦА он узнал от последней местонахождение самого ЛЕВЕНЦА.

О приездах ЛЕВЕНЦА в село Бабайковку он знал, но никакой связи с ним не имел и им не интересовался.

Характерно, что ДУДКА также упорно скрывает, что в политбанде ЛЕВЕНЦА и ПАСЕЧНОГО он занимал должность рядового, в то время как рядом свидетелей и показаниями обвиняемых установлено что в политбандах он был адьютантом.

По вопросу о проводимой им к[онтр]р[еволюционной] работе и участия в организации к[онтр]р[еволюционной], категорически отрицает и лишь после долгих упирательств сознается, что за последнее время у него на квартире очень часто собирались кулаки, которые вели антисоветские разговоры, но никакой организационной работы он не проводил.

Связь с ЧЕРНЯВСКИМ Сергеем и приход последнего к нему категорически отрицает. О чистых бланках с печатью, которые были у него обнаружены на квартире при аресте заявляет, что хранил он их безцельно, случайно взяв в сельсовете во время службы его секретарем (стр. 31, 33–43, 107–109).

3) ПАСЕЧНЫЙ Николай Павлович показал, что происходит из крестьян села Бабайковки. В 1920 году, приблизительно в сентябре мес[яце] добровольно вступил в политбанду САМАРСКОГО-КРАСИЛИ, находясь в которой участвовал в боях с Красной армией, налетах и расстрелах коммунистов и Совработников. Из числа расстрелов и налетов в которых он принимал участие помнит:

В 1920 году, во время налета на село Могилевку был пойман и расстрелян милиционер по фамилии ГУТЕЛЯ.

В дер. Клиново был пойман и расстрелян красный партизан гр-н ГАЛАКАН.

В селе Прядивка по доносу какого-то местного крестьянина был пойман председатель Ревкома СПИЦКИЙ, который тот раз же и расстрелян.

В селе Михайловке поймано и расстреляно 3 человека.

В селе Андреевка бандой был сделан налет на обоз Красной армии, где удалось захватить обоз, который ими был взят, а что сделано с красноармейцами обоза не помнит. В селе Магдалиновке бандой было расстреляно несколько человек, но сколько и кто они такие не знает.

В селе Ждановке пойманы и расстреляны 6 чел[овек] продработников. После того, как банда ЛЕВЕНЦА была разбита, он с тремя человеками из этой банды продолжал скрываться и однажды этой группой был пойман и расстрелян в селе Бабайковке комсомолец ЛУТАЙ. Расстрелял его КИПРИЧ Давид.

Одно время он скрывался вместе с атаманом ЛЕВЧЕНКО и его адьютантом ГРЕЧИНЫМ. За время его нахождения в политбандах он командной должности не занимал. О своих связях с ЛЕВЕНЦОМ Афанасием, ДУДКОЙ и другими соучастниками банды показал, что о приезде ЛЕВЕНЦА Афанасия в 1929 году он знал, о чем у него был разговор с ДУДКОЙ Никандром. С последним он часто встречается и бывает на квартире. Также встречался и с ГРЕЧИНЫМ Владимиром – бывш[им] адьютантом политбанды ЛЕВЧЕНКО, к которому он якобы заехал якобы случайно (расстояние местожительств ПАСЕЧНОГО от ГРЕЧИНЫ 30 верст).

По вопросу о проводимой им антисоветской агитации на селе и участие в подпольной к[онтр]р[еволюционной] организации отрицает (стр. 47, 49–51, 103–105).

4) ЛЕВЕНЕЦ Семен Никитович показал, что происходит из кр[естья]н села Бабайковки, о службе в политбандах и связи с последними в целях дачи им сведений о расположении красных частей упорно отрицает. Точное местонахождение атамана ЛЕВЕНЦА Афанасия он знает уже около 6 лет, и что ЛЕВЕНЕЦ за все время приезжал в Бабайковку всего один раз в 1929 году и во время этого приезда встречался с атаманом ЛЕВЕНЦОМ и выпивал, зная, что он проживает на нелегальном положении.

ДУДКУ Никандра и ПАСЕЧНОГО Николая знает и с ними иногда случайно встречался. У ДУДКИ же был в 1929 году на квартире, поясняя свое посещение просьбой зайти к ДУДКЕ для продажи некоторых продуктов в городе и приобретения на вырученные деньги мануфактуры. Свое участие в к[онтр]р[еволюционной] организации отрицает (стр. 62, 64, 102).

5) ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Лаврентьевич показал, что он является уроженцем села Куриловки Днепропетровского округа, сын учителя. Учился в городском училище. Родной его брат был в банде САМАРСКОГО-КРАСИЛИ за что соввластью и расстрелян, сам же он ни в каких армиях и бандах не служил. В 1927 году привлекался к ответственности за участие в подпольной к[онтр]р[еволюционной] организации, ставящей себе целью свержение советской власти за что и был приговорен Чрезвычайной сессией к 8 годам заключения в ДОПРе. В начале 1929 г. был освобожден из ДОПРа. После освобождения из ДОПРа никакой связи с ДУДКОЙ Никандром не имел, и ДУДКУ он не видел, но в селе где живет ДУДКА он действительно был, куда якобы ходил с целью нанять плотников, категорически отрицал, что к ДУДКЕ на квартиру не заходил и с ним не встречался.

О связи его с КОТЕНКО Григорием Григорьевичем бывшим соучастником его дела показал, что с ним он встречался и один раз КОТЕНКО заходил к нему на квартиру, отрицая какие бы то ни было антисоветские разговоры и организационную работу по свержению Советской власти.

По вопросу об антисоветской агитации и срыве проводимых на селе кампаний также отрицает, говоря, что никакой связи с кулачеством он не имел и их вокруг себя не группировал (стр. 57, 58, 94).

6) КОТЕНКО Григорий Григорьевич показал, что является уроженцем села Юрьевски Днепропетровского округа, в антиссоветских армиях и бандах не служил.

В 1929 году вместе с ЧЕРНЯВСКИМ привлекался к ответственности за участие в подпольной к[онтр]р[еволюционной] организации и был приговорен к 9-ти месяцам заключения под стражу. В части настоящей его к[онтр]р[еволюционной] деятельности и антисоветской агитации категорически отрицает, объясняя все «недоразумением», а связи с ЧЕРНЯВСКИМ, после освобождения из ДОПРа говорит, что встретился только 2 раза и то случайно, при чем во время встречи никаких разговоров антисоветского характера у него с ЧЕРНЯВСКИМ не было (стр. 25, 27, 100 и 101).

7) КИПРИЧ Давид Иванович показал, что происходит из крестьян села Помозановки, Царичанского района, где безвыездно жил до 1915 года, занимаясь сельским хозяйством. В 1915 году и до 1918 года служил в старой армии рядовым. После демобилизации возвратился в дер. Помозановку и попрежнему занимался сельским хозяйством. В 1919 году белыми был мобилизован и прослужил у них 1,5 месяца. От белых перешел к красным, где прослужил 5 месяцев и по болезни получил отпуск. Но по истечении отпуска обратно в Красную Армию не возвратился, а вступил в политбанду САМАРСКОГО-КРАСИЛИ, который является его родственником. Скрываясь вместе с КРАСИЛЕЙ они приступили к организации

политической банды, которой впоследствии начал командовать КРАСИЛЯ-САМАРСКИЙ. Всего в разных политбандах он находился до 1922 года, после чего явился по амнистии. За время нахождения в политбандах участвовал в налетах и убийствах как-то: еще до организации банды группа в 4-е человека, среди которых был он, по дороге, в село Ново-Кущевку убили гр-на ЗДРЫЛЕВСКОГО. Во время оперирования банды он участвовал в налете на село Царичанку, где было убито несколько человек.

В налете на село Бабайковку было поймано 3 красноармейца, которые в тот раз же были расстреляны.

Остальных случаев он не помнит.

После того, когда политбанда ЛЕВЕНЦА была разбита Красной армией я начал вместе с ПАСЕЧНЫМ Николаем и другими группой в количестве 6 человек скрываться и однажды в селе Бабайковке он, вместе с ПАСЕЧНЫМ и ШИНКАРЕНКО поймали комсомольца гр-на ЛУТАЯ, которого он сам и убил.

По вопросу о связи с ПАСЕЧНЫМ и ДУДКОЙ отрицает, упорно заявляя, что никакой антисоветской работы, а также и организационной деятельности с целью свержения Советской власти он не проводил и в организации ни в какой не состоит (стр. 115, 116, 120, 121).

Таким образом конкретно по делу установлено, что:

1) ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, как бывший атаман политической банды до момента ареста – июля 1929 года скрывался от Соввласти, будучи не амнистированным, периодически приезжал в село Бабайковку Царичанского района, причем эти приезды носили нелегальный характер и о них знали только «свои» люди, как ДУДКА, ПАСЕЧНЫЙ, ЛЕВЕНЕЦ Семен и другие.

2) ДУДКА Никандр в период гражданской войны являющийся чиновником военного времени, человеком со средним образованием, вполне сознательно вступил в упомянутую банду, где принимал, как указано выше, весьма активное участие в борьбе с рабочим классом и революционным движением, занимая должность адьютанта атамана банды. После ликвидации последней, он некоторое время скрывался, а затем явился в село Бабайковку, где якобы сходом крестьян он был амнистирован. Продолжая до последнего времени оставаться убежденным противником ныне существующего строя, ДУДКА в 1923 г. использовав свое положение секретаря сельсовета, снабдил атамана ЛЕВЕНЦА, через жену последнего учетно-воинским билетом, дав этим возможность ему безпрепятственно скрываться от Соввласти. Наряду с этим ДУДКА, как видно из всех материалов следствия, до последнего времени поддерживал связь с антисоветским элементом села Бабайковки и сам проводил в этой среде антисоветскую агитацию.

3) ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей как руководитель подпольной контр-революционной организации, созданной им в 1925 году, освободившись из ДОПРа в 1929 г. gснова занялся контрреволюционной работой, проводя агитацию среди своих односельчан против Соввласти и проводимых ею мероприятий. Вместе с тем ЧЕРНЯВСКИЙ связался с ДУДКОЙ Никандром и КОТЕНКО Григорием, при чем связь с первым он старался конспирировать.

4) ЛЕВЕНЕЦ Семен – бывший активный участник банды, которой руководил его брат ЛЕВЕНЕЦ Афанасий является резко выраженной антисоветской личностью, проводил на селе антисоветскую агитацию поддерживая связь с атаманом ЛЕВЕНЦОМ Семеном и бывшими бандитами проживающими в селе Бабайковке.

5) КОТЕНКО Григорий – выходец из кулацкой семьи, участник подпольной организации, в свое время созданной ЧЕРНЯВСКИМ Сергеем до последнего времени проводил на селе антисоветскую агитацию.

6) ПАСЕЧНЫЙ Николай один из организаторов и активнейших участников упомянутой выше банды. Принимал непосредственное участие в десятках расстрелах, красноармейцев и совработников. Амнистировавшись ПАСЕЧНЫЙ до последнего времени продолжал проводить на селе контрреволюционную работу, ведя агитацию против Соввласти и проводимых ею кампаний. Был связан с ДУДКОЙ и другими бывшими участниками этой банды, знал прекрасно о нелегальных приездах в село Бабайковку атамана ЛЕВЕНЦА и т. д.

7) КИПРИЧ Давид – один из организаторов и активных участников банды. Лично участвовал в расстрелах красноармейцев и совработников. До последнего времени остался убежденным противником Соввласти, поддерживал связь с перечисленными выше ПАСЕЧНЫМ, ДУДКОЙ и др. ожидая момента, чтобы активно выступить против Соввласти.

На основании изложенного и учитывая, что ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, ДУДКА Никандр, ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей, ЛЕВЕНЕЦ Семен, КОТЕНКО Григорий, ПАСЕЧНЫЙ Николай и КИПРИЧ Давид по своей прошлой и настоящей к[онтр]р[еволюционной] деятельности безусловно являются социально-опасными, поскольку при соответствующей для них ситуации они с оружием в руках активно выступят против Соввласти.

ПОСТАНОВИЛ:

возбудить ходатайство перед Особым Совещанием при Коллегии ГПУ УССР о заключении в концлагерь ЛЕВЕНЦА Афанасия Никитовича, ДУДКУ Никандра Демьяновича, ПАСЕЧНОГО Николая Павловича, КИПРИЧА Давида Ивановича сроком на 10 лет каждого и КОТЕНКО Григория Григорьевича, ЧЕРНЯВСКОГО Сергея Лаврентьевича и ЛЕВЕНЦА Семена Никитовича сроком на 5 лет каждого.

Настоящее дело направить предварительно Окрпрокурору на заключение.

Всех арестованных перечислить содержанием с сего числа за Особым Совещанием при Коллегии ГПУ УССР.

П[омощник]уполномоченного КРО [підпис] (ГАЛДИЛИН)

«СОГЛАСЕН»: Нач[альник] КРО [підпис] (ЛУНЕВ)

«УТВЕРЖДЕН»: Нач[альник] Окротдела ГПУ [підпис] (ЛЕОНЮК)

СПРАВКА:

Вещдоки – разная переписка направляется вместе с делом.

Арестованные ЛЕВЕНЕЦ Семен Никитович, ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Лаврентьевич, ПАСЕЧНЫЙ Николай Павлович, ДУДКА Никандр Демьянович, КОТЕНКО Григорий Григорьевич, ЛЕВЕНЕЦ Афанасий Никитович, КИПРИЧ Давид Иванович находятся в Днепропетровском ДОПРе.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 125–134. Оригінал, машинопис.

№ 69 Обвинувальний висновок у справі О.М. Левенця та інших обвинувачених

Не датовано

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

по делу № 590 поступившему из Д[непро]петровского Окротдела ГПУ по обвинению гр[аждан]:

1. ЛЕВЕНЦА Афанасия Никитовича,
2. ДУДКУ Никандра Демьяновича,
3. КИПРИЧА Давида Ивановича,
4. ПАСЕЧНОГО Николая Павловича,
5. ЧЕРНЯВСКОГО Сергея Лаврентьевича,
6. КОТЕНКО Григория Григорьевича и
7. ЛЕВЕНЦА Семена Никитовича, – по ст. ст. 54-2, 54-10 УК УССР.

В период гражданской войны на территории Екатеринославщины оперировали многочисленные политические банды, активно ведшие борьбу с Соввластью.

Одной из активнейших и мощных по своей численности банд, являлась банда, возглавлявшаяся атаманом Левченко, силы которого, главным образом, были сконцентрированы на территории б[ывших] Кременчугской и Екатеринославской губ[ерний].

В Царичанском р[айо]не, ныне Днепропетровского округа, под руководством атамана ЛЕВЧЕНКО была организована политическая банда, возглавлявшаяся в начале б[ывшим] офицером САМАРСКИМ-КРАСИЛЕМ, а впоследствии ЛЕВЕНЦОМ Афанасием.

Банда ЛЕВЕНЦА активно выступала против Соввласти под лозунгом создания «Украинской народной республики» и, в целях осуществления своей задачи, вела разрушительную работу в тылу красных, занимаясь террором, поджогами, разрушением железных дорог, убийствами совработников, коммунистов, а также беспощадно расстреливала всех попадавших красноармейцев и продработников.

В банде ЛЕВЕНЦА принимали участие ДУДКА Никандр Демьянович, ПАСЕЧНЫЙ Николай Павлович, КИПРИЧ Давид Иванович и ЛЕВЕНЕЦ Семен Никитович.

ДУДКА Никандр выполнял в банде роль адъютанта.

Следствием установлено, что бандой в селе Ждановке, Д[непро]петровского округа, зверски были замучены 11 продработников.

В бою с красными бандой был отбит обоз и всех находившихся при обозе красноармейцев расстреляли.

Во время одного из налетов на красные части, бандой было взято в плен 10 красноармейцев, из которых 4-ре были расстреляны как коммунисты.

В с. Юрьевке во время боя, бандой было расстреляно несколько человек.

В с. Царичанке были расстреляны 6 красноармейцев.

В с. Прядевке бандой расстрелян коммунист СПИЦКИЙ.

В с. Михайловке были расстреляны 2 неизвестных человека.

В с. Могилевке был расстрелян милиционер ГУТЕЛЯ.

В д. Клиново был расстрелян красный партизан ГАЛАГАН.

В с. Магдалиновке бандой расстреляно несколько человек.

В с. Бабайковке расстрелян комсомолец ЛУТАЙ.

Помимо этого, бандой было произведено ряд налетов на Волисполкомы и С[ель]советы, которые были разгромлены.

После ликвидации банды, ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, его адъютант ДУДКА Никандр и активнейшие его сподвижники ПАСЕЧНЫЙ Николай и КИПРИЧ Давид – перешли на нелегальное положение и скрылись.

Через некоторое время ПАСЕЧНЫЙ Николай и КИПРИЧ Давид перешли в банду ЛЕВЧЕНКО, в которой пробыли до 1922 года.

ЛЕВЕНЕЦ Семен Никитович, скрылся в с. Бабайковку, где проживал все время.

После разгрома банды ЛЕВЧЕНКО, ПАСЕЧНЫЙ Николай и КИПРИЧ Давид явились в село Бабайковку и за свою бандитскую деятельность были амнистированы, до этого был амнистирован ДУДКА Никандр.

Атаман ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, после того как его банда была окончательно разбита, выехал в гор. Д[непро]петровск, где скрывался непродолжительное время у своих братьев, а потом выехал на Донбасс, где работал до момента ареста.

В 1923 г. ДУДКА Никандр, будучи секретарем Бабайковского с[ель]совета, снабдил ЛЕВЕНЦА Афанасия соответствующими документами, которые дали возможность ему избежать репрессий.

Проживая на Донбассе, ЛЕВЕНЕЦ Афанасий периодически поддерживал письменную связь с ДУДКОЙ Никандром и несколько раз приезжал в с. Бабайковку к своим родственникам и имел свидание со своими бывшими сподвижниками.

В последние годы, в связи с усилившимся наступлением на кулака и обострившейся классовой борьбы на селе, б[ывшие] участники банды ЛЕВЕНЦА – ДУДКА Никандр, ПАСЕЧНЫЙ Николай, КИПРИЧ Давид и ЛЕВЕНЕЦ Семен Никитич, поддерживая тесную связь с активными петлюровцами ЧЕРНЯВСКИМ Сергеем и КОТЕНКО Григорием, – начали проявлять антисов[етскую] активность, выразившуюся в том, что они периодически собирались на своих квартирах и вместе с местными кулаками вели беседы на антисов[етские] темы, открыто критиковали мероприятия Соввласти, угрожали активистам села расправиться с ними так, как они расправлялись в прошлое время.

В беседе с крестьянами они неоднократно говорили о том, что политика Соввласти направлена к грабежу крестьян и что нужно объединиться и действовать против Соввласти (см. л. л. д. 66, 67, 68, 91, 93, 71, 72).

О ЧЕРНЯВСКОМ Сергее Лаврентьевиче и КОТЕНКО Григории Григорьевиче известно, что они в 1925 г. принимали активное участие в подпольной петлюровской организации, за что были арестованы и осуждены ЧЕРНЯВСКИЙ – к 8-ми годам заключения, а КОТЕНКО – к 9-ти месяцам ДОПРа.

В 1929 году ЧЕРНЯВСКИЙ был освобожден из ДОПРа и, поселившись в с. Бабайковке, связался с бывшими участниками банды ЛЕВЕНЦА, открыто проявлял свои антисов[етские] настроения.

В 1927 г. Сталинским Окротделом ГПУ был завербован в качестве секретного сотрудника ЛЕВЕНЕЦ Афанасий, т. к. Сталинскому Окротделу ГПУ не было известно о прошлой бандитской деятельности ЛЕВЕНЦА. Изъявив согласие сотрудничать в органах ГПУ, ЛЕВЕНЕЦ Афанасий скрыл перед Сталинским Окротделом ГПУ свою прошлую к[онт]р[еволюционную] деятельность и в дальнейшей работе не сообщил о его связях с б[ывшими] соучастниками по банде.

Когда ЛЕВЕНЕЦ Афанасий приезжал в с. Бабайковку, он, некоторым из его родственников рассказал о его сотрудничестве в органах ГПУ и о характере возложенных на него заданий (см. л. д. 65, 69, 70).

1. Обвиняемый ЛЕВЕНЕЦ Афанасий Никитович, рождения 1878 г., из села Бабайковки, по профессии крепильщик, член союза Горняков, рабочий, происходит из крестьян, показал: с 1912 по 1917 год служил в ж[елезно]д[орожной] охране в качестве стражника. Во время февральской революции был направлен на фронт, где пробыл около года. В 1918 г. устроился в Бабайковский кооператив в качестве приказчика, в 1920 г. добровольно вступил в петлюровскую банду, возглавлявшуюся ПАСЕЧНЫМ Емельяном. На 3-й день после вступления в банду был избран сотенным командиром. После убийства ПАСЕЧНОГО Емельяна, он был избран атаманом банды, насчитывающей до 100 человек. Банда под его руководством принимала участие в боях с красными частями, делал налеты, убивала и расстреливала коммунистов и совработников. Неоднократно его банда соединялась с бандой ЛЕВЧЕНКО, – это было в тех случаях, когда во время боев красные отряды превосходили численностью. Из числа групповых расстрелов его бандой, он помнит случай расстрела 11-ти продработников, пойманных в с. Ждановке и нападение на обоз красных, где, якобы, был только взят обоз, а сами красноармейцы оставлены в живых. Атаманом банды он являлся до 1921 г. и, после ликвидации банды, он скрылся в Д[непро]петровск, а затем на Донбасс, где устроился на рудник. В последнее время работал в Сталинском округе на шахте № 29.

С момента ухода из банды по день ареста проживал на нелегальном положении. В 1923 г. через своего б[ывшего] адъютанта банды ДУДКУ Никандра, достал для себя соответствующие документы.

В с. Бабайковку он приезжал нелегально два раза, в 1926 г. и в 1929 г.

Свою связь с ДУДКОЙ, ПАСЕЧНЫМ, КИПРИЧЕМ и друг[ими] отрицает.

С 1927 года он является секретным сотрудником Сталинского Окротдела ГПУ, о чем во время приезда в село Бабайковку рассказал своим родственникам (см. л. д. 2–12, 20, 83, 95, 97).

2. Обвиняемый ДУДКА Никандр Демьянович, рождения 1884 г., из с. Бабайковки, крестьянин-середняк, член союза совторгслужащих, показал: с 1914 по 1918 г. служил в армии, сначала в должности писаря, а потом пом[ощника] старшего адъютанта при Штабе Особой армии. По демобилизации возвратился в село Бабайковку и до 1920 года работал в вол[остном] управлении.

В 1920 г. он был мобилизован в Красную армию и после непродолжительной службы получил кратковременный отпуск. По истечению отпуска в свою часть не возвратился, а добровольно вступил в банду САМАРСКОГО-КРАСИЛЯ. За время своего пребывания в банде участвовал в налетах и в боях 5 раз: во время налета на красные части бандой было взято в плен 10 красноармейцев, из которых 4 были расстреляны как коммунисты; в с. Юрьевке во время боя бандой было расстреляно несколько человек; в с. Царичанке взято в плен 6 чел., которые в тот же день были расстреляны; в с. Прядивке бандой был пойман председатель волревкома – коммунист Скитский; в с. Михайловке были расстреляны два неизвестных ему человека.

После ликвидации банды он, через некоторое время, явился в с. Бабайковку и общим сходом был оставлен на жительство в с. Бабайковке.

Подтвердил, что в 1923 г., будучи секретарем С[ель]совета, он незаконно снабдил ЛЕВЕНЦА учетно-воинским билетом, заведомо зная, что ЛЕВЕНЕЦ скрывается от Соввласти.

О приездах ЛЕВЕНЦА в с. Бабайковку он знал, но свои свидания с ним отрицает.

В последнее время у него на квартире часто собирались кулаки, которые вели антисоветские разговоры, но никакой организационной работы среди них он не вел.

Связь с ЧЕРНЯВСКИМ Сергеем и КОТЕНКО Григорием отрицает.

О чистых бланках с печатью, которые были у него обнаружены на квартире при аресте заявляет, что хранил их бесцельно, случайно взяв в Сельсовете во время службы там в качестве секретаря (см. л. д. 31, 33, 43, 107, 109).

3. ПАСЕЧНЫЙ Николай Павлович, рождения 1901 г., из с. Бабайковки, из крестьян, середняк, показал: в 1920 г. он добровольно вступил в петлюровскую базу САМАРСКОГО-КРАСИЛЯ и принимал участие в боях с красными отрядами, налетах и расстрелах коммунистов и совработников. Из числа расстрелов и налетов, в которых он принимал участие, помнит следующее:

В 1920 г. во время налета на село Могилевку был расстрелян милиционер БУТЕЛЯ[1]; в д. Клиново был расстрелян красный партизан ГАЛАГАН; в с. Прядивке расстрелян Пред[седатель] Ревкома СПИТСКИЙ; в с. Михайловке расстреляно 3 неизвестных ему человека; в с. Андреевке был совершен налет на обоз Красной Армии, который был целиком ими захвачен, а что было сделано с красноармейцами, он не помнит. В с. Магдалиновке бандой было расстреляно несколько человек, но кто они такие и за что – он не знает; в с. Ждановке расстреляно 6 продработников.

После ликвидации банды он с 3-мя бандитами продолжал скрываться и однажды этой группой был расстрелян в с. Бабайковке комсомолец ЛУТАЙ, расстрелял его лично КИПРИЧ Давид.

В одно время он скрывался вместе с атаманом ЛЕВЧЕНКО и его адъютантом ГРИЧИНЫМ.

О своих связях с ЛЕВЕНЦОМ Афанасием, ДУДКОЙ и друг[ими] соучастниками банды показал, что о приезде ЛЕВЕНЦА Афанасия в с. Бабайковку, он знал и об этом у него был разговор с ДУДКОЙ Никандром, а с другими соучастниками он часто встречался и бывал у них на квартире.

Свою антисов[етскую] агитацию за последнее время отрицает (см. л. д. 47, 49, 51, 103, 105).

4. Обвиняемый КИПРИЧ Давид Иванович, рождения 1895 г., из крестьян, бедняк, происходит из с. Помазановки, Царичанского района, показал: с 1915 по 1918 г. служил в царской армии, в 1919 г. он был мобилизован белыми и прослужил у них полтора м[еся]ца. От белых перешел к красным, где прослужил 5 м[еся]цев и по болезни получил отпуск. По истечении отпуска в свою часть не возвратился, а добровольно вступил в петлюровскую банду САМАРСКОГО-КРАСИЛЯ, приняв активное участие в организации банды.

В разных бандах он пробыл до 1922 г.

После ликвидации банды ЛЕВЕНЦА, в которой он находился, он продолжил вместе с ПАСЕЧНЫМ Николаем и др., группой, численностью 6 человек, опери-

[1] *Прізвище вказано помилково, мало бути «Гутеля».*

ровать в Царичанском р[айо]не, где они производили расстрелы коммунистов и совработников.

За время его пребывания в бандах, он принял участие: в налете на с. Царичанку, где было убито несколько человек; в с. Новокущевке был убит гр-н ЗДРЫЛЕВСКИЙ; в с. Бабайковка расстреляно 3 красноармейца.

Остальных случаев его личного участия в расстрелах и налетах он не помнит.

Свою связь с ЛЕВЕНЦОМ Афанасием, ПАСЕЧНЫМ, ДУДКОЙ и друг[ими], он отрицает, заявляя, что никакой антисов[етской] деятельности он за последнее время не вел (см. л. д. 115, 116, 120, 121).

5. Обвиняемый ЧЕРНЯВСКИЙ Сергей Лаврентьевич, показал, что он является урож[енцем] с. Куриловки, Д[непро]петровского окр[уга], сын учителя, учился в Гор[ном] училище. Родной его брат был в банде САМАРСКОГО-КРАСИЛЯ, за что Соввластью и расстрелян, сам же он ни в каких армиях и бандах не служил. В 1927 г. привлекался к ответственности за участие в подпольной к[онтр]р[еволюционной] организации, ставящей себе целью свержение Соввласти, за что и был приговорен Чрез[вычайной] сессией к 8 годам заключения в ДОПР. В начале 1929 г. был освобожден из ДОПРа. После освобождения из ДОПРа никакой связи с ДУДКОЙ Никандром не имел и ДУДКУ он не видел, но в селе, где живет ДУДКА, он действительно был, куда, якобы, ходил с целью нанять плотника, категорически отрицая, что к ДУДКЕ на квартиру не заходил и с ним не встречался.

О связи его с КОТЕНКО Григорием Григорьевичем, б[ывшим] соучастником его дела, показал, что с ним он встречался один раз. КОТЕНКО заходил к нему на квартиру, отрицая какие бы то ни было антисоветские разговоры и организационную работу по свержению Соввласти.

По вопросу об антисов[етской] агитации и срыва проводимых на селе компаний, также отрицает, говоря, что никакой связи с кулачеством он не имел и их вокруг себя не группировал (см. л. д. 57, 58, 94). ЧЕРНЯВСКИЙ – 1904 г. рожд[ения], происх[одит] из крестьян, сын учителя. Лишен избирательных прав.

6. Обвиняемый КОТЕНКО Григорий Григорьевич, показал, что является урож[енцем] с. Юрьевки, Д[непро]петровского окр[уга], в антисов[етских] армиях и бандах не служил.

В 1929 г. вместе с ЧЕРНЯВСКИМ привлекался к ответственности за участие в подпольной к[онтр]р[еволюционной] организации и был приговорен к 9-ти мес[яцам] заключения. В части настоящей его к[онтр]р[еволюционной] деятельности и антисоветской агитации категорически отрицает, объясняя все «недоразумением», а о связи с ЧЕРНЯВСКИМ, после освобождения из ДОПРа говорит, что встретился только два раза и то случайно, причем во время встречи никаких разговоров антисоветского характера у него с ЧЕРНЯВСКИМ не было (см. л. д. 25, 27, 100, 101).

КОТЕНКО Григорий – 1903 г. рождения, происходит из крестьян, середняк. Лишен избирательных прав.

На основании вышеизложенного ПОЛАГАЛ БЫ: дело за № 590 передать на рассмотрение Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о применении к обвиняемым, проходящим по данному делу следующие меры социальной защиты:

1. ЛЕВЕНЦА Афанасия Никитовича,
2. ДУДКУ Никандра Демьяновича,
3. КИПРИЧА Давида Ивановича и
4. ПАСЕЧНОГО Николая Павловича – РАССТРЕЛЯТЬ.
5. ЧЕРНЯВСКОГО Сергея Лаврентьевича – заключить в концлагерь на 10 лет.
6. ЛЕВЕНЦА Семена Никитовича – заключить в концлагерь на 5 лет.
7. КОТЕНКО Григория Григорьевича – выслать за пределы УССР.

Уполн[омоченный] КРО: [підпис] (КАНЕВСКИЙ)
Нач[альник] 3 отделения КРО: [підпис] (ТОЛСТОВ)
Согласны: Нач[альник] КРО ГПУ УССР [підпис] (ДОБРОДИЦКИЙ)

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 142–146. Оригінал, машинопис.

№ 70 Витяг з протоколу засідання Колегії ОДПУ у справі О.М. Левенця

23 червня 1930 р.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от «23» июня 1930 г.

СЛУШАЛИ:

31. Дело № 101469 по обв[инению] гр[аждан] ЛЕВЕНЕЦ Афанасия Никитича, ДУДКА Никандра Демьяновича и др. в числе 7-ми человек по 58/2 и 58/10 ст. ст. УК (Дело рассм[атривается] в пор[ядке] пост[ановления] През[идиума] ЦИК СССР от 9/6-27 г.)

ПОСТАНОВИЛИ

1. ЛЕВЕНЕЦ Афанасия Никитича,
2. ДУДКА Никандр Демьяновича,
3. ЧЕРНЯВСКОГО Сергея Лаврентьевича

РАССТРЕЛЯТЬ.

4. ПАСЕЧНЫЙ Николая Павловича,
5. КИПРИЧ Давида Ивановича,
6. ЛЕВЕНЕЦ Семена Никитича – приговорить к РАССТРЕЛУ с заменой заключением в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет.
7. КОТЕНКО Григория Григорьевича – заключить в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет.

Дело сдать в архив.

СЕКРЕТАРЬ КОЛЛЕГИИ ОГПУ [підпис нерозбірливо]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513. Арк. 147. Завірена копія, машинопис.

ЛУНАЧЕНКО (Луна) Нестор Григорович
(1870–1920)

Учасник українського повстанського руху на Катеринославщині (1920 р.), сотник в загоні отамана Брови. Із селян-бідняків Карнаухівських хуторів Катеринославського повіту, українець. Освіта початкова.

До 1917 р. мешкав у Сибірі. З 1917 р. – у Катеринославі, торговець.

Заарештований 22 серпня 1920 р., за результатами слідства Катеринославським ГубНК засуджений до розстрілу. Повідомлення про розстріл великої групи повстанців було опубліковано у газеті «Вісті» від 29 вересня 1920 р. У реабілітації відмовлено.

№ 71 Доповідь розвідника Катеринославської ГубНК

19 серпня 1920 р.

Дело Попки и Луны

Упол[номоченному] вновь формирующей группы тов. Ральфу

Доклад

В ночь с 18 августа на 19 августа на нас было возложено поручение сделать операцию в селе Поповом на Попку и в селе Карнауховские хутора на главаря петлюровской банды.

Прибыли мы в село Поповку. Зашли к одному крестьянину именуя себя повстанцами. Стал спрашивать у крестьянина: «Имеются ли у вас в селе какие-нибудь войска?». Он нам отвечает: «Нет, но ждем на днях». Теперь тов. Руденко спрашивает: «А милиция у вас есть?». Крестьянин отвечает: «Нет». Объясняется нам, кто он такой: «Я избран председателем, так что все знаю, что делается в селе». Мы ему стали задавать вопрос: «Быть может у вас есть наши ребята-повстанцы?». Он говорит: «Не знаю». Мы тогда поехали в дом Попки, который окружили. Двое пошли в комнаты, именуя себя повстанцами, стали спрашивать Онуфрія. Брат отвечает: «Его нет и не знаю, где он находится». Мы тогда попросили напиться, нам дали. Двое прошлись по комнатам, окинули глазом его комнату не заметным образом и вышли обратно.

Сели на тачанку, поехали в село Карнауховские хутора. Приехали туда, стали на окраине села. Попросились у крестьянина дать корму лошадям, а также себе. Он нам дал. Потом стал испрашивать, где живет этот самый Луна. Мужик нам ответил: «Брат здесь живет». Поехали до его брата, где Луны не оказалось. Был один брат старший Луны и племянник, который при допросе по дороге, изъявил свое желание показать всех главарей.

Подводит до одного дома, показывает помощника Луны. Мы оцепили двор, стали стучать. Двор был чрезвычайно обширный и две хаты. Мы не знали, в какой хате он находится, стали стучать, он не открывает. Я запалил сноп соломы и кричу: «Палим хату!». Он не отворяет. Тогда тов. Морозов принес чурку дров. Стали отбивать дверь. Этот самый тип воспользовался этим случаем, влез на чердак, разобрал крышу и выскочил прямо в пастку. Тов. Морозов дал по нем два выстрела, попасть не попал. Причина этому объясняется в следующем: недостатке живой силы.

Сотруд[ник] Орлов.

19/VIII

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 18–19. Оригінал, рукопис.

№ 72 Анкета заарештованого Н.Г. Луначенка

23 серпня 1920 р.

Екатеринославская Губернская Чрезвычайная Комиссия
АНКЕТА № 929
для арестованных и задержанных с зачислением за Ч. К.
Лица, давшие неверные показания в анкете,
будут подвергнуты строж. ответственности.

<table>
<tr><th>Вопросы</th><th colspan="5">Ответы</th></tr>
<tr><td colspan="6">I-я часть (заполняется заключенным)</td></tr>
<tr><td>1) Фамилия</td><td colspan="5">Луначенко</td></tr>
<tr><td>2) Имя и отчество</td><td colspan="5">Нестер Григорьевич</td></tr>
<tr><td>3) Граждан[ин/ка] какого государства</td><td colspan="5">-</td></tr>
<tr><td>4) Национальность</td><td colspan="5">Украинец</td></tr>
<tr><td>5) Место прописки</td><td colspan="5">Губ.: Екатерино[славская] уезд: того же.
вол.: Карнауховской село: Карнаух[овские] хуторы</td></tr>
<tr><td>6) Возраст (год рождения)</td><td colspan="5">38 лет;</td></tr>
<tr><td>7) Образование:
а) грамотный ли
б) какую школу окончил
в) если не окончил, то ск. класс. / курс. прошел</td><td colspan="5">а)
б) окончил школу,
в) прошел ________класс./курс. ________школы.</td></tr>
<tr><td rowspan="6">8) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестре)</td><td>Степень родства</td><td>Фамилия, имя и отчество</td><td>Возраст</td><td>Занятие или место работы и должность или профессия</td><td>Место жительства, адрес</td></tr>
<tr><td>1. жена</td><td>Дарья Карповна</td><td>38</td><td>Домохозяйка</td><td rowspan="5">Екатерин. Упорная д. № 19</td></tr>
<tr><td>2. сын</td><td>Семен</td><td>18</td><td>В банде</td></tr>
<tr><td>3. сын</td><td>Иван</td><td>12</td><td>На квартире</td></tr>
<tr><td>4. дочь</td><td>Мария</td><td>16</td><td></td></tr>
<tr><td>5. дочь</td><td>Ефросинья</td><td>6</td><td>Дома</td></tr>
<tr><td>9) Партийная принадлежность:
а) в какой партии сост.,
б) с какого времени</td><td colspan="5">Беспарт[ийный]</td></tr>
<tr><td>10) Профессия</td><td colspan="5">Крестьянин</td></tr>
</table>

11) Место работы (службы): а) сначала войны до 1/III 1917 г. б) с 1/III 1917 г. по день ареста	Название предприятия	Профессия или должность
	а) до 1917 года проживал в Сибири	Формирование Красной гвардии
	б) в городе Екатеринославе торговал мясом, а последнее время был сотником в банде	
12) Если состоял на государств. службе, то в каком чине	рядовой	
13) Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	Жил на средства от торговли мясом	
14) Владел-ли недвижимым имуществом, каким и где	Нет	
15) Привлекался-ли к ответственности по суду или в админ. порядке	Нет	
16) Отношение к воинской повинности: а) воинское звание, род оружия или специальность; б) если был освобожден, то на каком основании	От учета скрывался	
17) Когда арестован	22 августа месяца 1920 г.	
18) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	По ордеру за № 2035 Секр[етарем] Операт[ивным] отделом	
19) Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, гор., улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собрании и пр.)	На квартире в деревне Ивановка	
20) Когда и кем допрошен		
21) Предъявлено ли обвинение и в чем именно		
22) Место жительства перед арестом	Екатер[инослав] Упорная д. № 19	

Примечание заключенного:

Подпись заключенного *Нестор Луначенко*

23 августа 1920 года

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

23) Официальное название места заключения	
24) По чьему ордеру арестован и № ордера	
25) За кем зачислен?	
26) Приметы заключенного:	

Примечание:

Подпись заведывающего местом заключения[1]

[1] *Підпис завідуючого відсутній.*

Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом), четко, разборчиво, полностью выписывая слова по возможности без помарок и поправок

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 13–13 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 73 Протокол допиту обвинуваченого Н.Г. Луначенка

23 серпня 1920 р.

Протокол допроса.

Город Екатеринослав 23 Августа 1920 г.

Мною, упол[номоченный] особой группы при Е.Г.Ч.К. Шпаковским, опрошена гражданка села Карнаухо-Хутора той же волости Екатеринославской губ. и уезда Дария Карповна Луначенко, показала следующее:

В гор. Екатер[инославе] проживаю три года. На вопрос, где муж в последнее время был?

Ответ: В Карнауховских хуторах. Ездил туда часто скупать свиней, так как он занимался мясничеством. Перед тем, как он поступил в повстанцы, я с ним поехала в село Карнаухо-Хутор, где по приезде нашем застала вооруженных людей, после чего выяснилось, что они повстанцы, приехавшие из Сурско-Михайловки.

Вопрос: Как муж поступил в повстанцы?

От[вет]: Добровольно, совместно с сыном Семеном. Сейчас же уехал на Михайловку.

Вопр[ос]: Когда возвратился?

Ответ: Через три дня без оружия. Муж же после того уехал в Ивановку, а сын не известно куда делся. А я же поехала оттуда в Екатеринослав.

Вопрос: Сколько раз ездила к мужу в Ивановку, когда он скрывался?

Ответ: Три раза. Возила ему хлеб. Прожил он в Ивановке две недели.

Больше показать ничего не могу в чем и расписываюсь. Верность показаний подтверждаю за неграмотностью Дарьи Луначенко расписываюсь по ее личной просьбе.

[підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 16–16 зв. Оригінал, рукопис.

№ 74 Доповідь розвідника Катеринославської ГубНК

23 серпня 1920 р.

Доклад
по делу преследования банды оперирующей под руководством
Нестера Луначенко (Луна)

20 августа мною было поручено тов. Морозову строго следить за квартирой Луны, который мне донес 21 августа следующие сведения. Приехала жена Луны от него из деревни Ивановки, Новомосковского уезда, Любимовской волости. И мною было поручено сотруднице Шаповаловой следить за женой Луны, которой также было упомянуто общаться с ней и следовать куда будет ехать жена Луны, что было сделано. Сотрудница Шаповалова пошла за ней на вокзал. Жена Луны, замечая, что ходит за ней следом женщина, обращается к сотруднице Шаповаловой с вопросом: «Куда вы едете?». Шаповалова отвечает: «За покупкой на станцию Иларионово». Жена Луны, получив такой ответ, начинает тонко расспрашивать, за какой покупкой? Шаповалова отвечает, что «Я желала бы купить масла или сала». Жена Луны предлагает ехать с ней в деревню Ивановку, говорит, что у меня есть сало очень хорошее. Шаповалова согласилась. Мы наблюдаем за движением Шаповаловой. Приезжаем на ст. Илларионово, где они слезают. Жена Луны и с ней крестьянин был, хозяин дома, где находился Луна – Илья Сидорович Яценко. Время было 12 часов ночи. Я сделал цепочку, первого послал тов. Добровольского, которому вменено идти в 20 шагах от Шаповаловой, которая шла с женой Луны. Тов. Романовскому идти в 50 шагах от Добровольского. Мы шли втроем, изображая из себя ядро. Это было сделано для того, чтобы не так было заметно. Жена Луны подошла к квартире, где Луна квартировался. Луна спал на дворе, где мы наскочили, объявили Луну арестованным, стали делать обыск, нашли у него его личный документ, при этом было восемь тысяч пятьсот (8500) рублей, оружия при обыске не нашли, при чем конфисковано сало около трех пудов.

Сотрудник Орлов.

23/VIII 2020 г.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 17–17. Оригінал, рукопис.

№ 75 Протокол допиту обвинуваченого Н.Г. Луначенка

23 серпня 1920 р.

Протокол допроса

1920 года августа 23 дня, мною, упол[номоченным] особой группы ЕГЧК тов. Шпаковским, опрошен гр. Луначенко Нестор Григорьевич, он же «Луна», 38 лет, Екатер[инославской] губ., того же уезда, Карнаухо-Хуторской волости, того же села, обвиняемый в участии в банде петлюровских войск, показал следующее:

Первый бой имелся у нас возле Звонецких хуторов, где участвовали около трехсот (300) человек во главе с атаманом полка Бровой. Я же был в этом отряде сотником и имел под моим командованием 60 человек вооруженных. Взводным у меня был еще Цалина, уроженец Карнаухо-Хуторской волости и того же села.

Перед боем я со своим отрядом хотел сдаться в плен к красным войскам, но когда на левом фланге Брова открыл огонь, то мне с отрядом пришлось бежать назад, оружие же было нами брошено в степу, кто его подобрал, я не могу сказать, так как мы все разбежались по домам.

После боя он же, Брова, со своим отрядом пришел в Звонецкие и Волошские хутора, где объявил мобилизацию до пяти лет. Кто пошел на мобилизацию, не могу сказать. Когда Брова ушел, с частью своего отряда перешел на ту сторону Днепра, предлагал также нам, но мы не соглашались. Что он предпринял дальше, я не могу сказать. Я же после этого уехал на ст. Ларионово, где поселился в дер. Ивановке и проживал здесь до сих пор, занимаясь мясником. Поселился у гр. Яценко Ильи той же деревни. Больше показать ничего не могу в чем и расписываюсь.

Нестор Луначенко.

На вопрос, задан[ный] тов. Ральфом, кто [был] организатором петлюров[ских] повст[анческих] отрядов?

Ответ: Организат[ором] являлся Брова и доктор Левин, а также [житель] села Михайловки, Шевченко.

Нестор Луначенко.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 24–24 зв. Оригінал, рукопис.

№ 76 Протокол допиту обвинуваченого Н.Г. Луначенка

26 серпня 1920 р.

Протокол допроса.

Город Екатеринослав 23 Августа 1920 г.

Допроса произведенного Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлен. по должности.

По делу №____

Протокол.

Я, нижеподписавшийся Луначенко допрошен в качестве обвиняемого показываю

1. Фамилия Луначенко
2. Имя и отчество Нестер Григорьевич
3. Возраст 38 лет
4. Место рождения Екатеринославская губерния
5. Место жительство Екатеринослав Упорная д. № 19
6. Род занятия торговец
7. Имущественное положение Неимущий
   а) до войны 1914 года Хлебопашество в Сибири
   б) до февральской революции Хлебопашеством в Сибири
   в) до октябрьской революции мясная торговля
   г) в настоящее время работал в степу, а потом в банде
8. Семейное положение Семейный
9. Партийность и с какого времени в партии Беспарти[йный]

10. Политические убеждения ________________
11. Образование: общее Домашнее
12. Специальность Хлебороб
13. Чем занимался и где раньше служил ________________
    а) до войны 1914 года________________
    б) до февральской революции Хлебопашество в Сибири
    в) до октябрьской революции торговля мясом
    г) с октябрьской революции до ареста в степу, а потом в банде
14. Отношение к воинской повинности скрывался от учета
15. Сведения о прежней судимости нет

Показания по существу дела.

Протокол

1920 года, августа 26 дня, уполномоченный секретно-оперативного отдела Е.Г.Ч.К. Щеголь, опросил Луначенко Нестора Григорьевича, который показал:

«Число 2 августа, в воскресенье, в Карнауховские хутора прибыл отряд Бровы, человек 150 из с. Михайловки, Екатеринославского уезда, устроил молебен, объявил мобилизацию за 5 лет. Охотников оказалось человек 35–40, в том числе и я. На митинге Брова предлагал нам идти против большевиков за Украину. Я согласился. Воскресный день отряд пробыл в Карнауховских хуторах, а вечером мы (прибыли) выехали на Кринички, где обезоружили 8 милиционеров и забрали 8 винтовок, захватили с собой какого-то агента, вернулись в Михайловку, где отпустили милиционеров и агента, а затем пошли в Соленое, где разоружили трех красноармейцев, приехавших в Соленое за фуражом. В Соленом мы пробыли всего час, это было во вторник, откуда мы пошли в Звонецкие хутора, где опять объявили мобилизацию. В это время из Екатеринослава вышли войска, которые вступили в бой с васильевскими повстанцами. Кто главарь этих повстанцев и сколько их было, я не знаю. Мы пошли на помощь. Под моей командой было 60 человек. Я был на правом фланге, а посередине и на левом фланге был Брова. В общем повстанцев было человек 300. Кроме обрезов и винтовок у нас ничего не было, ни орудий, ни пулеметов. Кавалерии было человек 10. Поняв, что Брова нас подвел, мы выслали одного верхового с белым флагом. Но в это время красные из пулеметов начали стрелять, правый фланг разбежался, побросав оружие.[1] Я удрал в Ивановку, Екатеринославской губ., Новомосковского уезда и скрывался у Яценко, которого я до этого не знал. Я жил там, так как боялся жить в городе. Сын мой, Семен 18 лет, бывший в моем отряде, тоже куда-то убежал. Старший в отряде, пригнавший нас в Губчека показал мне бумажку, где Семен значится расстрелянным».

Вопросы:1. Почему Брова назначил вас сотником?

Ответы: 1. Не знаю. Вероятно потому, что я был старше других годами.

Вопросы: 2. Откуда сам Брова?

Ответы: 2. Из Звонецких хуторов.

Вопросы: 3. Как фамилии участников этой банды и откуда они?

[1] *Із інформаційного зведення Губчека від 8 серпня 1920 р. про стан Катеринославської губернії: «Банда, совершившая налет на с. Кринички, разбита красными частями в с. Павловском. Отобрано много оружия, захвачены и отправлены в гор. Мобилизованные» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1 дод. Спр. 6. Арк. 182].*

Ответы: 3. Мой взводные – 1) Целипа из Карнауховских хуторов, 2) Шевченко из Сурско-Михайловки, канцелярист Бровы, 3) Гук из дер. Анно-Заготовки, Екатеринос[лавского] уезда, Криничеват[ской] волости.

Вопросы: 4. Зачем ездила к Вам жена?

Ответы: 4. Привозила деньги, 30 000 рублей, которые она выручила за подушку, наволочки и одеяло.

Читал: Нестор Луначенко.

Уполномоченный (подпись).

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 14–14 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 77 Висновок у справі Н.Г. Луначенка

2 вересня 1920 р.

Заключение.

2 сентября 1920 года.

Помощник уполномоченного 4-й группы Секретно-оперативного Отд[ела] Екатеринославской губернской Чрезвычайной комиссии, К. Митревич, рассмотрев дело за № 1954 по обвинению гр-н Луначенко Нестора, Луначенко Дарьи и Яценко Ильи Сидровича, первого в повстаниях против Советского строительства и Красной Армии, а остальных – в укрывательстве его, установил:

Во время организации повстанческих отрядов в Карнауховских хуторах Екатеринославск[ого] уезда, организатором-бандитом Бровой, гр-н Луначенко Нестор добровольно вступил в ряды повстанцев, оперирующих против Советов и красных войск, где ему поручается командовать целым отрядом. Тут Луначенко Н. проявляет свою деятельность на пользу контрреволюции и бандитизму, что видно из следующих фактов:

Проходя через село Кринички, отрядом под командованием Луначенко были обезоружены восемь милиционеров и одного продовольственного агента.[1] Проходя через село Соленое, ими были разоружены трое красноармейцев, приехавших сюда за фуражом, а также из доклада члена коллегии райпродкома 2-го района Екатериносл[авского] уезда видно, что в селе Криничках отрядом Луначенко были забраны и обезоружены трое продовольственных агентов и в результате чего один из агентов, тов. Короткий, был убит.

Когда на Звонецкие хутора наступали красные войска, то Брова, под командованием которого Луначенко Н. находился, открыл огонь с левого фланга, а Луначенко со своим отрядом находился на правом фланге и видя, что им приходится туго, бросился отступать. После этого Луначенко скрывался от Советской власти в разных местах.

Жена его, гр-ка Луначенко Дарья, зная о том, что муж скрывается, не заявляла об этом властям, а наоборот, еще больше старалась его укрывать, подвозя ему продовольствие на место укрывательства.

[1] *Із інформаційного зведення Губчека від 4 серпня 1920 р. про стан Катеринославської губернії: «По дополнительным сведениям, бандой, совершившей налет на село Соленое, захвачено с собой 10 милиционеров и кр[асноармей]цев из отряда Ек[атеринослав]ского опродкома, руководил бандой Брова. В налете участвовали известные бандиты из села Соленого Бабенки и др.» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1 дод. Спр. 6, арк. 178].*

Гр-н Яценко Илья Сидорович в сем деле и укрывательстве не причастен, ибо он, как крестьянин, имея ветхое хозяйство, пустил в свою хату семью гр-на Луначенко, как обыкновенных граждан без крова и пищи, а не с целью укрывательства, а потому, принимая во внимание вышеизложенное, заключаю:

Гр-н Луначенко Нестор своими действиями и поступками губил Советскую власть, как злостный и сознательный ее противник, и предлагаю применить к нему высшую меру наказания – расстрел.

Жену его, Дарью Луначенко, за укрывательство подвергнуть заключению в концлагерь сроком на десять (10) лет с привлечением на общественно-принудительные работы.

Гр-на Яценко Илью из-под ареста освободить.

Дело прекратить и сдать в архив, приговор объявить в печати.

Помощн[ик] уполномочен[ного] [підпис Мітревича]

Согласен – шестилетнюю их дочь Ефросинию передать в приют. Имущество Луначенко – конфисковать.

Упол[номоченный] [підпис нерозбірливий]

3/IX. 1920 г.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 35–36. Оригінал, рукопис.

№ 78 Витяг з протоколу екстреного засідання Колегії Катеринославської ГубНК

22 вереня 1920 р.

ВЫПИСКА

из протокола № 27 экстренного заседания Коллегии под председательством т. АЛЬКОВА, членов ЛЕОНЮКА, ОНИЩЕНКО, при секретаре т. СУХОДОЛЕЦ и пом. зав. сек. Оп[еративного] отд. Тов. ЛЕПЛЕВСКОГО Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии от «22» дня сентября месяца 1920 года.

СЛУШАЛИ:

5) Дело № 1954 по обв. гр. ЛУНАЧЕНКО (он же – ЛУНА) Нестора Григорьевича, НЕМКИ Федора Наумовича и ЯЦЕНКО Ильи Сидоровича в бандитизме, выразившемся: у ЛУНАЧЕНКО – в командовании отрядом банды БРОВЫ и убийстве милиционеров и телефонистов; у НЕМКИ и ЯЦЕНКО – в соучастии ЛУНАЧЕНКО и укрывательстве последнего.

ПОСТАНОВИЛИ:

Обвинение, предъявленное гр. ЛУНАЧЕНКО считать доказанным и применить к нему высшую меру пресечения – РАССТРЕЛ. Приговор привести в исполнение немедленно.

По отношению гр. НЕМКИ и ЯЦЕНКО дело выделить и продолжить следствие.

С подлинным верно за надлежащими подписями:

Секретарь [підпис Суходольця].

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 50. Завірена копія, машинопис.

№ 79 Висновки у справі Н.Г. Луначенка

16 лютого 1999 р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивному уголовному делу № 23613 в отношении Луначенко Н.Г.

Постановлением Коллегии Екатеринославской ГубЧК от 22 сентября 1920 г.

Луначенко Нестор Григорьевич, 1870 года рождения, уроженец Карнауховских хуторов Екатеринославского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область), украинец, арестован 22 августа 1920 года, – привлечен к уголовной ответственности как контрреволюционный элемент за бандитизм и подвергнут высшей мере наказания – расстрелу.

Декретами ВЦИК от 20 июня 1919 года и СНК от 19 февраля 1920 года борьба с бандитизмом отнесена к компетенции органов ВЧК, поскольку в условиях Гражданской войны бандитизм преследовал главным образом политические цели, представляя собой наиболее опасную форму проявления контрреволюции, и был направлен на срыв военных и гражданских мероприятий Советской власти, выражался в вооруженных действиях против Красной Армии, организации массовых беспорядков, уничтожении складов и ж[елезно]д[орожных] путей сообщения, сопровождался убийствами, разбоями и грабежами.

Луначенко Н.Г., кличка «Луна», признан виновным в том, что, находясь в политбанде Бровы в качестве командира сотни, принимал участие в боевых действиях против частей Красной Армии, совершал налеты на населенные пункты, причастен к убийству милиционеров и телеграфистов.

Будучи допрошен, Луначенко показал, что состоял в банде Бровы, являлся командиром сотни, в которой насчитывалось 60 человек, принимал непосредственное участие в боях с частями Красной Армии, во время налета на Кринички им было обезоружено 8 милиционеров, у которых забрали винтовки, в Соленом обезоружили 3 красноармейцев. Всего повстанцев, входивших в банду Бровы, насчитывалось около 300 человек, все были вооружены винтовками. В его отряде состоял, и сын Семен (л. д. 14–15, 24).

Виновность Луначенко Н.Г. в бандитизме подтверждается показаниями его жены, Луначенко Д.К. и другими материалами (л. д. 16, 18–19, 35).

Оценивая имеющиеся в уголовном деле доказательства в их совокупности, следует признать, что Луначенко Н.Г. привлечен к ответственности как политбандит, основательно.

Заявлений о его реабилитации не поступало.

На основании изложенного и в соответствии со ст. 2 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года, п. 13 Постановления Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», считать Луначенко Нестора Григорьевича обоснованно привлеченным к уголовной ответственности по настоящему делу и не подлежащему реабилитации.

Зампрокурора Днепропетровской области

государственный советник юстиции 2 класса [підпис] В.Ф. Щур.

«16» февраля 1999 года

Справка: Дело пересмотрено в порядке выполнения указания от 12.06.91 года.

Сообщение о принятом по делу решении не направлялось.

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23613. Арк. 51–52. Завірена копія, машинопис.

МАКАРЕНКО Феодосій Якович

(1876–?)

Учасник українського повстанського руху (1918–1920 рр.). Із селян с. Головківка Олександрійського повіту Херсонської губернії, освіта початкова. Робітник на Криворізьких копальнях, член УСДРП.

У 1917 р. на Всеукраїнському робітничому з'їзді обраний до Всеукраїнської ради робітничих депутатів, увійшов до складу Української Центральної Ради. Під час повстання Григор'єва у травні 1919 р. Ф. Макаренко був начальником політичного відділу при загоні отамана Ю. Тютюнника, повстанський організатор (1919–1920 рр.). У 1920 р. обраний завідуючим земельним відділом с. Ордо-Василівки.

З остраху перед репресіями у 1921 р. нелегально перейшов польський кордон. У 1921–1923 рр. перебував в еміграції, в Польщі та Німеччині. У 1923 р. повернувся в УСРР. Амністований Київським відділом ДПУ.

Заарештований у березні 1928 р. за антирадянську агітацію в с. Ордо-Василівка Софіївського району. 13 травня 1928 р. був засуджений до трьох років суворої ізоляції. Під час відбування строку у Дніпропетровському ДОПРі дав свідчення проти отамана Р. Федорченка. У грудні 1928 р. достроково звільнений. Проходив свідком обвинувачення по справі отамана Федорченка (жовтень 1929 р.). Подальша доля невідома. Реабілітований 7 квітня 1994 р.

№ 80 Протокол допиту свідка М.О. Горевого

5 березня 1928 р.

Дело № .

ПРОТОКОЛ.

1928 г. марта м-ца «5-го» дня. Уполномоченный Лупоносов Отд. ГПУ УССР Кривор[ожского] допросив ниженазванного гр. Горевой как , который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Горевой Никита Емельянович
2. Возраст: 31 г.
3. Место рождения и приписки: с. Андреевка, Божед[аровского] района
4. Происхождение: из крестьян
5. Имущественное положение: середняк
6. Подданство: УССР
7. Образование: низшее .
8. Семейное положение: холост
9. Отношение к воинской повинности: состою на учете УВК
10. Профессия: хлебороб
11. Занимаемая должность: хлебопашеством
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: не судим, под следствием состоял
13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: нет .
15. Точный адрес: с. Андреевка, Божед[аровского] района
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации: не служил

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал:

Мне лично стало известно от гр-на Мирошниченко Ефима Моисеевича о том, что гр-н Макаренко Федосий в 1918 году являлся членом Центральной Рады расположенной в гор. Киеве.

Имел ли в гор. Кривом Роге Макаренко сад мне не известно.

Макаренко мне лично говорил о том, что он являлся членом УСДРП и о том состоит ли он, Макаренко, в данное время в означенной партии и о своей связи с нею он мне не говорил.

6-го Марта с[его]г[ода] в сельсовете Андреевки Макаренко мне сообщил о том, что он находился в Польше, где находился в городах Львов, Варшава, а потом отправился в Германию и якобы был под Берлином. Причем в Варшаве Макаренко жил на иждивении комитета ЦК УСДРП и комитета помощи. Как долго находился в Польше Макаренко мне лично не известно. Но в одно время мне Макаренко сообщил, что он пробирался в гор. Варшаву для того, чтобы там связаться с Петлюрой. Как он Макаренко его [связался с] Семеном, через которого он Макаренко имел большую материальную помощь в бытности в гор. Варшаве. Как обратно из заграницы на территорию Украины вернулся, Макаренко мне также не известно. Работал ли Макаренко в Польше от Петлюры, я не знаю.

Имеет ли кого-либо в Польше из родственников или знакомых Макаренко, я не знаю, а равно не знаю и о его связи с Польшей в настоящее время.

Как личность, Макаренко я знаю с 1919 года. Знаю его я потому, что он, Макаренко, в селе Андреевка в 1919 г. выступал на общем собрании селян и собравшего в Андреевке отряда боровшего против Деникина с речью «Я громадянин, я людина політична і приїхав із закордону для організації повстання проти Денікіна». И тут же он добавил о том, что он, Макаренко, является представителем Центральной Рады с которой имеет [связь] вообще и непосредственно с Петлюрой.

После чего он, Макаренко, с отрядом из нашего села выехал по неизвестному для меня адресу. И только в 1925 году он появился в селе Андреевка. Приблизительно в 1925 году осенью, мне лично, Макаренко говорил, о том, как он по возвращении из эмиграции явился в ГПУ. Что в В[ерхне]днепровске ему, Макаренко, предъявили возвание к крестьянам, призывающее к восстанию против советской власти редактированное им, Макаренком, в чем он, Макаренко, там же в ГПУ сознался, и тут-же сообщил, что данное возвание он, Макаренко, писал в бытность свою в отряде Тютюника на Киевщине.

После чего Макаренко аресту подвергнут не был. Приблизительно с 1925 года до настоящего момента лично со стороны Макаренко ничего преступного против сов. власти не замечал и очень редко с ним имел встречи. За исключением случайных встреч на базаре.

Мирошниченко Ефима Моисеевича я знаю как односельчанина. В бытность на Украине петлюровцев, я лично на Божедаровском вокзале в вагоне встретился с г-ном Мирошниченко Ефимом. Он был в офицерской форме в чине прапорщика. После нашей встречи Мирошниченко мне сообщил, что он тогда, когда я его видел в вагоне в чине прапорщика, то он, Мирошниченко, ехал по назначению воинского начальника в гор. Киев, в распоряжение Войскового Центрального комитета Петлюровской армии.

После петлюровцев Мирошниченко являлся комендантом ст. Верховцево, а во время наступления Григорьева, он бежал домой, в дер. Петрово, где и жил до осени 1920 года, а потом он, Мирошниченко, в селе Ордо-Васильевке организовал повстанческий и там командовал полком. Полк его сражался против Деникина. Полком Мирошниченко командовал около 2½ месяцев, а потом его отстранили, и вновь поручили организовывать кавалерийский полк. Но полк ему сформировать не удалось, ибо он набрал только 50 человек с которыми и был до ликвидации деникинских отрядов. А после чего он все время жил дома в Петрово. Осенью, мне лично Макаренко говорил о том, как он по возвращении из эмиграции, явился в ГПУ.

Во время Красной армии он, Мирошниченко, не знаю кем, был назначен интендантом при штабе бригады 41 при 45 сов[етской] стрелковой дивизии. В бригаде он находился около 1½ месяцев, а потом бригада стала принимать окраску против красных. Он, Мирошниченко, бросил бригаду и пришел домой, где живет до настоящего времени без выезда, занимаясь хлебопашеством.

О связи его с Макаренко я не знаю. Но Макаренко его посещал лишь потому, что дом Мирошниченко был расположен на пути к колониям куда Макаренко часто ходил, но чтобы была связь с контрреволюционной точки зрения, я не знаю. И сам лично за ним ничего не замечал. А также о его связи с кулаками ничего не знаю [...][1]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 26680. Арк. 35–35 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 81 Протокол допиту обвинуваченого Ф.Я. Макаренка

8 березня 1928 р.

Дело №____

ПРОТОКОЛ.

1928 г. марта м-ца «8-го» дня. Уполномоченный Кривор[ожского] Отд. ГПУ УССР Лупоносов допросив ниженазванного гр. Макаренко как ______________, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Макаренко Феодосий Яковлевич
2. Возраст: 52 лет
3. Место рождения и приписки: село Головковка, Знаменского района
4. Происхождение: из крестьян
5. Имущественное положение: незаможник
6. Подданство: УССР
7. Образование: низшее
8. Семейное положение: женат
9. Отношение к воинской повинности: с учета снят за старостью лет
10. Профессия: хлебопашец-пчеловод
11. Занимаемая должность: хлебопашеством, дер. Каменный Кут
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: амнистированный

[1] *Опущено текст щодо даних по односельчанах свідка – Миколи Самарця, Полікарпа Руденка та ін.*

13. Партийная принадлежность: б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе: член союза Всерабземлеса
15. Точный адрес: Каменный Кут, Пятихатского района
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации: не служил

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал:

Гр[аждани]на Мирошниченко Ефима знаю с момента повстания, т. е. с 1919 г. Мирошниченко в повстанческих войсках командовал полком. Я в его полку я не служил, а был выдвинут Центральным меньшевистским комитетом в качестве агитатора по поднятию повстания.

Производил ли аресты Мирошниченко будучи командиром полка повстанцев кого-либо из советских работников, я не помню.

В данное время Мирошниченко со мной дружбы не имеет, а разговоров с ним на полит[ическую] тему я не вел, но видно, что он всецело стоит на стороне Сов[етской] власти.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 26680. Арк. 14–14зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 82 Протокол допиту обвинуваченого Ю.Я. Мирошниченка

9 березня 1928 р.

Дело №____

ПРОТОКОЛ.

1928 г. Марта м-ца «9-го» дня. Уполномоченный ___________ Отд. ГПУ УССР ______________ допросив ниженазванного гр. ____________ как __________, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Мирошниченко Ефим Моисеевич
2. Возраст: _____
3. Место рождения и приписки:___________
4. Происхождение: ___________
5. Имущественное положение: ___________
6. Подданство: ___________
7. Образование:___________
8. Семейное положение: ___________
9. Отношение к воинской повинности: ___________
10. Профессия: ___________
11. Занимаемая должность:
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: ___________
13. Партийная принадлежность: ___________
14. Состоит ли в профсоюзе: ___________
15. Точный адрес: ___________
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации: ___________

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал:

Как до революции 1917 года, так и после, я в партиях не состоял.

При Петлюре я служил в повстанческих отрядах в качестве коменданта станции Запорожье. Это было в 1918 году. А в 1919 году состоял на службе в повстанческих отрядах в качестве командира полка. Там я служил до прихода красных.

В боях против красных частей не участвовал. И в налетах нигде не был.

С принятием партизанскими отрядами окраски против красных, я ушел домой, т. е. в 1919 году и все время жил домашним хлебопашеством. Жил в дер. Петрово с 1921 года по 1922 год. Во время голода я выехал с семьей в Херсонскую губерн[ию], село Алексеевка.

От Соввласти я скрывался – боясь репрессий, просто за службу в партизанских частях.

Скрывался всего года полтора, а потом был амнистирован в ГПУ гор. Днепропетровска / Верхнеднепровска. Участия в ограблении финотдела в В[ерхне]днепровске я не принимал, а находился дома в дер. Петрово. В налетах на Алферово и Адамовку тоже не участвовал, был дома.

Под судом за растрату в бытность мою в [...][1] я не состоял и растраты не было.

Агитацией против налога я не занимался, а наоборот был за него. И в 1923 году против налога не выступал. Связи с гр. гр. Самарец Николаем Аристарховичем, Дрозд Павлом Васильевичем, Фургало Александром Никифоровичем, Руденко Поликарпом, Горевым Никитой Емельяновичем, Макаренко Феодосием Яковлевич (связи) не имею за исключением, как помню.

Показания мои правильные, в чем и расписываюсь.

[підпис Мірошніченка]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 26680. Арк. 33–33 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 83 Протокол допиту Ф.Я. Макаренка

20 березня 1928 р.

Протокол допроса[2]

1928 года 20 марта дополнительный допрос гр. Макаренко Феодосия Яковлевича, который показал: гр. гр. села Саксагани Смолеева Александра и Савенко Василия совсем не знаю. В Польшу я ушел в 1921 году в августе месяце вместе с женой Анной Ефимовной и ребенком. Настоящая фамилия жены [...][3], поскольку с ней не регистрировались, хотя живем с 1915 года. Она уроженка Могилевской губернии. Границу с Украиной в Польшу перешли около Волочи[н]ска. Перейдя границу, отправился на гор. Тарнополь и по прибытию туда, петлюровская охранка меня с женой арестовала и направила в город Львов, в штаб Тютюнника. Здесь пробыл дня два и говорил лично с Тютюнником, но он почему-то говорил со мной плохо, хотя раньше меня знал и я у него был заведующим информационным бюро, или иначе говоря, головой. После разговора с Тютюнником, он посоветовал зайти в ЦК УСДРП и дал адрес. Зайдя туда, там застал лидеров Педенко Афанасий и Мазепа. Они тоже со мной не хотели говорить, потому, что будучи на Украине,

1 *Нерозбірливе слово.*

2 *Тут і далі – підкреслення у документі.*

3 *Дівоче прізвище нерозбірливе, ім'я доньки – Валентина.*

я писал публикацию в газете в 1921 году в городе В[ерхне]днепровске. Название газеты не помню. Откуда им было известно о моей публикации, я тоже не знаю.

В ЦК я пробыл всего часа два, потом охранка Тютюнника меня задержала и отправила с женой в гор. Александров в лагерь. Здесь я пробыл месяца три. Наш лагерь весь перевели в город Чаперно возле Калиша. В Чаперно пробыл до августа 1922 года, а потом, когда Тютюнник подготовлялся для наступления на Украину, меня из лагеря забрали и повезли к Тютюннику опять во Львов. Здесь я ему заявил, что на восстание не пойду и конечно, он не настаивал. Из Львова я возвратился обратно в лагерь, где была моя жена. После этого ко мне относились еще больше с неудовольствием и я прожив около месяца, а затем однажды, один из писарей штаба 4-й конной дивизии, фамилии не помню, сказал, что меня думают отправить в другой лагерь «Дембе», где содержатся за подозрения в большевизме. На основании этого предупреждения решил из лагеря бежать и бежал в гор. Тарнов. Там встретился с украинским эсдеком и быв[ший] член Центральной рады Довженко. Последний устроился в Тарнове артельщиком при беженском комитете. Получил документы, как на беженца. Отсюда через попутчиков передал жене в лагерь, чтобы она приезжала в Тарнов, что она и сделала.

Прожив до весны 1923 года, мы с женой поехали на границу с Германией, думая перейти границу, а затем устроиться там на работу. Прожив в Данцинге дней пять и не найдя работу, отправился обратно в Варшаву. В Варшаве явился в полпредство СССР и должен по амнистии вернуться на Украину, но не имея средств, решил до окончательного разрешения вопроса в полпредстве, уехать на заработки в Августовские леса. Прибыв туда, проработав один месяц, я оттуда пеше направился на Белосток, где меня задержала жандармерия. В жандармерии я заявил, что думаю отправиться на Украину. Тогда жандармерия посадила меня с женой на подводу и увезли в лес от города приблизительно верст 7. В лесу предложили мне бежать, но я не знал в чем дело, а жена начинает плакать и просить, чтобы нас не трогали. Два вооруженных жандарма нас оставили в лесу, сами уехали. Отсюда мы ушли в деревню, где переночевали. Отправились на Брест-Литовск. Из Брест-Литовска пеше направились в гор. Ровно, затем Острог, но здесь же снова задержали и посадили в тюрьму. Просидев три дня, мне комиссар города заявил, что отправит обратно в глубь Польши, а когда я отказался и сказал, что иду на Украину, после такого моего заявления, меня с женой польская погранохрана перебросила через границу. Наша советская погранохрана задержала и направила этапным порядком в Киев. Просидев два с половиной месяца, по амнистии освобожден.

Виновным в антисоветской агитации себя не признаю. Переписку с польскими либо с украинскими эмигрантами не веду. Будучи в Польше, в городе Тарнове подавал заявление в ЦК УСДРП о восстановлении меня членом этой партии, но не восстановили а заявили, что нужно выяснить о моих политических взглядах в последний период. В заявлении этом я писал и о причине публикации [в] 21 году о выходе, причем здесь причину публикации я объяснял преследованием меня со стороны Соввласти и террором. Несмотря на всем мои доводы, меня ЦК все же не восстановил в правах члена партии и больше [я] заявлений не подавал, и так связь с партией окончательно порвал.

Из числа членов УСДРП никто и никогда никакой переписки со мной не вел. В 1920 году я действительно был избран завземотделом Ордо-Васильевки и помню, в село, откуда-то приехали какие-то советские работники, два или три человека, и была одна женщина. Попросили они квартиру, которую нач[альник] милиции Агеев Евлампий предоставил, не знаю в чьем доме.

Утром на другой день придя на занятие в волисполком, то там сообщили, что приехавшие люди убиты милицией возглавляемой Агеевым. Об убийстве было по телефону сообщено в В[ерхне]днепровск. Когда по этому делу приезжала милиция из Тернов, то Агеев скрылся вместе со всем штатом. Лично я в убийстве участия не принимал и даже не знал о таком намерении. Кто эти люди были – мне не известно. Есть сведения, что Агеев до сего времени занимается уголовщиной. Добавить ничего не могу к показанию, написанному с моих слов. Подписуюсь гр. [підпис Макаренка].

Допросил: [підпис нерозбірливий].

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 26680. Арк. 71–73 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 84 Обвинувальний висновок у справі Ф.Я. Макаренка

20 квітня 1928 р.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 435.

1928 года апреля 20 дня, Я П/Уполномоченного СОО Криворожского Окр[уга] Отдела ГПУ ЛУПОНОСОВ, рассмотрев дело о гр. гр. МАКАРЕНКО Феодосии Яковлевиче и РУДЕНКО Поликарпе Макаровиче, которые на основании имеющихся материалов в Окротделе ГПУ и предложения ГПУ УССР г. Харьков директивой за № 7742 от 21/1-28 года были арестованы 4 марта с[его] г[ода] и привлечены по делу в качестве обвиняемых, как лица систематически занимающиеся антисоветской агитацией, направленной против Соввласти и ее мероприятий. Причем МАКАРЕНКО в 1920 году принимал активное участие в расстреле 5-ти чел[овек] продагентов 21 дивизии в районе с. Ордо-Васильевки Софиевского района. Из показания ряда свидетелей выяснилось, что действительно МАКАРЕНКО и РУДЕНКО принимали активное участие в антисоветской агитации против государственных кампаний проводимых на селе, и что МАКАРЕНКО принимал участие в расстреле 5 чел[овек] продагентов 21 дивизии в 1920 году. Наряду с этим из показания свидетелей усматривается, что МАКАРЕНКО является украинским эсдеком прибывший из эмиграции из Польши на территорию Криворожского Округа, а Руденко бывший монах.

Так, свидетель МИРОШНИЧЕНКО на стр. д. 30 показал: МАКАРЕНКО Феодосия Яковлевича знаю хорошо, он во время оперирования петлюровских банд служил при штабе, а также состоял членом Центральной рады. МАКАРЕНКО боясь преследований за свою петлюровскую деятельность бежал за границу в Польшу, откуда потом вернулся обратно на территорию УССР. В Польше МАКАРЕНКО виделся с комсоставом петлюровской армии ТЮТЮННИКОМ и ПЕТЛЮРОЙ (см. д. 30 и 31).

Свидетель ГОРЕВОЙ на стр. 34 показал, что МАКАРЕНКО Феодосий в 1918 году являлся членом Центральной Рады, расположенной в гор. Киеве, а также состоял в партии УСДРП. МАКАРЕНКО, возвратясь из эмиграции, сообщил ГОРЕВОМУ, что цель его поездки в гор. Варшаву сводилась к тому, чтобы связаться с ПЕТЛЮРОЙ, как МАКАРЕНКО в разговоре с ГОРЕВЫМ ПЕТЛЮРУ называл «Семеном». Находясь в Варшаве МАКАРЕНКО благодаря ПЕТЛЮРЕ имел большую материальную помощь. Находясь на Украине ГОРЕВОЙ знает МАКАРЕНКО с 1919 года, т. к. в том году в с. Андреевка МАКАРЕНКО выступал на общем собрании селян по организации повстанческих отрядов, указывая: «я людина політична, приїхав за кордону для організації повстання», сообщил, что он МАКАРЕНКО является представителем Центральной Рады, с которой имеет связь и вообще непосредственно с ПЕТЛЮРОЙ (см. л. д. 34, 35, 36).

Свидетель ЗЕЗУЛЬ на стр. 81 пояснил, что МАКАРЕНКО Феодосий Яковлевич во время петлюровщины в 1918 году приезжал в Саксагань проводить собрания, как член Центральной Киевской Рады. И в 1923 году, когда МАКАРЕНКО вернулся из Польши, то зашел к ЗЕЗУЛЮ и стал последнему предсказывать о гибели Соввласти, указывая, что ему снился сон о приближении с запада хорошо одетых людей и когда они появились на Украине, то сразу все прояснилось и якобы пришедшие люди восстановят другую власть. Из показания ЗЕЗУЛЯ усматривается, что МАКАРЕНКО имеет письменную связь с закордоном (см. л. д. 79).

Свидетель ПАВЛОВ на стр. 100 сообщил, что в мае м-це 1927 года МАКАРЕНКО Ф. Я. на хуторе Волчанском справлял крестины, где собрал всех бывших гайдамаков и там высказывался так: «что мы теперь имеем большую организацию, которая в любой момент может дать отпор Соввласти, т. е. побъем жидов», как он выражался. После чего в 1920 году МАКАРЕНКО и другие, фамилию коих свидетель не помнит, в с. Ордо-Васильевка расстреляли агентов из Красной Армии, прибывших в с. Ордо-Васильевку по закупке фуража. В то время в Ордо-Васильевке находились повстанцы во главе с МАКАРЕНКО, которые при появлении агентов, поставили последних на ночевку в дер. Марьевку, а после чего ночью приехали, забрав с собой агентов – расстреляли. Указанные сведения вполне подтвердились свидетелем КРАЩЕНКО Григорием на стр. 102, указав, что действительно МАКАРЕНКО принимал участие в расстреле 5-ти агентов, что у МАКАРЕНКО на квартире устраивались крестины, где МАКАРЕНКО указывал, что «у нас организация сильна» и т. д. (см. л. д. 101, 102).

Свидетель ДВОРСКИЙ дал показания, сводимые к тому, что МАКАРЕНКО действительно принимал участие в расстреле 5-ти чел[овек] продагентов (см. л. д. 103 и 104).

Подозреваемый в расстреле 5-ти чел[овек] АГЕЕВ[1] на стр. 111 пояснил, что в расстреле участия он не принимал, т. к. был болен, но о расстреле 5-ти чел[овек] хорошо известно МАКАРЕНКО (см. л. д. 110 и 111).

Произведенный расстрел 5-ти чел[овек] агентов действительно имел место в дер. Марьевке, что подтверждено свидетельскими показаниями свидетелей

[1] *Агеєв Євлампій Іванович (1893–?) із селян-незаможників с. Олексіївка Божедарівського р-ну, українець, освіта середня. У 1918 р. – сотник «Вільного козацтва». На початку 1920 р. – керівник міліції с. Ордо-Василівка. Був заарештований Криворізьким окружним відділом ДПУ у березні 1928 р. по справі Ф. Макаренко, але за давністю часу справу було припинено.*

ВЫБОРНОГО Петра на стр. 106, 107 и КРАВЧЕНКО Михаила, с дома коих были забраны агенты на расстрел (см. л. д. 108 и 109).

Свидетель ФУРГАЛО Александр на стр. 49 указал, что РУДЕНКО Поликарп в 1927 году действительно выступал против перевыборов Сельсоветов на общем собрании селян д. Андреевка с криками «Долой Советы, давай крестьянские союзы и власть народа!». Этот факт также подтвердили свидетели УДЕНКО Захарий стр. 86, КРИВОХАТЬКО Василий стр. 87 и ШВЕД Андрей стр. 89.

Привлеченные к опросу в качестве обвиняемых по настоящему делу МАКАРЕНКО Феодосий и РУДЕНКО Поликарп виновными себя в антисоветской агитации признали. Что же касается расстрела 5-ти чел[овек], то МАКАРЕНКО этот факт отрицает и в свое оправдание поясняют: МАКАРЕНКО, что с момента прибытия с Польши на территорию Украины, т. е. в 1923 году он имел связь с петлюровским настроенным элементом и кулаками, в лице коих рекомендовал себя твердым националистом и ярым петлюровцем. В разговоре на политическую тему о существующем строе в кругу только антисоветского и кулацкого элемента он произносил слова антисоветского характера, сообщая последним, что якобы за границей великий мир говорит, что племя северяне, а именно россияне до которых от природы культура не прививается, они должны остаться дикарями и вот эта та национальность наклала на наш «Рідний Край» лапу. Это он говорил в июле м-це 1924 года в с. Саксагани. В 1927 году в разговоре с антисоветским элементом, как-то: ЦЕПКО, СКЛЯРОМ и ПОГРЕБНЯКОМ, МАКАРЕНКО предсказывал о гибели Соввласти, уверяя последних в том, что он имеет связь с нужными для него, по старой партии, людьми, о которых держит в большом секрете. В январе м-це 1928 года во время объявления закона самообложения МАКАРЕНКО указал, что в числе наших крестьян, обсуждая регламент данного закона, он слышал от последних, что они обижаются на тактику компартии, указывая, что партия в их лице теряет доверие и наряду с этим он сам действительно выступал против закона самооблажения, высказывая свое мнение в этом направлении в лице только кулацкого и антисоветского элемента в целях завоевания авторитета. В 1927 году он справлял крестины, где были бывшие петлюровские участники ЛЕВИЦКИЙ Андрей (сотник) и кулак ЦЕПКО, с которыми вел разговор антисоветского характера. К чему сводился разговор он не помнит. По делу убийства 5-ти чел[овек] продагентов показал, что в 1920 году он действительно был избран Завед[ующим] Земельным Отделом Ордо-Васильевского Исполкома, куда в то время приехали какие-то советские работники, 2 или 3 чел[овек] и была одна женщина. Они попросили квартиру, которую предоставил Начальник Милиции АГЕЕВ. И утром, на другой день, придя на занятия в Волисполком, ему МАКАРЕНКО сообщили, что приехавшие люди убиты Милицией возглавляемой АГЕЕВЫМ и что об убийстве он МАКАРЕНКО сообщил в Верхнеднепровск. Сам же в убийстве участия не принимал.

Свое похождение в Польше пояснил, что в 1921 году – имея свои политические убеждения и порывы к подчинению своей партии УСДРП, а главным образом, боясь репрессии со стороны Советского Правительства за свою прежнюю к[онтр]р[еволюционную] деятельность, т. к. в дни гражданской войны принимал активное участие в повстанческом движении на Екатеринославщине, куда был выдвинут Центральным Комитетом, одновременно являясь членом Центральной

Рады, центр коей был расположен в г. Киеве. Пробравшись в Волынскую губ[ернию], где путем опросов перебежчиков, осведомившись в том, что петлюровские войска должны быть скоро на Украине и что эмигрантам в Польше живется хорошо, решил вместе со своей женой бежать в Польшу. Границу перешел нелегально под Волочиском. Там в Польше в г. Львове, МАКАРЕНКО имел личное свидание с ТЮТЮННИКОМ, которого информировал о политическом состоянии Советской Украины. После чего посоветовавшись с ТЮТЮННИКОМ МАКАРЕНКО направился в ЦК УСДРП, где пытался восстановиться в партии. Но в партию, якобы, восстановлен не был. Находясь в Польше ТЮТЮННИКОМ МАКАРЕНКО приглашался принять участие в налете с его бандой на Украине, отчего МАКАРЕНКО отказался, видя что эмигранты, находящиеся на территории Польши, не изъявили желание на это. В бытность еще на Украине ТЮТЮННИКА, МАКАРЕНКО состоял на службе у него в качестве Зав[едующего] Информ[ационным] Бюро и агитатора. Получив полное разочарование в Польше жизнью украинцев, в 1923 году МАКАРЕНКО пытался пробраться обратно на территорию Украины. Но в мае м-це в первых числах в гор. Остроге вместе со своей женой был арестован польской жандармерией и переброшен на территорию Украины. Это МАКАРЕНКО объяснил тем, что когда узнал об амнистии в СССР и получивши полное разочарование жизнью эмигрантов в Польше, решил бежать на территорию УССР. Но в гор. Остроге был задержан СТАРОСТВОМ и переброшен, по изъявлению желания, на территорию УССР. При аресте МАКАРЕНКО в доме при обыске был обнаружен список членов и кандидатов партии ВКП (б) Пятихатской организации, о котором при опросе МАКАРЕНКО пояснил, что данный список он получил в 1927 году от деловода Пятихатского Райкома ВКП (б) фамилию коего не помнит. Но опрошенный деловод вышеуказанного Райкома РАТУШНЫЙ Иван Власович на ср. 147 указал, что он МАКАРЕНКО списка не передавал, а список хранился в шкафу парткома, куда часто заходил МАКАРЕНКО по неизвестным причинам для РАТУШНОГО. Из чего видно, что указанный список МАКАРЕНКО был взят без ведома служащих Парткома для своих к[онтр]р[еволюционных] целей (см. л. д. 147).

РУДЕНКО: в 1927 году на перевыборном собрании Сельсовета в с. Андреевке я действительно выступал против лишь потому, что меня незаконно лишили права избирательного голоса, т. к. монахом я никогда не был. На собрании я не кричал «Долой Соввласть, да здравствуют крестьянские союзы и власть народа!», а я только сказал «да здравствует хорошее народное дело!» (см. л. д. 39, 40, 41).

Суммируя вышеизложенное, принимая во внимание свидетельские показания, а равно и обвиняемых УСТАНОВИЛ:

Что действительно гр. МАКАРЕНКО Феодосий Яковлевич 52 лет, уроженец с. Головковка Знаменского района Кременчугского Округа, из крестьян, незаможник, украинец, образование низшее, хлебопашец, амнистированный, действительно в 1918 году являлся членом Центральной Рады, расположенной в г. Киеве, состоял в партии УСДРП в 1917 г., во время повстанческих отрядов на Украине, а главным образом на Екатеринославщине, принимал активное и идейное участие в организации повстания. В 1920 году принимал участие в расстреле 5 чел[овек] продагентов 21 дивизии в д. Ордо-Васильевка, а потом, боясь репрессии со стороны Сов[етского] Правительства за к[онтр]р[еволюционные] деяния, в

1921 году вместе со своей семьей бежал в Польшу, перешел границу нелегально. Там, в Польше, лично виделся с ТЮТЮННИКОМ, т. к. у него еще в бытность на Украине служил в качестве Зав[едующего] Информ[ационным] Бюро. При встрече с ТЮТЮННИКОМ он, МАКАРЕНКО, информировал его о политическом положении Сов[етской] Украины, а равно и имел тесную связь с ПЕТЛЮРОЙ в г. Варшаве и что приезд его, МАКАРЕНКО, на территорию Украины есть согласовано с украинскими эмигрантами, находящимися в Польше, а также и Польским Правительством, в целях шпионской работы, т. к. из показания самого МАКАРЕНКО этот факт в полной мере подтверждается (см. л. д. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 74, 75, 76). РУДЕНКО Поликарп Маркович, 38 лет, уроженец д. Алексеевки Божедаровского района, из крестьян, украинца, образования низшего, хлебопашца, в том, что он действительно в 1927 году на общем собрании селян д. Андреевка выступил против перевыборной кампании Сельсоветов с возгласами «Долой Соввласть, да здравствуют крестьянские союзы», чем самым мешал проведению собрания, будируя массу против такового. В результате чего было сорвано собрание.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 204 и отношения ГПУ УССР г. Харьков за № 41764 от 17 апреля 1928 года, – дело передать Криворожскому Окр[ужному] Прокурору для передания обвиняемых МАКАРЕНКО Феодосия Яковлевича и РУДЕНКО Поликарпа Марковича суду: 1-го по ст. 54-4-8-10 УК УССР, а 2-го по ст. 54-10 УК УССР.

Избранную меру пресечения в отношении РУДЕНКО освобождение под подписку о невыезде с места постоянного жительства, оставить в силе, а содержащего ныне под стражей МАКАРЕНКО Феодосия Яковлевича при Крив[орожском] Окр[ужном] Отделе ГПУ перевести для содержания под стражей в ДОПР, зачислив последнего за Крив[орожским] Окр[ужным] Прокурором.

СПРАВКА: Вещественные доказательства: список членов и кандид[атов] партии ВКП (б), пакет с перепиской антисоветского характера, обнаружен[ного] у МАКАРЕНКО.

П/Уполномосенного [підпис] (ЛУПОНОСОВ)

СОГЛАСЕН: Нач[альник] СОО [підпис] (САРАНИН)

УТВЕРЖДАЮ: Нач[альник] КООГПУ [підпис] (КРАУКЛИС)

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 26680, Арк. 163–166. Оригінал, машинопис.

№ 85 Протокол судового засідання кримінального відділу Надзвичайної сесії Криворізького окружного суду по справі Ф.Я. Макаренка

12–13 травня 1928 р.

ПРОТОКОЛ

Судового засідання Кримінального відділку Надзв. Сесії Криворіз. Окрсуду.

1928 року Травня 12–13 дня Надз. Сесія Криворіз. Округовий Суд Кримінально-Судовому відділку в складі:

Головуючого т. Крауклиса

Народні Засідателі т. т. Заяц и Пана

При Секретареві т. Кічаєві

На відкритому Судовому засіданні з участью Прокурора т. Зав[ъ]ялова та Захисника ________________ слухав справу по звинуваченню Макаренко Феодосия по 54-4, 54-8 и 54-10 ст. ст. УК и Руденко Поликарпа по 54-10 ст. УК

Заседание открыто в 16 час. 10 минут дня.

В судебное заседание доставлен из Криворізького Допра подсудимый Макаренко Феодосий, а также явились подсудимый Руденко Поликарп и свидетели Горевой Никита, Фургало Александр, Ралло Кузьма, Павлов Илларион, Кращенко Григорий, Выборный Петр, Кравченко Михайло, Швед Прокофий, Агеев Евлампий. Не з'явился свидетель Гавриленко Григорий, повестка ему не вручена за его выездом неизвестно куда.

Прокурор считает возможным разбор дела без свид[етеля] Гавриленко.

Суд руководствуясь 253 ст. УПК

Определил:

Дело слушанием продолжить при наличии явившихся, огласив в случае надобности показания не явившегося свидетеля Гавриленко.

В порядке 245 ст. УПК председатель удостоверяется в личности подсудимых, которые заявили, что обвинительные акты получили своевременно.

Свидетели в порядке 256 ст. УПК предупреждены об ответственности за ложное показанье по 89 ст. УК после чего удалены в комнаты свидетелей.

Подсудимый Руденко в подтверждение того, что он не виноватый просит допустить дополнительных свидетелей Субойку Дмитра та Фургало. Прокурор не возражает против допуска двух дополнительных свидетелей. Суд определил допустить дополнительными свид[етелями] Субойку и Фургало.

Дополнительные свидетели предупреждены про ответственность по 89 ст. УК за ложные показания и после чего удалены в свидетельскую комнату. Оглашается состав суда. Отводов составу суда не заявлено.

От обвиняемых больше никаких ходотайств не заявлено.

Обвиняемым разъяснены их права и обязанности в судзаседании.

В порядке 259 и 260 ст. ст. УПК оглашается обвинительный акт, и разъясняется суть обвинения. Подсудимые виновными себя не признали.

Суд считает возможным порядок судследствия не изменять, а потому руководствуясь 261 ст. УПК определили: судебное следствие вести в обычном порядке.

Подсудимый Макаренко Феодосий Яковлевич на вопросы председательствующего показал: я членом Центральной рады был избран только рабочими Пролетарского рудника и ездил только два раза на сессию. При Тютюнике я был агитатором, а не завед[ующим] информац[ионным] бюро, в то время, 1918–1919 гг. я был врагом советской власти. Я в 1919 году в мае м-це служил у Тютюника агитатором за самостийну Украину всего один месяц добровольно, т. к. был идейным. Потом я совместно с Романченковой и Мазепой ушел в тыл белой армии на Екатеринославщину, где агитировал население за самостийну Украину. Это продолжалось в течении года, то есть до окончания разгона Петлюры и белой армии красными, при коих я стал служить на советской работе и уже прекратил агитировать за самостийную Украину, т. к. у меня получился политический перелом и очень большой, такой, что я в 1921 году в Верхнеднепровске хотел вступить в компартию. Тогда же я в газете «Телеграфное В[ерхне]днепровское ведом-

ство» заявил, что покончил с Самостийностью Украины, но не знаю, было ли об этом объявлено в газете. Хотя у меня и был политический перелом, но я все же имел надежду на Петлюру, почему я и бежал в Польшу, т. к. решил подождать возможности победы Петлюрой и Тютюником Советскую власть. Тогда, когда я был завземотделом, то предволисполкома был Пещан. Последний был петлюровец по убеждению, но я с ним и другими не участвовал в расстреле 5-ти продармейцев, но все же догадываюсь, что этих продармейцев расстреляла милиция, персонально, кто расстрелял, я сказать не могу, но милиционеры то тогда были настоящие бандиты. Нач[альни]ком милиции тогда был Агеев, последний петлюровцем не был. Я шел с предволисполкома Пещаном по улице, нас остановила какая-то женщина и сказала, что сейчас побиты красноармейцы. Я не знаю, кто убил красноармейцев в числе 5 человек, но я в том подозреваю милицию, бывшую в то время. Я от пережитых ужасов самостоятельно ориентироваться уже не мог и полагал, что Советская власть скоро лопнет, и для этого нелегально перешел в Польшу, чтобы себя немного популизировать. Границу я перешел под Тарновым совместно с женой, когда уже в Польше нас задержали жандармы, то долгое время изучали нас, не шпионы ли мы? А потом отправили во Львов, где я был доставлен к Тютюнику лично. С Тютюнником я говорил, я информировал Тютюнника о положении вещей в Совет[ской] раде. Он не больно этим интересовался, т. к. сказал, что об этом всем уже давно знает. Тютюник уже меня знал, т. к. я у него работал агитатором ранее. После разговора с Тютюником я был направлен в г. Александров, где был зачислен в 4-ю конную дивизию, но работать не мог, т. к. в меня веры не было, все думали, что я шпик коммунистов, а посему я уже стремился куда-нибудь бежать. О том, что за мною следят и что меня хотели направить в концлагерь, в котором помещались немного с большев[ицким] уклоном казаки, мне сказал писарь штаба 4-й кондивизии. Во Львове я не был в ЦК УСДРП, а в Тарнове был в ЦК партии, но последняя меня не приняла к себе, хотя знала меня как старого члена партии, но все же, как давно оторвавшегося, сомневалась.

В Тарнове я встретил одного старого меньшевика, он меня и мою жену пристроил в одном месте на кухне, где я получал с женой 20 000 марок в месяц, но это все меня не устраивало. Я хотел найти себе более обеспечивающую работу материально, а посему решил поехать в Германию, в Гданцен. В Гданцен я приехал, имел всего 5 тысяч марок, уже германских. Искал работу, но германская жандармерия меня оставила в Германии на очень малое время, в силу чего я вернулся в Варшаву – Польшу, где я и жена решили вернуться в Советскую Россию, т. к. читая газеты, видели, что в России хорошо уже живется, а посему в г. Варшаве пошли к советскому полпреду, сказали о своем желании перейти в УССР. Нам разрешили, выдали анкеты и поместили в бараке, где ожидалась и формировалась партия эмигрантов, но так как мы были совсем плохо одеты, то я и жена решили еще немного поработать в лесах, т. к. знали, что в лесах можно заработать. Но этого не свершилось, на работе мы порвали свою последнюю одежду. Тогда решили нелегально перейти границу и попасть в УССР, но этого нам сделать не удалось, нас пограничники Польши задержали, подержали под арестом неделю, а потом перебросили в УССР. При этом мне не было дано Польшей никаких заданий и таковых я бы не выполнил, т. к. Польша на моем сердце лежит тяжелым камнем.

<u>На вопросы члена суда Заяц</u>, подсудимый Макаренко <u>показал</u>:[1] Из Ордо-Васильевки я в 1919 году, в том хаосе, который был, попал в Киев, где встретился с Тютюнником, и, по заданию последнего, поехал на Екатеринославщину, как агитатор, в тыл к белым. Мы очень много организовали восстаний против белых, вплоть до восстания. С оружием я дела не имел. К Махно как анархисту я примкнуть не мог. Я бедняк, по профессии счетовод, окончил народную школу, но я не имел твердых основательных убеждений политических, в силу чего бежал в Польшу.

<u>На вопросы члена суда Пан</u> подсудимый Макаренко <u>показал</u>: впервые я связался с ГПУ в 1923 году в г. Кривом Рогу, но антисоветских выступлений я не делал, было место подражениям с целью выявления настрояния кулаков. Все показания свидетелй про меня о антисоветском моем выступлении ложные. Когда Уполном[оченный] ГПУ Лупоносов спросил меня как я действовал при добывании соответствующих материалов для ГПУ, то я ему заявил, что я подражал тем лицам, от которых добывал материал. Все свидетели лгут если говорят, что я агитировал против совласти. В РИКе около комнаты паркома занимался один писарь. Я попросил у него для домашних потребностей старой бумаги. Он дал. Среди этих бумаг попал список членов КП(б)У и жена моя случайно из среды всех этих бумаг взяла бумажку со списком членов КП(б)У. В эту бумагу она завернула семена от дынь и положила их в сундук. На этот список я обратил внимание уже после слов Упол[номоченного] ГПУ. Мне список членов КП(б)У совсем нужен не был. Тогда я был завсельбудом и всегда бывал в РИКе во всех комнатах райисполкома с. Пятихатки.

Зезулю я знаю, он на меня злой т. к. я его ревизировал и писал про него в ГПУ. С ним я никогда про политику не разговаривал, ему я никакого сна своего никогда не говорил. Это все грубая ложь и больше ничего.

Оглашается 5 минутный перерыв.

Следствие продолжается.

<u>Подсудимый Руденко Поликарп Маркович</u>. На вопросы председательствующего <u>показал</u>: я не вел никогда никакой антисоветской агитации, а наоборот всей душой стою за совласть. В 1927 году в с. Андреевке когда были перевыборы сельсовета выдвинули меня в члены сельсовета, проголосовали и уже выбрали, но какой-то быв[ший] пред[седатель] с[ель]совета подал заявление в выборком, что я бывший монах. Это мне было тяжело слышать, т. к. я до революций служил в монастыре у монахов в 1913 и 1914 годах как батрак, до 1915 года, т. е. до призыва на военную службу. Я на выборах крикнул: «Да здраствует советская власть, это хорошее дело», но после этого поставили мою кандидатуру вновь на голосование и в члены с[ель]совета я не прошел. После этого я говорил народу, что «я не монах и ничего плохого совласти не желаю». Больше ничего антисоветского я на собрании никогда не говорил. С Макаренко я даже не знаком и с ним ничего общего не имел, [но] так, я его знаю. Женился я в 1921 году. Из этого видно, что я не монах. Я жил при монастыре как батрак. Но селяне все время, шутя наверное, считают меня монахом.

<u>Вопросы члена суда Пан.</u> Подсудимый Руденко <u>показал</u>: мне было обидно как быв[шему] красноармейцу отдавшему здоровье совласти, на собрании слышать

---

[1] *Тут і далі – підкреслення в документі.*

что я монах, но я в се же ничего плохого тогда на совласть не кричал перед селянством.

Свидетель Горевой Никита Омельянович, 32 г., б[ес]п[артийный], был под следствием по разбираемому делу, подсудимым посторонен. На вопросы председателя показал: Макаренко я видал и узнал в 1919 г., когда он был с повстанческим отрядом против Деникина. Он выступал и говорил, что он член Центральной рады и что был за границей и специально приехал бороться за самостийную Украину. Об этом он мне сам также говорил.

Потом в 1920 году сам Макаренко мне сказал, что он в Польшу бежал, боясь преследования совласти, что его субсидировал деньгами Петлюра, и что он был в Германии, а потом услышав [про] амнистию, решил перебраться в УССР. Макаренко мне не говорил, что он будет выступать совместно с Тютюником, он также не говорил, что скоро будет война и т. далее. Макаренко ездил по селам и скуплял масло. Конечно, тогда он встречался с зажиточным слоем населения. Масло он возил в Екатеринослав и продавал. С Макаренко о новых повстаннях, о самостийной Украине я не говорил.

Подсудимый Макаренко поясняет, что свидет[ель] Горевой ошибается, если говорит, что я ему говорил в 1919 году, что я приехал из-за границы, когда я говорил, что приехал из Каменец-Подольска.

Свидетель Горевой утверждает, что Макаренко заявлял в 1919 году на собраниях как агитатор, что он «людина политична и приехал с того боку», значит из Варшавы. Ту фразу я хорошо помню, т. к. он ее часто употреблял.

Свидетель Фургала Александр Никифорович 49 лет, б[ес]п[артийный], хлебороб, не судился, подсуд[имому] чужой. На вопросы председателя показал: Макаренко я совсем не знаю, а когда были перевыборы совета то выдвинули кандидатом в члены с[ель]с[овета] Руденко, но кто-то сказал, что он монах, тогда его кандидатуру сняли, и Руденко после этого стал кричать: «Да здравствует крестьянское хорошее дело!», точно сказать слова произнесенные на собрании Руденком я не могу, т. к. был сильный шум, и я их хорошо не разобрал. В селе говорят, что он был монах, а так Руденко в селе ничего плохого не делал и не говорил, он, Руденко в 1918 году был председателем с[ель]совета и очень много потерпел от австрийцев, а также белых.

Свидетель Ралло Кузьма Зиновьевич, 38 лет, канд. КП(б)У не судился, подсудимым пост[ороннее] лицо. На вопросы председателя показал: в 1927 году в нашем сельсовете были перевыборы, кандидатом в члены с[ель]совета был выдвинут Руденко. В конце перевыборов представ[итель] РИКа, сказал «Все хорошо, но одно плохо, что монаха в сельсовет выбрали и за него голосовали». Тогда встал Руденко, стал говорить, что он не враг советской власти, а когда его кандидатура провалилась то он крикнул «Да здраствует...», а дальше его слова я не слышал, т. к. был шум, я от него был далеко. Вообще Руденко был в 1918 году в с[ель]совете и подвергался репрессиям со стороны немцев. Больше я ничего не знаю. Про Макаренко я ничего не знаю.

Свидетель Павлов Иларион Олександрович, 31 год, член ВКП(б) не судился, подсуд[имому] постороннее лицо. На вопросы председателя показал: Руденко я совсем не знаю. Я знаю гр. Макаренко с 1917 года и знаю, что с этого времени он состоял в партии социал-демократов и проводил повстания против Деникина. Когда в 1919 году пришла Красная армия то Макаренко агитировал и против Красной армии, говоря, что не пустим никого на самостийную Украину. Тогда я вышел из повстанческого отряда, а перешел к красным, за это совет повстанцев приговорил нас к расстрелу. Макаренко весь час агитировал за самостоятельную Украину. Когда уже были в нашем селе красные и проходили через наше село красные, то Макаренко вел себя далеко не в сторону красных, т. к. были убиты 5 продагентов, то есть расстреляны. И Макаренко, как политический руководитель села, этому способствовал. Когда расстреливали продагентов, то прострелили одному продагенту портфель с деньгами «тыщами». Деньги были прострелены – имели дырки, и много людей говорили, что эти прострелянные тысячи «бумажками», были у Макаренко. Макаренко мне говорил, что он ездил в Польшу, в Германию искать работу, но я видел из всего, что работу вполне и скорей можно найти в УССР на месте. Макаренко, когда у него были крестьяне, то созвал к себе как гостей ряд кулаков и об чем-то с ними говорил.

Я считаю, что идейное руководство расстрела пяти продармейцев принадлежит Макаренку, как активному политическому. Я не замечал последние годы за Макаренко ничего антисоветского. Макаренко в 1919, 1920 гг. имел связь с Сатаной-Малолеткой[1], Мелешком, Глатковым и другими,[2] среди их всех был высшим политическим руководителем петлюровским Макаренко, и он шел нога в ногу с вооруженными петлюровскими отрядами. Я сейчас же после вступления красных на территорию нашего жительства покинул петлюровские повстанческие отряды.

На вопросы подсуд[имого] Макаренко свид[етель] Павлов показал: когда были расстреляны 5 продармейцев, то в Ордо-Васильевке, тогда была милиция самых петлюровских убеждений, и творила что хотела. Вы говорите, что они были бандиты, но не так давно, на крестинах, у вас один из тех петлюровцев-милицейских работников того времени, был. Вооруженной силой руководил Агеев в полном контакте с вами и даже под вашим руководством. Когда мы откололись от повстанческих петлюровских отрядов, и отошли от вас, то послали к вам своих двух представителей, каковых ваши отряды-курени, расстреляли. Тогда вы были руководителем тех петлюровских отрядов по политической части. Отряды Чирвы и имени батька Махно, работали совместно с петлюров[скими] отрядами в которых [...].[3]

Свидетель Кращенко Григорий Антонович 40 лет, член КП(б)У не утвержден, не судился, счетовод, подсудимым посторонен совершенно. Показал: в 1919 и 1920 году в Ордо-Васильевке была петлюровская рада и за время пребывания в ней Макаренко, Семена Горбача и других еще двух в том числе головы рады Пещана, были расстреляны пять продагентов, после чего совласть часть членов этой рады поймала и расстреляла, а Макаренко удалось скрыться. Это я хорошо помню. Макаренко в то время, т. е. в 1919–1920 гг. был политическим деятелем и руководил совместно с Пещаном на селе всем. Мне селяне, которые были на крестинах у Макаренко и когда они выпили, то Макаренко говорил селянству, что сейчас жидовская власть и что она ничего селянам не дает, а только их грабит. Это было в

1 *Вірогідно мається на увазі Олександр Малолітка (отаман Сатана).*

2 *Так у тексті.*

3 *Текст переривається.*

1927 г. Об этом всем я счел нужным донести в ГПУ. Я помню, что как только ночью расстреляли 5 продагентов то Макаренко, Агеев, Пещан сейчас же скрылись. Но часть их расстреляла соввласть, а Макаренко сбежал и в это село появился спустя год, полтора года. Агеев и сейчас, где-то живет на родине. Рада продармейцев поместила в хате на краю села около балки, и в этой балке продармейцы были побиты. Крестьяне всего села тогда говорили о том, что убийство агентов произвела рада, т. е. Агеев, Пещан, Макаренко и ряд остальных членов рады.

На вопросы подсудимого свидетеля Кращенко показал: Агеев считался сотником и всех остальных членов той 1919 года рады никто не выбирал, а она сама вами была организована. Вы очень дружили с Агеевым и он у вас часто бывал. Об этом я лично хорошо знаю.

Свидетель Агеев Евлампий Иванович, 35 л., б[ес]п[артийный], не судился, подсудимым постороннее лицо. На вопросы председателя показал: с Макаренко я познакомился в 1918 году во время гетманщины и разоружения варты, когда мы боролись против гетмана. Макаренко был в информационном петлюровском бюро. Макаренко разъезжал по селам и агитировал за Украину. Потом он, Макаренко, где-то исчез, а когда началась партизанщина против белых то среди нас опять появился Макаренко, где он уже резко агитировал за самостийную Украину. Сперва мы примкнули к ним, а когда поняли за что агитирует Макаренко и его товарищи, то я, и ряд других товарищей, откололись от Макаренко и ему подобных.

В Ордо-Васильевке я был избран обществом нач[альни]ком милиции из каких соображений я не знаю. Как и кто избрал раду в 1919 году в которой были Макаренко, Пещан и другие я не знаю. Когда были расстрелены или побиты агенты воинских частей то я находился от села в 8 верстах и был больной тифом, и мне уже после Макаренко предложил подписать этот акт на убитых, но я на это не согласился. После убийства 5 продармейцев, Макаренко, Пещан и ряд других скрылись. Я утверждаю, что во время убийства пяти продармейцев я был болен тифом.

На вопрос члена суда Пан свидет[ель] Павлов показал: я точно не помню был ли Агеев в день убийства 5-ти, в с. Ордовке, но хорошо помню что на другой день и дальше, а также за день до убийства 5-ти человек. Агеев разъезжал по селу. Агеев считался в то время как петлюровец и считался как военный руководитель села Ордовки, помощник Пещана. Мы тогда считали что Агеев петлюровец и это подтвердилось при том, когда подходили к селу Ордовки красные, то Агеев ушел с села с петлюровцами, а не остался с нами ждать красных.

Подсудимый Макаренко заявил: я предполагаю, что убийство 5-ти продагентов произвела милиция т. к. у них были простреленные тысячи красных[1], и всю милицию тогда же арестовали и расстреляли, а я в тот момент еще до 1920 г. мая м-ца жил в с. Ордовке.

Свидетель Павлов заявил что Макаренко в с. Ордовке до 1920 г. мая м-ца еще был, но точно этого не утверждаю.

Свидетель Кращенко заявил: селяне говорили, что видали прострелянные деньги в руках у Агеева, и я утверждаю, что Агеевв день убийтсва в с. Ордовке был, а Макаренко после убийства пяти сейчас же в скором времени исчез из села.

[1] *Так у тексті.*

Оголошуеться 5 минутный перерыв.

Судследствие продолжается.

Свидетель Дворский Григорий Семенович 37 лет, канд. КП(б)У с 1928 г., был судим за хранение оружия в 1923 г., осужден на месяцах принуд. Работ, подсудимым не родственник. На вопросы председательствующего показал: Макаренко был головою рады тогда, когда были побиты пять продармейцев. В волраде тогда была главная тройка – Макаренко, Пещан и Волдарский. Они трое руководили петлюровским движением. Я в то время принадлежал к партии большевиков т. к. откололся от партии Макаренко ибо он и его товарищи нападали на красных, мы это замечали. Макаренко после того как были убиты продагенты предлагал нам присоединиться к его партии и отряду, мы не согласились. После убийства продармейцев – рада Макаренко, Пещан и другие сразу же куда-то разбежались, приблизительно около месяца Макаренко пробыл в Ордовке после убийства пяти продармейцев.

На вопросы подсудимого свидетель Дворский показал: я не помню, что бы вы в 1920 году были еще в Ордовке, а помню, что вы сейчас же после убийства пяти, скрылись. Когда уже подходили красные войска, а петлюровские отряды в которых мы были против белых, были также против красных за самостийность, то нас ряд товарищей отделилось от Вас, а вы пошли с теми сначала, а потом вернулись в с. Ордовку и основали раду. Я знаю, что вы участвовали в какой-то нараде в Сатаной, про что вы совещались я не знаю. Я знаю то, что в раде главными были Макаренко и Пещан, кто их, а также остальных членов рады выбирал, я не знаю. Ваш петлюровский отряд расстрелял 2-х наших хлопцев, которые были с коммунистическим уклоном. Вы были самый главный политический руководитель петлюровского характера, боев вы боялись т. к. вы были трусливый на драку. Я помню когда наш отряд хотел взорвать мост под Эрастовко, то вы говорили в своей речи, что моста взрывать ненадо, т. к. через короткое время приедет батько Петлюра. Весь час Макаренко агитировал за самостийную Украину. Про Руденко я ничего не знаю.

Свидетель Выборный Петр Леонтьевич 38 лет, безпартийный, судился за кражу муки в 1921 году, сидел 1 м-ц как наказание, неграмотный, на вопросы пред-сед[ателя] показал: в моей квартире в 1919 году помещались один красноармеец с женой, а у соседа Кравченко, поместились еще 3 или 4 продармейца. К нам на квартиру их поместила рада. Вечером я был на сходке, потом сел играть в карты, как ко мне прибежали дети и сказали, что иди домой т. к. красноармейцев кто-то забирает, когда я подошел к дому, то меня встретил на дворе неизвестный в плаще с оружием в руках. В дом меня не впустили, после, когда продармейцев увели, я вошел в дом, то мой батько и мать мне рассказывали, что вошли какие-то люди, приказали отвернуться, а сами под угрозой оружия забрали спящих красноармейцев трех и двух их жен, отвели в балку, где их побили. На другой день я даже по мобилизации убитых пять человек закапывал. Я Макаренко совсем не знаю, т. е. знаю, но кем он был я не знаю. Я ни в какой организации никогда не был. Руденко я совсем не знаю.

Свидетель Кравченко Михаил Сазонович, 48 лет, канд. КП(б)У с 1926 г., не судился, подсуд[имым] чужой. На вопросы председат[еля] показал: Руденко я совсем не знаю. Когда у нас в 1919 году не было Красной армии то Макаренко,

Пещан и другие организовали раду петлюровскую. Эту петлюровскую раду никто не выбирал. Я был дома в клуне, во двор въехал верховой, привез двух мужчин и одну женщину и сказал, что они поставлены у меня на квартире. Я с ними побалакал, они попросили чаю согреть, жена это все сделала, они поужинали и легли спать. Как в хату ворвались трое из них я узнал Самоила и Горбенко они крикнули: «Руки вверх! Ни сместа! Одевайтесь, идемте до штаба батька Махно!». У продармейцев была одна винтовка, их застали в расплох. Они оделись и их всех моих квартирантов, а также еще двух квартирантов продармейцев живших у моего соседа на квартире. Всего пять человек в балке расстреляли. Кем был Самоил и Горбенко я не знаю, они были вооруженные, но они действовали как от рады, в которой были Макаренко и Пещан. Они являлись милиционерами. После убийства 5-ти продармейцев, сейчас же скоро рада куда-то скрылась, а милиция была арестована и где-то в К[ривом] Року расстреляна. Про антисоветскую деятельность Макаренко за последнее время я не знаю совсем.

Свидетель Швед Прохор Корниевич 24 года, член КП(б)У с 1927 г., не судим, подсудимым посторонен. На вопросы председателя показал: Макаренко знаю, как Макаренко видал его, но про него я ничего антисоветского не знаю. А когда были перевыборы сельсовета и была выдвинута кандидатура Руденко, то быв[ший] пред[седатель] сельсовета сказал, что Руденко был монахом, после чего поднялся шум. Руденко обиделся, что его назвали монахом. Он стал говорить, что много сделал для советской власти, а потом крикнул: «Да здравствует народ!». За Руденко в селе я ничего антисоветского не замечал. Я не слыхал, что бы Руденко кричал «Да здравствует крестьянский союз!». Больше я ничего совершенно не знаю. Подсудимый Макаренко просит спросить свидетеля Дворского, который сейчас живет с ним рядом в подтверждение того, что антисоветской пропаганды не вел.

Свидетель Дворский заявил, что мне как коммунисту вообще, Макаренко ничего не мог говорить антисоветского.

Вопросы председат[ельствующего] подсудимый Макаренко показал: из Польши в УССР я приехал в 1921 году, а амнистироваться я явился в Киевское ГПУ в 1923 году. Я все время полагал, что меня как члена центральной рады убьют. Из Польши я был переброшен в гор. Славута, а потом направлен в Шепетовку. Я повторяю, что я к убийству 5 продагентов не имею никакого отношения.

Прокурор считает излишним допрашивать допущенных 2-х свидетелей т. к. дело в достаточной мере выяснено.

Суд руководствуясь 282 ст. УПК определил: от допроса свидетелей Субойко Дмитрия и Фургало отказаться.

В 12 часов ночи суд объявляет перерыв до 9 часов утра 13.05.28 г.

13.05.28 г. судследствие объявлено продолжающимся в 10 часов утра. Прокурор считает все по делу выясненным и никаких вопросов не имеет.

Подсудимые Макаренко и Руденко судебное следствие дополнить больше ничем не имееют. Суд на основании 281 ст. УПК оглашает судебное следствие оконченным.

Прокурор считает доказанным преступление в отношении Макаренко, предусмотренное 54-4-10 ст. ст. УК в отношении же подс[удимого] Руденко не усматривает состава преступления предусмотренного 54-10 ст. УК, а посему его считает возможным оправдать.

В порядке 287 ст. УПК подсудимому Макаренко та Руденко представлено последнее слово.

Подсудимый Макаренко в последнем слове указал, что послениe годы он всецело стоял за совватсь. В Польшу бежал в силу большого политического перелома. Все время стоял за самостоятельную Украину, но никогда оружие в руках не держал. В расстреле 5 продагентов никакого участия не принимал.

Подсудимый Руденко в останний промове просил об оправдании, т. к. наоборот, всей душой был и есть за советскую власть.

13 час. 40 минут дня Суд пошел на совещание в совещательную комнату, по возвращению с таковой, председательствующий огласил в зале суда приговор публично с разъяснением срока и порядка обжалования указанного в положении о Чрезвычайных сессиях.

15 час. 40 минут дня судзаседание объявлено оконченным.

Головующий [підпис]

Секретарь [підпис]

АП УСБУ в ДО Ф. 5. Оп. 1. Спр. 26680. Арк. 203–214. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 86 Висновок у справі Ф.Я. Макаренка

7 квітня 1994 р.

«УТВЕРЖДАЮ»
Прокурор Днепропетровской области
Государственный советник юстиции
2 класса
[підпис] Г.Т. Ворсинов
7 апреля 1994 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ № 26680/со
в отношении Макаренко Феодосий Яковлевич
(фамилия, инициалы)
по материалам уголовного дела (арх. № 26680)

Фамилия, имя и отчество Макаренко Феодосий Яковлевич
День Рождения 1876
Место рождения с. Головковка Кременчугского округа
Место работы и должность до ареста хлебороб
Место жительства до ареста пос. Каменный Кут Пятихатского района Днепропетровского округа .

Когда, каким органом, по каким статьям УК был осужден (репрессирован), в чем признан виновным, изменялось ли решение по делу и как: 13 мая 1928 года Криворожским окружным судом по ст. 54-4 и 54-10 УК УССР был осужден к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией, без конфискации имущества, с поражением в правах на 3 года и на основании ст. 33 УК УССР к 3 годам высылки за пределы Украины после отбытия срока наказания .

Он обвинялся в том, что в период Гражданской войны принимал активное участие в Петлюровском движении в 1918–1919 годах, направленном против Советской власти на Криворожье, до момента ареста поддерживал связь с антисоветскими элементами, враждебно относился к мероприятиям, проводимым Советской властью.

Определением чрезвычайной сессией Криворожского суда от августа 1928 года приговор в отношении Макаренко изменен: высылка за пределы Украины на 5 лет заменена высылкой за пределы Криворожского округа на тот же срок.

8 декабря 1928 года по Определению Днепропетровского окружного суда был условно досрочно освобожден.

Из имеющихся в уголовном деле материалов не усматривается практическая подрывная деятельность Макаренко Ф.Я. против советской власти во время пребывания в Польше и Германии, в 1919–1920 гг. являлся политическим руководителем одного из партизанских отрядов, входивших в состав Красной Армии (л. д. 34–35, 38–39, 216).

Арестован «4» марта 1928 г. Освобожден «28» декабря 1928 г.

Содержался под стражей, в местах лишения свободы, на принудительном лечении (ненужное вычеркнуть):

_______лет 9 месяцев 24 дней

Находился в ссылке _______ лет _______ месяцев _______ дней

Данные о репрессированном или его родственниках: Родственники Макаренко не установлены.

На Макаренко Феодосия Яковлевича .

Распространяется действие ст. 1 Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года в связи с отсутствием в материалах дела совокупности доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности по ст. 54-4 УК УССР .

Начальник следственного отдела
УСБ Украины по Днепропетровской области
полковник юстиции [підпис] А.А. Хрипков
Старший помощник прокурора Днепропетровской области
советник юстиции [підпис] В.П. Караваев
7 апреля 1994 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: справка о реабилитации ______________________________
(фамилия, инициалы)

«____» __________ 1991 года направлена

АП УСБУ в ДО Ф. 5. Оп. 1. Спр. 26680. Арк. 244–244 зв. Оригінал, машинопис на бланку.

МАТВІЄНКО Федір Гаврилович

(?–1921)

Український повстанський отаман, організатор і керівник Самарського куреня Вільного козацтва (1918–1920 рр.). Із селян с. Перещепине Новомосковського повіту, повстанський отаман (1919–1921 рр.). Учасник Першої світової війни.

У червні 1920 р. при спробі арешту Федір Матвієнко очолив повстання проти червоного режиму. Загін отамана Матвієнка був частиною Новомосковського повстанського коша (отаман Ілля Черненко), оперував на території Новомосковського повіту Катеринославської губернії з центрами у с. Перещепино та с. Царичанка Кобеляцького повіту Полтавської губернії. До складу загону отамана Матвієнка входили загони сотників (отаманів) П. Красиля-Самарського, О. Пасічного, А. Левенця, Гаркавенко та ін. Неодноразово об'єднувався для проведення спільних операцій з загоном отамана А. Левченко.

У своїй діяльності Ф. Матвієнко широко використовував методи агітації, масових зборів. Інформаційні звіти чекістів за 1920 р. неодноразово вказували на високий авторитет Матвієнка у селян, що дозволяло йому швидко відновлювати свої сили і завдавати нових ударів [1, арк. 79 зв.]. У листопаді 1920 р. загін нараховував 400 чол., переважно піхоти, мав шість кулеметів [2, арк. 40–41]. Із слідчих справ повстанців загону Матвієнка видно, що в цей час планувався наступ на м. Новомосковськ. Загинув від руки амністованого повстанця.

Бібліографічні посилання:

1. ДАДО. Ф. П-6, оп.1, спр. 38, арк. 79 зв.
2. ДАДО. Ф. П-1, оп. 1 додатковий, спр. 6.

№ 87 Протокол у справі заарештованого Ф.Г. Матвієнка

5 червня 1920 р.

Протокол
арестованного гр. С. Перещепино, Новомосковского уезда
Екатер[инославской] губ. Федора Гавриловича Матвиенко

1920 года июня 5-го дня разведка в числе 4 человек арестовала Федора Матвиенко, подозревая, что будто бы он принимал участие в расклеивании афиши. Он виновным себя не признает. При аресте сделали пристальный обыск, где нашли: 1) записная книжка со всевозможными записями, 2) записная книжка с документами, 3) 2 фотографические карточки, 4) протокол заседания комитета 97-го обозного батальона, 5) объявление, чтобы сделать «загальне зібрання товариства Просвіта», 6) записная книжка с печатью «Вільного козачества», 7) записная книжка уполномоченного отдела губернского комиссара Гвоздикова, 8) погоны 19-го сибирского стрелкового полка, 9) политическая литература: легальные и нелегальные брошюры.

Во время обыска он стоял в сенях и читал книгу «Рідну мову».[1]

Арестовали гр. Федора Матвиенко на основании (прошлого), т. е., он был в петлюровской организации в с. Перещепино в 1918 году в «Вільном казачестве»

[1] *Імовірно, йдеться про видання Огієнко І. Рідна мова в українській школі. Київ: Вид-во книгарні Е. Череповського; Друк. «І. Чоколов», 1917. 31 с.*

с. Перещепино, в 1919 г. был в Перещепинской самоохране до прибытия Бибики и Крючковского, и Иванченко. Один из этих отрядов, Крючковский, предложил идти вместе с ним, они отказались, и он их обезоружил, вторично обезоружил [их] отряд Иванченко. Эти показания дал гр. Матвиенко. Дал устно. Начальник самоохраны был Матвиенко. Вторично напоминается на основании вышеуказанного, что гр[ажданин] Матвиенко арестован, как подозрительное лицо.

Гр. Матвиенко заявил, что больше показывать не может, признает действительным и правдивым это показание в чем и подписывается.

[підпис Матвієнка]

Постановила:

На основании сего материала, как-то: его слова, брошюры, некоторые записки и документы и т. п., постановили отправить его в Ваше распоряжение.

Основание ареста – прокламация контрреволюционного характера.

В чем подписываемся разведка: [підписи] О. Титаренко, И. Котов, Н. Дитяшев, П. Хижняк.

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 38–38 зв. Оригінал, рукопис.

№ 88 Підписка керівника комуністичної організації с. Перещепино М. Дитяшева

5 червня 1920 р.

1920 года, июня 6 дня нов[ого] ст[иля] я, нижеподписавшийся, добровольно даю эту подписку в том, что сего числа я был арестован Перещепинским обществом за неправильные мои действия и бесчинства во время состояния в должности председателя комячейки, заключающемся в неправильном арестовании некоторых лиц, в том числе и Федора Матвиенко. Имеющееся при мне оружие сдано мною добровольно. О том, что неправильно действовал, я сознаю и перед обществом клянусь, что от обязанностей председателя комячейки отказываюсь, в течении 2-х лет с Перещепина не выезжать, ни в каких партиях и организациях не состоять, и никого никому никогда не выдавать, и не обвинять.

[підпис Дитяшева]

Брата моего Николая Дитяшева под свое поручительство беру я и на случай каких либо его отступлений от данной подписки, отвечаю я.

Фельдшер А. Дитяшев [підпис]

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 17. Оригінал, рукопис.

№ 89 Протокол допиту членів Перещепинського волосного виконкому

11 червня 1920 р.

Протокол № 1

11 июня 1920 года с. Перещепино.

Я, член Новомосковского уездного исполнительного комитета И.Л. Турченко в присутствии уполномоченного уезд[ного] опер[ативного] штаба особых поручений тов. Молибоги и представителя Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии тов. Щетинина, составил настоящий протокол, опрашивая секретаря Перещепинской Комячейки тов. Котова Ивана Никитовича – 18 лет от роду, который показал:

6 июня в 3 часа дня препроводил арестованного Федора Матвиенко в с. Губиниху, между Голубовкой и Перещепино, из хлева выскочившие вооруженные крестьяне с. Перещепино дали несколько залпов вверх приближаясь к подводе на которой был арестованный, обезоружив 2 милиционеров, освободили арестованного Матвиенко. Я же с председателем каменской комячейки Дитяшевым, секретарем Губинихской комячейки Хижняком и милиционером 8 района Титаренко, после некоторого обстрела нападавших на арестованного, поворотили лошадей и направились обратно в с. Перещепино. Подъехав к волости, где был созван сход, просили переменить лошадей, но тут нашу подводу окружили, заявив, за что арестовали нашего діяча Матвиенко и что лошадей мы Вам не дадим. Нам пришлось выбраться из толпы, подъехать к милиции, куда через некоторое время приехал заведующий отделом управления Перещепинского волисполкома, и Волагент, которые заявили Дитяшеву, что его требует сход для личных переговоров. Тов. Дитяшева мы уговорили и не советовали ехать, но заведующий отделом управления и Волагент настойчиво требовали, чтобы тов. Дитяшев уехал на сход. По уезду тов. Дитяшев вместе с тов. Хижняком отправился на телефонную станцию, чтобы сообщить случившееся в Уездоперштаб, но оказалось провода были порваны, телеграфный провод тоже порван. Тов. Дитяшев продолжительное время не являлся, и я не был уверен, что толпа, находящаяся на сходе, устроит над ним самосуд, что могло ожидать и меня, так как будучи на сходе, окруженные толпой я слышал, что сход был возмущен мобилизацией возгласами «Жидам и коммунистам дадши лучших своіх козаків» и тут же на моих глазах был изорван портрет «тов. Ленина», мы уехали через лес в Конградский уезд, т. к. уже по дороге двигалась вооруженная толпа, чтобы было дальше я не знаю. В чем и расписываюсь [підпис] И. Котов.

Показание тов. И. Котова подтверждаю, и нового добавить не можем, в чем и расписываемся [підпис] П. Хижняк

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 3–3 зв., 9–9 зв. Оригінал, рукопис.

№ 90 Протокол допиту членів Перещепинського волосного виконкому

11 червня 1920 р.

Протокол № 2

11 июня 1920 года с. Перещепино.

Я, член Новомосковского уездного исполнительного комитета И.Л. Турченко в присутствии уполномоченного уезд[ного] опер[ативного] штаба особых поручений тов. Молибоги и представителя Екатериносл]авской] Губчека тов. Щетинина, составил настоящий протокол, опрашивая членов Перещепинского Волисполкома, которые показали нижеследующее:

Секретарь исполкома тов. Сабадир Дмитрий Иванович, 33 лет от роду, показал: 6 июня по отъезду Голубовских милиционеров, сопровождавших арестован-

ного Матвиенко, и тов. Дитяшева, Хижняка и Котова приступили было военруком к поверке военнообязанных для явки на сборный пункт по мобилизации. Через короткое время после уезда тов. Дитяшева и др., все они возвратились к волости взволнованные и заявили, что их встретили по дороге на Голубовку неизвестная банда и обстреляла. Тов. Дитяшев приказал всем членам исполкома быть на месте службы и никуда не отлучаться, а сам уехал в центр села. По уезду тов. Дитяшева поверка прекратилась и сход начал требовать, чтобы для личных переговоров явился тов. Дитяшев для выяснения причин ареста Матвиенко, куда он отправлен и где делся. Кого сход уполномочил взять Дитяшева и как он прибыл, я не знаю, т. к. в то время был в канцелярии. Когда же я услышал голос Дитяшева, я вышел на крыльцо к сходу и слышал. Дитяшев объяснил, что Матвиенко арестовали лишь за все прошлое, что он в 1918 году был в петлюровской организации. Тов. Матвиенко будет освобожден по допросу его в с. Губинихе, так предполагалось. Арест его был в связи с вывешиванием наказа от петлюровской организации против предстоящей мобилизации и Советской власти. Сход в один голос кричал: «дай нашого діяча Матвієнко», тов. Дитяшев ответил: «Я Вам объяснил, за что арестован, куда отправлен Матвиенко». После этого сход потребовал от Дитяшева сдать оружие. При этом Дитяшев снял винтовку и револьвер, сложил таковые на трибуну. В это время я услышал из канцелярии выстрел и народ начал разбегаться, остался Дитяшев и член волисполкома Козин. Кто стрелял я не знаю, но видел, что вооруженными явились Васильков Евгений и Матвиенко Федор[1]. Матвиенко стал кричать: «Не розбігайтесь брати-товариші!». Сход обратно сошелся и Матвиенко выступил с речью на тему мобилизации, о том, что мобилизация лопнула и никуда не идти. Тут же потребовал ареста Дитяшева, которого отправили в кордегардию как коммуниста. После некоторого отсутствия моего домой, я возвратился думая, что сход разошелся, но сход продолжался. В это время Матвиенко спросил [у] схода, как быть с Дитяшевым, сход сказал, чтобы его вывели на трибуну. Т[ов]. Дитяшев был выведен и начал под стражей проситься о помиловании. Бондар, заведующий отд[елом] управления, сам просил сход освободить тов. Дитяшева. Им же был поставлен вопрос на голосование и большинством голосов он был освобожден, но от него потребовали подписку о том, что он все это делал неправильно, и что не будет никого обвинять и выдавать, а также не должен состоять в партии коммунистов-большевиков. При этом Матвиенко вынес потрет тов. Ленина и на глазах всех изорвал. После этого тов. Дитяшев вместе с Матвиенко и Васильком зашел в исполком и приказал мне написать от него подписку. Под диктовку Матвиенко, мною была написана подписка и тов. Дитяшев таковую подписал, подписку взял Матвиенко, но потом оставил в волисполкоме. После этого все разошлись. Утром 7 июня мною была передана телефонограмма [в] Новомосковский упарком о случившемся 6 июня, в чем и подписываюсь.

[підпис] Дмитро Сабадира

Председатель Перещепинского волостного исполкома тов. Пустовой Иван Михайлович, 49 лет от роду, показал, что по отъезду 2 милиционеров с Голубовки с (двумя) арестованным Матвиенко для сопровождения такового в Губиниху и по отъезду тов. Дитяшева, Хижняка, Котова и Титаренко, мною было открыто

[1] *Тут і далі – підкреслення в документі.*

собрание, созванное по инициативе меня и председателя Перещепинской ячейки т. Дитяшева для объяснения по поводу мобилизации, государственной разверстки и других государственных и общественных вопросов. Через короткое время тов. Дитяшев, Хижняк, Титаренко и Котов возвратились обратно, взволнованные и заявили, что их по дороге на Голубовку встретила неизвестная банда и обстреляла. Тов. Дитяшев потребовал от нас лошади, но сход лошадей дать не разрешил и требовал ответа, за что арестовали Матвиенко, куда его девали и потребовали тов. Дитяшева на личное объяснение, для чего уполномочила привести Дитяшева, заведующего отделом управления тов. Бондаря и волагента Науменко А.А. Когда тов. Дитяшев явился на сход, объяснил, что Матвиенко арестован за все прошлое, так как он в 1918 году был в организации петлюровской, а также за то, что он вывешивал наказ против предстоящей мобилизации и советской власти. Сход предложил мне обезоружить тов. Дитяшева, но я отказался и заявил, что это не законно и не имею права. Тогда сход сам предложил тов. Дитяшеву сдать оружие. Тов. Дитяшев положил тут же на трибуну винтовку и револьвер. Когда тов. Дитяшев сдал оружие, сейчас [же] получился один выстрел, кто стрелял я не знаю, но видел с оружием тов. Василькова. После выстрела сход начал разбегаться, но потом начал обратно сходиться, но по чьей инициативе он обратно собрался, я не знаю, так как ушел в помещение волисполкома. Тов. Дитяшев под страхом начал проситься о помиловании и сход большинством голосов постановил освободить тов. Дитяшева, но потребовал от него подписку о том, что он, находясь в должности председателя ячейки, делал неправильно, а также незаконно арестовал тов. Матвиенко и что он будет жить в Перещепино 2 года и никуда не выезжать, а также не должен состоять ни в какой партии. Тов. Дитяшев выдал такого рода подписку. Кто порвал портрет тов. Ленина я не знаю, в чем расписываюсь [підпис Івана Пустового]

Заведывающий отделом Управления Перещепинского Волостного исполкома тов. Бондарь Антон Васильевич – 49 лет от роду, показание председателя исполкома тов. Пустового подтвердил и заявил, что больше ничего показать не может, в чем и расписываюсь.

[підпис] Антон Бондар

Товарищ председателя Перещепинского волостного исполкома тов. Шкиренко Афанасий Дмитриевич – 47 лет от роду показал, что на сходе не был так как в то время ездил в лес по общественному делу, когда я возвратился из лесу, то уже схода не было. Я все-таки отправился в исполком и по дороге на базарной площади меня встретил тов. Васильковка, который вскричал: «Стой! Руки вверх», и меня обыскал спросил где отрез, я ответил, что отрез в Волисполкоме. Васильков отправился со мной и взял у меня два отреза без патронов и выдал расписку, в чем и расписываюсь.

[підпис] Афанасий Шкиренко

Старший милиционер Перещепинской волости тов. Коваль Яков Ефимович – 33 лет от роду, показал, что он не знает причины ареста Матвиенко. Видел, когда Матвиенко отправляла в Голубовку для сопровождения в с. Губиниху. Через некоторое время я увидел тов. Дитяшева, Котова, Хижняка и Титаренко взволнованных и объяснил, что их по дороге на Голубовку обстреляла неизвестная

банда и участи милиционеров, сопровождавших арестованного не [...][1]. Когда тов. [...][2] возвратились, то возле здания волисполкома еще был сход. Тов. Дитяшева попросили, вернее сказать потребовали, через заведывающего отделом управления и Волагента. Спустя немного времени я увидел на трибуне тов. Дитяшева, который объяснил. Что он арестовал тов. Матвеенко т. к. таковой был в петлюровской организации в 1918 г. и запидозрою в вывешивании афиш наказа против мобилизации и советской власти. Сход потребовал от тов. Дитяшева сдать оружие, и тов. Дитяшев таковое сдал. После сдачи оружия получился выстрел, и я увидел вооруженного тов. Матвиенко, кто выстрелил не видел. После выстрела из схода я ушел, и дальнейшего ничего не знаю и показать ничего не могу в чем и расписываюсь. [підпис] Яков Коваль

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 3–9 зв. Оригінал, рукопис.

№ 91 Протокол зборів громадян Перещепинської сільської громади

13 червня 1920 р.

Протокол № 19 собрания граждан Перещепинского сельского общества, на собрании было 700 человек, 1920 года 13 июня нов[ого] ст[иля]. Председателем собрания единогласно избран тов. Нехай М.С. Секретарем – тов. Суродарий И.Д. Где слушали: читанного нам извещения члена Новомосковского уездного исполкома от 11 июня 1920 года за № 1 тов. Турченко о том, что 11 июня с/г. из с. Перещепино им взято 15 человек заложников, которые будут сидеть до 20 июня и если до этого времени не будут представлены в гор. Новомосковск, отдел управления, Евгений Васильков, Федор Матвиенко, Федор и Петр Дузь, и Михаил Маласай, то заложники ровно в 12 часов дня по новейшему времени 20 июня, будут расстреляны, как враги рабоче-крестьянской власти. Село же Перещепино будет объявлено контрреволюционным и записано на черную доску и лишено всех гражданских прав и преимущества на продолжительный срок, по выслушании чего, принимая во внимание, что обвиняемых Васильева, Матвиенко, Петра Дузь и Маласая в с. Перещепино нет и общество сведений о том, где они находятся, не имеет, почему мы поручаем нашей местной волостной милиции при появлении последних, принять над ними надлежащие меры, причем из числа обвиняемых Василькова мы совершенно не знаем, к числу граждан Перещепинской волости он не принадлежит, а как оказалось, проживал в с. Перещепино временно, почему мы от него совершенно отказываемся. Обвиняемый же, Федор Дузь, больной и лежит в постели с декабря месяца прошлого 1919 года. Потому постановили:

1. Просим Новомосковский уездисполком снять с с. Перещепино неожиданно павшее на него черное пятно из-за отдельных личностей, так как с. Перещепино всегда было и есть революционное, шло на встречу Советской власти и активно принимает участие в строительстве рабоче-крестьянской власти.

2. Просим уездисполком освободить из-под ареста наших селян: Пырценка Ивана, Матвиенко Кондрата, Кривка Яков, Маласай Акелина, Сачава Александр, Токарь Карп, Ермоленко Поликарп, Маласай Трофим, Сущенко Тихон, Тертычиный Яков, Ткач Иван, Третьяк Василий, Корниевский Иван и Максим Внахур, взятых как заложники, которые совершенно ни в чем не виновны против Советской власти никогда совершенно не выступали.

3. Из числа заложников, Александр Сачава с декабря м[еся]ца 1919 года лежал больной, как парализованный, лечился на дому в Новомосковске и Екатеринославе, а потому общественных и других собраний не посещал и ни в каких политических деяниях участия не принимал.

4. Обвиняемый Тарас Чуприна 45 лет со времени революции и по настоящее время никогда в общественных собраниях не был, против Советской власти не выступал, почему в написании якобы им наказа от имени 1-го Украинского повстанческого куреня с призывом о неподчинении приказу о мобилизации мы не допускаем мысли и ручаемся, что он не мог писать этого наказа, как незаинтересован[ный] ни политически ни по семейным обстоятельствам, что же касается украинского флага, то таковой был заготовлен обществом «Просвита») к празднику в память Шевченко, хранился у арестованного Чуприны, а в сельскохозяйственном доме, при библиотеке «Просвиты».

5. Портрет же тов. Ленина изорван был без согласия общества Федором Матвиенко.

Для подачи настоящего протокола и ходатайства мы делегируем граждан Мина Петровича Козицина и Ефим[а] Яковлевича Ковалевского.

В чем и подписываемся. (подписи).

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 92. Арк. 30–32 зв. Оригінал, рукопис.

№ 92 Протокол допиту обвинуваченого Т.Е. Чуприни

16 лютого 1930 р.

Протокол допроса

1930 г. февраля м-ца «16» дня. Уполномоченный Днепропетр[овского] отд. ГПУ УССР Азарной допросив ниженазванного гр. Чуприну в качестве обвиняемого, который показал:

Имя, отчество, фамилия: Чуприна Тарас Елизарович .

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

Родився в с. Козирщені Котівського району в 1876 року 25 лютого. [У] 13 років пішов працювати по найму в с. Перещепино до Сочави Е. А. в якого прослужив до 1907 року. Потім до 1914 року торгував лісом пиляним. З 1915 року поступив на Катерининську залізницю ремонтним робочим до 1918-го року. З того часу живу в Перещепині, займався хліборобством і олійницею по [19]27 рік. З [19]27 року по [19]29 був за продавця лісу в перещепинській с[ільській] кооперації, до 1-го жовтня 1929 року. 1930 року 7 лютого був затриманий. При задержані взято петлюрівську літературу 1 штуку, 20 срібних монет старої чеканки. Потім виїхав через перещепинську станцію до Дніпропетровська до Бупра. Тепер землі пахотної немає, за виключенням садиби мірою 53 сот. Майна немає ніякого. Був за голову

[1] *Нерозбірливе слово.*

[2] *Нерозбірливе слово.*

українського артистичного товариства Просвіта, завідував бібліотекою, ставили спектаклі. Просвіта ліквідована в 1920 році. З Матвієнком зв'язок мав тільки по просвітнім ділам в тому підписуюсь [підпис] Т. Чуприна

Допросил: [підпис]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9482. Арк. 10–10 зв. Оригінал, рукопис.

№ 93 Додаткові покази обвинуваченого Т.Е. Чуприни

17 лютого 1930 р.

Дополнительные показания

обвиняемого Чуприны Тараса Елизаровича от 17.02. 1930 г.

Примерно в 1908 или 1909 году мною в с. Перещепино была организована «Просвита». Натолкнул меня на организацию Симеренко Виталий, кажется, Михайлович, который в то время был в с. Перещепино страхагентом. Где он сейчас я не знаю. Брали со мной участие в организации Самойленко Виталий Михайлович, это тот, который вы указали Симеренко, Глущенко Иван Филиппович, убитый в с. Петриковке, Какамбо Иван Гаврилович, живет где-то в Донбассе и я. Председателем «Просвиты» был я, с начала организации до [19]15-го года. Потом я уехал в Гришино, где пробыл до [19]17 года, потом вернулся и был опять председателем. В 1920 году наша «Просвіта» была распущена. В 1918 году наша «Просвита» проводила следующую работу: ставила спектакли, т. е проводила культурно-просветительную работу, а также проводила работу по организации «Вильного казачества»[1]. Во время пребывания немцев и гетманцев, я ездил в Магдалиновку, где стояли немецкие войска и подал прошение, чтобы они взыскали из гр-н с. Козырщины деньги за вырубку моего леса. Не знаю, что немцы предприняли, но через некоторое время крестьяне с. Козырщины привезли мне 34000 руб. денег. Выдачей красноармейцев или вообще крестьян немецким войскам я не занимался. Агитация нашей «Просвиты» за организацию «Вильного казачества» имело успех и в нашем селе было организовано «Вильное казачество», атаманом которого был Матвиенко Федор. Организовалось оно у нас, кажется, в 1918 году. В общем могу сказать, что наша «Просвита» в период [19]18–19[20] г. проводила чисто национально-петлюровскую работу, ставила своей целью самостийную Украину. Я в то время был председателем «Просвиты». Активного участия в организации «Вильного казачества» я не брал. Когда у нас было организовано «Вильное казачество», я поехал в Н[ижне]днепровск, в отряд «Вильного казачества» Сторубля, получил у него сто винтовок и обмундирование, которое было дано нашему «Вильному казачеству». Когда гетманцы и немцы с Украины ушли, то наш отряд «Вильного казачества» под командой Матвиенко, ушел в лес. Какое количество было в этом отряде, я не знаю. В последствии это была банда Матвиенко. Когда Матвиенко ушел со своим отрядом с нашего села, он у меня был один раз, где он гулял, приехал он на ночь, так как днем они ховались в лесу. Когда он ко мне приезжал, я с ним ругался, говорил ему, что им нужно сдать оружие и разойтись. Приезжал ко мне, так как у нас моя дочь и еще приходили девушки,

[1] *Тут і далі – підкреслення в документі.*

с которыми матвиенковцы гуляли. Больше я с Матвиенко не виделся до дня его смерти. Убили его якобы в Бучках, это мне говорил мой родственник, у которого Матвиенко стоял, Бондаренко Яков Семенович. Когда Матвиенко оперировал со своей бандой, я ему ничем не помогал и ни кого ему не выдавал. За исключением двух красноармейцев, которые стояли у меня на квартире. Было так, эти два красноармейца у меня ночевали, пришли матвиенковцы, постучали ко мне. Я им открыл дверь, они зашли и забрали тех двух красноармейцев.

[підпис Чуприни]

Допросил: [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9482. Арк. 11–11 зв. Оригінал, рукопис.

№ 94 Додаткові покази обвинуваченого Т.Е. Чуприни

19 та 22 лютого 1930 р.

Додаткове до попередніх моїх показів від 19.02. 1930 г.

На ваше запитання, відкіля я знаю Сторубля, відповідаю: мені сказав про нього В. Самійленко, що він голова Мануйлівської «Просвіти» і до нього треба звернутися про одкриття «Просвіти». Пригадую, що писали йому листа, щоб він клопотався про відкриття «Просвіти». Коли ми, просвітяни їздили в Катеринослав, ночували в хаті «Просвіти» і були в його вдома. Коли він був головою «Споживача», я в його був крамниці. Коли мене заарештували якоби за писання прокламації, жінка їздила до нього, щоб він клопотав про експертизу почерку, бо лічив себе не винуватим. В [19]20 році був я заарештован[ий] як за «Просвіту», в купі з Глушченком, Сочавою, Матвієнковою жінкою і другими. Заарештував отряд Турченка. Після двох тижнів мене відпустили «впредь до особого распоряжения». В [19]18 г., коли організовано «Вільне козацтво», я знав, що Сторубель [є] отаманом. Звернулись до нього, чи нема в нього зброї? Він сказав: пишіть список і приїжджайте до мене. Це ми тоді були вдвох з Грицьком Яновським, узяли по рушниці і поїхали. Після того посовітувалися з Матвієнко, вирішили привезти зброї, скільки дасть. Я, Яновський, остальних не пам'ятаю, взяли рушниці і привезли в Перещепино, яку зброю розібрали другі товариші і поховали, не знаю де. Пізніше, як Матвієнко почав організовувати отряд, то він використовував цю зброю, а тепер за неї я не знаю. Матвієнка я знаю як українця-самостійника, пользующегося на селі повагою. Но більше задля захисту майнового стану населення, бо ідею комунізму я тоді не дуже розумів. Коли він з своїм товариством бився за власті України проти комуністів, то я його не бачив. Коли він був у мене в дворі ніччю знов [зі] своїми товаришами, то я чув, що він казав: «або воювати, або давайте кинемо, бо так далі не можна». Послідній час я ховався від нього, щоб з ним не зустрітись, бо він міг мені сказати, що я не чесно до нього ставлюсь, нічим не допомагаю. Дочка моя, Ганна, була знайома з матвієнковцями, а яку вона участь брала в їхніх виступах, я не знаю, в чім і підписуюсь.

[підпис Чуприни]

Допросил: [підпис нерозбірливий]

Додатково показую, що я служив продавцем у Е.А. Сочави 1888 по 1906 рік, потім торгував сам лісом по 1918 рік, з [19]18 року сіяв, з 22 року встроїв маслобойню, якою робив по 1925 рік, а потім здав в оренду по 1928, а потім продав товариству. З [19]28 року по [19]30 був за продавця лісу в с[ільському] кооперативі, в споживчому товаристві з 15 грудня 1929 року звільнений. Був без роботи до арешту. До революції мав землі 16 десятин пахоти та лісу 21 дес., 1 корова в чім і розписуюсь [підпис Чуприни]

22 лютого 1930 р.

Допросил: [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9482. Арк. 12–13. Оригінал, рукопис.

МЕЛАШКО Михайло Васильович

(1892–1920 рр.)

Учасник отаманщини 1918–1922 рр., організатор та отаман повстанських загонів на Придніпров'ї. Належав до партії лівих есерів-боротьбистів, заступник голови Катеринославського губкому УКП-боротьбистів (1920). За професією фельдшер.

На початку 1917 р. служив у військовій частині Петрограду. Делегат ІІ Всеукраїнського військового з'їзду (червень 1917 р., Київ). Обраний до складу Всеукраїнської ради військових депутатів, а у її складі став членом Української Центральної Ради (УЦР). Восени 1917 р. М. Мелашко, як інструктор УЦР, працював у Слов'яносербському повіті. Був обраний до складу повітової земської управи та повітової Української ради у м. Луганську. У листопаді 1917 р. був призначений заступником повітового комісара УЦР у Донецькому басейні, «комісар Донецького кряжу». На виборах до Українських Установчих зборів (грудень 1917 – січень 1918), які проходили вже в умовах відкритої війни більшовиків проти України, М. Мелашко був обраний делегатом за українським списком УПСР та земства Катеринославської губернії (список № 5). Учасник перших боїв з червоними на території Придніпров'я та Донбасу. У 1918 р. М. Мелашко – хорунжий 62-го полку, який входив до складу 8-го Катеринославського корпусу Української держави. З початком антигетьманського повстання та розпуском військових частин гетьманського формування, М. Мелашко очолив новоутворений український 1-й Бахмутський курінь у боротьбі проти донських козаків генерала П. Краснова, які по узгодженню з гетьманом П. Скоропадським, займали Донбас. У січні 1919 р. М. Мелашко, як командир «Куреня Донецького кряжу», бере участь в обороні Катеринослава від червоних та махновців. Після відходу українських республіканських військ з Катеринославщини М. Мелашко на деякий час зникає з обрію.

Припускаємо, що він міг брати участь у повстанні отамана Григор'єва (травень 1919 р.). Восени 1919 р. М. Мелашко – організатор і отаман Катеринославського Коша Повстанських козачих військ, який діяв на території Верхньодніпровського, Катеринославського, Криворізького повітів губернії. З приходом червоних, наприкінці січня 1920 р., М. Мелашко отримав дозвіл на формування Особливої української бригади 45-ї дивізії 14-ї армії РСЧА. Червоне командування почало вимагати виведення бригади на фронт. М. Мелашко всіляко опирається цим планам, що робить його підозрілим для червоних. Зокрема чекісти звинувачували Мелашко у бандитизмі й розцінювали його співпрацю з радянською владою вдалим для себе вивертом, «бажаючи призупинити роздробленість та розпилення власних загонів, що вливалися в лави Червоної армії, домігся від червоного командування дозволу на формування окремої Української бригади за умови підпорядкування радянській владі. Цим він зберіг власні загони, та отримав можливість збільшувати їх шляхом вербування нових повстанців, озброювати за рахунок радянської влади». До того ж на території на якій стояли його загони розсилав циркуляри волосним виконкомам та сільським виконкомам щодо впровадження в школах української мови [3, с. 148].

Наприкінці лютого 1920 р., за наказом штабу 14-ї армії, М. Мелашко разом з начальником господарської частини бригади Данилом Буцем, був заарештований на ст. Олександрії. Повідомлення про арешт призвело до конфлікту між

лівими есерами та комуністами під час проведення робочо-селянської безпартійної конференції Катеринославського повіту. Для з'ясування обставин арешту була створена спеціальна комісія. При відправці М. Мелашко до штабу дивізії (м. Кременчук), під час ночівлі у с. Сухачівці віддані М. Мелашкові повстанці роззброїли караул і визволили отамана. Діставшись штабу бригади у с. Софіївка, М. Мелашко оголосив повстання проти червоних та наказав готуватися до нападу на міста Верхньодніпровськ та Кривий Ріг [1, арк. 16 зв. – 18].

4 березня 1920 р. М. Мелашко скликав нараду командного складу бригади у с. Софіївці. Докладно ці збори описав у власноручних показах учасник зборів Підгорний-Полин. У ніч з 6 на 7 березня 1920 р. повстанський загін у 200 осіб очолюваний отаманом М. Мелашко, зайняв м. Верхньодніпровськ, де було вбито 26 радянських працівників та відібрано у місцевому казначействі 12,6 млн. крб. [3, с. 149]. Переслідувані червоними загонами загін М. Мелашко був розбитий біля с. Алферово Верхньодніпровського повіту. М. Мелашко захворів на тиф і був змушений переховуватися.

Як раз в цей час був заарештований отаман Трифон Гладченко, який на допиті вказав місцезнаходження Мелашко (в селі Орлове, у 20 верстах від с. Сурсько-Михайлівського [3, с. 152]. Співробітники ГубНК навідалися за вказаною адерсою, але не знайшли отамана Мелашка. Проте вдалося натрапити на інформацію, яка незабаром й вивела чекістів на Мелашка. 2 квітня 1920 р. був заарештований у м. Кам'янське. 10 квітня М. Мелашко та група його побратимів були засуджені до розстрілу Катеринославською Губчека. За повідомленням газети «Известия/Вісті», вирок було виконано у той же день [2]. Місце поховання не відоме.

Бібліографічні посилання:
1. ДАДО. Ф. Р-1785. Оп.1. Спр. 64.
2. Известия/Вісті Екатеринославского губернского революционного комитета. Екатеринослав. 1920, 14 апреля.
3. Отчет Екатеринославской губернской чрезвычайной комиссии (с 1-го января 1920 г. по 1-е января 1921 г.). Екатеринослав: Тип. Губчека, 1921 г. С. 148–152.

№ 95 Повідомлення в газеті «Известия/Вісті» щодо арешту М.В. Мелашка

4 квітня 1920 р.

Арест М.А. Мелашко[1]

2-го апреля в Екатеринослав доставлен атаман бандитов М.А. Мелашко. После вступления советских войск в Екатеринославскую губернию М.А. Мелашко добровольно перешел на сторону советских войск и, как красноармеец, подчинился всем положениям, существующим в красной армии. Спустя некоторое время Мелашко отделился от советских войск и начал делать бандитские налеты на села и местности Екатеринославской губернии.

Отрядом Н-ской дивизии Мелашко был задержан и препровожден в военно-революционный трибунал 14-й армии, откуда ему удалось бежать.

Затем, сгруппировав вокруг себя небольшое количество бандитов, Мелашко сделал налеты на Кривой Рог и Верхнеднепровск, где его бандой было убито несколько десятков евреев, а также ограблены Верхнеднепровское и Криворожское казначейства.

В конце марта месяца сотрудниками Губчека было установлено, что Мелашко находится в с. Сурско-Михайловском, где заболел сыпным тифом, но когда отряд прибыл на место, выяснилось, что Мелашко куда-то был увезен.

Задержанная невеста Мелашко указала, что он находится в г. Каменском, куда вскоре был послан отряд.

Когда сотрудники Губчека вошли в дом Погорелова, то им представилась следующая картина: на постели лежит дряхлый старик, вокруг которого кричат и плачут его дети.

Когда старик был снят с постели, то под периной был обнаружен больной М.А. Мелашко, при котором найдено 500 000 руб. и револьвер «браунинг».

Выяснилось, что Мелашко накануне ареста передал своим приближенным 3 000 000 руб.

Известия/Вісті Екатеринославского губернского революционного комитета. 1920. № 67, 4 квітня., 1920. № 67, 4 квітня.

№ 96 Повідомлення в газеті «Известия/Вісті» про розгляд справи М.В. Мелашка Катеринославським ГубНК

10 квітня 1920 р.

Дело Мелашко и его сообщников

Губернская чрезвычайная комиссия в заседании своем от 10 апреля рассмотрела дела: атамана банд М.В. Мелашко, начальника штаба Х.Е. Диковского, А.К. Орельской (жена Диковского), А. Жука, В. Кабака и Н. Журавля.

Все они участвовали в налете на гор. Верхнеднепровск, где было зверски убито 26 человек, а также ограблено казначейство на 12 500 000 руб.

Признав всех виновными, губчека постановила подвергнуть вышеуказанных граждан высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

Небезынтересно отметить следующие подробности о заседании «военного совета».

[1] *У газетному повідомленні вказані не правильні ініціали отамана.*

На допросе Диковский сообщил, что после удачного побега Мелашко было созвано экстренное заседание «военного совета», на котором было предложено атаманом Мелашко совершить налет на Верхнеднепровск.

Для этой цели было собрано 180 человек, во главе с «военным советом», которые в ночь на 4-е марта двинулись на Верхнеднепровск, где хозяйничали около 6 часов. «Дележка» состоялась в д. Вольные Хутора.

«Крупные паи» получили лишь члены грабительского «совета».

Известия/Вісті Катеринославського губернського революційного комітету, 1920. № 74, 14 квітня.

№ 97 Покази Х.О. Діковського щодо захоплення м. Верхньодніпровська загоном М.В. Мелашка

липень 1920 р.

Диковский Харитон Емельянович показал следующее:

Я сам в чине прапорщика военного времени все время находился в рядах восставших против белых, начальником штаба Мелашко. Когда Мелашко присоединился со своей бригадой к 45-й стрелковой дивизии, я также был назначен заместителем начальника штаба 4-й Украинской Особой бригады. Штаб в последнее время стоял в Софиевке. Числа 5 марта сего года, Мелашко созвал заседание всех командиров воинских частей, присутствовали: Мелашко, к[оманди]р бригады, заместитель его Черноусов, Диковский, начальник штаба, Березняк, заведующий административным отделом штаба бригады, профессор Прохоренко Иван, завед[ующий] культурно-просветительным отделом при бригаде, Петренко – командир сотни Верхнеднепровского полка, к[оманди]р Верхнеднепровского полка Федорченко Родион – к[оманди]р Весело-Терновского полка, Тишанин, к[оманди]р конной сотни Верхнеднепровского полка, Полынь, к[оманди]р конной сотни Верхнеднепровского полка Сухин, н[ачальни]к хозяйств[енной] части Буц, комендант штаба Прубло. На этом заседании сделал доклад атаман Мелашко, как его арестовала Александириевская[1] ЧК и каким чудом ему удалось вырваться. Дело было так, что весь конвой, который его сопровождал в штаб 14-й армии, перешел на его сторону, те конвоиры, которые не перешли на его сторону были им убиты и последний выход из этого положения – только разойтись по домам, но ввиду того, что у нас нет денег на прожитие не имеется, необходимо сделать налет на Верхнеднепровск, все с его мнением согласились и решили выступить на Верхнеднепровск. Числа 5 или 6 марта утром сам Мелашко во главе отряда человек в 180 и все перечисленные лица, которые присутствовали на заседании, за исключением Федорченко, Буца, и жена моя Орельская тоже была со мною. В ночь с 6 на 7 марта налет был совершен, и город был нами занят до обеда следующего дня. Захватили там денег из кассы Народного банка 12,5 миллионов и разрушили много советских учреждений, факт, что налет был удачным, что есть убитые из советских работников. После разгрома Верхнеднепровска мы поехали в Вольные хутора раздать деньги. Черноусов мне дал 1,5 миллиона, Петренко – 1

[1] *Так у тексті, правильно – Александрийская.*

миллион, Березнику – 1 миллион, и Черноусов себе взял 1 миллион, но я, видя, что за нами следуют Советские войска, я с женой остался в Алферовке, а оттуда поехал дальше, скрывался в сарае у одного старика, его не знаю, уплатил ему за это 2 000 рублей. Пройдя несколько дней, приблизительно 10-го марта, я с женой выехал в г. Екатеринослав, жили здесь в городе почти 3 недели, ничем не занимались, деньги были, я купил за 1 миллион 300 000 р[ублей] золотые вещи с бриллиантами в разных магазинах. Я сам сочувствую коммунистической партии боротьбистов, поскольку мне известно, меня зачислили в партию, даже знаю, что было опубликовано в газете «Укр[аїнський] пролетар». Я не согласен с тем, что посылают работников из Великороссии на Украину и не проводится в жизнь то, что пишет Совнарком. Согласно постановления Совнаркома, в советских учреждениях и в школах должен быть украинский язык, а это не проводится.

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 64. Арк. 35. Незавірена копія, машинопис.

№ 98 Протокол допиту заарештованого Д.А. Буца щодо нападу загону М.В. Мелашка на м. Верхньодніпровськ

27 липня 1920 р.

Протокол допроса.

Город Екатеринослав Июля 27 1920 г.

Допроса произведенного Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлен. по должности.

По делу №

Протокол.

Я, нижеподписавшийся Буц допрошен в качестве арестованного показываю

1. Фамилия Буц
2. Имя и отчество Даниил Антонов[ич]
3. Возраст 24
4. Место рождения село Кринички Екатер[инославского] уезда
5. Место жительство ________
6. Род занятия учитель
7. Имущественное положение 2 десят. Земли
   а) до войны 1914 года ________
   б) до февральской революции ________
   в) до октябрьской революции ________
   г) в настоящее время ________
8. Семейное положение холост
9. Партийность и с какого времени в партии беспарти[йный]
10. Политические убеждения соч[увствующий]совввласти
11. Образование: общее учительская семинария, среднее
12. Специальность учитель ________
13. Чем занимался и где раньше служил________
   а) до войны 1914 года учился
   б) до февральской революции служил в старой армии ________

в) до октябрьской революции ________
г) с октябрьской революции до ареста участвовал против белых, был председателем волисполкома
14. Отношение к воинской повинности служил
15. Сведения о прежней судимости не судился
Показания по существу дела.

В первых числах января 1920 года [я] получил распоряжение от к[оманди]ра Особой бригады 45-й дивизии о том, чтобы явился в штаб бригады в с. Саксагань, Верхнеднепровского уезда. Туда явился. Мне было лично заявлено атаманом Мелашко, что наша бригада состоит из повстанцев и Вы, как повстанец и бывший офицер, мобилизуетесь мною и назначаетесь начальником хоз[яйственной] части Сечевых стрельцов Черв[онного] казачества. Я на это согласился. На другой день мне Мелашко сообщил, что есть приказ от н[ачальни]ка дивизии выехать нам в штаб 45-й дивизии, в гор. Вознесенск. В тот же день выехали, но по дороге мы все были задержаны Александрийской ЧК, за что были задержаны – не знаю. Нас, как арестованных, отправили в штаб Латдивизии, но на пакете было адресовано в Реввоенсовет 14-й армии. Из Лат[ышской] дивизии нас направили к коменданту гор. Екатеринослава и от него – в губ[ернскую] тюрьму, побыв там два дня, отправили в уездвоенком, откуда под конвоем отправили по направлению гор. Кременчуг. В селе Сухачевке мы расположились по квартирам. Ночью пришли два красноармейца и заявили, что караул обезоружен, а мы не пойдем на Кременчуг, а пойдем на Кривой Рог. Тогда все пошли на квартиру Мелашко.

Вопрос: О чем говорили на квартире Мелашко?
Ответ: Мелашко говорил, что на Кременчуг не пойдем, а сейчас же ночью пойдем на Карнауховские хутора, потому что утром могут схватиться и нас вторично задержать.
Вопрос: Какие красноармейцы из всего состава караула были обезоружены?
Ответ: Было обезоружено два красноармейца еврея и один русский.
Вопрос: Кем были убиты обезоруженные красноармейцы?
Ответ: Не знаю, но думаю, что были убиты повстанцами отряда Мелашко. Фамилии их не знаю.
Вопрос: Пакет, адресованный в Реввоенсовет 14-й армии читали?
Ответ: Начальник караула сам распечатал пакет, в котором было написано, что Мелашко ведет агитацию против советских войск. Караульный отдал нам наши документы.
Вопрос: Из села Сухачевки куда поехали?
Ответ: Пошли пешком на Карнауховские хутора, откуда взяли подводу и поехали в село Софиевку.
Вопрос: Что вы делали в селе Софиевке?
Ответ: Из села Софиевки поехал домой в село Кринички.
Вопрос: На заседании командиров присутствовали?
Ответ: Не присутствовал.
Вопрос: О том, что будет налет на Верхнеднепровск знали?
Ответ: Нет, не знал. Но знал, что будет налет на Кривой Рог.
Вопрос: Кто об этом Вам говорил?
Ответ: Мелашко говорил, что нам необходимо собрать повстанцев и сделать налет.

Вопрос: В налетах участвовал при Соввласти 20 года?
Ответ: Нет, не участвовал.
Вопрос: Властям сообщили, что собираются сделать налет?
Ответ: Нет, не сообщил.
Вопрос: Кем был назначен на пост военкома Криничеватской волости?
Ответ: Волисполкомом.
Вопрос: Общему собранию рассказали о Вашем аресте?
Ответ: Нет, не рассказал.
Вопрос: Ваше отношение к соввласти?
Ответ: Активно поддерживаю.
Читал и расписался [підпис Д. Буца].
Настоящий протокол составил [підпис нерозбірливий].

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 64. Арк. 16 зв–18, Оригінал, рукопис.

№ 99 Протокол допиту свідка Ф.М. Забари

23 серпня 1920 р.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

1920 г. Авг[уста] месяца 23 дня, Я, Член Следственной Комиссии при Екатеринославском Губернском Революционном Трибунале ________ опросил граждан ________ в качестве свид[етеля] котор ________ показал ________ нижеследующее:
1. Фамилия, имя и отчество Забара Филипп Никитич
2. Возраст 23 л.
3. Место рождения с. Кринички
4. Родной язык русский
5. Настоящее местожительство там же
6. Семейное положение холост
7. Какое получил образование или знает вообще грамоту среднее
8. Занятие или ремесло (специальность) ________
9. Должность ________
10. Чем занимался до революции: работал в Сов. Украине с марта 1919 г. в Красной армии 7 дивизия 14 армия 6 месяцев
11. Классовая принадлежность 202 саж. земли
12. Партийная принадлежность кандидат партии РКП с апреля с/г
13. Состоит ли в каких организациях (профессиональных и др.): член профсоюза учительск.
14. Прежняя судимость не судим

Как криничеватский житель и партийный, и общественный работник, я знаю о Даниле Буце, – жителе с. Криничек следующее. Буц учительствовал до революции и был на военной службе. Как учителя, послали в военное училище, где он получил звание и чин офицера и был на войне. Во время гетманщины он был дома и учительствовал до того времени, когда началось повстанчество против белых в августе 1919 г., где я также был и повстанцы орудовали в Ек[атеринославском]

уезде – во главе [с] Мелашко – Гладченко и др. Буц руководил отрядом Криничеватской вол[ости] до прихода Соввласти. Потом он был дома в Криничках, болел, а с 1 апреля целая группа криничской революционной молодежи, в том числе и я, другие теперешние кринечеватские совработники. До этого времени, в феврале м-це, кажется, 45-я дивизия Мелашко разрешила формировать в нашем районе бригаду. Тогда все в этой организации приняли участие – Буц и др., кроме меня, т. к. я был тогда болен. Не знаю каким образом, но вокруг Мелашко начал собираться, кроме честных бывших повстанцев, также и элемент бандитский, который впоследствии вместе с Мелашко совершил налет на Верхнеднепровск, где были убиты некоторые коммунисты, разогнаны учреждения и ограблены сов[етские] кассы. Во время налета Буц не был с Мелашко, т. к. он кажется знал, что готовится якобы налет на Кривой Рог и вообще потому, что он был против Мелашко и Гладченко, т. к. те пьянствовали. Он даже говорил, что сам хочет Мелашко убить. Вообще я его знаю с самой лучшей стороны, но он вообще человек слабохарактерный и мог поддаться влиянию со стороны. Сам же он совершить преступление не способен. Больше ничего добавить не имею.

[підпис Забара]

ДАДО. Ф. Р-1785. Оп. 1. Спр. 64. Арк. 48–48 зв, Оригінал, рукопис.

№ 100 Протокол допиту обвинуваченого Б.О. Овсюка щодо його перебування в загоні М.В. Мелашка

25 березня 1938 р.

УССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Протокол допроса

К делу №

1938 г. Марта мес. 25 дня. Я, оперуполномоченный 4-го отд. НКВД мл. лейтенант госб[езопасности] Каюновский.допросил в качестве обвиняемого

1. Фамилия Овсюк
2. Имя и отчество Богдан Орестович
3. Дата рождения: 1901 г. 28 января
4. Место рождения с. Анновка, Петровского р[айо]на
5. Местожительство гор. Кривой Рог, ул. К. Маркса № 7
6. Нац. и гражд. (подданство) украинец, СССР
7. Паспорт имеет
8. Род занятий плановик швейпрома, гор. Кривой Рог
9. Социальное происхождение из кр[естья]н зажиточного, был распродан в 1930 году .
10. Социальное происхождение (род занятий и имущественное положение):
    а) до революции жил в месте с родными
    б) после революции служащий

11. Состав семьи женат: жена Лия Гилевна Овсюкина 34 года, сын Юрий 7 лет, дочь Радель 4 г.
12. Образование (общее, специальное) среднее
13. Партийность (в прошлом и настоящем) состоял членом КПУ с 1927 по 1934 год, исключен за скрытие соцпроисхождения и за участие в банде
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что)
    а) до революции не подвергался
    б) после революции не подвергался
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти не имеет.
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете не войсковой
17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого не служил
18. Служба в белых и др. к-р. армиях (когда и в качестве кого) не служил .
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях был членом военно-офицерской повстанческой организации
20. Сведения об общественно-политической деятельности________

Примечание. Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а после и допрашивающего.

Вопрос: Уточните Ваше социальное прошлое?

Ответ: Происхожу из зажиточных крестьян с. Анновка, Петровського р-на, отца моего в 1930 г. распродали как кулака.

Вопрос: В каких политбандах Вы служили в период 1918–20 гг.?

Ответ: Ни в каких политбандах я не был.

Вопрос: Вы состояли членом ВКП(б)?

Ответ: Да, состоял.

Вопрос: С какого и по какое время Вы были членом ВКП(б)

Ответ: Я, состоял членом ВКП(б) с 1927 по 1934 г. В 1934 г. я из рядов ВКП(б) был исключен.

Вопрос: Расскажите по каким мотивам Вас исключили из партии?

Ответ: Меня исключили из партии в 1934 г. – по чистке за сокрытие своего кулацкого соцпроисхождения и службу в период 1918–20 гг в банде Мелашко.

Вопрос: Почему же Вы пытались на следствии скрыть свое пребывание в в банде Мелашко?

Ответ: Да, свое участие в банде Мелашко я скрыл раньше перед партией и пытался скрыть сейчас перед следствием, однако, будучи уличен конкретными фактами, я в дальнейшем не намерен скрывать перед следствием как о своем участии в банде Мелашко, так и в принадлежности к контрреволюционной повстанческой организации.

Я действительно с 1920 года являлся членом контрреволюционной повстанческой организации до дня своего ареста.

Вопрос: Что толкнуло Вас стать на путь борьбы [с] Соввластью?

Ответ: Я учился в украинской гимназии с 1917 по 1919 г. в с. В[еселые] Терны, затем у меня был перерыв с половины 1920 по 1921 г., после чего я был переведен из В[еселые] Терны в Анновскую гимназию.

Еще будучи студентом Терновской гимназии, я примкнул к националистиче-

ской группе. В этом кружке пели националистические песни контрреволюционного содержания, воспевали Самостійність України.
Будучи националистически настроенным, я в 1920 году общался с преподавателем Анновской гимназии Прохоренко Иван[ом] Максимовичем, преподававшим в гимназии украинский язык, националистом.
В беседах с ним, он резко высказывался по отношению Соввласти, видя, что я ему не возражаю, и, зная о том, что я входил в состав националистической группы в В[есело] Терновской гимназии, сообщил мне о том, что в с. Саксагань, Пятихатского р-на, формируется контрреволюционная повстанческая организация из кулаков и других контрреволюционно настроенных элементов, и что этой повстанческой организацией руководит Павлыш, имени-отчества его не знаю, бывший бандит, служивший в банде Тишанина, Чирвы и Махна, предложил мне вступить в эту повстанческую организацию, на что я, Овсюк, дал ему, Прохоренко, свое согласие быть участником этой контрреволюционно-повстанческой организации.
Эта организация с оружием в руках выступала против красных, громила волревкомы, убивала коммунистов и ставила задачей создание украинского буржуазного государства на Украине.
В этой организации я пробыл непродолжительное время в с. с. В[еселые] Терны, Саксагане и Софиевке, откуда ушел в том же 1920 году домой, в село Анновку и жил при родных.
В 1920 году я обратно учился в гимназии в с. Анновке, а потом был переведен в Кривой Рог, где учился на 3-х годичных педкурсах и окончил их в 1924 году.
С 1925 по 1928 г., я учительствовал в школе на руднике Карла Либкнехта, сблизился там с учителем Карнаухом Степаном Васильевичем, с которым вел зачастую разговоры. Карнаух в своих разговорах говорил о том, что такое положение в дальнейшем терпимо быть не может, чтобы Украина подчинялась Москве. Москва выводит все багатства из Украины, притесняет народ. Нам украинцам нужно организоваться и с оружием в руках выступать против соввласти, разгромить местную власть [...].[1]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 643. Арк. 288–295. Оригінал, рукопис.

[1] *Опущено текст щодо вірогідної участі Б.О. Овсюка в контреволюційній повстанській організації, в 1930-х рр., що стало підставою у 1938 р. для слідства та розстрілу. Реабілітований у серпні 1956 р.*

ПАСІЧНИЙ Омелян Петрович

(1888–1921)

Учасник українського повстанського руху в Новомосковському повіті Катеринославської губернії (1920 р.), командир 3-ї сотні загону отамана Матвієнко (після загибелі Самарського-Красилі). Походив із селянської родини с. Бабайковка Новомосковського повіту. Закінчив Новомосковську вчительську семінарію. У 1908–1919 рр. – сільський вчитель. Учасник Першої світової війни, підпоручик.

У жовтні 1920 р. приєднався до загону Матвієнка. Після невдалого для повстанців наступу на Новомосковськ, залишив загін, перейшовши на нелегальне становище. Заарештований у листопаді 1920 р. на квартирі родича-комуніста, члена повітового ревкому та редактора газети «Голос незаможника» Пилипа Дрелевського у Новомосковську. Арешт Омеляна Пасічного та Пилипа Дрелевського викликав конфлікт між чекістами та повітовим комітетом КП(б)У, у якому, як відмічалося у звіті Губчека, «усі співчувають переховуванню Дрелевським сотника Пасічного, вважаючи його вчинок гуманним» [1, арк. 44]. О. Пасічний розстріляний у Катеринославі (травень 1921 р.). Не реабілітований.

Справа О. Пасічного на сегодні не виявлена. Опубліковані нижче документи взяті із справи по обвинуваченню П. Дрелевского у зв'язках з бандитизмом, підготовленою Катеринославським Губчека для перевірки слідчим відділом Губкому КП(б)У у 1921 р. [2].

Бібліографічні посилання:
1. ДАДО. Ф. П-1, оп. 1 додатковий, спр. 6.
2. ДАДО. Ф. П-1, оп. 1, спр. 2382.

№ 101 Повідомлення командира експедиційного загону щодо місця перебування О.П. Пасічного[1]

Не датовано

Сов. секретно

В НОВОМОСКОВСКОЕ УЕЗДПОЛИТБЮРО.

По имеющимся у нас сведениям в г. Новомосковске в квартире члена Уездревкома ДРЕЛЕВСКОГО скрывается бывший командир повстанческого отряда Пасечный, который принял отряд в Бабаевке после убийства Крас[или]. О чем сообщаю вам для сведения и руководства.

Командир Экспедиционного отряда (подпись).

С подлинным верно:
Завед[ующий] ликв[идационным] столом [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 5. Завірена копія, машинопис.

[1] *Дата створення документа не раніше 25 листопада 1920 р.*

№ 102 Покази П.В. Дрелевського у справі О. П. Пасічного[1]

Не датовано

Следователю при Особой группе Г.Ч.К. тов. Симоновой

В настоящее время я страшно перегружен срочной работой в политбюро и выехать не могу. Приходится ограничится письменными показаниями.

Я знаю Пасечного с 1910 года приблизительно. Во все время моего с ним знакомства я прежде всего убедился, что этот человек высокой честности. На воровство, грабеж и тем более на убийство он абсолютно не способен. Во время царствования Деникина я работал в подполье, организовывая восстания. В одном из сел меня захватили жандармы и повели в свой штаб, чтобы там расстрелять. По дороге заехали в село Бабайковку. Там учительствовал Пасечный, зная, что я коммунист и не боясь, что ему самому придется пострадать, он выскочил из школы и начал кричать: «Убегайте, здесь повстанцы». Жандармы в панике удрали, и я был спасен. Рискуя своей жизнью, он спас коммуниста.

Осенью 1920 года ко мне заехали селяне и сказали, что бандиты арестовали Пасечного и увезли с собой, также мне рассказывал инстр[уктор] Отуправы т. Сологуб (теперь он борется с бандитами около села Бабайковки). Многие селяне, заслуживающие безусловно доверие Соввласти, подтверждали это. Спустя короткое время он бежал от бандитов, пришел в город, зашел ко мне на квартиру, где и был арестован. Когда я зимой ездил с кавэскадроном по уезду для борьбы с бандитами, селяне села Бабайковки сказали мне: «здесь разъезжали бандиты и говорили: «этот подлый коммунист Пасечный сбежал, нам не удалось его расстрелять, но он рано или поздно попадется нам в руки и несдобровать ему»». Я глубоко убежден, что из Пасечного бандита не может быть.

Ред[актор] газ[еты] «Гол[ос] незам[ожника]» ДРЕЛЕВСКИЙ.

Подпись члена партии ДРЕЛЕВСКОГО № 142809

Секретарь Новомосковского упаркома ГРАЧЕВ.

С подлинным верно

Завед[ующий] ликв[идационным] столом (подпись).

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 6. Завірена копія, машинопис.

№ 103 Доповідь таємного співробітника «Щодо заходів встановлення місцезнаходження О.П. Пасічного»[2]

Не датовано

Уполномоченному тов. КРУТИКОВУ

на задание от 25/XI

Предпринятыми мерами Разведки выяснилось, [что] по Гетманской ул. д. № 34 в квартире члена Ревкома ДРЕЛЕВСКОГО скрывается повстанческий предводитель, якобы, двоюродный брат Дрелевского. Дрелевский лично бывает дома от 4-х до 6-ти часов вечера. В это время его можно арестовать. Сведения эти получены мною от служащего Уопродкома тов. Бережного. От последнего я получил эти сведения, якобы, с той целью, что имею передать вышеупомянутому повстанцу крайне важные поручения, как украинцу.

КОЗЛОВ.

С подлинным верно: [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 12. Завірена копія, машинопис.

[1] *Припускаємо, що дата створення документу 26 листопада 1920 р.*

[2] *Припускаємо, що дата створення документу 26 листопада 1920 р.*

№ 104 Доповідь таємного співробітника «Щодо заходів встановлення місцезнаходження О.П. Пасічного»

26 листопада 1920 р.

Уполномоченному Подотдела Разведки.

ДОКЛАД за 26/XI

Для продолжения задания от 19/XI в 4 часа дня зашел к Маршалке и Бережному в Упродком. От них мы получили приглашение пообедать в дружеской компании служащих Упродкома, т. ЧУМАЧЕНКО предложили в складчину купить самогону, я дал 3000 р. Бережному. На обеде были Маршалка, Бережный, Белый, Черников, Чумаченко, я и еще 2–3 человека, фамилий не знаю (Упродкомцы). После нескольких рюмок я осторожно повел беседу о Дрелевском (дабы проверить утренний мой рапорт). Бережный и Маршалка высказались, что Дрелевский – это тип, работающий и «нашим и вашим», что у него скрывается кто-то подозрительный: Бережный видел, как скрывающийся рубил дрова. Бережный случайно слыхал, что это повстанец из Бабайковки и что скрывает его Дрелевский как родственника. Улучив момент, я после обеда заговорил с Маршалкой об Арсении МАНУЙЛО (из штаба Матвиенко), после некоторого колебания Маршалка шепнул мне, что у него имеются сведения о том, что Ар. Мануйло скрывается здесь, в Новомосковске. Больше на эту тему он уклонялся говорить. Часов около 6-ти – 7-ми обед окончился, все разошлись по домам.

Под[линный] под[писал] Секрет[ный] сотрудник КОЗЛОВ.

Верно Уполн[омоченный] П/отдела Разведки (подпись).

С копии верно

Завед[ующий] ликв[идационным] столом [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 13. Завірена копія, машинопис.

№ 105 Витяг обвинувального висновку у справі О.П. Пасічного та П.В. Дрелевського

12 грудня 1920 р.

Выборка из заключения 1920-года декабря 12-го дня Уполномоченного Новомосковского ПОЛИТБЮРО по борьбе с бандитизмом А. СИДОРОВА рассмотрев дело гр-н БЕРЕЗОВКИ Емельяна ПАСЕЧНОГО.

ПАСЕЧНЫЙ приезжает в Новомосковск к своему родственнику тов. ДРЕЛЕВСКОМУ, которого считает надежной опорой и на гостеприимство которого

вполне полагается. И он не ошибся. Его гостеприимно принимают и мало того, сейчас же принимаются к улаживанию его дела. На другой день после приезда ПАСЕЧНОГО, ДРЕЛЕВСКИЙ идет в Ревком, и наводит справки, нет ли какого-либо материала против учителя ст. Березовки ПАСЕЧНОГО, и когда узнает, что нет, не удовлетворяется этим, а решает узнать, нет ли такового в распоряжении Политбюро.

Для удовлетворения «любопытства» тов. ДРЕЛЕВСКОГО, Предуревкома тов. АРХИПОВА вызывает меня, т. е. уполномоченный по борьбе с бандитизмом А. СИДОРОВА к себе в Ревком и там задает мне вопрос: «Нет ли какого-либо обвинительно материала на некоего ПАСЕЧНОГО Емельяна – учителя с. Березовки. «Я, не смотря на то, что у меня уже были некоторые секретные сведения о ПАСЕЧНОМ, но держа это в тайне, для того, чтобы была возможность более точно и правильно обнаружить обвинительный материал, и чтобы не дать возможность кому-либо тормозить следствие, ввиду того, что у меня были определенные подозрения, что некоторые ответственные работники в отношении данного дела имеют желание направить следствие на неправильный путь, и считаясь со своим долгом, ответил, что у меня никакого обвинительного материала нет и даже такой фамилии не знаю и не слыхал.

Тогда тов. Архипов написал на лоскутке бумаги фамилию и имя ПАСЕЧНОГО и подписал эту записку, и вручил мне ее, прося, чтобы в случае, если будет какой-либо обвинительный материал о лице указанного на этой записке, т. е. ПАСИЧНОМ, немедленно дать знать об этом ему. На этом и мой визит закончился, я с возросшими подозрением направился в Политбюро, для исполнения своих служебных обязанностей.

Но благодаря этому мною были приняты еще более энергичные меры к установлению тщательной и внимательной слежки за квартирами ДРЕЛЕВСКОГО и АРХИПОВА.

Но прошло еще несколько дней, как встретил меня военком тов. ЛЕОНТЬЕВ, который задает мне тот же вопрос, что и тов. АРХИПОВ, но был более многословен и между прочим сказал, что ПАСЕЧНОГО насильно захватил МАТВИЕНКО как старого ротного офицера.

Эта встреча с военкомом навлекла на меня еще более подозрения и мое осторожное предположение, что ПАСЕЧНЫЙ здесь и скрывается у кого-то из ответственных работников, и что некоторые ответственные работники знают об этом и участвуют в этом деле, превратилось в уверенность.

Усиленная слежка привела к следующему результату: ПАСЕЧНЫЙ жил на квартире у ДРЕЛЕВСКОГО в течении семнадцати или девятнадцати дней, нетерпеливо ожидая, когда наконец его родственник тов. ДРЕЛЕВСКИЙ, сам, или с помощью других, вытащат его из грязи и гнусности бандитизма чистым пред властью, и этим самым даст ему возможность свободно и без всяких подозрений держать связь с бандой и проделывать свои дела.

Но изменила фортуна ПАСЕЧНОМУ и ДРЕЛЕВСКОМУ и всем, желающим очищения ПАСЕЧНОМУ: преступники пред рабочим классом и Соввластью, один отъявленный гнусный командир бандитской сотни, а другой ответственный политический работник, приютивший этого бандита и скрывший его, предстали пред строгим хотя и справедливым судом Соввласти.

Но и тут пришлось натолкнуться на весьма странное и в то же время очень нежелательное явление: не успел быть арестован тов. ДРЕЛЕВСКИЙ, как прибежал военком тов. ЛЕОНТЬЕВ и заявил, что он требует немедленного освобождения тов. ДРЕЛЕВСКОГО. Но, конечно, в этом ему было отказано. Но через два–три дня было получено предписание тов. ОСИПОВА от имени Губревкома, что в случае, если бы партия согласилась взять на поруки тов. ДРЕЛЕВСКОГО, то, что такового из-под ареста освободить. И сейчас же за получением этого предписания была получена выписка из протокола бюро паркома с предложением «сейчас же» освободить тов. ДРЕЛЕВСКОГО.

Такое положение было крайне ненормально и нежелательно, ибо следствие в то время [было] в стадии наибольшего его развития и удовлетворить это требование значило затормозить следствие.

Но все же, невзирая на все это и подчиняясь всем вышеизложенным требованиям и сославшись с тов. ОНИЩЕНКО, я и решил освободить тов. ДРЕЛЕВСКОГО под подписку партии.

На основании вышеуказанного считаю обвинение в бандитизме ПАСЕЧНОГО и в укрывательстве бандита – ДРЕЛЕВСКОГО, вполне доказанным, а посему постановил:

Настоящее дело вместе с личностями обвиняемых препроводить в Екатеринославскую Губчека для привлечения их к высшей мере наказания. Первого за бандитизм и командование бандитской сотней и второго – за укрывательство бандита при сознании острого положения города, который по всему уезду окружен бандитами и за дискредитирования Соввласти будучи ответственным политическим работником и занимая такой важный пост как зав. РКИ.

В отношении АРХИПОВА и тов. ЛЕОНТЬЕВА, которые как видно из обвинительного материала данного дела, определенно знали, что ПАСЕЧНЫЙ здесь и скрывается у ДРЕЛЕВСКОГО и в отношении бюро Упаркома берущего на поруки лиц, скрывающих преступников и врагов Соввласти, полагаю, что Губчека вынесет соответствующую резолюцию.

Что касается отобранного при обыске и аресте оружия: у гр-на ПАСЕЧНОГО револьвер системы «БРАУНИНГ» и у тов. ДРЕЛЕВСКОГО винтовки, бомбы, револьвер системы «НАГАН», то таковые конфисковать и оставить при Политбюро.

Уполномоченный Новомосковского политбюро по борьбе
с бандитизмом и завполитбюро.
С подлинным верно [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 19–19 зв. Завірена копія, машинопис.

№ 106 Доповідь слідчого оперативного штабу ГубНК у справі О.П. Пасічного та П.В. Дрелевського

5 травня 1921 р.

ДОКЛАД ПО ДЕЛУ № 3017.

5 мая 1921 года я, следователь Оперштаба при Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии, рассмотрев следственное дело по обвинению гра[ждани]на ПАСЕЧНОГО Емельяна в бандитизме, выразившемся в командовании 2-й повстанческой сотней банды МАТВИЕНКО в сентябре п[рошлого] г[ода] и ДРЕЛЕВСКОГО Филиппа в укрывательстве бандита в течении 19-ти суток.

Дело переслано из Н[ово]московского П.Б. для применения высшей меры наказания ПАСЕЧНОМУ и ДРЕЛЕВСКОМУ (см. заключение П.Б. от 12/XII 21-года л. д. 45).

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБВИНЯЕМЫХ.

ПАСЕЧНЫЙ Емельян Петрович 33 лет, урож[енец] с. Котовки той же волости Н[ово]московского уезда Екатеринославской губ., неимущий, окончил уч[ительскую] семинарию и в 1916 году военное училище, с 1908 по 1915 год учительствовал в разных селах Н[ово]московского уезда, с 1915 г. по 1917 год служил в старой армии, с 1916 г., по окончанию училища, подпоручик, с 1917 г. учитель с. Березовки и Председатель сельского кооператива, по убеждениям – социалист-народник (с его слов).

ДРЕЛЕВСКИЙ Филипп Васильевич, 23 лет, уроженец с. Бабайковки, член РКП с марта 1919 года, окончил уч[ительскую] семинарию, с ноября 1920 года завед[ующий] РКИ гор. Новомосковска, одновррменено редактор газеты «Голос комнезаможника».

СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА:

Из целого ряда заявлений, свидетельских показаний и доклада одного из сотрудников Губчека устанавливаю:

1) Один сотрудник Губчека в Августе месяце прошлого года был влит в подпольную петлюровскую организацию, которому приходилось бывать на заседаниях организации, где много говорилось о Емельяне ПАСЕЧНОМ, как об одном из видных и полезных деятелей петлюровского движения. В одно из собраний пришел член подпольной организации петлюровец ШАРОВАР Григорий, заявив, что у него имеются новости и прочел письмо ШАРОВАРОВУ от ПАСЕЧНОГО. Письмо имеет характер военной сводки, где он в ярких красках указывает о развитии, о подъеме повстанческого движения, о действиях отдельных отрядов, как [АЛЕЙКО][1], АГЕЙКО и МАТВИЕНКО, об их успехах, о развитии агентуры в пользу повстания среди крестьян и т. д. Для устранения всяких возможных недоразумений, письмо по прочтению сжигается. При чтении письма присутствует некий Леонид ФЕДОРОВ. Для большей целесообразности работ сотрудник Губчека после заседания, при разговоре с ШАРОВАРОМ, предлагает ему куда-нибудь поехать, чтобы чем-нибудь проявить себя. ПАСЕЧНЫЙ в этот период приезжает в гор. Новомосковск. ШАРОВАР имеет разговор с ним и ПАСЕЧНЫЙ обещает предупредить МАТВИЕНКО о приезде подпольной организации и переговорить с ним о их приезде. В результате ШАРОВАРОВ и сотрудник Губчека едут в Перещепино, место стоянки отряда МАТВИЕНКО. В Перещепино их арестовывают, тянут к МАТВИЕНКО для справки. МАТВИЕНКО, узнав, что они присланы ПАСЕЧНЫМ, немедленно освобождает из под ареста их, созывает собрание секретное, на котором ШАРОВАР и сотрудник присутствуют с решающим голосом. На указанном заседании МАТВИЕНКО много говорит о ПАСЕЧНОМ, как о выдающемся деятеле повстанческого движения. Смотрите доклад сотрудника, лист дела 59.

2) В деле имеется заявление районного исполнителя 5-го [района] милиции, где указывается, что ПАСЕЧНЫЙ давно разыскивается, как участник банды МАТВИЕНКО и организатор петлюровской банды (л. д. № 30).

3) Заявление МИЧКАНЯ о разграблении его бандой САМАРСКОГО с участием ПАСЕЧНОГО (л. д. № 31).

4) Показания бывш[его] председателя Юрьевского волисполкома, где указывает, что ПАСЕЧНЫЙ с 5-ю бандитами в Юрьевке арестовал председ[ателя] земотдела СТАДНИКА, забрал у него обрез и арестовал пом. вол. агента СПИРИДОНОВА, которых увезти не дало население (л. д. № 41).

5) Показания одного из насильно забранных в банду бандита МИЛОДАНОВА, пробывшего в банде две недели в период переходов банды к Новомосковску и при назначении ПАСЕЧНОГО. По его показаниям можно видеть, как жилось ПАСЕЧНОМУ в банде, его дружбу с МАТВИЕНКО, постоянные совместные остановки при ночлегах, его добровольное принятие командования отрядом убитого САМАРСКОГО и маскарад ухода в банду под силою оружия (см. л. д. 24, 25, 42).

6) По показаниям одного из участников в боях против банды ПАСЕЧНОГО видно: в Юрьевке спален исполком бандой ПАСЕЧНОГО, в Прядовке сделано несколько налетов (л. д. № 20).

7) По показаниям члена РКИ с 1917 года апреля месяца ВАЛЯВСКОГО, видно как ПАСЕЧНЫЙ разгромил все его хозяйство, не найдя самого Валявского, ворвался в дом с криком: «Смерть ВАЛЯВСКОМУ и его хозяйству», по тем же показаниям, ПАСЕЧНЫЙ искал коммунистов. Ему были знакомы братья Спицкие, одного из них он арестовал и участь Спицкого никому не известна (л. д. № 22–23).

8) По показаниям ДРЕЛЕВСКОГО видно: ПАСЕЧНЫЙ при разговоре с ним во время возвращения из банды, рассказал ему, как его бандою была ограблена сиротская касса в селе Дмухайловке (л. д. № 13 на обороте).

9) По показаниям КОЦАРЯ, командира 3-й сотни – ПАСЕЧНЫЙ в период командования 2-й сотней ходил в банде в офицерской шинели, поддевая в низ национальную чумарку синего цвета. При остановках отрядов останавливался в одном помещении с МАТВИЕНКО. В период разложения отрядов принял меры к спасению отрядов, выступал на митингах. 1-й раз созвал митинг в Перещепино и 2-й раз в лесу, при отказе повстанцами идти дальше к Н[ово]московску. Отдавал часто разные приказания, гнал в бой (во время стоянки в лесу), при наступлении на банду красных сибирских частей. В банде ходил с оружием, пользовался уважением и доверием (См. показ. л. д. № 68 и дело КОЦАРЯ л. д. 49 и 50).

10) В банду уходит захватив деньги в сумме 125 000, принадлежащие кооперативу с. Березовки, председателем которого состоит перед уходом в банду (См. показания ПАСЕЧНОГО л. д. 8).

11) По показаниям одного из участников банды ПАСЕЧНОГО, ВЕЛИГУРЫ, во время командования бандой, ездил в Котовку с бандой для получения оружия (См. показ. л. д. № 65).

[1] *Прізвище нерозбірливе.*

12) При аресте ПАСЕЧНОГО изъято при обыске заряженный браунинг с 8-ю патронами, бомба, наган и винтовка с несколькими патронами. Оружие все заряженное (См. л. д. 3 и 5).

Чтобы глубже проверить тонкую и умную психологию ПАСЕЧНОГО, его необыкновенное умение предвидеть все и учитывать на далекое будущее, его постоянное сознание, мысль у которого никогда не возникало о возможной ответственности за свое поведение перед Советской властью. Чтобы это проверить, придется вернуться к событию [19]20 года, положению МАТВИЕНКО в тот период и сделать краткий политический обзор о положении и значении повстания в сентябре [19]20 года. В местечке Царичанка Кобелякского уезда, вследствие долгой и упорной подготовительной подпольной работы петлюровских и повстанческих организаций, с мая месяца постоянно разбрасывались листовки и расклеивались афиши с призывами к населению идти в повстание. В это же время, благодаря тех же погромных листовок и афиш, в которых ярко указывалось о необходимости изгнать еврейское население из Царичанки, под угрозами евреи бежали, побросав все свои пожитки и службы. Напряженная атмосфера разрядилась выступлением всего населения против подошедших к Царичанке красных частей, которых население встретило с самыми разнообразными вооружениями, за небольшим количеством обрезов и шашек – с вилами, граблями, косами и другим земледельческим орудием.[1]

Сентябрь [19]20 года был тяжел для МАТВИЕНКО. Это месяц его тяжких утрат: убит САМАРСКИЙ, убито много других испытанных и верных повстанцев, в связи с поражением в Царичанке, ему пришлось вытащить из подполья лучшие силы подпольных работников и сделать их открытыми.

В этот исторический момент ПАСЕЧНЫЙ, постоянный житель села Березовки, учитель и председатель сельского кооператива Березовки, почему то живет в Царичанке и, занимаясь поднятием промышленности, замещая собой бежавшего с мельницы заведующего ЗУСМАНОВИЧА.

После убийства САМАРСКОГО-КРАСИЛИ, его отряд переходит к ПАСЕЧНОМУ, который, помимо общих качеств командира банд, имеет за собой офицерский чин – подпоручик. Для застрахования себя на будущее и для снятия пятна с своей семьи за его добровольное выступление с оружием в руках в ряды противников Совvласти, он маскирует насилие с арестом бандою, уговорившись об этом в Царичанке с МАТВИЕНКО. Он едет в Березовку с тем, чтобы через некоторое время за ним приехал отряд в Березовку и под видом насилия и ареста увезли его с собой. Вся эта комедия проделывается не без успеха: в деле о гр. ПАСЕЧНОМ имеется 16 заявлений о взятии ПАСЕЧНОГО в банду насилием.

Общее положение повстанческого движения заставило МАТВИЕНКО сгруппировать свои войска, распыленные на мелкие отряды, в с. Бабайковке. Во главе с командирами ПАСЕЧНЫМ и КОЦАРЕМ двинули войска в сторону города Новомосковска для занятия последнего.

---

1 *Із двотижневого зведення Губчека пр ополітичний стан Катеринославської губернії за 1–15 жовтня 1920 р.: «2/X в с. Царичанке, где Самарский привлек на свою сторону все население, даже женщин и детей, они с криком: «Бей коммунистов!» бросились в контратаку на наступающую нашу роту ВОХР. Произошел бой, где было уложено много трупов, как бандитов, так и населения, перешедших к нему. В этом бою был убит и сам главарь Самарский. Наши отступили» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1 додаткова. Спр. 6. Арк. 12].*

Доехали до Котовки в расчете получить оружие, не получили, поехали дальше. Конечно, по дороге разрушали, грабили все, что могли (см. 1 часть доклада). Дошли до Перещепино. Части повстанцев разложились: постоянные лишения в пути, недостаток обмундирования и оружия, быстрые переходы, не зная цели, куда идут и зачем вызвало бунт среди повстанцев. Отряд КОЦАРЯ отказался следовать дальше. Положение главарей сделалось незавидное. Созвали митинг в Перещепинском театре, на котором выступали: 1-м МАТВИЕНКО, 2-м ПАСЕЧНЫЙ и затем целый ряд видных повстанческих деятелей. ПАСЕЧНЫЙ в своем докладе уделил много места той железной дисциплине, которая должна быть в каждом войске, а тем более повстанческом. Указал, кем должен быть повстанец, если он хочет чего-нибудь добиться, что если каждый будет требовать отчета, куда и зачем его ведут, то получится не войско, а кошмар и т. д. Митинг дал свои результаты, а повстанцы остались верными раз принятому решению. Пошли к Андреевке, вблизи Новомосковска. Оказались окруженными Сибирскими войсками. Со стороны красных начался бой по отряду КОЦАРЯ, повстанцы в панике разбежались. КОЦАРЬ с уцелевшими частями соединился с ПАСЕЧНЫМ. При приближении на близком расстоянии Сибирские части крикнули: «Какая часть идет?», на что ПАСЕЧНЫЙ отдал команду: «Цепь пли», раздались залпы с той и другой стороны, теснимые красными частями бандиты отступили в лес. ПАСЕЧНЫЙ заботливо стал расставлять караулы, отдавать разные распоряжения, наводить порядок. Путем всяких угроз и непечатных выражений, ПАСЕЧНЫЙ пробовал заставить отряд КОЦАРЯ пойти на передовую линию, на что КОЦАРЬ, чувствуя небоеспособность своего отряда, заявил ПАСЕЧНОМУ, что требования его невыполнимы, ввиду плачевного состояния людей КОЦАРЯ (половина людей разбежалась, а из оставшихся многие не имели оружия). Все это создавало панику в середе банды. Многие бежали, а оставшиеся требовали немедленного отступления и вывода их из леса. Видя безвыходность положения и неосуществимость его мечты идти на Новомосковск, ПАСЕЧНЫЙ и МАТВИЕНКО созвали сход, пробовали опять уговорить бунтующих повстанцев и, когда это не помогает, ПАСЕЧНЫЙ в категорической форме указывает на невозможность ухода из леса, сказав, что выход один – к Новомосковску, или смерть. Отряд МАТВИЕНКО, как более крепкий и дисциплинированный, остается в лесу, а Коцарь со своими частями и ПАСЕЧНОГО, под командованием ЛЕВЕНЦА Афанасия уходят из леса в числе 100 человек.

При выходе из леса, при переходе Самарского моста через село Всесвятское, КОЦАРЬ последний раз видит ПАСЕЧНОГО, идущего с 2-мя бандитами отряда МАТВИЕНКО (см. показ. КОЦАРЯ и его дело л. 49–50 и л. д. 68–69).

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И СВИДЕТЕЛЕЙ

Показания ПАСЕЧНОГО: участие в петлюровском движении прямое и косвенное категорически отрицает, в переписке с ШАРОВАРОВЫМ не был, по поводу встреч с ним приводит такой случай: в июле, в первых числах, [19]20 года, ПАСЕЧНЫЙ, зайдя в уездвоенкомат, встречает своего бывшего ученика, ШАРОВАРА, служившего там. При разговоре с ним рассказывает ему как слух и новость, что на Диканьщине и Полтавщине есть повстанческие отряды и там же находятся отряд САМАРСКОГО. ШАРОВАР в свою очередь говорит о несправедливо арестованных 62 человек жителей села Перещепино, как заложников

по бандитизму и говорит ПАСЕЧНОМУ, что их можно освободить при помощи одного влиятельного лица, который взялся уладить это дело, но для проверки этих фактов хочет поехать в Перещепино, но боится возможных осложнений, ибо в Перещепино стоит МАТВИЕНКО. ПАСЕЧНЫЙ на это обещает переговорить с одним местным жителем села Перещепино, КОБЦЕМ Викентием, который может в критический момент выручить их, но тут же почему-то спрашивает у ШАРОВАРА, не провоцирует ли его ШАРОВАР и вообще, нет ли здесь повоха, на что получает уверение со стороны ШАРОВАРА и дело улаживается (см. л. д. 62–63).

Опрошенный по этому вопросу КОБЕЦ Викентий дает те же показания, что и ПАСЕЧНЫЙ, добавляя, что в связи с приездом лиц, о которых просил его ПАСЕЧНЫЙ, он, КОБЕЦ, был вызван МАТВИЕНКО в штаб, где объяснил цель приезда задержанных МАТВИЕНКО лиц, освобождение 62 невинных перещепинских жителей, после чего задержанные были отпущены и им было возвращено оружие, забранное при аресте (л. д. 97).

Проверить показания о связи ПАСЕЧНОГО с подпольной петлюровской организацией не удалось, хотя и был опрошен ФЕДОРОВ Леонид, сидевший в Губчека по обвинению в петлюровщине, так как ПАСЕЧНЫЙ, сидя в тюрьме одновременно с ФЕДОРОВЫМ, успел с ним сговориться и подготовить его к показаниям при допросе, кроме того ФЕДОРОВ Леонид является родственником ПАСЕЧНОМУ. И с показаний ФЕДОРОВА Леонида можно видеть лишь, что ПАСЕЧНЫЙ является жертвой бандитизма (см. л. д. 64, 99 на обороте).

Общность показаний КОБЦА Викентия с ПАСЕЧНЫМ о перещепинском случае также объясняется дальнозоркостью ПАСЕЧНОГО и подготовленностью КОБЦА к показаниям о периоде жизни ПАСЕЧНОГО у КОБЦА в Орловщине (л. д. 97 на обороте).

Показания ВАЛЯВСКОГО, потерпевшего при разграблении ПАСЕЧНЫМ села Прядивки: ПАСЕЧНЫЙ вошел в банду САМАРСКОГО до убийства последнего добровольно, после убийства САМАРСКОГО принял командование. Во время разграбления в Прядивке, ворвался к нему в дом, зная, что он коммунист, пробовал его найти. Не найдя, разграбил его имущество с криками: «Смерть ВАЛЯВСКОМУ и его хозяйству». Уход ПАСЕЧНОГО из банды объясняет связанным со слухами о присвоении ПАСЕЧНЫМ бандитской кассы в 2 500 000 рублей (см. л. д. 22).

ПАСЕЧНОМУ, в виду его отказа в участии ограбления тов. ВАЛЯВСКОГО, была сделана очная ставка с тов. ВАЛЯВСКИМ, которую он легко выдержал и вторично отказался от ограбления (л. д. 8–22).

По показаниям СИДОРОВА, женою ПАСЕЧНОГО предложено жене ВАЛЯВСКОГО 100 000 руб. вознаграждения за недачу показаний в пользу обвинения ПАСЕЧНОГО, о чем передал тов. СИДОРОВУ сам ВАЛЯВСКИЙ в присутствии нескольких товарищей в Новомосковском политбюро (л. д. 75).

Женою ВАЛЯВСКОГО подано заявление, что при содействии ПАСЕЧНОГО, она получила отобранную бандитами лошадь (л. д. 50).

Проверить показания ввиду неявки ВАЛЯВСКОГО и его жены не удалось, по слухам, жена ВАЛЯВСКОГО скончалась.

Показания участника банды ПАСЕЧНОГО МИЛОДАНОВА Вуколы[1]: в банду вошел Пасечный добровольно по приглашению МАТВИЕНКО и принял ими командование вместо убитого САМАРСКОГО. Приглашение произошло в Царичанке. ПАСЕЧНЫЙ в банде пользовался доверием и уважением, был близок к МАТВИЕНКО, останавливался всегда с ним в одном помещении, вместе пьянствовал. В Перещепино выступал на митинге. Для снятия с него подозрения о добровольном уходе банду и принятия командования, за ним ездили в Березовку, чтобы проделать вид насилия и ареста (л. д. 24–25).

Показания ПАСЕЧНОГО: свой уход в банду он объясняет насилием и арестом. В банде пробыл пять дней и из нее бежал при первой возможности. За попытку к бегству и отказ вступить в бой с красными частями был арестован бандою на третий день пребывания в банде. Бежал при переходе Самарского моста из под конвоя 8-ми бандитов (л. д. 69 на обороте). По поводу ограблений, произведенных им и его бандой, даются сослагательные ответы, что если таковые факты имеются или были совершены, то он об этом ничего не знает, сам нигде себя не проявил с плохой стороны, никаких грабежей не делал, исполкомов не сжигал, коммунистов не разыскивал и т. д. (см. л. д. 74). Об активной работе в банде, о своих выступлениях на митингах, желание увлечь банду к Новомосковску, в начале следствия отрицал, но после очной ставки с КОЦАРЕМ сознался и в свое оправдание указывает, что его поведение в банде был дипломатический выход из создавшегося положения (см. л. д. 68 на обороте).

К своему уходу в банду показывает: после боя в Царичанке банда МАТВИЕНКО произвела массовые обыски, в том числе был произведен обыск на мельнице ЗУСМАНОВИЧА, где он скрывался во время боя и куда он выехал еще до события в Царичанке. После обыска, по неизвестным ему причинам, на мельницу приехала к нему делегация от МАТВИЕНКО с предложением вступить в банду, на что он конечно, в резкой форме отказался. После отъезда делегации, пробыв часа 3 на мельнице, он, боясь повторных предложений, пошел пешком в Березовку, но в селе Ивановке был настигнут бандой МАТВИЕНКО во главе с самим МАТВИЕНКО, которого он увидел здесь в первый раз. МАТВИЕНКО в категорической форме потребовал вступления его в банду для командования отрядом САМАРСКОГО, он, как беззащитный гражданин, не имея ничьей поддержки, вынужден был согласиться на их предложение, указав им, что его согласие является вынужденным ввиду их угроз и пользуясь его беззащитностью. На что получил ответ, что им все равно, как он к ним идет, добровольно или насильно. Тут же он упросил дать ему несколько времени для приведения в порядок личных дел и дел кооператива, имея ввиду побег, на что получил согласие. Прибыв в Березовку пробыл минут 15–20 дома, как на село приехала обоянка, его арестовали и увезли; бандитов на село приехало 15–20 человек (см. л. д. 72-73).

На третий день пребывания в банде получил от МАТВИЕНКО парабеллум с девятью патронами, который позже был МАТВИЕНКО взят у него обратно (л. д. 74). Оружие, отобранное у него при обыске, за исключением браунинга, купленного в 1918 году для личных надобностей за 2000 рублей, принадлежит ДРЕЛЕВСКОМУ (Лист дела 61 и 73 на обороте).

---

1 *Так у документі. Вукол – чоловіче православне ім'я. Українська народна форма ім'я – «Вакула».*

За время пребывания по монастырям и пещерам ПАСЕЧНЫЙ написал письмо к ДРЕЛЕВСКОМУ, в котором изложил факты ухода и возвращения из банды в таком виде, что трудно не поверить, что это не жертва бандитизма (л. д. 26). По показаниям ПАСЕЧНОГО, после его побега из банды, он 8 дней был в монастырях, выдавая себя за богомольца, 4 дня жил в землянке и один в Орловщине у Викентия КОБЦА, затем пошел в Новомосковск и около трех недель [жил] у ДРЕЛЕВСКОГО (л. д. 68 на обороте).

Характеристику ПАСЕЧНОГО привожу заявления КОЦЫРЯ о поведении ПАСЕЧНОГО в тюрьме, как показатель трудности ведения следствия и умение ПАСЕЧНОГО избегать обвинения путем подготовленного мнения о себе. ПАСЕЧНЫЙ, убедившись на очной ставке, что КОЦЫРЬ, несмотря на его предупреждения не сознаваться, все-таки сознался, этим окончательно провалил его. При первой прогулке арестованных, ПАСЕЧНЫЙ указывает КОЦЫРЮ, какую глупость он сделал своими показаниями, уверяя его, что этим сам добровольно толкает себя на расстрел. Когда это не помогло, он начал его травить, уверяя арестованных, что КОЦЫРЬ на всех копает и всех топит. Через несколько дней, боясь показаний КОЦАРЯ, он начинает с ним заговаривать и говорит, что «умирать вместе придется, обоих расстреляют» (л. д. 100).

ДРЕЛЕВСКИЙ Филипп родственник ПАСЕЧНОГО по жене и в период трех недель прятал ПАСЕЧНОГО, наводил справки в Политбюро для улаживания грязной истории с ПАСЕЧНЫМ. Так тов. АРХИПОВ, предревкома г. Новомосковска, дает заметку следователю СИДОРОВУ с указанием имени, отчества и фамилии ПАСЕЧНОГО на случай, если появится материал по обвинению ПАСЕЧНОГО, предварительно справившись, не заведено ли [дела] на него, не разыскивается ли он (л. д. 43–45). Военком ЛЕОНТЬЕВ также запрашивает СИДОРОВА о ПАСЕЧНОМ и говорит последнему, что ПАСЕЧНЫЙ – жертва бандитизма, все это происходило до ареста Пасечного. При аресте ДРЕЛЕВСКОГО и ПАСЕЧНОГО зампредревкома г. Екатеринослава тов. ОСИПОВ предписывает СИДОРОВУ освободить ДРЕЛЕВСКОГО на 2-й день ареста, чем испорчено все следствие по делу, так как ДРЕЛЕВСКИЙ, будучи на свободе, использовал это самым широким образом. Чрезв[ычайная] ком[иссия] запружена всевозможнейшими поручительствами от разных учреждений и лиц, явкою разных делегаций (см. л. д. 48–55, 80–85, 90–94). ДРЕЛЕВСКИЙ на вызов Чрезвычайной Комиссии не явился, прислав отписку о перегруженности и невозможности в связи с этим выехать (л. д. 95).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Из всего вышеизложенного устанавливаю, что ПАСЕЧНЫЙ является ярко выраженным сознательным противником Соввласти в полном смысле этого слова, что обвинение, предъявленное ему в бандитизме, выразившемся в командовании сотней банды МАТВИЕНКО, являясь в то же время его главным помощником, в добровольном уходе в банду, прикрываясь арестом и насилием, имея возможность бежать, если бы было насилие над ним, в течении четырех часов и находясь от банды в другом уезде. В активной работе по развитию повстанческого движения, выступлениях на митингах, грабежах и арестах коммунистов, хранении оружия и приобретении такового без права на то, следствием вполне установленным. Неустановленно обвинение, вытекающее из докладов сотрудника в принадлежности к петлюровско-подпольной организации.

ДРЕЛЕВСКОМУ Филиппу Васильевичу [в] укрывательстве бандита – врага Соввласти, будучи членом РКП, дискредитируя своим поведением коммунистическую партию.

По отношению тов. АРХИПОВА и ЛЕОНТЬЕВА – также в содействии и уклонении от суда бандита также вполне установленным.

На основании заключения, постановила предложить меру наказания ПАСЕЧНОМУ Емельяну Петровичу 33-х лет – применить высшую меру наказания расстрел, дело о нем прекратить, сдать в архив. По отношению ДРЕЛЕВСКОГО, АРХИПОВА и ЛЕОНТЬЕВА – дело выделить для направления в следственную Коллегию при Паркоме.

Следователь СИМОНОВА.

Уполномоченный:

С подлинным верно:

Завед[ующий] ликв[идационным] столом [підпис нерозбиривий]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 14–16. Завірена копія, машинопис.

№ 107 Витяг засідання Колегії Катеринославського ГубНК щодо смертного вироку О.П. Пасічному

12 травня 1921 р.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 7

Заседания «ТРОЙКИ» Екатгубчека от 12 мая 1921 года под председательством тов. ТРЕПАЛОВА, чл. Тройки т. т. ЛЕОНЮК, ИВАНОВ, присутств[овали] чл[ены] кол[легии] т. ПЕТРОВ, ЛЕПЛЕВСКИЙ, от Губкома т. АРЕШТАН, от ДТЧК – т. ВАСИЛЬЕВ, Замначособотдела 1-й Конармии т. НИКОЛАЕВ, при секретаре тов. СУХОДОЛЕЦ.

СЛУШАЛИ:

5. Дело № 3017 по обвинению гр. ПАСЕЧНОГО Емельяна Петровича, 33 лет Екатеринославск[ой] губ., Новомосковск[ого] уезда с. Березовки и ДРЕЛЕВСКОГО Филиппа Васильевича, 23 лет, Новомосковского уезда, с. Бабайковка – в бандитизме, выразившееся: первого в активном участии в бандах и командовании сотней в банде МАТВИЕНКО, а второго – в укрывательстве бандита.

ПОСТАНОВИЛИ:

5. Считать предъявленное обвинение гр. ПАСЕЧНОМУ Емельяну Петровичу: активное участие в бандах МАТВИЕНКО – доказанным и применить к нему высшую меру наказания – РАССТРЕЛ. Приговор применить в исполнение в 24 часа.

Дело прекратить и сдать в архив.

По отношению гр. ДРЕЛЕВСКОГО Филиппа Васильевича и фигурирующ[их] в этом деле членов КП(б)У – АРХИПОВА и ЛЕОНТЬЕВА, - дело о них выделить и передать в следственный стол Губкома.

С подлинным за надлежащими подписями верно: Секретарь Губчека

[підпис Суходольця]

ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2382. Арк. 17. Завірена копія, машинопис.

ПІДГОРНИЙ-ПОЛИН Іван Михайлович

(25.05.1901 – 14(?).12.1921)

Учасник українського повстанського руху (1919–1920 рр.), отаман. Народився у робітничій родині с. Султанівка (Амур-Нижньодніпровськ) Новомосковського повіту, росіянин. Освіта незавершена, середня. На початку 1920 р. – старшина кінного загону в Особливій українській бригаді під керівництвом отамана Мелашка в складі 45-ї дивізії РСЧА, учасник нападу на Верхньодніпровськ у березні 1920 р. Літом 1920 р. – старшина у Катеринославському коші повстанських військ отамана Родіона Федорченка, надалі – отаман окремого повстанського загону у Верхньодніпровському повіті. Після спаду повстанської хвилі, упродовж 1921 р., вміло конспіруючись, знаходячи різноманітні варіанти, уникав знайомства з чекістами, та зрештою 19 жовтня 1921 р., під час прогулянки, був заарештований секретними співробітниками за місцем проживання.

Під час першого допиту, заарештований, як іронічно відмічав слідчий Громов, «героїчно, як властиво отаманам, тримав себе». Після кількох днів у одиночній камері І. Підгорний погодився на подальшу співпрацю з працівниками ГубНК, пообіцявши розповісти все, що знає. Власноручні покази І. Підгорного складають 52 сторінки рукописного тексту його слідчої справи (аркуші 8–60) і за формою мають характер практично завершеного літературного твору. Не має підстав вважати, що І. Підгорний давав свої «власноручні свідчення» під тиском, проте не виключаємо, що не був відвертим з чекістами, пропонуючи слідчим власну версію участі у повстанських організаціях, пропонував співпрацю. Називаючи десятки прізвищ активних учасників повстанського руху, він зумів показати тільки тих, хто й так був відомий чекістам.

Як видно з матеріалів слідства, для чекістів фактів, наведених у показах, виявилося достатньо. У висновках по справі слідчий Громов не сумнівається: незважаючи на свій вік Підгорний-Полин – «переконаний українець» [1, арк. 68]. Для росіянина з діда-прадіда, І. Підгорного, така характеристика зроблена політичним опонентом – багатого варта. Українська революція зробила з росіянина Підгорного українського повстанця Полина.

Іван Михайлович Підгорний-Полин був розстріляний за рішенням Катеринославської ГубНК у грудні 1921 р. На сьогодні у реабілітації по справі відмовлено.

Чекіст Громов не надовго пережив отамана Полина. У складі таємно-оперативної групи у вересні 1922 р. він був направлений для боротьби з кримінально-політичною бандою Ілька Сови у с. Каменка Новомосковського повіту. У ніч на 28 вересня 1922 р., під час нападу загону Сови на оперативну групу чекістів, таємний співробітник Громов був вбитий [2, арк. 74].

Бібліографічні посилання:
1. АП УСБУ в ДО. Ф. 5, спр. 23092.
2. ДАДО. Ф. П-73, оп.1, спр. 15.

№ 108 Анкета заарештованого І.М. Підгорного

11 жовтня 1921 р.

Анкета № 3612

для арестованных и задержанных с зачислением за Ч.К.

Лица, давшие неверные сведения в этой анкете, будут подвержены строж[айшей] ответственности

<table>
<tr><td>Вопросы</td><td colspan="5">Ответы</td></tr>
<tr><td colspan="6">I-я часть (заполняется заключенным)</td></tr>
<tr><td>1) Фамилия</td><td colspan="5">Подгорный</td></tr>
<tr><td>2) Имя и отчество</td><td colspan="5">Иван Михайлович</td></tr>
<tr><td>3) Граждан[ин/ка] какого государства</td><td colspan="5">РСФСР</td></tr>
<tr><td>4) Национальность</td><td colspan="5">Русский</td></tr>
<tr><td>5) Социальное положение</td><td colspan="5">Рабочий</td></tr>
<tr><td>6) Место прописки</td><td colspan="5">Губ.: Ек[атерино]славская уезд: Новомосков[ский] вол.: поселок Султановка</td></tr>
<tr><td>7) Возраст (год рождения)</td><td colspan="5">20 лет; родился 25 мая месяце 1901 г.</td></tr>
<tr><td>8) Образование:
а) грамотный ли
б) какую школу окончил
в) если не окончил, то ск. класс. / курс. прошел</td><td colspan="5">а) низшая
б) окончил 2 класс. школу,
в) прошел класс./курс. школы.</td></tr>
<tr><td rowspan="6">9) Состав семьи, место жительства и место работы каждого члена (отца, матери, детей, мужа, жены, братьев и сестре)</td><td>Степень родства</td><td>Фамилия, имя и отчество</td><td>Возраст</td><td>Занятие или место работы и должность или профессия</td><td>Место жительства, адрес</td></tr>
<tr><td>1. отец</td><td>Михаил</td><td>43</td><td>Нижнеднепр[овские] мастер[ские], столяр</td><td rowspan="5">поселок Султановка, Амур-Нижнеднепровск</td></tr>
<tr><td>2. мать</td><td>Лекерия</td><td>42</td><td>домаш[нее] хоз[яйство]</td></tr>
<tr><td>3. брат</td><td>Евгений</td><td>18</td><td>полиграфист</td></tr>
<tr><td>4.</td><td>Константин</td><td>15</td><td>ученик</td></tr>
<tr><td>5.</td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td>10) Партийная принадлежность:
а) в какой партии сост.,
б) с какого времени</td><td colspan="5">Беспарт[ийный]</td></tr>
<tr><td>11) Профессия</td><td colspan="5">неопределенной</td></tr>
</table>

12) Место работы (службы): а) сначала войны до 1/III 1917 г. б) с 1/III 1917 г. по день ареста	Название предприятия	Профессия или должность
	а) с 1914 г. до 1917 г. я учился	
	б) с 1917 г. до ареста работал [нерозбірливо]	матросом
13) Если состоял на государств. службе, то в каком чине	Нет	
14) Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил	Работал	
15) Владел-ли недвижимым имуществом, каким и где	Нет	
16) Привлекался-ли к ответственности по суду или в админ. порядке	Нет	
17) Отношение к воинской повинности: а) воинское звание, род оружия или специальность; б) если был освобожден, то на каком основании	Подлежу к призыву 1922 г.	
18) Когда арестован	19 октября месяца 1921 г.	
19) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	Лично т. Ивановым	
20) Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, гор., улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собрании и пр.)	Дома: поселок Султановка, Амур-Нижнеднепровск	
21) Когда и кем допрошен	21/X-21 г. п/уполномоченным т. Громов	
22) Предъявлено ли обвинение и в чем именно	К[онтрреволюци]я	
23) Место жительства перед арестом	Амур-Нижнеднепровск, поселок Султановка	

Примечание заключенного:

Подпись заключенного [підпис Підгорного]

11/XI 21 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения)

23) Официальное название места заключения	
24) По чьему ордеру арестован и № ордера	
25) За кем зачислен?	
26) Приметы заключенного:	

Примечание:

Подпись заведывающего местом заключения[1]

Ответы на вопросы анкеты надо писать чернилами (в крайнем случае химическим карандашом), четко, разборчиво, полностью выписывая слова по возможности без помарок и поправок)

АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23092. Арк. 1–1 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

[1] *На документі підпис відсутній.*

№ 109 Протокол допиту обвинуваченого І.М. Підгорного[1]

Не датовано

Протокол допроса

Ивана Михайловича Подгорного-Полыня,

20и лет, который показал:

В[опрос]: Где ваш отряд и с кем держите связь?

О[твет]: Мой отряд разбит и больше не существует и с тех пор, что его разбили, он не существовал.

В[опрос]: Где же делось ваше вооружение?

О[твет]: Вооружение забрали. Отряд, кажется, был разбит отрядом Портного.

В[опрос]: Где вы были последнее время?

О[твет]: Служил в Киеве, в Центроброне, старшим переписчиком вещевого стола.

В[опрос]: С кем держали связь?

О[твет]: С антибольшевицкой организацией связь не держал.

В[опрос]: В налете на Верхнеднепровск принимали участие?

О[твет]: Да! Также со мной принимал участие Мелашко, Березняк и другие. Денег мы там забрали около 13 миллионов рублей, которые я разложил в двух мешках и отдал один мешок Березняку. Затем мы эти деньги отдали Мелашко. Также была часть денег спрятана Петренком в дер[евне] Полыньки Верхнеднепровского уезда.

В[опрос]: Каким образом был ликвидирован ваш отряд?

О[твет]: После того, что Портной разбил меня, я ликвидировал свой отряд, при многих убитых только я остался с моим помощником Николенко, который умер от ран.

В[опрос]: Где сейчас Федорченко и Матвиенко?

О[твет]: По слухам я слышал, будто его как-то убили, а по другим слухам, он будто бы уехал за границу.

В[опрос]: Каким образом вы выступили впервые против совvласти?

О[твет]: Это было так: после убийства Карпенко, я отделился от Мелашко, Федорченка, Пухальского и прочих и пошел в Комиссаровский лес, где набрал себе отряд в количестве 60 человек. По проведению чистки у меня осталось 20 человек. Потом у меня явилась потребность в лошадях, и я решил набрать таковых. Не помню, какого числа, я остановил поезд, следовавший из В[ерхне]днепровска. Там было забрано только 3 винтовки и завербовано 6 человек из мобилизованных, которые у меня оставались до последнего времени. Через некоторое время у меня набрался отряд в 36 человек. После этого меня разбили. Хотя Николенко мне предложил организовать отряд, но я отказался и поступил на советскую службу.

В[опрос]: Расскажите ваши похождения во время ваших операций?

О[твет]: Однажды, не помню какого числа, я со своим отрядом остановился на дневку в деревне. Вдруг подъехал по ж[елезной]д[ороге] броневик и меня обстрелял, после чего ушел. О моем пребывании здесь знал Иван Долгий и Одарка Царенко, которая явилась ко мне. Долгий мне сказал, что в дер[евне]

[1] *Документ не датовано, але виходячи із аналізу змісту матеріалів слідчої справи складений не раніше 21 жовтня 1921 р. Протокол містить скорочення: «В» – Вопрос, «О» – Ответ; не проставлена пунктуація.*

Краснокаменка есть хлопцы, которые проявляют согласие поступить ко мне в отряд и он это устроит. Я послал от себя Долгого Ивана к Брове, чтобы тот устроил связь между мной и Бровой. Если Брова согласиться меня принять, то пусть мне даст 15 человек, я поеду в В[ерхне]днепровский уезд и соберу отряд, и начну оперировать. Долгий отправился, но Бровы не нашел, а принес мне сведения, что Брова на Кубани.

В[опрос]: Когда это было?

О[твет]: Приблизительно месяца полтора тому назад. Долгий имеет мой пароль, а именно – «Полынь» читать наоборот, «Нылоп».

В[опрос]: Где теперь находится Долгий?

О[твет]: Или в кол[онии] Екатериновка (нем. колония) у немца [не розбірливо], либо у своего отца в Софиевке. Если он выехал в Полтавскую губернию, то можно узнать у его родственников. Вообще, о Долгом может рассказать Костя, который работает в Екатериновке, тут они в последнее время совместно существовали. В деревне Андреевке есть два старшины: Костенко Илья и Гуревой Никита. Также здесь в Е[катеринов]ке имеется бывший старшина Песчаный Иван в [...].[1]

[підпис Підгорного]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23092. Арк. 4–7. Оригінал, рукопис.

№ 110 Власноручні покази І.М. Підгорного-Полиня

8 листопада 1921 р.

[19]20 год начался для меня, как и предыдущие годы тихо и счастливо. Новое мое желание было поступить в какое-либо учреждение служащим-писарем, или в качестве вообще какого служащего, у которого было бы побольше свободного времени. Второе желание – увидеть двоюродного брата, принимавшего деятельное участие по борьбе с белогвардейцами. Второе мое желание пересилило первое и я отправился на В[ерхне]днепровский уезд к Петру Зинченко, у которого я оставил своего брата.

И вот, 10 января я отправился. Прибыв на место назначения, Петра Зинченко я не застал. Встретила меня его жена. Она думала, что меня давно нет в живых, а потому радостно встретила, накормила и дала приют. И вот, хотя и подготавливал себя к неприятному известию заранее, услышал о смерти брата. Кровь отхлынула у меня от сердца, в глазах потемнело, по всему телу мороз пробежал, слезы невольно выступили. Мысль о том, что никогда не придется видеть горячо любимого брата стояла в голове против моего желания. Хотя он был по убеждению демократ, но жизнь сделала нас хорошими товарищами. Он был безукоризненно честный и эта черта мне больше всего нравилась. Он убит – но кем? Жена Зинченко назвала имена, принадлежащие к профессиональным бандитам. «Хорошо же», – подумал я: «Я отомщу за него!». И начал расспрашивать жену, как можно их захватить. Оказалось, что главные, Юрченко, Доценко, в живых не существуют, но остальные человек десять живы. Но не только этих 10 я решил уничтожить.

[1] *Нерозбірливе слово.*

Я решил вообще бороться с бандитами. Учитывая преданность повстанцев ставших бандитами, надо было бороться с бандитизмом. Это намерение мое побуждало присоединиться к тем повстанцам, в числе которых я узнал Я. Барабаша, И. Ломаку. Я подготовил воззвание к населению, в котором говорилось о бандитах и значении повстанцев-крестьян. Но воззвание было слабо и поэтому вероятно не было напечатано. Напечатать же предполагалось в канцелярии Комиссаровской сельско-хозяйственной школы. Но тут, в школе, не было к тому часу человека, умевшего работать на машине. Находясь в канцелярии я разговаривал с учениками, участвовавшими в восстании. Из разговоров с ними я узнал, что В[ерхне]днепровским полком командовал Федорченко. Значит, главным лицом в уезде был Федорченко. В то время, как пришла Советская власть, он полк распустил, а сам неизвестно где. Таким образом я провел первые два дня в уезде.

На третий день И. Ломака устроил вечеринку, на которую пошел я с Барабашем. На вечеринке были почти все повстанцы, очень опечаленные о плохой смерти моего брата. До конца вечеринки я не побыл. Приехал Петренко и пожелал меня видеть. Петренко повстанец-сотник, дравшийся вместе с братом. С ним приехало в санках еще 3 повстанца. Все мы вместе отправились в его деревушку Полыньку. Он долго не верил, что я брат убитого. Но я знал жену-невесту моего брата, поэтому он поверил бы, если бы она признала меня за брата. Переночевав, мы отправились 6 января. Я увидел невесту брата, но это была не та, которую я знал. Та была учительница, а эта нет. Мне не верили, меня побаивались, так как я юнец же был в матросской форме. Но все же Петренко рассказал мне, что разрешено Совластью формировать 4-ю отд[ельную] бригаду при 45-[й] сов[етской] дивизии. Я изъявил свое согласие формировать и деятельно принялся за роботу. Формировать мне с Петренко разрешено было сотню. Я не отказался. Ездил по селам, записывал повстанцев. Петр Зинченко даже, во время пребывания в его деревушке, помог уговаривать крестьян записываться. Хотя он выразил неудовольствие по поводу формирования бригады, но я старался его убедить, что я не допущу, чтобы было что против Советской власти. Сотня сформирована. Я помощник Петренко – «пів-сотенний». Во время формирования познакомился с Карпенком, Чирвой, Мирошниченко, Федорченко, Песчаным. Мы расположились в Софиевке. Командиром бригады был Мелашко, начальником штаба Дяковский, старшины: Черноус, Березняк, начальником хозяйственной части – Мирошниченко и др. Мелашко при бригаде не было. Ходили слухи, что он арестован Совластью. «За что?» – спрашивал я. Но на этот вопрос мне отвечали неопределенно. Наконец прибывает Мелашко. Все были очень рады. Было сейчас же собрано общее собрание старшин и Мелашко обрисовывал Сов[етскую] власть, как обрисовывать может только контрреволюционер. Я был в сомнение: «Верить ли мне? Верить ли мне всему тому, что говорилось на этом собрании?». Я не расспрашивая много Петренко. Я старался не распрашивая узнать в чем суть. Правда, говорили все по «українські», но на это я смотрел, как на явление обыкновенное. Но... честное будет дело наше? Петренко, Федорченко замышляли вместе с Мелашко и, нужно признать то, что вместо борьбы с бандитизмом, я стал бандитом. Меня старались уверить, что бандитов подослали коммунисты. Уверяли, долго уверяли и я поверил. Но кому мстить? Каким коммунистам? Мы не верили, что мог подослать П. Зинченко. А кто же тогда? К этому времени было постановлено на одном соб-

рании, на котором не был я, потому что не допустили, совершить налет на город В[ерхне]днепровск. Мне говорили, что, тогда, когда будет занят город, мне докажут, кто виновен в убийстве [брата].

Принимать ли мне участие в налете или отказаться, заявив власти о предполагаемом налете? Эта мысль не давала мне покоя. Я большую часть дня молчал, ни с кем не разговаривал. Часто делались собрания, в которых принимали участие только Мелашко, Дяковский, Тишанин, Прохоренко, Черноус, Мирошниченко, комендант бригады Березняк. Я был на таком собрании один раз, когда налет на город определенно был вырешен. На том собрании было много еще старшин, которых раньше я не видел и не знал. Председательствовал Дяковский. Он говорил больше всего за то, чтобы выступить против власти. Делал «доклад», в котором обрисовывал положение так, что как будто «все» выступили против Советской власти давно и только остается выступить одной бригаде. Когда кончил говорить Дяковский – говорил Мелашко, подтверждая слова первого оратора и грозя «проклятием украинского народа» тому «хто відцурається від Неньки-України». После слов Мелашко говорил Тишанин – за то, чтобы налет-выступление было совершено, что он распустит свой полк Весело-Терновский, если не будет выступления, что он не привык сидеть сложа руки, что солдаты его разбегутся.

После Тишанина говорил Мирошниченко. Последний был против налета, указывал на плохую дорогу, на плохое вооружение. В ответ на такие слова его назвали трусом и слишком старым. Когда говорил[и] Дяковский, Мелашко, Тишанин, то была еще тишина, но когда высказал о нежелании выступать Мирошниченко, то стало шумно, порядка не держались и на столе вместо колокольчика, призывающего к порядку, появился самогон, закуска. Начали пить и петь. Во все время продолжения собрания я не произнес ни одного слова, молчал и слушал горячие речи ораторов. Мне было одно ясно: я в среде такой, в какой раньше никогда не бывал. Я собственными глазами видел и слышал собственными ушами людей, о которых раньше только слышал. Однако какие он все были контрреволюционеры, как они хаяли сами советскую власть. Вот они – самостийники. В пирушке участия я не принял. Выпил только на дорогу стакан самогону и закусил огурцом. Перед мною определенно стоял вопрос или уйти от них, или примкнуть к ним. 90% было за то, чтобы уйти и ушел бы, если бы не был барашком, если бы хватило ума. Подумать над тем всем, что могло бы быть в последствии. 10 % мести за брата двоюродного слабо меня удерживали. Но тут эта Нина. Приехала она и чертом ко мне подкатила. Поддерживала она налет, божилась, что знает лично тех, кому мешал брат. О том, что брат убит, что его нет я мало смирился. Она же с Петренком вновь растравила заживающую рану. Она, которая была уже любовницей Петренко, конечно, а моя тайком. Со свойственной только женщинам хитростью, она разрушила мое колебание. Но я думал: «Хорошо, буду участвовать в налете, но после налета уйду во флот, и совесть моя будет чиста!». Завтра утром в дорогу. С вечера заготовились подводы. Повстанцы знали о налете, как шакалы были рады случаю поживиться. Подводы трудно было доставать. Никто не хотел ехать в такую грязь. Мне приходилось бегать как угорелому. Наконец утро. Подводы готовы. Двинулись в путь. Около штаба бригады присоединились мы к Тишанинскому полку, в котором было не более 100 [человек]. Там же присоединился Березняк сам, Барабаш Яков сам и др. По дороге Мелашко заболел. Принял командование Черноус. Я был все время неразлучно при повстанцах, присматривал, чтобы они не разбежались, когда проезжали через какое-то село, чтобы не творили насилий. Березняк с отборной гвардией мотался из стороны в сторону. Штабные ехали при полку. Наконец вечером, после двухдневного путешествия, [пришли] к станции В[ерхне]днепровск. Под командой Петренко и Ноги, помощника Тишанина, разоружили станционную милицию, забрали пулемет и милиционеров. Тогда же конно разведку произвел Березняк и Барабаш. Милиционеров раздели и Петренко с Тишаниным хотели расстрелять их. Но я отпросил милиционеров и только благодаря этому, никто из них не был расстрелян. Находившийся при станции моряк, кажется, комендант станции, даже благодаря моему вмешательству не был ограблен, не раздет.

Двинулись на самый город. Около милиционеров умышленно поставил малое число повстанцев и этим дал им возможность бежать. По дороге я услышал разговор Петренко и Тишанина, из которого понял, что Тишанин советовал Петренко присматривать за мной, чтобы я не заезжал далеко вперед. «Чего доброго», – подумал я, – «могут и хлопнуть при налете». Стали подъезжать к городу. Березняк, Барабаш и братва, собравшаяся около их, были послана в разведку. Не доезжая ½ версты, разведка доложила, что город спит и войск не видно. Тогда, яко саранча, с криками, с шумом ворвались в город мирно дремлющий, и ничего подобного не ожидающий.

Не помню каким образом я очутился во дворе военного начальника. Там стражи не было. Стояли только лошади да тачанки. Со мной ехало человек 10 повстанцев. Чтобы ничего не делать, а показать, что делаю я, стал расставлять караулы, которые были совершенно ни к чему. Вдруг подъезжает с шумом Петренко и кричит: «Где Полынь?». Я обозвался. «А мне донесли, что тебя арестовали», – объяснил нам он свой внезапный приезд. Ясно было – мне не доверяют. Я объяснил, что здесь воинский начальник и что наше присутствие здесь необходимо. Я хотел быть совершенно пассивным. Я понял, какую я сделал ошибку. Понял, во что обратилась моя боль. О! Как я мечтал, чтобы налетел советский отряд и разбил бы всех нас – шакалов, на голову. Так я размышлял, а в городе стоял шум и рыскали шакалы по всем углам.

Но вот подъезжает Березняк и говорит, что в городе есть в банке деньги, большая сумма, до которой добираются уже. У меня пронеслась мысль, надо взять деньги и раздать служащим. Взял я с собою диких и вместе с Березняком отправился. Захожу в банк. Столы трещат под хищными руками. Ищут денег. Но деньги в сейфе. Повстанцы хотели подлаживать бомбы, но я воспротивился этому. Запретить ломать столы не было возможности и не было зачем: их уже успели поломать. Но что было бы, если б стали подкладывать бомбы? В это время Березняк расспросил сторожа у кого ключи, взял адрес у сторожа, и мы отправились к казначею. Казначей поляк радостно выразил согласие и сам пооткрывал дверцы шкафов, в которых помещались деньги. Стоило больших усилий удалось удержать повстанцев, чтобы они не разворовали деньги. Всех денег раздать служащим, которые возвратили бы потом власти, не было возможным – было бы очень подозрительно. Я вынул только пачку (100000) стотысячную и передал казначею, чтобы он «раздал» служащим. Остальные деньги были размещены в два мешка. Один я взял к себе на лошадь, а другой взял Березняк. Из своего мешка чтобы и самому уцелеть и день-

гам, я роздал особенно пристававшим казакам (100000) сто тысяч. В это время проезжал Мелашко на тачанке, и я на глазах повстанцев, которые роем кружили около меня, отдал деньги Мелашко, который поместил к себе в тачанку. Это вот все, что я сделал в эту ночь. Разместились по квартирам. Что было со мною, что я переживал – не стану описывать. Взятый Петренком спирт в больнице – лился рекой. Сам Петренко еле стоял на ногах. Приставал ко мне выпить, но я не единой капли не взял в рот. Настало утро. Петренко вдруг вбегает ко мне на квартиру и кричит: «Коммунисты наступают». Подъехала кавалерия с командиром Ногаю и я отравился в город. Но коммунисты не наступали. Оказалося, что только несколько человек открыли стрельбу из револьверов и убежали. Возвращаться на место стоянки не хотелось. Подъехали еще повстанцы и кричали, чтобы ехать к тюрьме, в которой были арестованные. Поехали. Берзняк потребовал «дела арестованных» и стал накладывать резолюции. Потом передал это мне, а сам стал бить заключенных, которые были в карательном отряде у белого офицера Губанова. Осталось сидеть человека два, а остальных отпустили. После тюрьмы я бросил «своих сотоварищей» и отправился на Пушкаревку, где и расположился. Надо было заполнить подводы к отъезду, и я опять не имел покоя. Что творилося в городе, не стану описывать. Достаточно сказать, что такого явления город никогда не знал раньше. Подобное явление могут сделать только белые да петлюровцы, защищая «Неньку-Вкраїну». Те, кто обещал указать мне пособников убийства брата, ни слова об этом не проговорили, да я и понял, как глупо было спрашивать. Одно стояло у меня в голове, это то, что я из красного матроса [превр]атился в бандита, которого будут непрестанно преследовать и днем, и ночью.

Подвод понадобилось гораздо больше, чем до налета. Но все таки подводы нашли и до полудня выехали. Впереди всего отряда ехал я, а около меня было человек сорок повстанцев на лошадях верхом. Седел было очень мало и «кавалеристы» сами устраивали из веревок стремена и таким образом двигались. Сзади двинулись подводы. Впереди подвод на тачанке вместе с мешками ехал Петренко. Посредине ехал окончательно больной Мелашко, с ним Тишанин, тоже больной, а Березняк ехал за ними. По одну и по другую сторону больных ехало отборной кавалерии, человек двадцать, которыми командовали по очереди и Березняк, и Барабаш, и сотник комендантской сотни Тютюник Василий – племянник, как он именовался, атамана Тютюника. После двигались подводы и, наконец, кавалерия Тишанина, которой командовал некто старшина Нога. Среди повстанцев был ропот. Были недовольны Петренко и тем, что командиров больше чем следовало. Недовольны были также и тем, что Петренко почти все время пьян.

Погода была очень плохая. Грязь налипала обильно на колеса и лошади с большим трудом везли. Наконец к вечеру подъехали к одной деревушке, где и остановились на ночевку. При нашей сотне были ученики сельскохозяйственной школы, составляющие политический отдел, головою которой был Иван Лютый. Они взялись охранять больных и деньги, находившиеся при Мелашке, который хоть и был болен, но денег никому не доверил. Я целую ночь провел более-менее спокойно. Не раставлял караулов, не заготавливал подводы. Помещался я на квартире вместе с Петренко, Ниной. На следующее утро снова двинулись в путь. На этот раз впереди ехал с кавалеристами Нога. Я за ним, а рядом комендант, подводы. О том, что нас могут преследовать, никто не заботился. Таким образом

доехали до деревни Ново-Николаевки. Когда я подъехал к волости, то увидел там большое количество крестьян. Помню, я у них спрашивал, что слышно нового, как они думают, какое мы войско? Во время такого разговора вдруг раздается у телефона звонок. Я быстро слез с лошади, расспросил, кто председатель и взял трубку. Оказалось, что звонили из города В[ерхне]днепровска. Кто-то предупреждал крестьян о приближающейся банде Петренко и Мелашко и советовал собрать имеющиеся 13 винтовок, разделиться на два отряда и с двух сторон обстрелять приближающихся бандитов. Тем временем, когда бандиты остановились бы, приблизился бы отряд красных и разбил бы банду. Я поблагодарил за сообщение, забрал сорок человек, бывших при мне повстанцев и поехал на встречу приближающемуся советскому отряду. После меня взял трубку Тютюник и залпом выпалил, кажется, в самом начале разговора несколько нецензурных слов трехэтажной величины. Приближаясь к советскому отряду, я узнал, что комендант бригады уже зарублен и бывший при нем большой отряд конный, разбежался, при чем нескольких зарубили, а нескольких поранили. О том, что отряд преследует уже поняли, все знали и я узнал оказывается далеко не первым.

Повстанцы ехали за мной гуськом – один за одним. Двигались мы очень медленно, грязь – лошади по колено. Быстро темнело. Я всматривался вперед и вдруг заметил приближающуюся большую черную толпу. Остановился. Подал команду спешиться и громко спросил: «Кто едет?» Вместо ответа я услышал команду, чтобы спешивались и открывали огонь. Таким образом, началась маленькая перестрелка, продолжавшаяся около получаса. Когда все затихло, подъехал Петренко с пулеметом, который стрелял одиночными выстрелами. Очевидно, набег на нас не удался. Я смеялся с Петренко, что он во время [боя] не пришел на помощь с пулеметом, что если б не была ночь, а день, то из пулемета петренкового всех можно было перекосить. Петренко молчал, но все таки не забыл сказать мне, чтобы я слушался его, что он мой начальник. «Хорошо», – подумал я, – «пусть будет и так». Часа через четыре – пять, подкормив лошадей, тронулись снова в дорогу. На этот раз распоряжения давал Черноус, хотя должен сказать, очень не умные. Мелашко и Тишанин не вставали с подводы и очень капризничали. Часто, благодаря их капризам, особенно Мелашковым, приходилось останавливаться, когда нужно было, не медля, двигаться в путь. Советского отряда не было не видно, не слышно. Понемногу успокоились. Таким образом благополучно добралися до Вольных Хуторов, переночевали и снова двинулись в дорогу. До села Алферово добрались спокойно. Я ехал, при тех же повстанцах, впереди отряда. Сзади ехало человек десять верховых. Но, не доезжая до села Алферово, вдруг ясно и отчетливо послышались выстрелы из пулемета. Это заставило всех остановиться. Я дал бинокль одному повстанцу, чтобы он поехал к могиле высокой и посмотрел, где и кто стреляет. Вернулся повстанец и донес, что едет кавалерия стройно по три в ряду, качаясь в седлах. От Петренко я получил приказ расставить свою «кавалерию» и остановить приближавшихся кавалеристов, которых было не более ста человек. Безусловно, таким образом не сдерживают, но ослушаться было нельзя. С правого фланга расставил цепью свою кавалерию Нога, с левого я. Глупо – но это было так. Между тем пулеметный огонь по нас очень усиливался. Хотя не было никого не ранено, не убито, но пули свистели над головами очень близко. Дабы избежать жертв, я подал команду спешиваться. Вслед за моей командой Петрен-

ко отдал приказ, чтобы я принял вправо, так как он будет «косить пулеметом». Но пулемет против воли Петренко, давал лишь одиночные выстрелы. Кавалерия же спешившись, с большим трудом садилась на лошадей. Надо было спешить. Те, кто были на седлах, уже приняли вправо, а кто был не на седлах – только взобрались на лошадей. Где надо было шагом, там они ехали рысью, а где рысью – галопом и просто вскачь. Тишанинская кавалерия, видя подобное явление, пришла в волнение и бросилась в беспорядке бежать. Пехота побежала позади кавалерии из цепи на подводы и кто куда. Около меня осталось человек пять кавалеристов, в числе которых был и Александр Килимов. Я подъехал к Петренко, спросил, что делать? А он только рукой махнул и не ответил на мои слова. Старшины никого не было видно. Черноус безвести пропал. Березняк, Барабаш также. Что же мне оставалось делать? Бросил обоз, Мелашко, Тишанина и уехал и уехал вместе с Килимовым. Таким образом бригада была разбита. На месте паники, как потом выяснилось, было погибших повстанцев 33 человека. Остальные, кто убежал домой, кто имел знакомых в какой деревне – к ним, а кто не имел пристанища, как я, поехали в село Софиевку. Приехал также в Софиевку и Петренко со своей возлюбленной. В Софиевке находились еще старшины, не принимавшие участия в налете: Федорченко, Семеряга, Горищенко и др. У Федорченко был подразуеваемый, на самом же деле не существующий полк. Повстанцы этого полка, их было не более 50, были местные, софиевские. Где разместился Мелашко и Тишанин, я не знал. Знал только, что в Софиевку они приехали благополучно. Я открыто после этого говорил, что надо прятаться. Да и прятались. Но куда я запрячусь, когда все мне было не знакомо? Вернуться домой не было возможности. Я думал к тому же, что дома все знают о моей глупой проделке. Плакал украдкой, как малый ребенок. Мысль, что преследуемый Советской властью, за которую [...][1] голову сложил, защищая которую был и ранен и контужен, не давала мне покоя. Прийти покаяться перед товарищами не было возможно. Словом, начинаются для меня серые, туманные дни. Пробыв в Софиевке два дня, где всех не разбежавшихся собрали для того, чтобы проводить Мелашко и Тишанина в деревню Орлову. Собралося всех нас, человек 80. В этом числе были повстанцы, не успевшие уехать домой, боявшиеся власти. Из Софиевки выехали я, Петренко и с нами человек десять повстанцев. Мелашко, Тишанин, охраняемые другими повстанцами под командой Я. Барабаша, выехали ночью. Повстанцев нашей сотни пришлось отпустить по настоянию Петренко. Из нашей сотни остался только я, Петренко и Антон Пляшник, белорос, тоже не имевший пристанища. Распустили повстанцев уже на хуторе Горба, в десяти верстах который от Софиевки. Как только повстанцы уехали, мы трое отправились на хутор Горященко. Да, думал я, все они имеют хутора. Хуторяне не хотят раздела земли, а я чего полез? Разве есть мне смысл драться за богачей-хуторян? Больно и досадно было, что судьба так зло посмеялася надо мной. Но попал между грачей – каркать приходилося. Горященко направил нас в село Крупянщину, где остановился Мелашко и Тишанин, сопровождаемые под командой Барабаша. С Крупянщины поехали в село Орлову. До нас доходили слухи, что отряд, который [нас] преследует, жестоко расправляется. Всех нас, провожавших больных, было не более 10.

[1] *Нерозбірливе слово.*

Остановившись в Орловой у одного крестьянина, богача-кулака, мы пробыли два дня. Я получил там же 50 000 руб., Тишанин взял 1 000 000 руб., Мелашко 1 000 000. Оставалось миллиона 4–5. Остальные деньги, как после я узнал, Березняк взял 1 000 000 руб., Федорченко 1 000 000 руб., Дяковский – 1 000 000 руб. или 2 000 000. Казакам же роздано было по 1000 рублей. И так, за свою варварскую работу я получил 50 000 руб. и за эти деньги продал свою честь, свое спокойствие. За эти деньги я сделался каином. Петренко, когда брал деньги 5 000 000 руб., то говорил, что он положит их по кооперативам.

Из Купянщины направились мы на хутор Горба. У Горба было уже порядочно братии. Между ними был и Черноус, хлопотавший все о самогоне. Появился самогон. Пили все. И я пил. Помню, налил подряд три стакана и залпом, один за другим, выпил. Надо было заглушить совесть. Мне, 18-ти летнему юнцу, было выпитого вполне достаточно, чтобы я скрутился. Что было в тот день, не помню. На другой день надо мной смеялися только Каин М. Пробыв на хуторе дня два, я, Петренко, Пляшник и Сторожко Яков отправились в деревушку Полыньки, где жил Петренко. Последний говорил, что там, в деревушке, у него есть люди, которые отдадут деньги в кооператив. Барабаш же Яков с остальными бывшими, остались на хуторе Горба, в числе коих была и Нина-проститутка. Приехав в Полыньки, Петренко с Пляшником отправились прятать деньги, а я с Сторожком остановился на краю села, у одной вдовы. Часа 4–5 не было Петренко, а потом явился. Мы собрались и поехали. Деньги не бралися поместить в кооператив и Петренко, как говорил, запрятал их в надежном месте. Я не расспрашивал, именно у кого, и только спустя некоторое продолжительное время Антон сказал, что, кажется, у родственника – двоюродного брата. Подъехали мы уже светом к деревушке Шелуховой, где и остановились отдохнуть. В этой деревушке мы пробыли сутки. Во время пребывания в Шелуховой, Петренко подтрунивал над моею молодостью, смеялся, что я Маруся безусая и советовал мне влюбиться, если только я не влюблен в Нину. Я хладнокровно относился к таким словам, но мне было неприятно, что он намекал на Нину.

Из Шелуховой мы поехали в колонию Ольгенфельд. Я со Сторожком остался там и на дольше, а Петренко с Пляшником отправились к Горбу, к Нине. Потом уже я не видел ни разу Петренко, Нину же в последний раз на хуторе. В колонии Ольгенфельд был Сашко Килимов и еще один партизан – Кузьма Горчаков, который родом был со станции Луганск. Сашко Килимов, чтобы скрываться, ездил с нами, со мною и Сторожком. Горчаков сидел в колонии, потому что у него не было лошади ездовой. Скрывались мы, переезжая с одного места на другое, но никаких налетов не делали. Во время такого метода скрывания, мы поехали на хутор Горба, куда направился Петренко с Антоном за Ниной. Оказалося, что Петренко с нею выехал неизвестно куда. Больше о Петренко никаких сведений определенных я не имел. Мы трое возвратились в Ольгенфельд. Ездить больше не ездили. Проживали мы в Шелуховой и в Ольгенфельде. Шелухова от Ольгенфельда за полторы версты. Отряда, который преследовал бандитов, не имелось. Милиция местная нас не трогала, хотя и знала о нашем пребывании. Жили спокойно. Я познакомился с одной девушкой, Груней и проводил с ней время. Недалеко была деревушка Андреевка, куда мы другой раз в воскресенье или субботу ездили гулять. Но вот однажды приезжает из колонии немецкой Екатериновки немец и

приглашает нас поступить к ним в милицию. До этого приглашения мы проездом останавливались в колонии немецкой и наше смирное поведение вызвало к нам доверие. Мы охотно согласились. Но требовалось только три человека. Так как я был похож более на городского жителя, чем на деревенского, то не записался, а записались приехавший к нам Антон, Сторожко и Килимов. Эту колонию часто бандиты грабили, но когда мы начали охранять, то грабежи прекратились. Всех нас в колонии жили пять человек: я, Сторожко, Килимов, Антон и Горчаков. Наступила весна. Немцы кормили хорошо. Власть не преследовала и даже мы жили у власти, помогая вылавливать бандитов. Каждое воскресенье к нам приходили из соседних сел девушки и мы весело проводили время. Один только раз на колонию налетели бандиты, но мы отбили их и больше они не тревожили. Для меня, как для городского жителя, такая жизнь среди природы очень нравилась. Вечером собирались немецкие рабочие, с ними мы подружились и проводили вечера. Таким образом я не заметил даже, когда прошел день моего рождения, 25 мая, и мне пошел двадцатый год. Хотя свои годы я скрывал от товарищей и говорил, что мне больше двадцати.

Во время жизни нашей в колонии, связи с профессиональными повстанцами мы не держали, хотя все знали о том, что мы в колонии. Приехала однажды только Одарка Царенко узнать о своей сестре Нине. Мы сказали, что знали, и она уехала. Но вновь надвигалась грозовая туча. Карпенко, Федорченко задумали поднять повстание. Была объявлена Советской властью мобилизация и появились дезертиры. Меня и Сторожко потребовали они на хутор Горященки. Мы поехали. На хуторе тогда я познакомился с Пухальским, который во время налета был больной. На этом хуторе нас расспрашивали о нашей жизни и о деньгах, которые запрятал Петренко. Мы рассказали о нашей жизни и что знали о деньгах. Так окончилось наше первое посещение, при этом же свидании Сторожку было поручено разыскать деньги. Он ездил и на Пятихатки, в кооператив, и в деревню, но денег не нашел. С того времени Сторожко и Федорченко начали готовиться поднимать повстание. За это время, с мая месяца и начала июня, я побывал дома. Дома был недостаток. Отец не зарабатывал столько, сколько надо было, чтобы прокормить семью. Был во всем недостаток и я, хотя меня не пускали, уехал обратно в колонию, дома же сказал, что служу в милиции. Если бы я знал, что моя поездка принесет столько горя родным людям, какие последствия будут иметь на мою дальнейшую судьбу, то я никогда не поехал бы. Товарищи мои завидовали даже мне, что я при деревне, в милиции. Приехав в колонию, я узнал, что население не хочет идти на мобилизацию. Сторожко был очень рад этому, но я нисколько. В то время я начал служить милиционером. Пока еще не были дезертиры объявлены «злостными», те жили по домам, но когда их объявили злостными дезертирами, то они стали скрываться и нашей колония была полна ими. Федорченко, Карпенко, Пухальский, Горященко заговорили о повстании.

Я и Сторожко стали пребывать на хутор к Горященко чаще. Каждый раз нас расспрашивали о том, что делается в нашем районе. Каждый раз была самогонка и закуска. Тогда было слышно, что Петлюра соединился с поляками и будет наступать. Я видел, как население относится к такому слуху, хотя это был не слух, потому что все это сообщалось также в газетах. Я равнодушно относился к подобному положению. Я знал, что плохо достанется Петлюре и полякам.

Знал, что они против советских войск, что сам был в советской Красной армии и действовал против Деникина, Шкуро. Для меня, незнакомого с крестьянством, было новостью, что население не верит в победу Советской власти. И я сравнивал город и деревню. В городе рабочие записывались в армию красную добровольно, а в деревне даже не хотели идти на мобилизацию. Думал ли я тогда о том, что случится со мной впоследствии? Никогда. Мне казалось, что все то так – пройдет, сбудется, что я участвовал в налете и сделаюсь официальным милиционером, с местными же нашими я не боролся и, что надо дружить, ибо если не дружить, то не удержаться [...].[1] Тем временем Карпенко съездил к Петлюре и готовил повстание. Однажды Карпенко пригласил меня и Сторожка и сказал, чтобы мы готовились к повстанию. Я же обдумав хорошенько, согласился. Я так думал, что из того повстания ничего не получится, потому что и Петлюра, и поляки были же далеко отогнаны. Но побродив по селам какой месяц, повстанцы разбегутся. Я снова буду иметь возможность находится в колонии. Карпенко объявил себя главным полковником, Федорченко своим помощником, мне и Сторожко сказал, чтобы мы набирали отряд повстанцев. И я, глупая 19-летняя башка стал набирать отряд. Меня подхваливали, говорили, что у меня вид старшины и я слушал и принимал к себе близко эти варварские льстивые слова. В колонию много приходило скрываться разного сброду. И я решил составить из них отряд. Но этого сброда бандитского мне показалось мало и я поехал в село Комиссаровку к Якову Барабашу, чтобы с ним набирать отряд. Сторожка и Якова Карпенко брал к себе. Со мною вместе поехали в Комиссаровку к Барабашу Якову – Антон, Александр Килимов и Горчаков. Остановились мы в сельскохозяйственной школе, в котором учились Петр Назаренко, Белоус знакомые нам с налета на город. Вскоре явился и Барабаш. Мы рассказали ему, что знали, Барабаш согласился формировать отряд, но выразил свое неудовольствие, что Карпенко и Федорченко не поручили ему формировать. Сам же Барабаш созвал 20 повстанцев на собрание. На этом собрании я говорил, что Карпенко, Федорченко поднимают повстание и поручили мне набирать отряд. Повстанцы на мои слова, что я не знаю их, сказали, что так как они меня тоже не знают, то выбирают они начальником Барабаша, которого хорошо знают. Когда я уежал, то Барабаш сказал мне, чтобы я передал Карпенко, что он будет иметь отряд человек 500. Так окончилась моя поездка к Барабашу.[2]

Через неделю приблизительно, я снова приехал к Барабашу узнать, как его дела. Он сказал, что его дела очень хороши, а также и то, что в лесу стоял Живодер, у которого он был, с которым он разговаривал. Барабаш сообщил мне, что Живодер имеет человек тридцать повстанцев конных и что уже два раза он, Живодер, делал налет на село Лиховку. Уехав от Барабаша я, увидав Федорченко, рассказал все, что слышал о Живодере. Федорченко заинтересовался личностью Живодера.

---

1 *Нерозбірливе речення.*

2 *Із інформаційного зведення № 76 Губчека про стан Катеринославської губернії за 19.07. 1920 р.: «По сведениям, в лазарете «Комиссаровского ремесленного училища» находятся петлюровцы, проживающие в с. Саксагань: Полынь, Федорченко и Мирошниченко. Имея связь с Петлюрой, вышеуказанные лица на совещании с Живодеровым в Комиссаровском лесу обещали последнему свою помощь оружием. Объединившимися бандами Живодерова, Петренко и Полыня в количестве 500 человек, совершен налет на с. Вольные Хутора, где в бою с нашей стороны убито 5 красноармейцев и н[ачальни]к 2-го района. Бандиты, захватив 5 лошадей, ушли в Комиссаровский лес» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 162].*

Федорченко послал меня к Барабашу, чтобы расспросить его, каким образом можно было повидаться Федорченко с Живодером. Прибыв к Барабашу и рассказав поручение Федорченко, Барабаш сказал, что сейчас Живодер в лесу Комиссаровском, что к нему можно поехать. Я согласился поехать. Барабаш достал бедку двухколесную, запряг лошадь и мы отправились. И вот я увидел еще одну крупную бандитскую личность. Прибыв в лес, тогда в первый раз еще, Живодера не застал, он был на каком-то хуторе. Вместо него я увидел его помощника, Никанора Палагуту. В лесу жило около тридцати человек верховых бандитов. Палагута знал Федорченко, Карпенко, Горященко и расспрашивал меня о них. Я, что знал, говорил. К этому времени приехал Живодер. Он был пьян. Выяснив, что я прибыл от Федорченко, он стал плакать своими пьяными слезами и просил, чтобы Федорченко дал ему помощь, что надо давно драться начать с советской властью, что вот он ждет помощи от Барабаша, а Барабаш только обещает, а помощи не дает. Таким образом, я говорил с Живодером. Потом Живодер и Палагута отошли от меня в сторону, долго о чем-то совещались. В результате Палагута сказал мне, что я должен проводить его к Федорченко. Я и Барабаш собрались выезжать, а Живодер оставив с нами Палагуту, собрал свою банду и куда-то выехал из лесу, когда уже вечерело.

Все мы, которые приезжали к Барабашу, отправились к Федорченко. На заре приехали в колонию Екатериновку, отдохнули день и вечером я, Сторожко, Палагута, поехали к Федорченко, который был на хуторе у Горященко. Палагута рассказывал нам планы Живодера, как к нему попал и как вместе с Живодером оперировал, считаясь его помощником. Федорченко с Палагутой потом говорили отдельно по секрету. В результате этого свидания, Федорченко сказал мне, чтобы я собрал сколько имею повстанцев. Но повстанцев у меня было очень мало, те, кто был в колонии только. На комиссаровских же я не имел надежды. Тогда Федорченко сказал, чтобы я попробовал забрать повстанцев в селе Любимовке и сказал, что он шлет им приказ. Но повстанцы Любимовки не пошли ко мне, хотя Федорченко и приказал. Они говорили, что меня не знают и видимо мне не верили. Дня через 3–4 мы отправились к Живодеру в лес. Отправился я, Сторожко, Палагута, Федорченко, Килимов, [...],[1] Антон Пляшник и еще повстанцев пять. Ехали целую ночь и только к утру прибыли к нему. Прибыли как раз тогда, когда Живодер уже был в дороге. Он ехал со своим отрядом в налет на село Вольные Хутора. На этот раз банда его сильно увеличилась. У него было уже человек 150–200. Определенной цели налета Живодер не сказал, но можно было догадаться, что он хотел этим налетом захватить в селе оружие и вооружить свою банду. Таким образом мы невольно участвовали в налете. Милиция, жившая в Вольных Хуторах, спала а поэтому сопротивления не оказала.[2] В результате нашего налета были забраны ружейные патроны, арестовано четыре человека милиционеров. Патроны оказались сырыми. Два человека арестованные, Павел Барабаш и Николай Шмалько были освобождены Живодером, потому что им были многие бандиты из отряда

---

1 *Прізвище нерозбірливе.*

2 *Із інформаційного зведення № 75 Губчека про стан Катеринославської губернії за 18.07.1920 р.: «Бандой Живодера совершен налет на село Вольные Хутора, где ими разоружено несколько милиционеров. Численность банды – 50 человек пехоты, 75 кавалеристов (без седел). Банда вооружена винтовками и обрезами» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 160].*

Живодера знакомые и потому, что они обещали дать пулеметную ленту. Остальные два были расстреляны, больше потому, что отпущенные, особенно Павел Барабаш, их оклеветали. После этого налета, прибыв в лес, Живодер имел с Федорченко продолжительную секретную беседу. После этой беседы Федорченко уехал с пятью повстанцами обратно, а мне приказал, чтобы я с Яковом Барабашом собрали бы повстанцев для Живодера. На следующее утро Живодер торопил меня, чтобы я скорей исполнял приказание Федорченко. Мне не хотелось собирать банду для Живодера, тем более я знал, что Барабаш неявно врал, повстанцев у него не было, а у меня не было, следовательно и подавно. Но не поехать к Барабашу было нельзя и я на тачанке с Килимовым и живодеровским повстанцем отправился к Барабашу. Барабаш сказал, что он сам приедет поговорить к Живодеру и с этим меня направил было опять в лес. Но не доезжая леса, нас остановил один из партизан из банды Живодера и сказал, что как только мы выехали, отряд красных повел на лес наступление и Живодер убит, а банда разбежалась. Проверять это известие мы не стали, а поблагодарив судьбу за спасение, повернули оглобли на колонию Екатериновку. Живодеровец остался в Комиссаровке, а мы днем благополучно добрались в колонию. В колонии мы застали Федорченко и рассказали, что знали о Живодере. Больше Живодера я не видал, прихавший в колонию Палагута сказал, что Живодера не убили и что он с остатком банды пошел на Полтавщину. Через некоторое время слышно было, что Живодера убили, ибо связи с ним не держали никакой. Федорченко хладнокровно отнесся к такому известию. Приказав мне, чтобы я поехал, съездил в деревню Ивановку, Терноватку, Алферовку и сколько можно собрал бы повстанцев, он уехал к Карпенко. Я поехал в названные Ивановку и Терноватку. Собрал хлопцев и объявил свое намерение. Собралися все в Терноватке и на этом собрании, кажется, присутствовал Рой и еще интеллигент какой-то. Они на собрании молчали, ни слова не говорили и только после собрания угостили меня медом. Хлопцы сперва согласились, но когда надо было садиться на подводы и ехать, то поехали только 9 человек: 4 человека с Терноватки, а 5 из Ивановки. На этом же сборище я познакомился с Иваном Долгим. Со мной приехало 5 человек и пристало 9, таким образом у меня составился отряд в 15 человек.

С этим отрядом я поехал в деревушку Шелухову, а оттуда через колонию Екатериновку, село Любимовку, где назначено было общее собрание. В селе Любимовке уже были повстанцы под командой Карпенко и Федорченко. Повстанцев было человек 100. Постояв день, к ночи Карпенко и Федорченко и с бандою со своею выехали в хутор, который около деревни Беловки. Мне же сказали стоять в Любимовке. К этому селу через два дня прибыл Горященко, Пухальский, [...][1] и с ними около 150 повстанцев. К вечеру мне был дан приказ, чтобы я с отрядом приехал в село Купянщину. Прибыв в село Купянщину, Карпенко я не застал и не знал, где он. Я дожидался, что будет дальше, хотя эта работа мне не нравилась и я начал думать, как бы ликвидировать начавшееся восстание. Обдумывал я сам, потому что не было около меня такого человека, которому можно было поведать, что было у меня в мыслях. Простояв день и ночь, я хотел уже возвращаться в Любимовку, так как никаких сведений о Карпенко не имел. Но вдруг приходит

---

1 *Прізвище нерозбірливе.*

крестьянин и передает, что все повстанцы наступают на отряд, который расположился в селе Адамовке. Когда узнали об этом повстанцы моего отряда, то они подняли на меня ропот, что я сижу здесь и никуда не двигаюсь, а Карпенко уже бьется. Делать было нечего, надо было направляться к Карпенко, во избежания недоразумений.

Выехав на следующий день, не успели мы проехать и полверсты, как все остановились. Впереди нас показался обоз. Я послал верхового узнать, кто. Узнал, что карпенковцы. Наконец приблизился и узнал, что они наступали на Адамовку, но отступили, а Карпенко, Сторожко и еще некоторых убили.[1] Карпенко, Пухальский, Исаев были очень огорчены смертью Карпенко и Сторожко.[2] Все они хотели хоронить повстанцев. Но тут передо мною открывается будущее пребывание. Опять отряды красных будут преследовать. Опять не будет покоя. Около Екатериновки надо было перестать думать. Домой было пробраться никакой возможности. И задумал искупить свою вину перед властью тем, чтобы отдать всех бандитов в распоряжение советской власти. Этим я думал искупить свою вину. Если, думал я, все разойдутся, то будут заниматься бандитизмом в розь, терроризировать и одного Советская власть не примет. Так соображала глупая совсем 19-ти летняя голова. Я задумал для этой цели удержать отряд. Я говорил бандитам, что они не должны разбегаться, а знать, что власть не простит за выступление, а потому говорил, чтобы соединились все. Бандиты все таки многие разбежались, но когда согласился Горященко, Пухальский, Исаев не расходится, то осталось около 100 человек бандитов. Было решено ехать в Комиссаровский лес. Ехали целую ночь, но к Комиссаровскому лесу не доехали, а приехали только в лес, расположенный около деревни Ивановки.

Старшины при этом были мне знакомы: Палагута, Пухельский, Горященко, Исаев. Федорченко при этом не было и где он был я не знал. Находясь в этом лесу кормили лошадей, повстанцев. Об этом беспокоился я, так как у меня в отряде были повстанцы местности, в которой находилися. К вечеру те разбежались. Осталось человек 80, но с этими повстанцами думали перебраться в Комиссаровский лес. Когда все подводы выровнялись и готовы были к уходу, я подъехал к рессорке-фаэтону, на котором находилось два раненых и сказал кучеру, чтобы он не пускал никого в фаэтон и когда приедем в лес, то лошадей надо отослать хозяину – крестьянину, а фаэтон как немецкий оставить. Сказал и уже было отъехал, как вдруг Палагута, ехавший на тачанке впереди, заявил, что он, как начальник Карпенкового штаба, является после Карпенко главною личностью. Что он приказывает мне не мешаться не в свое дело, а ехать около своего отряда. Это меня разозлило. Я плюнул и сказал бандитам, что кто хочет ехать со мною – едем, а кто не хочет, то как хочет. Сказал, выехал впереди всего отряда и поехал. Проехав с полверсты, я оглянулся и увидел, что за мною едет четыре брички и три человека верховых. Всего было четырнадцать человек. С этими бандитами направился в Комиссаровский лес, а об остальных, о Пухальском, Горященко и Палагуте не имел никаких сведений.

1 *З інформаційного зведення № 84 Губчека про стан Катеринославської губернії за 27.07. 1920 р.: «Бандой в количестве 500 чел. было совершено нападение на отряд в с. Адамовке. Подоспевшим отрядом банда была разогнана и в панике бежала на Саксагань, оставив убитых и раненых 59 чел. С нашей стороны убито 4 красноармейца» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 170].*

2 *Так у тексті.*

И вот начинается моя жизнь в лесу. Мысль перейти на сторону Советской власти не оставляла меня все время. Но как – надо было подумать. Говорить о своем желании повстанцам я не решился. Они могли меня свободно убить. Если бы человек был, какого можно послать к местной власти, но такого человека не находилось. И я решил сдаваться всем отрядом сразу, передвигаясь тихо с одного места в другое, пока пройдут карательные отряды Красной армии. А тут еще Барабаш Яков приходил часто в лес и говорил, что пощады ни кому нет и что если нас нащупают, то нам не сдобровать. И говорил еще о том, что ему из местного исполкома пришло два письма, в которых говорится о приглашении его на службу, но что он не верит и будет собирать отряд. Подобное меня удерживало еще больше и оставалось только скрываться. Что было у меня на душе, знаю только я. Мне казалось, что никогда уже не придется возвратиться в Красную армию и что я вечно буду преследуемый как бандит. Казалось и получалося действительно так, что меня и преследовали как бандита. Тяжело было у меня на душе и если бы кто видел, как я плакал украдкой. Да – несчастливый я человек. Долго оставаться в лесу нельзя было. Кругом уже стали называть мое имя, что все мол, Полынь шастает в лесу, при чем очень преувеличивали численность отряда. Во время стоянки в лесу ко мне прибавлялись бандиты, но я, в большинстве случаев, отсылал обратно, и оставлял только тех, которых не мог отослать. Если бы я не отсылал никого, то у меня было бы человек 60, но так у меня собралось человек 20.[1]

С этими людьми нельзя было долго оставаться в лесу и вот я выехал по направлению к деревне Глуховой. В большую деревню, которая имела более 50 хат, я никогда не заезжал. Проезжая около одного хутора, возле железной дороги, я остановил отряд, чтобы напоить лошадей. Лошадей напоили, но на этом хуторе был Соколенко старшина и с ним еще 4 человека бандитов. Он присоединился ко мне и двинулись дальше. Мои бандиты сидели на крестьянских подводах, что для быстрого передвижения было очень неудобно. Николенко предложил достать тачанки и сказал, что знает где. Остановились в Шелуховой. Николенко принялся за тачанки и вскоре составился свой обоз. Бандиты призначили его мне в помощники. На тачанках мы быстро передвигались с одного места на другое и власть, как мне казалось, за нами не последовала. Перейти на сторону Советской власти я все еще надеялся и думал, как-либо снестись для этого с коммунистом Петром Зинченко. Но проклятая судьба. Как тяжело она меня наказала. Под давлением бандитов я вынужден остановить поезд, в котором предполагалось, что будут солдаты карательного отряда. При этом были убиты дезертиры, оказавшиеся вместо карательной экспедиции. Хотя я приказал не стрелять, а подойти к последнему вагону, но меня не слушали. Из дезертиров, ехавших в поезде, ко мне пристало человек 6, а остальные разошлись.

С этого места, около Вольного Хутора, разъезда, отправились в колонию Ольгенфельд, а оттуда – на хутор Горба. Пришли на хутор ночью единственно для того, чтобы скрыться, но вышло и здесь кровавое бандитское преступленье. В то время, когда я спал, Николенко узнал, что на Монашеских хуторах есть красно-

1 *Із інформаційного зведення № 90 Губчека про стан Катеринославської губернії за 2.08. 1920 р.: «По агентурным сведениям, в Комиссаровском лесу, что в 35 верст юго-запад. В[ерхне]днепровска, скрывается банда в кол. 60 чел. кавал[ерии] при 4 тачанках» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 176].*

армейцы, 60 человек, которые присланы для молотьбы хлеба. Он тайно, не говоря мне, захватил 20 человек и подался к красноармейцам. При этом когда прибыл, красноармейцы разбежались, а три человека арестованы. Во время налета Николенко застрелил одного кр[асноармей]ца, пытавшегося бежать. Я не одобрял подобной выходки, но высказать нельзя было. Что было в моей власти, что я отпустил арестованных, среди которых был, к слову сказать, еврей. Из этого хутора направились мы в Саксаганский лес. Там простояли около недели. И вообще мы стояли, сколько можно в любом месте. С Комиссаровского леса поехали в Шелуховку, а оттуда в немецкую колонию Александровку. Уже светом пришли мы к колонии. По дороге нас видели ехавшие артисты на станцию Пятихатки. Они, наверное, сказали пятихатской власти, а она, наверное, приказала броневику и нас, бандитов злостных, каинов, мерзавцев проклятых, броневик обстрелял, не причинив, однако, никакого вреда. Постояв до вечера мы уехали и прибыли в Шелуховку. С Шелуховки уехали через два дня и направились в Сухановку, минув Комиссаровский лес.

Во время стоянки в Сухановке, бандиты моего отряда, во время разведки налетели на хату Зинченко, на которого я надеялся, чтобы посредством его все-таки выйти на рабоче-крестьянскую власть. Когда я узнал об этом, то последняя надежда рухнула и я решил самому бежать, бросив отряд. Имея такую мысль, я думал перебросить отряд от места, в котором разъезжал, подальше, чтобы таким образом свободно мог уйти. Из Сухановки ночью переехали мы в деревушку Луковку. Кругом не было слышно никакого отряда и я спокойно лег спать, думая на следующую ночь перебросить отряд дальше и бежать. Но тут случилось то, что меня разбили. Не знаю наверное, какой командир, кажется товарищ Портной. Наехал он на нас утром рано, когда все спали. Караул, поставленный нами, заснул и это дало возможность свободно разбить наше проклятое кодло. С нашей стороны не было никакого сопротивления. Когда ко мне прибежали и сказали, что нас окружили, то я едва успел одеться. Когда же выбежал, то по улице уже бегали красные солдаты.[1] Направился с Александром Килимовым в дорогу думая, что это самое опасное дело и меня могут убить наповал. Судьба сохранила меня. Я выбрался даже не раненым. Выбрался целым даже и Килимов и Николенко со мной вместе по одной дороге. Побыв две ночи на одном хуторе, мы отправились в колонию Екатериновку. Уже в колонии я узнал, что убито было красным отрядом человека три – четыре, человек 5 попало в плен. Остальные разбежались. Николенко вновь предлагал начать собирать отряд, но я решительно отказался, а побыв в колонии около ½ месяца, с ехавшими спекулянтами отправился домой. Это было кажется в конце августа 1920 года, числа 25.

Дома товарищи мои, с которыми я раньше дрался против Деникина никогда и не думали, что я мог быть в банде и предложили поступить для советской службы в бронелетучку № 207. Меня приняли в названную часть. Хотя по штату я числился вагоновожатым, но в действительности помогал начхозу в его делах, ездил в командировки и исполнял, когда не было другой какой подвижной работы, работу кондукторскую. Я с большою радостью исполнял каждую возложенную на меня обязанность. Мною были довольны и начхоз и командир. Бронелетучка была предназначена для охраны железных дорог и принимала часто бои с бандитскими отрядами, которых число значительно увеличилось. Были довольны и мои бедные родители, что я служу у них на глазах. О бандах я стал забывать и никогда не поехал бы больше на село, если бы не одно обстоятельство. Однажды я сидел вечером в клубе павших коммунистов-железнодорожников и читал газету. Вокруг меня тоже товарищи читали газеты. И вдруг, сидевший напротив меня, тихо говорит своему товарищу, указывая на меня, что он как будто меня видел в банде. Я ясно расслышал его слова и сейчас же встал и вышел. Для меня ясно было, что рано или поздно, меня могут таким образом арестовать. Что же оставалось делать? Каким образом устроить так, чтобы я мог быть свободным? Явиться к властям я боялся и не хотел, чтобы местные жители знали, что я был бандитом. Не хотел чтобы обо мне думали как о бандите. Много я передумал и остановился на том, что некоторые бандиты были прощены, когда выдали всю банду или же других бандитов.

[1] *Із інформаційного зведення № 103 Губчека про стан Катеринославської губернії за 15.08. 1920 р.: «В бою с бандой Полыня в дер. Лукеевке отрядом 235-го бат[альона] ВОХР было захвачено 5 бандитов, 20 винтовок, 1 автоматич[еская] с 10 патронами, 1 обрез, 165 патронов, 4 шашки, 11 седел, из коих исправных 7, обоянок 6, бричек 1, лошадей 21, из коих одна ранена, телефонного кабеля четверть версты и много другого имущества» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 189].*

Я решил поехать на [Верхнеднепровский] уезд, в колонию, собрать бандитов, во чтобы то ни стало перейти к советской власти на службу. Поехал я на уезд в колонию. В колонии были человека три бандитов. От них я узнал, что недели две назад они наступали на Алферовку, где стоял отряд красный.[1] Налет не удался и собравший и командовавший бандой Николенко был тяжело ранен. В налете участвовали Федорченко, Брова, у которого было человек 20, Палагута, Горященко, Пухальский, пулеметчик Мамойленко и другие. После неудавшегося налета, они распустили банду. Обо мне говорили, как о коммунисте и говорили, а именно: Палагута, Горященко, Пухальский, что они так и знали, что я передался на сторону красную. Брова же и Федорченко своего мнения не говорили. Через два дня приезжает в колонию Федорченко и Палагута. Призвав меня, они сказали, что если я не коммунист, то должен собрать отряд и передать Федорченко. Тут мне пришлось задуматься. Меня сильно подозревали и, пожалуй, если бы не бандиты, которые были в колонии, когда я приехал, то пристрелили бы. Не согласиться было нельзя и я дал обещание. Но в самом деле организовывать не стал. Для отвода глаз съездил в Алферовку за бывшими бандитами. Поехал в Алферовку, а не в другое село, Ивановку или Терноватку, где меня меньше всего знали. Я хотел этим отговориться, что мол повстанцев нет и отказываются, кто и есть. Я как надумал, так и сделал. Прислал Федорченко одного бандита, чтобы я с собравшимися ехал в Любимовку, но этому повстанцу я сказал, что отряда не имею.

[1] *Із інформаційного зведення № 131 Губчека про стан Катеринославської губ. за 12.09. 1920 р.: «в районе села Верховцево и Алферово идет бой между первой ротой 235-го батальона и кавалерийской шайкой бандитов. По последним сведениям, первая рота 235-го батальона окружена бандой в количестве 5 000 человек, у коих 2 000 сабель при 2 орудиях и 10 пулеметах. По сведениям, из Софиевки движутся банды. Меры к ликвидации приняты. Полурота 3 роты снята с села Попельнястого и направилась на село Алферовку. Туда же направлены 150 человек пехоты при 4-х пулеметах и 100 человек при 1 пулемете из 85-го бата[льо]на, и со ст. Долгинцево 200 человек пехоты. Послано подкрепление маршевому батальону 1000 штук патронов. По последним сведениям ротой 235-го батальона в бою с бандами в районе села Алферовки потеряно: 3 тяжело раненых и 3 легкораненых, а со стороны бандитов 19 убито, 16 ранено и одного взято в плен» [ДАДО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 6. Арк. 219].*

Таким образом, цель моей поездки далеко не увенчалась успехом. Я думал уже о том, что приехать [на] бронелетучку, взять перевод куда-нибудь в другую волость, подальше от Екатеринослава и, таким образом, прожить какой год, чтобы обо мне забыли, а потом вернуться домой и служить дома. Ехать по железной дороге я не решился и стал дожидаться, когда кто-нибудь из спекулянтов будет ехать в город Екатеринослав. Во время такого ожидания, узнал о нашем местонахождении Попруга и однажды утром приехал с отрядом чтобы нас поймать. Но все мы запрятались. Я запрятался в люцерне. Часов пять пришлось пролежать в ней. После этого вскоре ехал один спекулянт в город и я поехал с ним. Прибыв домой я узнал от товарищей, что бронелетучка стоит на станции Лозовой и что если я возвращусь на бронелетучку, то мне ничего не будет, потому, что все думают, что я болен. Дня через два я думал прибыть на летучку, но ту я действительно заболел. У меня открылся ревматизм и высыпали чиряки. Пришлось отложить поездку на службу и слег в постель. С ревматизмом и чиряками я провалялся всю зиму. После Рождества увидел командира летучки и объяснил ему свое отсутствие. Командир оказался недоверчив и сказал, что считает меня дезертиром. После такого разговора на бронелетучку не поехал – побоялся, чтобы не отправили в комдез.

Зимою не решался никуда ехать поступать на службу, весною же думал записаться в кавалерию. Тогда ходили слухи, что на Кавказе идет война и я думал отправиться туда. Но вот в начале марта месяца приходит Анна Царенко. Как на узнала адрес – не знаю. С нею я был мало знаком и до того видел только когда она лежала больной в селе Лиховке.

Сначала начала меня расспрашивать о своей сестре, а я говорил, что знал о ней. Поговорив о ней, она завела разговор на политическую тему и говорила, что знает о том, что я был партизаном. Я молчал про то, что считаясь на советской службе и благодаря тому она объяснила цель посещения. Она сказала, что приехали двадцать пять человек из-за границы в Екатеринославскую губернию, чтобы поднимать восстание и что они ищут старых повстанцев, с кем можно было бы начать организацию. На вопрос – откуда она это знает, она сказала, что ей сказал студент Марк Кикоть, что она его ко мне пришлет, чтобы я с ним поговорил. Пришел на другой день Марк Кикоть и сказал, что про это сообщил ему его хороший товарищ. Марка Кикотя я видел первый раз, но наверное доверяя Царенко он, по ее рекомендации, доверчиво ко мне отнесся. Он сказал мне, что и Царенко предложил, чтобы я взялся за роботу. Я решительно отказался, сказав, что никакого участия не приму. С этим Марко Кикоть и ушел. Больше я его не видел. Анна Царенко приходила еще раза два называя меня трусом, стыдила, но я отказывался. Тогда, я теперь хорошо понимаю, пришла Вера Царенко и устроила так, что я объяснился ей в любви. Думали наверное посредством ее втянуть в повстание меня, но ничего не получилось. Раза три приходила она со своей сестрой Одаркой. В повстание я не пошел. Я хотел мирной и честной жизни и на удочку не поддался. Приближался конец марта месяца. Власть меня не преследовала и я пожалуй, остался бы, если бы Царенковы не знали моей квартиры. За ними могли следить и они могли бы меня выдать. К тому же мать моя не желала, чтобы они ходили. Надо ехать, но куда, в какую часть? И вот однажды, находясь в клубе павших коммунистов-железнодорожников, увидел свою бывшую соученицу Валю Хромушину, которая была за мужем за каким-то коммунистом, причем начальника ДТЧК. Разговорившись с ней, она мне сказала, что ее мужу разрешено формировать отряд и что с этим отрядом они поедут в город Проскуров. Я сказал, что если меня примут, я бы тоже поехал бы. Она, безусловно зная мое прошлое, сказала, что таких как я, муж с удовольствием возьмет к себе. На другой день я познакомился с ее мужем. Он сказал, что меня принимает. Я сказал, что в дороге я их догоню и стал готовиться к отъезду. Выехал я из дому второго апреля н[ового] ст[иля]. По моему предположению, когда я приехал бы в Проскуров, то отряд уже должен быть на месте. Выехал я по документу, который сам себе написал. У меня было требование, которое написанное карандашом на керосин. Карандаш резинкой я стер, а написал чернилами, что такой-то отправился в Киев к этапному как военмор во флот. Конечно в Киев я написал потому, что проехать было трудно до Киева, а там поезда разные ездили и можно было более спокойней и скорее добраться в Проскуров.

И вот прибываю я в Проскуров 12 апреля. Прибыл рано, очень промерз и зашел в станцию побыть до утра, а утром расспросить, где помещался прибывший на днях отряд. Было около 2 часов ночи. Я дремал, когда вдруг стали проверять у граждан документы. Спросили документ и у меня. Я показал, но документа мне не возвратили, а меня арестовали. На другой день зовут меня в канцелярию. Спрашивали и я отвечал, как было, т. е. что должен был прибыть отряд и я в этом отряде начал бы служить. Мне сказали, что никакого отряда не приезжало, а меня поэтому отправят [в] часть. Но я сказал, что и сам доберусь без этапа и меня отпустили. Очутившись хотя и на свободе, но в чужом, не знакомом городе, один с 1000 руб. в кармане, я стал думать, куда я пойду с такими документами. Выезжать из Проскурова было труднее, чем въезжать. Меня могли на каждой станции арестовать. И вот я решил заболеть венерической болезнью, в тот же день заразился триппером. Через два дня шел поезд и к этому времени болезнь сказалася. Заражаясь этой болезнью я соображал, что меня положат в лазарет, вылечат и тогда запишусь просто в какую-либо часть. О своей болезни я заявил местному военному врачу и он освидетельствовав меня, отправил в Винницу, в венерический лазарет. В лазарете был я семь дней. Мне показалось, что болезнь прошла и я выписался. Из лазарета меня направили к этапному коменданту, а этапный комендант – в Киев, к этапкому № 165. Этапком № 165 направил в распоряжение начальника броневых частей Киевского военного округа. Это было числа 25–26 апреля. Прибыв к начброньчастей, меня спросили о специальности и я сказал, что переписчик. Переписчики как раз нужны были и меня назначили переписчиком в отдельную роту пополнения при Укрначброньчастей вещевого стола. За это время болезнь моя осложнилася. Получилось воспаление и было даже тяжело ходить.

Приближался большой праздник 1-го Мая. Все больницы были закрыты и я не мог начать продолжать лечения. Все время праздника я пролежал и пошел в больницу только на 3-й день. Болезнь зашла очень далеко. Надо было серьезно подумать о лечении. Мне разрешили уходить во время занятий на два часа и я принялся за лечение. Постепенно болезнь моя утихомиривалась и я надеялся, что скоро буду здоров. Но вдруг отдельная рота пополнения получает приказ ехать в Харьков. Прервать лечения я не хотел, а ложиться в лазарете с моей болезнью нельзя было. В лазарет принимали только тех, у которых она в острой форме, а

меня этот период уже прошел. Но тут представилась возможность остаться в Киеве и закончить лечение. Пришли уполномоченные от военных учебных заведений и предложили записаться, кто желает, на какие угодно курсы. Я записался на 11-е кавалерийские курсы, потому что они находились в Киеве и занятия должны были начаться приблизительно через месяц. Мне выдали командировочные документы на имя начвоеншкол Главной Инспекции. В Главной Инспекции у меня документы забрали, а выдали препроводительную записку в карантин, который находился при 9-х пехотных подготовительных курсах комсостава. При карантине я побыл дней 7, во время которых я продолжал свое лечение. В карантине спать пришлось на голом цементном полу, я простудился и у меня открылся ревматизм. Через неделю всех нас, собравшихся курсантов 11-х кавкурсов, отправили в Школу червонных старшин, для того, чтобы там держать экзамен, пройти через медицинский смотр. Но мне не пришлось держать экзамена и быть на медицинском смотре. Ревматизм окончательно скрутил мне ноги и меня отправили на эвакоприемник, находившийся при станции Киев. В приемнике я пролежал около недели, был назначен на испытание, но осложнившаяся болезнь заставила лечь в лазарет.

И вот я лег в лазарет, который находился возле Бендерских казарм. Болезнь моя, триппер, утихомирилась, не тревожила, зато ревматизм разыгрался во всю. Все время я не вставал и даже первую неделю кушал не вставая, лежа. Пролежал я в том лазарете около месяца. Потом пошел на комиссию и комиссия врачебная, освидетельствовав, назначила две недели отдых при части. Хотя я считался курсантом 11-х кав[алерийских] курсов, но при выходе из лазарета сказал свою прежнюю часть – отдельную роту при Управлении начброньчастей КВО. Но так как эта часть переехала в Харьков, в распоряжение начальника бронечастей Украины, то мне и пришлось туда ехать.

В пересыльной части мне выдали документы, но не в Харьков, а до следующего этапного пункта, до г. Полтавы. В Полтаве я переменил документы и должен был ехать в Харьков, в распоряжение нач. бронечастей Украины на службу. Но я был почти гол. Ботинки мои были без подошв, штаны разлезлись. А тут недалеко и дом, всего несколько часов езды. И я решил побывать дома, перемениться, взять харчей и тогда поехать на службу. Так я и сделал. Из Полтавы не поехал в Харьков, а домой, и прибыл 22 июля. Но вот получилось то, что я совсем не ожидал. Приехав домой, я почувствовал себя крайне слабым, чего в дороге не замечал. Дома мука была, кушать было что. За домашними, за папой, мамой, братиками я очень соскучился. Захотелось мне побыть около них. Так незаметно пробежали 1½ месяца. В это время я узнал, что Вера Царенко приходила один раз на первый день мая, Пасху. И если бы я не вздумал ее видеть, то пожалуй, поехал бы в свою часть и продолжил бы служить. Я упросил моего меньшего брата, чтобы он сходил к Одарке и позвал бы ее. Пообещал дать ему тысячу рублей на театр и он согласился. Адрес же мне еще перед отъездом Вера дала. Нужно было обратиться в музей к Орленку, а он передал бы ей. Через неделю приходит Одарка и узнал, что Вера больна, Анна арестована. Также она сообщила, что власть меня ищет. Я было успокоился, но она новь своими новостями напомнила мне, что я – преступник. Что мне было делать? Ехать служить – страшно. Обо мне еще не забыли. И как она передавала, ищут усиленно. Узнал я также, что многие бывшие бандиты явились к власти и теперь прощены и служат. Сказала она также, что к ним в село Лиховку приходил Иван Долгий, что он скрывается, переходя из одного места в другое. Мне было ясно, что с моим каиновым прошлым спокойно служить нельзя, а в Харькове тем более. Потому что в Харькове свободно меня мог кто-либо узнать и передать власти. От местных жителей я знал также, что существует банда Иванова и еще не разбили Брову и Махна. Явиться мне к власти так как я есть – один, я не решился, а думал, что надо сделать какую-либо пользу власти. Задумал я определенно выведать, призвав Долгого, что он знает и выдать контрреволюцию, которая еще существует и может принести вред. Я сказал Одарке, чтобы она, если увидит Долгого, то чтобы сказала, чтобы он пришел ко мне. Одарка поехала домой, застала там Долгого и прислала ко мне. Долгий не сидел на одном месте и принес много новостей.

Он рассказал мне, что за 1921 год он не имел ни одного дня [спокойного]. Жизнь свою сохраняя, он переходил из одного места в другое: то на Сороконановке, то в колонии Екатериновке, Ольгенфельде, Алферовке, Терноватке, Лиховке, Попельнястой, Красной Каменке, то у родственников, живущих в Полтавской губернии за Днепром. Рассказал, что находясь у родственников в начале весны, недалеко [от] той деревушки, в которой он находился, проезжал Махно и Брова, которые даже имели бой с красными. Но в деревню, где Долгий находился, не заезжали. В начале весны, говорил Долгий, ему предложили взяться за организацию повстанчества, в то время, когда он находился в Лиховке, организаторы Зирка и другие. С Зиркой была какая-то девушка и человека 2 или 3. Он согласился, ему назначили район и если бы Зирка и другие не изменили бы, то разгорелось бы повстанство. После такого неудачного начала повстння, он, услышав об Иванове, подался к последнему, но Иванова не нашел, так как Иванов переезжает постоянно с одно места на другое. Находясь в селе Попельнястом у своих знакомых, он видел желающих воевать с Советской властью очень много, но все они сидели на местах за неимением вожака. Долгий агитировал, что если бы был я, то вполне мог бы заменить командира. Повстанцы попельнястовские имели связь с повстанцами краснокаменскими. Они очень интересовались моей личностью и заявляли согласие быть под моим командованием, хотя раньше были они в отряде Степового. Агитируя в мою пользу, Долгий не знал, где я находился, но говорил, что оперирую в Полтавской губернии. Долгий говорил, что если бы я явился туда с 10–15 человеками, хотя бы и с 5-ю, лишь бы не одному, то можно бы набрать порядочный отряд, а оружия у них хватило бы. Сообщил мнее Долгий также, что он наладил бы связь с Ивановым. Сказал мне Долгий также о том, что начальник милиции Алферовской и учитель Терноватский арестованы.

Из всего, сообщенного Долгим, я понял, что благодаря Долгому, обо мне на уезде не забыли и даже больше – я мог организовать в отряд банду. Воевать с Советской властью у меня определенно не было желания, наоборот – сделаться легальным, чтобы можно было спободно себя чувствовать. К словам Долгого я относился [...][1], но что если мне не удастся, как и прежде, собрать выдать банду, так как я предполагал? Мысль о возможности этого заставила меня отказаться от намерения организовать банду в отряд. Но намерения этого Долгому я не ска-

1 *Нерозбірливе слово.*

зал, а задумал использовать его, послав с письмом к немцам колонии Екатериновки. Я так и сделал. Написал письмо, в котором просил, чтобы дали мне 50 пудов муки. 50-т я просил, а надеялся на 10 пудов, на которые переведя на деньги, думал одеться и поехать служить в Красную армию. Письмо я написал, Долгий им передал, но немцы не дали ни одного фунта. Когда Долгий принес мне сведения об отказе, то не было денег даже на дорогу, не то, чтобы одеться, пришлось задуматься. Жить нелегально мне очень надоело. Каждое утро вставать с мыслью, что меня могут арестовать. Но как сделаться легальным? Пойти к власти с пустыми руками я не решался. Задумал я воспользоваться предложением Долгого, организовать краснокаменских и попельнястовских в отряд и перейти, употребив все усилия, на сторону Советской власти, сделаться легальным, каковым я давно себя в мыслях изображал. Но поехать одному с Долгим на уезд и организовать отряд было затруднительно.

И вот Долгий на мой такой план Долгий сказал, что он мог бы поехать к Брове и объяснив ему, в чем дело, выпросить некоторое количество бандитов. То, что я не был знаком с Бровой, Долгий обещал устроить, говоря, что он с Бровой в хорошем знакомстве и что Брова его словам верит. Долгий отправился к Брове, но его не нашел, а нашел только какой-то отряд, неизвестно какого командира, который сообщил, что Брова или в Донской, или в Кубанской области. Когда Долгий сообщил об этом, то я потерял всякую надежду собрать отряд бандитов.

Но Долгий уверял, что он хорошо подготовил почву для меня и удастся собрать отряд и без помощи Бровы. При этом он уверял, что наладит связь с отрядом Иванова. Мысленно я отказался от предложений Долгого, но ему об этом не сказал. Сказал ему, чтобы он ехал на уезд, приготовил бы для меня квартиру и я, как только приедет немецкий работник Костя в город, отправлюсь с ним, чтобы приступить к собиранию [отряда]. Сам же я имел такую цель: приехать в колонию Екатериновку, выпросить лично у немцев муки, продать ее и на эти деньги приодеться, а приодевшись, отправиться на службу к Советской власти, причем соображал, что служить постараюсь где-либо в глубине России. Таким образом, думал я, прослужу год – два, обо мне окончательно забудут и я буду иметь возможность возвратиться домой и жить спокойно. Не выпросив же у немцев муки, я не имел возможность уехать на службу, так как не имел ни денег на дорогу, ни сапог или ботинок. Ехать же без денег и роззутым против зимы, было невозможно. Так я и сделал, как подумал. Взял у брата документы, приехал Костя, немецкий работник и я отправился с ним в колонию Екатериновку.

По дороге меня было арестовали, но проверив документы и сделав с него копию, оосвободили. В немецкой колонии пробыл я три дня. Долгий приготовил для меня квартиру, где-то в селе Алферовке. Но на эту квартиру я не поехал. Я сказал Долгому, что без отряда не берусь собрать приготовленных повстанцев. И для того, чтобы от Долгого отвязаться, я сказал ему, что поеду к родственникам в Донскую область, поступлю там на службу, вызову тогда Долгого и наладив связь с Бровой, примемся за действие. При этом сказал ему, что попрошу немцев, чтобы они его скрыли и дал ему пароль. Безусловно, это покажется глупым, но Долгий поверил.

Когда я показался немцам, то они очень испугались моего внезапного появления. Я умышленно заговорил о том, чтобы мне разрешили они побыть неделю в

колонии. Но немцы решительно отказывались. Они сами предложили мне муки, чтобы я только оставил колонию. Мне же этого только и нужно было. Дали они мне 7 пудов муки. При Долгом я попросил их, чтобы они хотя бы его припрятали. Немцы пообещали.[1] И вот, пробыв в колонии три дня, я отправился домой. Из привезенной муки, 5 пудов я продал и через три недели купил сапоги черные и осталось мне 2 пуда. Хотел продать и с этими деньгами приступить к задуманному плану легализоваться. С Долгим же и вообще с контрреволюцией, я думал навсегда порвать сношения. Но судьбе угодно было не так.

Назначив день отъезда субботу, я думал продать 2 пуда муки. Но тут является Михаил Сторубель, который знал, что я был в банде. Разговорившись с ним, я узнал, что он вновь желает бороться против Советской власти. Что было мне ему говорить? Я при разговоре с ним не сказал ему моего намерения и касаясь прошлого, конечно, не без вранья, мысленно отказался от него. Но как отказаться? И вот я задумал дотянуть с ним разговор до субботы, а в субботу уехать. Но для того, чтобы он не подумал, что я еду в Красную армию на службу, я, дабы остаться в [его] глазах таким, каким он меня знал, оставил записочку. В этой записочке я написал про советские учреждения и про то, что должно, какие обязанности исполняет каждое учреждение. Кроме того, в записке я написал о антисоветских отрядах. Как то, так и другое и вообще все, что значилось в записке, мог знать каждый гражданин, читающий газеты или служащий на советской службе. Прохаживаясь с ним возле двуклассного железнодорожного училища, в котором я получил образование, меня вдруг арестовали и теперь мне приходится дать ответ за все мои преступления, совершенные против Совласти.

Да, товарищи! Я совершил преступление перед законной Советской властью, единственно могущей защитить пролетария-труженика из семьи которых я происхожу. Горячая, 18-летняя голова моя испытала не мало за последние два года. Я не слушался отца, увещевавшего меня бросить мое преступление.

Своим поведением я не мало принес горя моим родителям, не видавших радостного дня за свою жизнь. Простите же меня, товарищи! Я искренне раскаиваюсь в своем преступлении. Примите меня в свою честную пролетарскую среду. Дайте мне возможность приложить все мои силы, все свои знания, весь мой жизненный опыт для того, чтобы искупить свою провинность.

Товарищи! Я Черной Кости пролетарской и для своей рабочей семьи посвящу всего себя. Еще не поздно. Мне только 20 лет. Предо мною жизнь впереди. Я искуплю свою [вину]. Не дайте мне умереть как контрреволюционеру.

Дайте мне возможность честно трудится и утешить мое дорогое семейство в их великом горе. Я клянусь, что заслужу ваше внимание и что принесу пользу рабочим.

1921 года 8 ноября Иван Подгорный.

Если, товарищи, я что и не написал здесь, то на словах и записке после напишу.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23092. Арк. 8–60. Оригінал, рукопис.

---

[1] *У грудні 1921 р. за вироком Надзвичайної Трійки повітової військової наради Верхньодніпровського повіту за зв'язок з повстанськими загонами в колонії Катеринівка Олександрівської волості Верхньодніпровського повіту були розстріляні голова колонії Дригер Петро та його заступник Фрізер Василь [ДАДО. Ф. Р-224. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 19].*

№ 111 Доповідь працівника Катеринославської ГубНК щодо справи І.М. Підгорного-Полиня[1]

21 листопада 1921 р.

ДОКЛАД

По делу № 2296 1921-года ноября 21-го дня я, уполномоченный Пол[итического] отделения 2-й группы ГРОМОВ, закончив сего числа следствие дело за № 2296 по обвинению гр[аждани]на Екатеринославской губ[ернии] Новомосковского уезда, пос[елка] Султановки, Ивана Михайловича Подгорного-Полыня, 20 лет, в контр-революции, выразившейся в организаторстве бандитских шаек петлюровского направления, в активном участии, в налетах, убийствах и грабежах, и в производстве террористических актов над отдельными ответственными работниками (членами КП(б)У), выяснил:

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕЛА

20-го октября с[его] / г[ода] по донесению сотрудника 2-й группы, в коем говорилось, что в районе Н[ижне]днепровска появился бывший атаман бандитов ПОЛЫНЬ. 2-я группа совместно с Завполитотделением и Зав[едующим] Секретно-Оперативным Отделом, заблаговременно обсудив этот вопрос, решили произвести операцию. И в ночь на 21-е Октября, по ранее условленному и намеченному плану, как раз во время прогулки ПОЛЫНЯ, Секретными сотрудниками, вышеназванными был задержан и доставлен в ЕГЧК.

ХОД ДЕЛА

Сейчас же после задержания, в кабинете Зав[едующего] Секретно-Оперативным отделом был произведен допрос ПОЛЫНЯ не официального характера, а просто беседа.

В этой беседе Полынь рассказывал о своих похождениях и всячески утверждал, что никакой реальной связи с подпольными реальными организациями не имел и не имеет. На заданные вопросы он отвечал в начале резко, даже дерзко, применял, например, выражения, что ему легче умереть, чем выпить стакан воды и вообще героически, как свойственно атаманам, держал себя. Нисколько не стесняясь, он рассказывал про самые грязные операции, предпринятые со своим отрядом. Посидев несколько дней в одиночке, он понял, что его героизм и упорство, проявленное при первой беседе, *ни к чему не приведет*, он обещал дать все то, что только он знает, был вызван на допрос, где он показал следующее:

В 1920-году после отступления Деникина и с приходом Красных войск на Украину, атаман МЕЛАШКО стал организовывать так называемую «Украинскую окремну бригаду»[2], куда он, Полынь, как отличившийся старшина во время повстанчества против Деникина, был приглашен в качестве старшины. Благодаря аресту МЕЛАШКО Соввластью, последний повернул штыки в спину Красных Войск и первым выступлением против Соввласти был знаменитый налет на гор[од] Верхнеднепровск в феврале [19]20 года, результатом чего было очень много жертв со стороны Красных, было ограблено казначейство в сумме 13-ти миллионов рублей. ПОЛЫНЬ в этом налете принимал самое активное участие, даже сам взламывал кассу и казначейство. По окончанию налета банда двинулась по направлению к Софиевке Криворожского уезда, которая всячески преследовалась Красными войсками, приняла бой под командой ПОЛЫНЯ результатом чего Красные войска, благодаря их малочисленности, отступили, потеряв половину их состава. На следующий только [день] Красная Кавалерия, застигнув банду у села Альферова, вступила с ней в бой, и банда была разбита. Тут начались для ПОЛЫНЯ новые последствия. Приехав в село Софиевку после разгрома банды совместно с бездомными, по его мнению, повстанцами, им был оказан радушный прием атаманами ФЕДОРЧЕНКО, СЕМИРЯГИН[ЫМ] и ГОРЯЩЕНКО.

---

[1] *Текст, поданий у документі курсивом, вписано від руки.*

[2] *Текст у документі.*

В этом периоде были разделены деньги, награбленные в Верхнеднепровске и на долю ПОЛЫНЯ, досталось, как он показывает, 50-ть тысяч рублей, а остальные МАКСИМЕНКО, БЕРЕЗНЯК, ДВЯКИВСКИЙ, ФЕДОРЧЕНКО и прочие, взяли себе по миллиону и больше. Рядовым повстанцам роздано было по 1000 рублей. После этого ПОЛЫНЬ откололся от остальных атаманов и жил в одной из деревушек Верхнеднепровского уезда. В последствии он вступил в милицию в Немецкую колонию. Таким образом он жил до появления на горизонте КАРПЕНКО. С появлением последнего, ПОЛЫНЬ принял деятельное участие в организации банды и выступил против Соввласти, держал все время связь с ЖИВОДЕРОМ. После потерпевшего поражения в селе Адамовке, в котором был убит КАРПЕНКО и через некоторое время ЖИВОДЕР, ПОЛЫНЬ откололся от общего повстанческого движения и, взяв с собой 20 человек бандитов, ушел в Комиссаровский лес. С этой бандой он делал всевозможные налеты, останавливал поезда, обезоруживал милицию. Все налеты сопровождались расстрелами красноармейцев и коммунистов. *Главную помощь ему оказывал Долгий Иван, как связь.*

Таким образом он действовал до августа прошлого года, пока не был застигнут Красным отрядом ПОРТНОГО и был разбит на голову, и с тех пор ПОЛЫНЬ решил уехать из этого района и предаться мирной работе.

Поступил в Авто-Бронезавод, где служил переписчиком и в конце-концов, в 1921 году, приблизительно в Марте месяце, приехал домой в село Султановка. До раскрытия дела Екатеринославской Губчека № 1099 к нему приехала сестра его невесты (расстрелянная по вышеуказанному делу и предлагала ему принять участие в подпольной работе, но он отказался, мотивируя тем, что он болен). Все показания ПОЛЫНЯ-ПОДГОРНОГО носят характер беллетристики. Тут он старается ударять на свою молодость, что он «черной пролетарской кости» и просит о пощаде. Я же, со своей стороны, нахожу, что ПОЛЫНЬ в корне испорченный человек, не смотря на его 20-летний возраст, не способен быть честным гражданином. Его использование может отозваться в обратном смысле, а именно – он не в состоянии будет приносить пользу (при этом убежденный Украинец и еще больше – испорченный человек).

В периоде следствия была получена телеграмма из Верхнеднепровского Политбюро о том, что бандит ДОЛГИЙ арестован и т. к. ПОЛЫНЬ в своих показаниях ссылается на ДОЛГОГО, то нами по телеграмме № 954 было затребовано из Политбюро Верхнеднепровска дело с личностью Долгого. И по полученной телеграмме из Политбюро Верхнеднепровска № 218 сообщается, что известный бандит ДОЛГИЙ бежал.

На основании всего вышеизложенного считаю факты обвинения ПОЛЫНЯ-ПОДГОРНОГО, считаясь с его показаниями, вполне доказанными, полагал бы: применить высшую меру наказания – расстрел. *Гр. Долгого Ивана полагаю разыскивать.*

Обнаруженные при личном обыске деньги: советскими – трид[цать] рублей, Керенские – 20 руб., гривенны – 50 руб. и старые медные монеты – две штуки, сданные по кв[итанции] казначею № 1528 – конфисковать. Дело следствием прекратить и сдать в архив.

Уполномоченный 2-й группы [підпис] ГРОМОВ

О.Д.

Согласен: Начполитотделения [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23092. Арк. 67–68. Оригінал, машинопис.

№ 112 Витяг з протоколу засідання Колегії Катеринославського ГубНК у справі № 2296 І.М. Підгорного-Полиня

13 грудня 1921 р.

ВЫПИСКА

из протокола № 73 заседания Коллегии под председательством зампредчека тов. ЛЕПЛЕВСКОГО, членов Коллегии: т. т. ПЕТРОВА, ЛУПИЛОВА и Секретаря Комиссии тов. СУХОДОЛЬЦА и представит[еля] от Губпаркома тов. ТРЕПАЛОВА Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии от 13 декабря 1921 года.

СЛУШАЛИ:

1) Дело № 2296 по обвинению ПОДГОРНОГО-ПОЛЫНЯ Ивана Михайловича, 20 лет, ур[оженца] с. Султановки Новомосковского уезда Екатеринославской губ. – в контрреволюции, выразившейся в организации бандитских шаек петлюровского направления, в активном участии в налетах, убийствах и грабежах, и в производстве террористических актов над отдельными ответственными работниками (членами КП(б)У).

ПОСТАНОВИЛИ:

Считать предъявленное обвинение гр[ажданину] ПОДГОРНОМУ-ПОЛЫН[Ю] Ивану Михайловичу в организации шаек петлюровского направления, в участии в налетах и разн[ого] рода грабежах – доказанным и применить к нему высшую меру наказания – РАССТРЕЛ.

Приговор привести в исполнение в 24 часа.

Фигурирующего в деле гр[ажданин] ДОЛГОГО Ивана занести в списки разыскиваемых.

Отобранные деньги по кв[итанции] № 1528 – конфисковать.

Дело прекратить и сдать в архив.

С подлинным верно за надлежащими
подписями: Секретарь [підпис нерозбірливий]

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23092. Арк. 75. Завірена копія, машинопис.

№ 113 Висновок по архівній справі № 23092 щодо І.М. Підгорного-Полиня

14 липня 1997 р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по архивному уголовному делу № 23092
в отношении Подгорного-Полыня И.М.

Постановлением Коллегии Екатеринославской Губернской Чрезвычайной Комиссии от 13 декабря 1921 года.

Подгорный-Полынь Иван Михайлович, 1901 года рождения, уроженец п. Султановки, Н[ово]московского уезда Екатеринославской губернии, беспартийный, арестован 21 октября 1921 года, –

по обвинению в контрреволюции, выразившейся в организации бандитских шаек Петлюровского направления, в активном участии в налетах, убийствах и грабежах населения и банков, в террористических актах над отдельными ответственными работниками, членами КП(б)У, приговорен к ВМН – расстрелу.

Подгорный-Полынь И.М., арестованный и допрошенный после разгрома его банды 8 ноября 1921 г. виновным себя признал полностью, ссылаясь на свой двадцатилетний возраст просил сохранить ему жизнь. л.д. 4–60.

Виновность Подгорного-Полыня И.М. также подтверждается оперативным донесением и докладами по делу. л.д. 61–62, 67–68.

Оценивая все доказательства в их совокупности, следует считать, что Подгорный-Полынь Иван Михайлович приговорен к ВМН – расстрелу обосновано.

Заявлений от родственников и других заинтересованных лиц о реабилитации Подгорного-Полыня не поступало.

На основании изложенного и в соответствии со ст. 2 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года и п. 13 постановления Верховного Совета Украины от 24 декабря 1993 года «О толковании Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», считать Подгорного-Полынь Ивана Михайловича обоснованно приговоренного к ВМН – расстрелу и не подлежащим реабилитации.

И.о. прокурора области
государственный советник юстиции 3 класса
«14» июля 1997 г. [підпис нерозбірливий] Г. З. Байрак

Справка: Дело пересматривается в порядке выполнения указания от 12.06.1991 г. Сообщение о принятом решении по делу не направлялось.

АП УСБУ в ДО Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 23092. Арк. 79. Завірена копія, машинопис.

ФЕДОРЧЕНКО Родіон Якович
(1884–15.03.1930)

Український політичний діяч, отаман повстанського Катеринославського коша (1920 р.). Народився у селянській родині с. Софіївка Криворізького округу. З 10 років працював на Криворізьких рудниках. У 1907 р. вступив до партії есерів. За участь у партійній роботі заарештовувався у 1908 р. та 1909 р. За рішенням Окружного суду висланий до м. Омськ звідки втік за кордон в Галичину. До 1914 р. проживав у м. Львові, виконував нелегальні доручення ПСР на території Російської імперії.

Під час Першої світової війни нелегально повернувся до Росії, перебував на території Київської губернії. Місце і час мобілізації до армії Р. Федорченко невідомі. Про себе він повідомляв, що за роботу по розкладу армії був заарештований на початку 1917 р., звільнений завдяки Лютневій революції в Росії. Активний учасник Української революції.

У 1918–20 рр. організатор і командир повстанських загонів. У 1919–20-х рр. – командир (отаман) Веселотернівського полку у складі повстанського загону отамана Мелешка. У складі його загону увійшов до Української бригади 45-ї дивізії РСЧА, учасник повстання отамана Мелешка проти червоних (березень 1920 р.). Після поразки Мелешка, деякий час перебував на нелегальному становищі в Катеринославській та Херсонській губерніях, де приєднався до підпільного українського «петлюрівського» штабу. На скликаному Карпенко у червні 1920 р. повстанському з'їзді в Біловському лісі, Р. Федорченко вказав на труднощі у боротьбі повстанців проти червоних, відстоював ідею утворення українських військових частин у складі РСЧА. Як підкреслювалося у звіті Катеринославського Губчека за 1920–1921 рр., «заява Федорченко була йому пробачена тільки в силу тієї популярності, якою він користувався серед повстанської групи Катеринославщини» [1, с. 129]. З липня 1920 р. Р. Федорченко – один із організаторів українських повстанських загонів у Верхньодніпровському, Катеринославському та Криворізькому повітах Катеринославської губернії. У серпні 1920 р. на повстанському з'їзді в Саксаганському лісі був призначений отаманом Катеринославського повстанського кошу. В описі Катеринославських чекістів ця подія відбувалася наступним чином: «*...Федорченка, як більш активний працівник, і з'їзд висуває його на посаду голови повстанських загонів усієї Катеринославщини; Федорченко від цього призначення відмовляється, мотивуючи це тим, що за ідеєю він анархіст, однак повстанці настоювали, погрожуючи йому, у випадку подальшої упертості, поступити з ним не так милостиво, як поступив Карпенко. Тоді Федорченко наружно погодився, на справді він разом з Горященко вирішили загін розкласти і розпустити по домам, так як, на їх думку, виступ проти всіх рішуче влад – гетьманської, денікінської та радянської може породити недовіру до повстанства серед широких сільських мас*» [1, с. 130]. За посередництва доктора Гелієва, Р. Федорченко встановлює контакти з штабом командуючого Російською армією ген. Врангеля для отримання зброї. У вересні 1920 р. Р. Федорченко вирішує вивести свій Кіш на територію, зайняту врангелівцями, але при переправі через Дніпро біля с. Башмачка, (р-н Вовнизьких порогів), загін отамана потрапляє в розташування червоних військ. З великими втратами частині Кошу вдалося переправитися в розташування білих [2, с. 280–281]. У подальших боях Кіш участі не брав. Виведений у Крим, евакуйований разом з частинами генерала Врангеля до Туреччини, звідти переведений до Румунії, де переформований в Український партизанський відділ, який підпорядковувався командуючому Бессарабською повстанською групою отаману Гулому-Гуленко [3, с. 136]. Діяльність Р. Федорченка на території Румунії для чекістів залишилася невідомою. У вересні 1923 р. Р. Федорченко, разом з групою повстанських діячів, серед яких був брат отамана Петра Стахіва – Іван Стахів, нелегально повертається на територію УСРР. Ймовірно, ці дії були частиною спецоперації ДПУ з ліквідації емігрантських повстанських груп, оскільки роль Петра Стахіва, як агента радянських каральних органів, докладно проаналізована в історіографії [4, с. 88, 549–550]. При переході кордону вся група була заарештована. У вересні 1925 р. Надзвичайна сесія Катеринославського окружного суду засудила Р. Федорченко до розстрілу та знайшла можливим замінити розстріл на п'ять років суворої ізоляції. Термін ув'язнення Р. Федорченко відбував у Дніпропетровську. Був достроково звільнений у жовтні 1927 р. Повторно заарештований у вересні 1929 р., засуджений до розстрілу. Розстріляний 15 березня 1930 р. у Дніпропетровську. Реабілітований у жовтні 1989 р.

Бібліографічні посилання:

1. Отчет Екатеринославского губэкономсовещания Совету Труда и Обороны и Украинскому экономсовещанию. За период июль–сентябрь 1921 (по наказу СТО). Екатеринослав, 1921.
2. Українська революція 1917–1921 рр. на Придніпров'ї: збірник док. і мат-лів / ДАДО; уклад. Ю.Г. Пахоменков, Н.Л. Юзбашева. Дніпро: ЛІРА, 2016.
3. *Гордієнко Г.* Під щитом Марса. Спогади. Т. 1. Філадельфія: Накладом автора, 1976. 369 с.
4. Юрій Тютюник: від «Двійки» до ГПУ. Док. і мат-ли / Інститут історії України НАН України; Упоряд.: В. Ф. Верстюк та ін. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2011. С. 88, 549–550.

№ 114 Вирок Катеринославського окружного суду у справі Р.Я. Федорченка[1]

11 вересня 1925 р.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ УКРАІНСЬКОЇ СОЦІЯЛІСТИЧНОЇ СОВЕТСКОЇ РЕСПУБЛІКИ

1925 року Сентября 11-го дня, ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЕССИЯ Екатеринославского Окружного Суда в складе:

Председательствующего – тов. ДУКЕЛЬСКОГО,
Членов тов. тов. АЛТУХОВА и АБРАМОВА, при
– секретареві – тов. ЛЕСНЯНСКОЙ, без участия сторон,

рассмотрев в закрытом судебном заседании дело по обвинению гр. ФЕДОРЧЕНКО Родиона Яковлевича, 40 лет, происходящего из крестьян с. Софиевки, Криворожского округа, Екатеринославской губ., по профессии горный техник, неимущий, до 1917 року член партии левых с[оциалистов]р[еволюционеров], с низшим образованием, подвергавшегося в царское время репрессиям, служив-

1 *Залишаємо орфографію оригіналу, як свідчення «успішності» кампанії українізації радянських органів влади 1920-х рр*

шим в армии УССР, в преступлениях предусмотренных 58, 61, 76 и 98 ст. ст. УК и ФЕДОРЧЕНКО он же ТИХИЙ Дмитрия Васильевича, родившегося в 1901 г., происходящего из кр[естья]н с. Софиевки, Криворожского округа Екатеринославской губ., агронома, с высшим образованием, беспартийного, не судившегося, в преступлениях ст. ст. 61, 66 и 98 и 22 предусмотренных и БЕРЕЗОВСКОГО Онуфрия Васильевича, 30 лет, происходящего из кр[естья]н с. Ялонец Подольской губ. Тульчинского окр[уга], по профессии конторщика, женатого, беспартийного, с низшим образованием, не судившегося, в преступлениях, предусмотренных 10, 61, 66 ст. УК

НАШЕЛ УСТАНОВЛЕННЫМ:

В начале 1919 года Советская власть ведя борьбу за укрепление Рабоче-Крестьянской власти на Украине, положила будто бы конец всему Петлюровскому и другому белому движению на территории Екатеринославской губ. Оставшийся комсостав расплылся по всей губернии и, оставшись на нелегальном положении, продолжал организовывать свои повстанческие отряды. С приходом красных частей, имевшиеся повстанческие отряды влились в 45-[ю] дивизию, при чем весь комсостав был оставлен на своих местах. В марте 1920 г. часть коим было предложено выступить для комплектования других частей, выступить отказались и начали восстания против Советской власти, захватив гор. Верхнеднепровск, при чем организация нового восстания взял на себя обв[иняе]мый ФЕДОРЧЕНКО Родион. Последний наладил связь с Петлюровским штабом и, будучи командиром одного из полков, он, ФЕДОРЧЕНКО, не дожидая распоряжения штаба, выступает против советских войск, громя совучреждения и убивая советских работников, взрывая железно-дорожн[ые] станции, всячески стараясь вредить советскому строю. В июле 1920 года он, ФЕДОРЧЕНКО, был вызван одним из деятелей повстанческого движения, неким КАРПЕНКО, который предложил ему якобы от имени Украинского Штаба принять должность помощника командира Екатеринославских повстанческих войск, каковой разговор имел место в лесу около с. Милорадовки.[1] Принял-ли ФЕДОРЧЕНКО означенную должность, Судом не установлено, но в конце августа того-же [19]20 года ФЕДОРЧЕНКО Родиона вызвали представители украинского Повстанкома (Петлюровской) ГЕЛЕФ и СЕРДЮК, каковые назначают его командиром Екатеринославских повстанче-

1 *У звіті Катеринославської Губчека за 1920–1921 рр. цей епізод описувався наступним чином: «Возвратившись в июне 1920 года от Петлюры, Карпенко созывает съезд, который происходит в Беловском лесу. Съезд имел целью организовать широкую сеть повстанкомов на Украине вообще и на Екатеринославщине в частности. По предложению Карпенко, на этом съезде были распредлены должности. Федорченко, который занимал видное положение в украинском повстанческом движении... отказался участвовать в движении, мотивируя это тем, что организация повстанкомов и неизбежное вслед за этим выступление отрядов окажет услугу Врангелю и подорвет красный фронт. Кроме того, Федорченко указал, что Красная армия значительно сильнее деникинцев, с которыми постанцам приходилось до этого драться, и что, следовательно, рассчитывать на добычу оружия от красных они не могут... Федорченко же предлагал, вместо выступления, указать красному командованию на факт нежелания украинцев вступать в Красную армию, предложив сделать соответствующие выводы, говоря, что таким образом повстанцы смогут сделать гораздо больше для разрешения украинского вопроса; отряды же он предлагал передать в распоряжение красного командования... заявление Федорченко было ему прощено только в силу той популярности, которой он пользовался среди повстанческой группы Екатеринославщины» [Отчет Екатеринославской губернской Чрезвычайной комиссии (С 1-го января 1920 г. по 1-е ноября 1921 г.). Екатеринослав: Типография Губчека, 1921. С. 128–129].*

ских войск,[1] состоящих из трех полков, предложив ему при этом дальнейшую организацию повстанцев, причем, по словам ФЕДОРЧЕНКО, он был последним введен в заблуждение, якобы тем, что к организации примкнули все левые партии, в том числе и боротьбисты. Не проверив даже этого он, ФЕДОРЧЕНКО, приступает к организации армии и в течении короткого времени, под разными видами организовывает армию в ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ человек. Впоследствии, когда была собрана достаточная сила для выступления, он постепенно, связанный с бандами БРОВЫ и ЛИТВИНЕНКО, получил предписание вести собранных им людей к Днепру, где со стороны Врангеля будет доставление оружия.

В начале Октября [19]20 г. это движение, в силу натиска красных частей не удалось, и, будучи скомпрометированными перед Совластью, он, ФЕДОРЧЕНКО, скрывается, перейдя Днепр, в Севастополь, а потом переезжает в Румынию. Будучи за границей, он, ФЕДОРЧЕНКО, имеет тесную связь с антисоветскими группировками и лицами, как-то МУРАВСКИМ, бывш[ий] как инфорбюро французской контрразведки Н[ачальни]ком военно-французского бюро и ряда других видных бело-зеленых деятелей. Будучи в Бухаресте, он получает от секретаря украинской миссии предложение принять командование отрядом и направиться в распоряжение видного атамана ГОЛО-ГОЛЕНКО[2], находящегося в Румынии.

ФЕДОРЧЕНКО находясь в Румынии до сентября 1923 года, где находился вместе с ним брат известного атамана, оперировавшем по Украине – СТАХОВА Петра – СТАХОВ Иван, и когда последний получил предложение от брата выехать на Украину для работы, он, СТАХОВ Иван, ФЕДОРЧЕНКО Родион и другие в числе восьми человек, переправились при содействии вышеуказанного МУРАВСКОГО на Украину для подпольной работы, но в м[естеч]ке Крикумчи все были задержаны.

ФЕДОРЧЕНКО-ТИХИЙ Дмитрий следуя по стопам своего родного дяди ФЕДОРЧЕНКО Родиона, принимает вместе со своим родным братом, ныне скрывающимся от суда и следствия ФЕДОРЧЕНКОМ Ал[ександ]ром в [19]19–[19]20 гг. активное участие в отрядах БРОВЫ, ГЛАДЧЕНКО и МИРОШНИЧЕНКО и ряда других отрядов, выступая против Советской власти и после разгрома всего антисоветского движения вместе с врангелевскими частями в [19]20 г. переехал в Константинополь, а [затем] будучи в Румынии, где также имел связь со своим дядей обв[иняе]мым ФЕДОРЧЕНКО Радионом.

Будучи также в Румынии, он ФЕДОРЧЕНКО (ТИХИЙ) Дмитрий имеет постоянную связь с украинской миссией и деятелями антисоветского течения. Как вид-

1 *У звіті Катеринославської Губчека за 1920–1921 рр. ініціатором з'їзду повстанських отаманів у Саксаганському лісі (серпень 1920 р.) названий Брова. З'їзд висунув на керівника повстанського руху Катеринославської губернії Федорченка, як більш активного працівника: «Федорченко от этого назначения отказывается, мотивируя это тем, что по идее он анархист; однако повстанцы настаивали, угрожая ему, в случае дальнейшего упорства, поступить с ним не так милостиво, как Карпенко. Тогда Федорченко наружно согласился, на самом же деле он вместе с Горященко решили отряд разложить и распустить по домам, так как, по их мнению, выступление против всех решительно властей – гетманской, деникинской и советской может породить недоверие к повстанчеству среди широких сельских масс» [Отчет Екатеринославской губернской Чрезвычайной комиссии (С 1-го января 1920 г. по 1-е ноября 1921 г.). Екатеринослав: Типография Губчека, 1921. С. 130]. Останнє твердження виглядало дивним для людини, яка називає себе «анархістом».*

2 *Так у документі. Правильно* «Гулий-Гуленко».

но из его же показаний[1], он, ФЕДОРЧЕНКО–ТИХИЙ Дмитрий, вместе с другими лицами решил в 1921 г. переправиться через кордон на советскую территорию, но были там же задержаны и арестованы. Находясь под арестом ФЕДОРЧЕНКО-ТИХИЙ Дмитрий после недолгих переговоров с видным румынским деятелем неким ИВАЩЕНКО, был выпущен и при его содействии он вместе с другими были переправлены на совтерриторию, однако, как это усматривается из показаний Слабодюки[2], содержащегося вместе с ТИХИМ, видно, что последний получил задание от того же, видно, ИВАЩЕНКО, перейти на советскую территорию и заняться шпионажем, получив целый ряд заданий по работе в Тернополе и Одессе. Вернувшись на Украину ТИХИЙ, придя домой в с. Софиевку, при посредстве своего отца запасается документами на имя ТИХОГО Дмитрия и с таковыми вместе с братом и сестрою направляются через Киевскую губ. в Подольскую, в с. Ялонец, лежащее ближе к Румынской границе. Как видно из показаний, он, ТИХИЙ, во время выступления Гальчевского, встречает некоего СТРОМЕНКО, который дает также ему, ТИХОМУ, целый ряд заданий, которые он принимает и, как по заданию ИВАЩЕНКО, выполняет.

Находясь в с. Ялонец вместе с братом Ал[ександ]ром, он вскоре выезжает на родину, а потом снова возвращается и пробыв недолго, направляется в Туркестан вместе с женой, ведя переписку с братом, адресуя почему-то письма на имя обв[иняемо]го по настоящему делу БЕРЕЗОВСКОГО, каковой однако не был посвящен в их прежнюю деятельность.

На основании изложенного ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЕССИЯ считает ФЕДОРЧЕНКО Радиона Яковлевича, 40 лет, виновным в том, что являясь организатором в [19]20 г. повстанческих отрядов против соввласти, руководил ими, принимая самое активное участие в самом движении, имея конечную цель свержение Советской власти. Отряды, руководимые ФЕДОРЧЕНКО, производили расстрелы совработников, кр[асноармей]цев, производя грабежи и что будучи на румынской территории, имея связь с видными антисоветскими деятелями, переправился с той же целью в [19]23 г. на советскую территорию, т. е. в преступлениях, предусмотренных 58, 61, 76 и 98 [статьями] Уг[оловного] Код[екса], ФЕДОРЧЕНКО, он же Дмитрий Васильевич ТИХИЙ, виновным в том, что принимал активное участие в повстанческом движении портив соввласти, имея конечную цель свержение таковой и впоследствии вернулся из Румынии и Польши, проживая на Украине под подложными документами, т. е. в преступлениях, предусмотренных 61, 66, 98 и 222 ст. ст. УК, БЕРЕЗОВСКОГО в том, что он получал на свой адрес письма для вручения скрывающегося ФЕДОРЧЕНКО не зная физиономии последнего, каковое деяние не содержит в себе уголовно-наказуемого деяния и в силу этого и руководствуясь 9, 24, 25, 58, 61, 66, 76, 98, 222 ст. ст. УК и 330, и 323 ст. ст. УПК.

ПРИГОВОРИЛ:

ФЕДОРЧЕНКО Радиона Яковлевича по ст. ст. 58, 61, 76 и 98 виду их идеальной совокупности в силу 29 ст. УК подвергнуть ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ – РАССТРЕЛЯТЬ.

[1] *У справі відсутні.*

[2] *У справі відсутні.*

ФЕДОРЧЕНКО Дмитрия Васильовича по ст. ст. 61, 66, 98 и 222 УК, в силу той же 29 ст. УК подвергнуть наказанию предусмотр[енному] 58 ст. УК т. е. ВЫСШЕЙ МЕРЕ НАКАЗАНИЯ – РАССТРЕЛЯТЬ.

Принимая однако во внимание устойчивость диктатуры пролетариата и что преступления ими совершенно в период 1919–1922 гг. и руководствуясь Амнистией к 5-ой годовщине Октябрьской Революции, Суд считает возможным заменить высшую меру социальной защиты, лишением свободы со строгой изоляцией сроком на ПЯТЬ ЛЕТ каждого, без конфискации имущества за отсутствием таковового.

Срок наказания в силу 31 ст. УК ФЕДОРЧЕНКО Радиону считать с 13-го сентября 1923 года, а ФЕДОРЧЕНКО Дмитрию с 6-го октября 1924 года.

В силу 42 ст. УК ФЕДОРЧЕНКО Дмитрия и Радиона поразить в правах по п. п. «а», «б», «в» и п. «г» ст. 40 УК сроком на ТРИ года каждого, считая срок с момента отбытия наказания или их условно-досрочного освобождения.

БЕРЕЗОВСКОГО Онуфрия Васильовича считать по суду оправданным.

Меру пресечения ранее избранную в отношении ФЕДОРЧЕНКО Радиона и Дмитрия оставить в силу 345 ст. УК – содержание под стражей, а в отношении Березовского подписку отменить.

Судебные за ведение дела издержки в силу 93 ст. УПК по бедности осужденных отнести за счет государства.

Настоящий приговор может быть обжалован в течении 48 часов в порядке 433 ст. УПК с момента оглашения настоящего приговора.

Подлинный за надлежащими подписями.
С подлинным верно:
Секретарь [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9467. Арк. 68–70. Завірена копія, машинопис.

№ 115 Протокол допиту обвинуваченого Р.Я. Федорченка

21 вересня 1929 р.
Дело № ____.

Протокол допроса
1929 г. сентября м-ца «21» дня. Уполномоченный КРО Днепр[опетровского] Отд. ГПУ УССР Сайтан допросив ниженазванного гр. Федорченко
в качестве подозреваем[ого], который показал:

1. Имя, отчество, фамилия Радион Яковлевич Федорченко
2. Возраст, год рожд. 1884 г.
3. Место рождения и приписки с. Софиевка, Криворожского окр.
4. Социальное происхождение из крестьян
5. Сословная принадл. до революции крестьянин, имущественное положение до револ. и в наст. момент нет и не было
6. Гражданство УССР
7. Образование низшее

8. Семейное положение холост
9. Отношение к воинской повинности ______________
10. Профессия закройщик
11. Место службы и занимаемая должность инструктор мастерской Допра
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием судился в 1925 г., но в последствии судимость снята
13. Партийная принадлежность б[ес]п[артийный]
14. Состоит ли в профсоюзе совторгслужащих
15. Точный адрес Днепропетровск, К-Маркса № 9
16. Служба в антис. армиях и учрежд., и организациях (добровольно или по мобилизации) не служил

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал:

Я являюсь уроженцем с. Софиевки, Криворожского округа, происхожу из крестьянской семьи. На иждивении отца я был с 10 летнего возраста, а затем начал работать самостоятельно. Сначала работал на рудниках мальчиком, а уже впоследствии работал конторщиком. В 1905 г. работая на Криворожских рудниках я познакомился с некоторыми эс-эровскими, в то время видными деятелями и в 1907 г. я сознательно вступил в партию эс-эров и начал работать активно. Вступил я в партию левых эс-эров в 1907 г. и ровно через год, т[о] есть в 1908 году я был арестован, и сидел около 1 года. Это время велось следствие, был освобожден под подписку о невыезде из Криворожского округа. Второй раз был арестован в 1909 году и постановлением окружного суда был выслан в Сибирь – гор. Омск. Прибыв, в подходящее время я бежал за границу в Галицию – гор. Львов, где прожил до 1914 года, причем за это время по поручению партии я несколько раз нелегально приезжал в Россию, выполняя отдельные поручения партии. В период империалистической войны я проживал легально в районах Киевской губернии и все время работал по заданию партии левых эс-эров. С партией левых эс-эров я окончательно связь порвал в 1920 году, кажется в октябре или ноябре месяце, о чем тогда дал в газетах обширные мотивационные пояснения о своем выходе из партии и с этого времени никакой связи с партией левых эс-эров не имею. С первых дней революции 1917 года я активно принимал участие. В 1917 году находясь еще в старой армии, вел работу по разложению армии, за что тогда был арестован и остался в живых благодаря подоспевшей Февральской революции. В 1918 году, почти весь год работал по организации восстания против Гетмана и лично принимал участие в командовании отрядами. В 1919 г. также организовывал отряды против белых, а с приходом Красной Армии в гор. Днепропетровск в 1919 году, я с отрядом влился в 45 дивизию, где был бойцом. В Красной Армии я пробыл до болезни, то есть до весны 1920 года. По возвращению из Красной Армии, я в районах быв[ших] Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях примкнул к подпольному петлюровскому штабу, тогда он назывался Украинским народным революционным штабом, где принял активное участие в работе этой подпольной организации. Работу в этой организации я выполнял самую ответственную, как-то: был организатором отрядов, работал по проверке этой организации, а в последствии был назначен временно исполняющим должность командира Украинским народным революционным штабом, это было в

1920 году, в сентябре м[еся]це. В момент назначения на эту должность, я ближе столкнулся со всей верхушкой и увидел, что часть отрядов, которые уже были организованы до меня и мною уже укомплектованные, выступили против Красной Армии, я сразу же ушел из подпольной организации и сложил с себя должность командира. После этого, я в том же 1920 г. в последних числах сентября м[еся]ца выехал нелегально за границу в Румынию, где я подал заявление о выходе из партии левых эс-эров и начал работать на фабриках. Находясь за границей я никаких связей с быв[шими] УНР деятелями не поддерживал.

Там-же в Румынии в 1921 г. я работал в партии социал-демократов независимых и состоял в ней до выезда в Совроссию, т[о] есть до 1923 года.

В 1923 году в сентябре м[еся]це я нелегально перешел границу со стороны Румынии в Совроссию, на границе Совроссии я был арестован и заключен под стражу. С 1923 года сентября м[еся]ца и до 1925 года сентября м[еся]ца я находился под стражей. В 1925 году в гор. Днепропетровске судили за участие в подпольной петлюровской организации и я по суду был приговорен к 5 годам заключения в ДОПР, где просидел до 15 октября 1927 года, затем был освобожден досрочно. С этого времени работал как вольнонаемный при Днепропетровском ДОПРе, в должности инструктора портняжной мастерской.

В[опрос]: Скажите, инкриминировали ли Вам участие в расстрелах в период 1920 года на суде?

Отв[ет]: Нет, в личных расстрелах меня не обвиняли и я участия в них не принимал. По выходу из ДОПРа я никой политической работы не вел и не виду. Из моих знакомых по гор. Днепропетровску мною названы: 1) Строкань Харлам Осипович, ранее сидел в ДОПРе, за что точно не знаю. У него я был на квартире только один раз; 2) Буркаленко Иван Яковлевич из с. Романьково Каменского района, он тоже сидел в ДОПРе за укрывательство политбандита Лютого. У него на дому я был всего два раза, цель моей поездки, это остаться там вместе с ним заниматься портняжным ремеслом; 3) Омельченко кажется Макар Михайлович, живет по Полтавской № 20, ему я однажды пошил украинскую чумарку и с этих пор веду с ним знакомство. Омельченко политикой не занят совершенно, но большой антисемит.

Допросил: [підпис нерозбірливий]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9467. Арк. 8–10 зв. Оригінал, рукопис на бланку.

№ 116 Протокол допиту Ф.Я. Макаренка, свідка у справі Р.Я. Федорченка

21 жовтня 1929 р.

Протокол допроса

1929 г. октября 21 дня, я пом[ощник] упол[номоченного] КРО Днепропетр[овского] Отд[ела] ГПУ Галдилин, допросил в качестве свидетеля гр-на Макаренко.

[Имя, отчество, фамилия] Феодосий Яковлевич Макаренко

[Возраст, год рождения] 1876 г. рожд[ения]

[Место рождения] с. Головковка, Зеньковского округа

[Социальное происхождение] из крестьян
[Сословная принадлежность] тоже
[Гражданство] УССР
[Образование] Низшее
[Семейное положение] Женат
[Отношение к воинской повинности] Снят
[Профессия] Рабочий
[Место службы и занимаемая должность] Грузчик при ЦРК
[Сведения о судимости и нахождении под следствием] Я был судим в 1928 г. по ст. 54 п. 4 и 10 осужден на 3 года со строгой изоляцией
[Партийная принадлежность] б[ес]п[артийный]
[Состоит ли в профсоюзе] минтранса
[Адрес] ул. Славянская № 64
[Служба в армии] не служил

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР и ст. 161 УПК УССР по существу дела показал:

Вопрос: Скажите, что Вам известно о к[онтр]р[еволюционной] деятельности Федорченко?

Ответ: Для большей ясности я хочу несколько слов сказать о себе. Итак, с 1917 г. я являлся членом УСДРП и партией был выделен как агитатор за Самостийну Украину. При УНР являлся членом Центральной Рады. В 1919 году работал вместе с Тютюником в его штабе, как агитатор. При белых по направлению организации работал в тылу последних и проводил подпольную повстанческую работу вместе с Федорченко, Гладченко и др. Эта работа главным образом протекала на территории быв[шей] Екатеринославской губ[ернии]. Одно время действовал в стычке с известным атаманом повстанческих войск петлюровской окраски на Екатеринославщине Мелашко, где также встречался и с Тютюником. С 1921 по 1923 г. находился за границей, а в начале 1923 г. вернулся по амнистии в Совроссию. С Федорченко Родионом я встретился в 1919 году – как с помощником атамана Мирошниченко, который командовал повстанческим отрядом против белых. Лично я в этом отряде был агитатором по поднятию восстания против белых.

В 1927 или 1928 г. в начале я был арестован Криворожским окр[ужным] отд[елением] ГПУ по обвинению по ст. 54 п. 4 УК УССР и осужден на 3 года со строгой изоляцией. Отбывая наказание в Днепропетровском Допре, я встретился с Федорченко Родионом, который в этот период служил закройщиком в портняжной мастерской Допра. Встреча с Федорченко была дружеская – приятельская и Федорченко, зная меня за большого украинского деятеля, а также и по совместной с ним службе в повстанческом отряде, начал меня спрашивать, нуждаюсь ли я материально. В последующих встречах Федорченко вел со мной разговоры на политическую тему национального характера, говорил, что по прежнему является националистом, каким был и раньше, что коммунисты для него являются врагами. Сейчас припоминаю события. Однажды я Федорченко задал вопрос: «Почему не женился», на что последний ответил – «что я продолжаю еще воевать».

Зная меня по прошлой деятельности, Федорченко со мной в разговорах был весьма откровенен, в беседах говорил, что положение коммунистов не прочно, что скоро наша идея самостийности Украины будет осуществлена и настанет час свержения коммунизма. В конечном счете Федорченко мне заявил, что он совместно с другими ведет работу подпольного характера военного свержения Соввласти и в подтверждение этого сослался на одного артиста гор[одского] Днепропетровского украинского театра, но фамилии этого артиста он мне не назвал. Также Федорченко мне неоднократно в беседах говорил, что «нашей работе», имея ввиду подпольную к[онтр]р[еволюционную] работу, мешает гр[аждани]н Палагута – припоминаю его быв[ший] личный адъютант повстанческого отряда, который по словам Федорченко является секретным агентом ГПУ.

Что этот Палагута страшно вредит их работе – посещая в интересах ГПУ «наших людей». Считая меня «своим» человеком Федорченко однажды в 1928 году видимо с целью, видел меня как их человека, привел в Допр одного неизвестного мне человека о котором раньше мне говорил, что этот человек является студентом, интересуется, что бы я высказал ему свое мнение о Палагуте, как о секретном сотруднике ГПУ и вот, не помню точно в каком месяце 1928 г. Федорченко действительно привел в механическо-штамповочный завод или Допр неизвестного мне молодого человека. Он провел этого человека в завод под предлогом заказчика, с последним Федорченко меня назначил и тут же начал разговор о Палагуте. Первый вопрос задал этот незнакомец: «Был ли у Вас на квартире Палагута (обращаясь ко мне), на что я ответил, что действительно был. Тогда спросил: «Какие у меня с ним были разговоры?». Я ответил, что особенных разговоров с Палагутой не было, но возможно, что мне и сказал в смысле нашего «рідного краю». Неизвестный так же спросил у меня не вспоминал ли суд в обвинении те слова, что я говорил с Палагутой, на что я ответил, что точно не помню, что было на суде, так и о чем бы я говорил с Палагутой.

После этого неизвестный задал прямо мне вопрос: «Могу ли я утверждать, что Палагута является сыщиком?». Я ответил, что об этом мне известно только со слов Федорченко. На этом разговор наш был закончен, а неизвестный вместе с Федорченко дабы замаскировать свой приход пошли искать заведующего под предлогом, якобы неизвестный является заказчиком.

Приметы неизвестного: лет 25, среднего роста, бриты усы и борода, блондин, коренастый, говорит по-украински – литературно, особых примет не заметил, со слов Федорченко является студентом, но какого института не сказал и фамилию также […].[1]

И после этого я тогда сразу же сообщил о всем нашем разговоре Днепр[опетровскому] окр[ужному] отд[елению] ГПУ.

Правильно читал: [підпис Макаренка]

Допросил: п[омощник] уполномоченного КРО ГПУ [підпис Галділіна]

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9467. Арк. 26–29. Оригінал, рукопис.

[1] *Опущено текст щодо розповіді Ф. Я. Макаренка ДПУ про зв'язки та діяльність Р.Я. Федорченка.*

№ 117 Обвинувальний висновок у справі Р.Я. Федорченка

1 лютого 1930 р.

г. Днепропетровск

Составлено 1/II–1930 года.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По след[ственному] делу № 660 на гр.гр.:

1) ФЕДОРЧЕНКО Радиона Яковлевича – рожд[ения] 1886 г., урож[енца] с. Софиевки Криворожского округа, жит[ель] Днепропетровска, из крестьян – служащих, члена союза Совторгслужащ[их], б[ес]п[артийный], образование низшее, судимого, по национальности – украинца, холостого и

2) КУТЕПОВА Ал[ексан]дра Ивановича, рожд[ения] 1902 г., урож[енца] и жителя г. Днепропетровска, из служащих, члена союза «РОБОС», украинца, б[ес]п[артийного], холостого, образов[ания] среднего, не судимого – по обвинению по ст. ст. 54 п. 11 УК.

В период гражданской войны на территории Екатеринославщины и прилегающих к ней соседних округов, оперировали разного рода политические банды различных окрасок, проводившие активную борьбу с рабочим классом и революционным движением.

Эти банды, выступая с оружием в руках против красных частей, вместе с тем вели разрушительную работу в тылу, занимаясь террором, поджогами, разрушениями железных дорог, убийствами сов[етских] работников и революционно-настроенного крестьянства.

В 1919 году, а также начале 1920 года, когда Советская власть, ведя упорную борьбу с этими бандами за укрепление Рабоче-Крестьянской власти и как будто уже положила конец активному антисоветскому движению – на территории Екатеринославщины остатками петлюровского комсостава, перешедшего на нелегальное положение, было поднято восстание протии только что укрепившейся Соввласти.

Организацию восстания взял на себя ФЕДОРЧЕНКО Радион Яковлевич, каковой наладил связь с петлюровским штабом и выступил против советских войск, громя учреждения, взрывая железнодорожные станции, убивая и преследуя совработников и т. д.

В том же 1920 году ФЕДОРЧЕНКО Радион по предложению украинского повстанкома принял на себя командование всеми Екатеринославскими повстанческими войсками, а также дальнейшей[1] организации повстанцев.

ФЕДОРЧЕНКО Радиону удалось в сравнительно короткий срок организовать 10 тысяч повстанцев и с последними [он] активно выступал против красных частей, действуя в контакте с бандами БРОВЫ и МАТВИЕНКО.

В конце 1920 года это повстанческое движение под натиском Красной Армии было ликвидировано и ФЕДОРЧЕНКО Радион бежал в Румынию. Находясь в Румынии он поддерживал тесную связь с антисоветскими группировками и лицами, как [то] МУРАВСКИМ из Информбюро французской контрразведки и др.

1 *В тексті помилково вказано слово «дальнейшему».*

В 1923 году брат известного атамана СТАХОВА Петра – СТАХОВ Иван получил от первого задание отправиться на территорию Украины для ведения подпольной работы.

Во исполнение этого задания, СТАХОВ Иван совместно с ФЕДОРЧЕНКО Радионом и другими в количестве 8-ми чел. при содействии упомянутого выше МУРАВСКОГО, переправились на советский берег в районе погран[ичного] участка, расположенного на территории Одесского округа.

При переходе границы ФЕДОРЧЕНКО Радион в числе других перешедших, был задержан Одесским Окротделом и дело в отношении него – направлено и бывший Екатеринославский губ[ернский] отдел ГПУ – по месту его прежней деятельности.

В сентябре м[еся]це 1925 года ФЕДОРЧЕНКО Радион был приговорен Чрез[вычайной] сессией к высшей мере социальной защиты – расстрелу, впоследствии замененной ему 5-ю годами лишения свободы (см. след[ственное] дело стр. 68, 69[1]).

В 1928 году ФЕДОРЧЕНКО Радион был досрочно освобожден из Днепропетровского ДОПРа, но остался работать в должности инструктора портняжной мастерской производственной части ДОПРа и на этой работе находился до дня последнего ареста.

Однако ФЕДОРЧЕНКО, как бывший крупный атаман и активный петлюровский деятель, мысли о борьбе с Советской властью не оставил и работая в ДОПРе, старался восстановить связи с бывшими петлюровцами, коих и обрабатывал в шовинистическом духе.

Проводя до последнего времени определенную контрреволюционную работу, ФЕДОРЧЕНКО всячески старался выявить, кто из бывших его сподвижников, ныне живущих в Днепропетровске, перешел на советскую платформу и сотрудничает в окроделе ГПУ.

Особенно интересовался ФЕДОРЧЕНКО личностью бывшего своего адъютанта по участию в петлюровском движении ПАЛАГУТЫ, о котором он, ФЕДОРЧЕНКО, имел данные, как о секретном работнике ГПУ.

В беседах со своими знакомыми, ФЕДОРЧЕНКО предупреждал их избегать ПАЛАГУТУ, указывая при этом, что последний мешает работать, что его следовало бы убрать с пути.

В 1928 году при одной из бесед с заключенным ДОПРа МАКАРЕНКО Феодосием – также бывшим видным петлюровским деятелем, ФЕДОРЧЕНКО заявил ему, что он и сейчас совместно с другими проводит подпольную работу против Соввласти, при этом жалуясь на то, что ПАЛАГУТА мешает ему работать.

При этой же беседе ФЕДОРЧЕНКО предупредил МАКАРЕНКО о том, что в ближайшее время он приведет к нему в ДОПР одного из членов своей организации с тем, чтобы МАКАРЕНКО подтвердил также все известное ему о сотрудничестве ПАЛАГУТЫ в ГПУ.

На основе изложенных выше данных и возникло настоящее следственное дело в сентябре м[еся]це 1929 года.

В процессе следствия показаниями обвиняемого ФЕДОРЧЕНКО и свидетелей установлено было следующее:

1 *Номери листів вписані від руки. Протокол допиту не публікується.*

В период гражданской войны ФЕДОРЧЕНКО Радион являлся одним из наиболее видных атаманов повстанческого движения петлюровской окраски на территориях Екатеринославского и Криворожского округов.

После отбытия наказания в ДОПРе, ФЕДОРЧЕНКО установил связь с бывшим соучастником ЛЮТОГО-ЧЕРЕВЫКА – БУРКАЛЕНКО Иваном в г. Каменском Днепропетровского округа и периодически его навещал по неизвестным делам. Находясь у БУРКАЛЕНКО, ФЕДОРЧЕНКО старался выявить весь уголовный элемент города Каменского, стараясь и с последним установить личную связь (см. л. д. 22–24[1]).

В 1928 году ФЕДОРЧЕНКО, беседуя часто в ДОПРе с бывшим петлюровским деятелем, также осужденным за к[онтр]р[еволюцию] – МАКАРЕНКО Феодосием, заявлял ему о том, что Соввласть не долговечна, что политика партии не удовлетворяет крестьян и что он сейчас проводит подпольную работу. ФЕДОРЧЕНКО также предупреждал МАКАРЕНКО, что приведет к нему члена организации в которой он состоит, для того, чтобы МАКАРЕНКО рассказал ему все известное о сотрудничестве ПАЛАГУТЫ в окротделе ГПУ.

Через некоторое время ФЕДОРЧЕНКО действительно привел в ДОПР местного жителя, оказавшегося КУТЕПОВЫМ Ал[ексан]дром Ивановичем, познакомил его с МАКАРЕНКО Феодосием. КУТЕПОВ при знакомстве с МАКАРЕНКО стал его подробно расспрашивать о ПАЛАГУТЕ и интересовался данными, могущими подтвердить работу ПАЛАГУТЫ в качестве секретного сотрудника ГПУ (л. д. 28–29[2]).

Привлеченный к делу в качестве обвиняемого КУТЕПОВ Ал[ексан]др Иванович оказался сыном железнодорожного служащего старого времени и служащим местного детдома.

На допросах КУТЕПОВ Александр откровенно заявил, что он в силу полученного им воспитания, является убежденным украинцем-националистом и до последнего времени оппозиционно настроенным по отношению к Соввласти, причем главным образом, его не удовлетворяет национальная политика, т. к. он считает, что украинская интеллигенция и сейчас не получила должной свободы, языка, культуры и т. д. (см. л. д. 47[3]).

Из дальнейших показаний КУТЕПОВА установлено, что он действительно был тесно связан с ФЕДОРЧЕНКО Радионом и как он заявляет, последний его как-то случайно в ДОПРе познакомил с МАКАРЕНКО Феодосием, с которым он, КУТЕПОВ, имел разговор о ПАЛАГУТЕ.

Касаясь своей деятельности КУТЕПОВ откровенно показал, что после произведенных в Днепропетровске арестов в связи с ликвидацией СВУ)[4], он уничтожил у себя много разной украинской литературы, среди которой была и нелегальная, как записки ГРУШЕВСКОГО, отчет ЦК УКП и т. д. Был связан и часто

---

[1] *Номери листів вписані від руки. Протокол допиту не публікується.*

[2] *Номери листів вписані від руки. Протокол допиту не публікується.*

[3] *Протокол допиту Кутепова О. І. не публікується.*

[4] *Спілка визволення України (СВУ) – інспірована органами ДПУ справа «контреволюційної організації», яка нібито існувала в УСРР з 1926 р. і об'єднувала антирадянську інтелігенцію, діячів Української автокефальної православної церкви, куркульство. Розслідування справи СВУ тривало з травня 1929 р. по лютий 1930 р. Відкритий процес над членами СВУ проходив у Харкові (9 березня – 19 квітня 1930 р.). У 1989 р. справу було припинено через відсутність складу злочину.*

встречался с местным учителем ГАРБУЗОМ и другими, ныне арестованными Днепропетровским окротделом ГПУ по линии СВУ. Этому ГАРБУЗУ, КУТЕПОВ давал для ознакомления нелегальное издание «Украина и Антанта» (записки гр[аждани]на еврея МАРГОЛИНА). Эту же литературу КУТЕПОВ также давал для ознакомления ФЕДОРЧЕНКО Радиону, каковой периодически его навещал.

Однако, как ФЕДОРЧЕНКО, так и КУТЕПОВ на протяжении всего периода следствия, категорически отрицают свою причастность к какой-либо организационной к[онтр]р[еволюционной] деятельности, в частности связь с организацией СВУ.

Все же ФЕДОРЧЕНКО на поставленный ему вопрос о причастности к СВУ, заявил, что об этой организации ему ничего неизвестно, но допускает мысль, что лица, участвовавшие в СВУ могли иметь его ввиду, как атамана для использования (?)[1] (см. л. д. 36)[2].

Антисоветская деятельность ФЕДОРЧЕНКО Радиона на протяжении последних двух лет находит себе подтверждение в показаниях свидетелей БУРКАЛЕНКО Ивана, МАКАРЕНКО Феодосия и МОСКАЛЕНКО, причем в этих показаниях имеются явные указания на то, что ФЕДОРЧЕНКО проводил подпольную к[онтр]р[еволюционную] работу организационного характера (см. л. д. 22–24, 26–29, 39)[3].

Принимая во внимание:

1) Что ФЕДОРЧЕНКО Радион является в прошлом одним из наиболее видных организаторов и атаманов повстанческого движения против Соввласти на Екатеринославщине и пользуется среди бывших повстанцев и петлюровцев большим авторитетом.

2) Что, как видно из материалов дела ФЕДОРЧЕНКО Радион мысли об активной борьбе с Советской властью, не оставил, занимался выявлением и учетом уголовного элемента и по всем данным совместно с КУТЕПОВЫМ Ал[ексан]дром, проводил подпольную к[онтр]р[еволюционную] работу.

3) Что КУТЕПОВ Ал[ексан]др как убежденный петлюровец, распространял среди своих знакомых украинскую нелегальную литературу, организационно был связан с ФЕДОРЧЕНКО Радионом и по всем признакам причастен к организации СВУ, а потому

ПОЛАГАЛ БЫ:

Дело за № 660 по обвинению гр. гр. ФЕДОРЧЕНКО Радиона Яковлевича – рождения 1886 г., урож[енца] с. Софиевки Криворожского округа, жит[еля] г. Днепропетровска, из крестьян-служащих, члена союза Совторгслуж, б[ес]п[артийного], образования низшего, судимого, по национальности – украинца, не лишенного избирательных прав и КУТЕПОВА Ал[ексан]дра Ивановича – рождения 1902 г., урож[енца] и жит[еля] г. Днепропетровска, из служащих, члена союза «РОБОС», украинца, б[ес]партийного, холостого, образования среднего, не судимого, не лишенного избирательных прав –

По обвинению их в организационной к[онтр]р[еволюционной] деятельности, направленной к свержению ныне существующего строя, т. е. по признакам пре-

---

[1] *Так у тексті.*

[2] *Номер листа вписаний від руки. Протокол допиту не публікується*

[3] *Номери листів вписані від руки. Протоколи допитів не публікуються.*

ступлений, предусмотренных ст. 54-п. 11 УК УССР, НАПРАВИТЬ НА РАССМОТРЕНИЕ СУДЕБНОЙ ТРОЙКИ ПРИ КОЛЛЕГИИ ГПУ УССР, с ходатайством о применении в отношении ФЕДОРЧЕНКО Радиона высшей меры социальной защиты – расстрела, а в отношении КУТЕПОВА Александра – заключения в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет.

Вр[еменный] ст[арший] уполномоченный КРО [підпис] (Сайтан)
Согласен: Нач[альник] КРО [підпис] (Борисов)
Нач[альник] СОЧи [підпис] (Галицкий)
Утверждаю: Нач[альник] окротд. ГПУ [підпис] (Леонюк)
Мнение окрпрокурора
С постановлением окротд. ГПУ и мнением о необходимости применения к Федорченко – расстрела, а Кутепову 10 лет концлагеря согласен. 2/ІІ–30 Окрпрокурор [підпис не розбірливо].

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9467. Арк. 72–75. Оригінал, машинопис.

№ 118 Висновок щодо реабілітації Р.Я. Федорченка

26 червня 1989 р.

«УТВЕРЖДАЮ»
Зам. Прокурор Днепропетровско области
Государственный советник юстиции
3 класса [підпис]
(В.Г. Рябчинський)
«4» 10 1989 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
в отношении Федорченко Радиона Яковлевича
(фамилия, имя, отчество)
по материалам уголовного дела (арх. № 23855)
Фамилия, имя, отчество Федорченко Радион Яковлевич .
Дата и год рождения 1884 .
Место рождения с. Софиевка, Криворожского района, Днепропетровской области,
Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) беспартийный .
Место работы и должность до ареста инструктор мастерской ДОПРа .
Место жительства до ареста Днепропетровск, Карла Маркса 9 .
Данные о родственниках родственники не установлены .
Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу

Федорченко Р. Я. арестован 7 сентября 1929 года Днепропетровским областным управлением ОГПУ. Обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных статьями 54-2, 54-11 УК УССР, т. е. в том, что в период гражданской войны являлся организатором и участником банддвижения на территории Днепропетровской области, на момент ареста от враждебных намерений не отказался, совместно с Кутеповым А.И. проводил подпольную контрреволюционную работу.

Постановлением заседания Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР от 11 марта 1930 года (протокол № 68) Федорченко Радион Яковлевич приговорен к расстрелу. Расстрелян 15 марта 1930 года.

Федорченко Радион Яковлевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник прокурора области
старший советник юстиции [підпис] (М.А. Бедрик)
(помощник прокурора, прокурор отдела, управления)
Начальник следственного отделения УКГБ
подполковник [підпис] (В.Ф. Буяльский)
(начальник подразделения КГБ–УКГБ)
«26» июня 1989 г.

ДАДО. Ф. Р-6478. Оп. 2. Спр. 9467. Арк. 89–89 зв. Оригінал, машинопис.

ІЛЮСТРОВАНІ ДОДАТКИ

Фото 1. Т.Ф. Гладченко[1]

Фото 2. Г.Д. Епік[2]

Фото 3. П. Самарський-Красіль з дружиною[3]

Фото 4. В.Н. Тютюнник. 1919 р.[4]

1 Трифон Гладченко. Доступно: http://medlib.dp.gov.ua/jirbis2/ua/news/133-ua/medical-region-elit/zarodzhennya-sistemi-okhoroni-zdorov-ya-oblasti-1917-1940-roki-2/1306-gladchenko-anatolij-trofimovich.html (Дата звернення: 11.03.2021).

2 Григорій Епік. Доступно: https://artefact.org.ua/literature/epik-feyli-grigoriya-epika-vesele-zhittya-ta-sumniy-kinets-pismennika-rozstrilyanogo-vidrodzhennya.html (Дата звернення 20.03.2021).

3 На світлині отаман Самарський-Красіль з дружиною Марією Іванівною (у дівоцтві Киприч), рідна сестра Киприча Давида Івановича – повстанця загону Самарського – Пасічного – Левенця. Фото з приватного архіву Руслана Карпенка.

4 Василь Тютюнник. Доступно: https://ostrohcastle.com.ua/ukrayinskogo-narodu-syn-i-lytsar-ukrayiny/ (Дата звернення: 09.06.2021).

Фото 5. О.М. Левенець[1]

Фото 6. М.П. Пасічний[2]

1 Опанас Левенець. АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513.

2 Микола Пасічний. АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513.

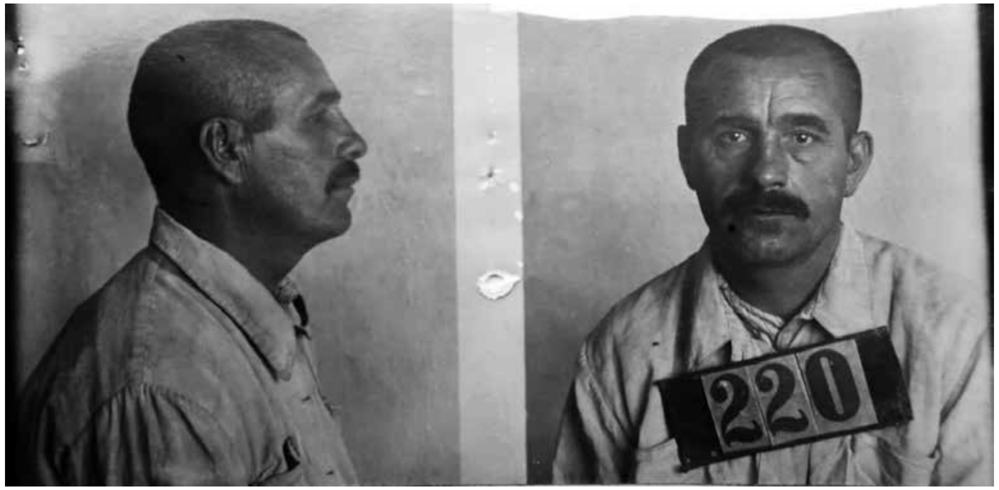

Фото 7. Н.Д. Дудка[1]

Фото 8. Г.Г. Котенко[2]

1 Нікандр Дудка. АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513.
2 Григорій Котенко. АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513.

Фото 9. С.М. Левенець[1]

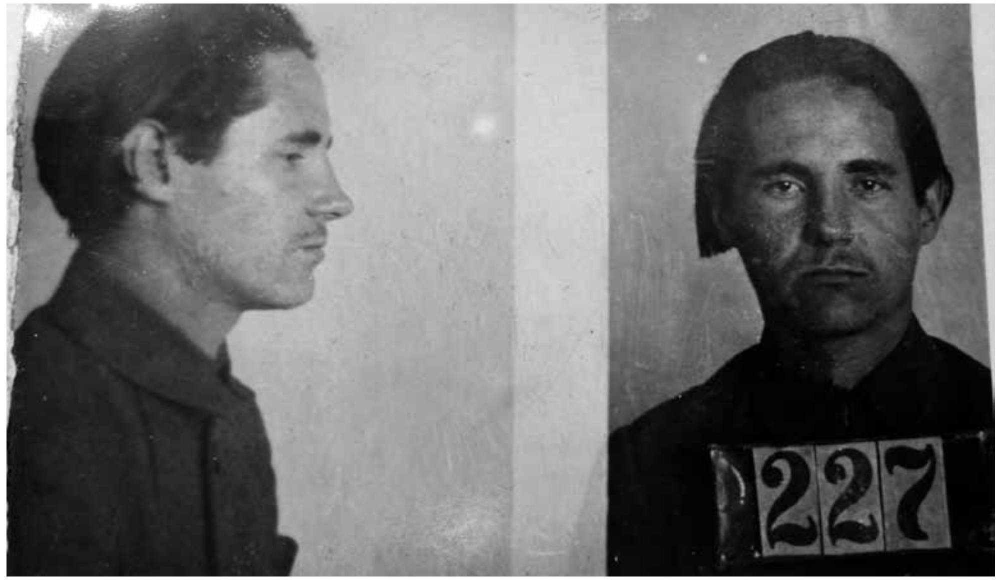

Фото 10. С.Л. Чернявський[2]

1 Семен Левенець. АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513.
2 Сергій Чернявський. АП УСБУ в ДО. Ф. 5 (Р). Оп. 1. Спр. 27513.

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК

А

Абрамов 255
Авдєєнко 87
Агапієв В. 7, 8
Агейко 216
Агєєв Є. 176, 178, 181, 182, 185, 186
Азарной 197
Аксененко С. 98, 99
Алейко 216
Алтухов 255
Альков 168
Антонюк 72, 74, 75, 76
Анцишкін І. 28
Апанасенко Е. 73
Арештан 223
Архипов 214, 215, 222, 223
Архірейський Д. 14, 16, 27, 28
Атаманенко І. 90

Б

Бабенко А. 39
Бабенко В. 39
Бабенко Е. 39
Бабенко І. 39
Бабенко Л. 39
Бабенко М. 29, 33, 35, **38**, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57
Бабенко О. 39
Бабенко П. 45, 46, 55
Бабич Б. 15
Байда 12
Байрак Г. 71
Барабаш В. 59
Барабаш М. 59
Барабаш О. **59**
Барабаш П. 59, 65, 238, 239
Барабаш Т. **59**, 64
Барабаш Ф. 59
Барабаш Я. 29, 33, 35, **58**, 60, 61, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 229, 230, 231, 232, 234, 237, 238, 239, 241
Баранюк О. 30
Баський П. 29
Бас Я. 30
Башо 98
Бедрик М, 269
Бережний 212, 213
Березняк 204, 227, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 251
Березовський О. 256, 258, 259
Бессараб І. 83
Бильченко І. 54, 55
Бильченко К. 54, 55
Бичков І. 72, 75, 76, 77
Бичко К. 64, 68, 69, 71
Бібик 192
Білий 213
Білоконь В. 138
Білоус 237
Богдан Г. 29, 119, 124
Бодня 111
Бойко Д. 32, 33, **72**, 73, 74, 75, 76
Болбочан П. 8
Большунов С. 80, 81, 88
Бондар А. 194, 195
Бондаренко 61, 109
Бондаренко І. 31
Бондаренко С. 30
Бондаренко Я. 199
Борисов 268
Борисов Г. 28
Боровко 110
Борт У. 73
Бочкарев 82
Бочков 64
Бреус І. 147
Брова М. 20, 21, 22, 29, **38**, **40**, 46, 110, 130, 132, 139, 144, 160, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 228, 243, 247, 248, 257, 264
Бумажний 65
Буркаленко І. 261, 266, 267
Бухтиярова 56
Буц Д. 29, 201, 204, 205, 206, 207, 208
Буяльский В. 269

В

Валявська (дружина) 220
Валявський 217, 220
Василенко М. 122
Василенко Мефодий 122
Васильєв 223
Васильков Е. 194, 195, 196
Велігура 217
Велігура Ф. 31
Верстюк В. 27
Виборний П. 178, 181, 187
Винниченко В. 7, 8, 9, 11, 15
Відлога 108
Внахур М. 197
Волдарський 187
Волоконський 110
Вольф Е. 13, 15
Ворошилов К. 61, 111
Ворсинов Г. 189
Врангель П. 108, 254, 255, 257

Г

Гавриленко 181
Галаган 132, 150, 154, 157
Галділін 125, 127, 129, 130, 131, 134, 135, 139, 153, 261, 263
Галицький 268
Гальчевский 258
Гаращенко А. 129, 147
Гарбуз 267
Гаркавенко 31, 191
Гвоздиков 191
Гелєв (Гелеф, Гелієв) 254, 256
Герасименко 105
Главкун П. 30
Гладушко 30
Гладченко Т. 18, 20, 29, 33, 34, 35, 38, 40, **79**, 80, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 115, 202, 208, 257, 262, *270*
Глатков 185
Глухой 115, 119
Глущенко 124, 199
Глущенко І. 198
Гнієнко (Вовгура) Г. 30, 33, 35, **95**, 96, 97, 99
Голий 12
Гонта 12
Горайда Н. 90
Горб 234, 235, 241
Горбач С. 185
Горбенко 188
Горбунов (Горбунь) П. 31
Горевий М. 170, 174, 177, 181, 184
Горобець (Воробйов) Г. 29, 43, 45, 109
Горобець (Воробйов) М. 30
Горобці, брати 19
Горчаков К. 235, 236, 237
Горяний І. 110
Горященко 18, 30, 234, 236, 238, 239, 240, 243, 251, 257
Грачев 212
Гращенко 124
Гребенюк А. 29
Гребенюк О. 72, 77
Гребенюк Ф. 78
Гречина (Гричина) В. 150, 157
Григор'єв Н. 7, 20, 109, 111, 170, 172, 201
Грищенко 29
Грінченко 29, 38, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 50, 53, 119, 124
Гром 56
Громов 224, 226, 250, 252
Грузінцев А. 19
Грушевський М. 266
Губанов 232
Губаренко Я. 118, 124
Гук 167
Гулий 30
Гулий-Гуленко А. 255, 257
Гуревой Н. 228
Гутеля 132, 150, 154, 157

Д

Давиденко К. 72, 73, 74, 75, 76, 77
Данилов В. 28
Дворський Г. 177, 187, 188
Дейнега І. 147
Демартино А. 27
Денікін А. 7, 8, 9, 10, 15, 36, 79, 105, 110, 111, 112, 115, 124, 171, 172, 212, 237, 242, 250
Дикий Андрій 33, 35, **100**, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113
Дикий Арсен 100
Дитяшев А. 192
Дитяшев М. 192, 193, 194, 195, 196
Діденко А. 30
Діковський (Диковський) Х. 30, 115, 203, 204, 205, 229, 230, 235, 251
Дмитрощенко Г. 30
Добровольський 164
Добродицький 159
Довженко 175
Додатко Г. 85
Долгий І. 227, 228, 239, 247, 248, 251, 252
Доценко 228
Драгоманов М. 5
Дрелевський (батько) 133
Дрелевський П. 138, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 221, 222, 223
Дрешпак Л. 145
Дригер П. 249
Дрозд П. 174
Дубовый (Дубовик) 124
Дудка А. 138
Дудка В. 138
Дудка К. 138
Дудка Н. 34, 128, 129, 133, 135, 136, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 159, *272*
Дузь Ф. 196
Дукельський С. 255
Дундук Л. 97

Е

Едаменко П. 97
Епік Д. 115
Епік (Лихой) Г. 21, 33, 34, 35, **114**, 116, 117, 118, 121, 123, 124, *270*
Епік (Усенко) К. 115

Ермоленко П. 197
Ерш Ф. (рос.) 69, 71

Є
Єремелець С. 72, 74, 75, 76, 77

Ж
Жарін Д. 79, 80
Жарко Ф. 108, 111, 113
Живодерів (Живодер) 21, 22, 29, 58, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 71, 135, 237, 238, 239, 251
Жук А. 203
Жуковський М. 28
Журавель Н. 203
Журавльов 105

З
Забара Ф. 207, 208
Забутний П. 31
Завральский Д. 108, 109, 110, 111, 112
Зав'ялов 181
Загреба 31
Задорожний С. 91
Зайцев С. 28
Замченко М. 122
Заремба 31
Заярський 105
Заяць 180, 183
Здрелевський 152, 158
Зезуль 177, 183
Земляний 108
Зинов'єв 103
Зінченко П. 61, 63, 64, 65, 67, 228, 229, 241, 242
Зінченко П. (дружина) 228
Зірка А. 30, 247
Золотов Ф. 112, 113
Зубенко А. 99
Зуенко Ф. 76, 77
Зусманович 218, 221

І
Іванов 25, 70, 223, 247, 248
Іванов Г. 30
Іванови, брати 18, 20, 22
Іванов (Тишанін) І. 30
Іванов Ф. 30
Іванченко 192
Іващенко 258
Івженко Т. 15
Івченко 61
Ільченко Ю. 30
Ісаев М. 108, 240

Й
Йодко 66

К
Кабак В. 203
Кабка К. 89
Какамбо І. 198
Каледін Л. 108
Камєнев 103
Каневський 159
Канівець 30
Карабут 31
Караваев В. 190
Каргачева К. 75, 77
Кармелюк 12
Карнаух С. 210
Карпенко 21, 22, 30, 119, 227, 229, 236, 237, 238, 239, 240, 251, 254, 256
Карпенко Р. 28
Карпенко С. 111
Карпенко Я. 237
Каун 66
Кафтан В. 50, 51
Качюренко А. 128
Кащенко 111
Каюновський 208
Квірінг Е. 104
Керенський 31
Кесь Г. 83
Кикоть М. 244
Килимов О. 234, 235, 236, 237, 238, 239, 242
Киприч Г. 140, 147
Киприч Д. 135, 137, 139, 141, 142, 143, 147, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 159
Киселев (Хмара) 61, 62, 67
Кічаєв 181
Клепач І. 30
Клепач С. 21, 30
Кобець В. 220, 222
Ковалевський Е. 197
Коваленко 30
Коваленко П. 135
Ковальова Н. 28
Коваль Р. 15, 28
Ковальчук М. 28
Коваль Я. 195, 196
Козельський Б. 28
Козин 194
Козир 29
Козицин М. 197
Козлов 213
Колаченко 43
Колодченко 54, 55
Колос (Колосов) 105, 112, 113
Корнієвський І. 197

Короткий 167
Косіор С. 105
Костенко 54, 55, 57
Костенко І. 228
Котенко Г. 34, 54, 55, 141, 143, 145, 147, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, *272*
Котляр Ю. 28
Котов І. 192, 193, 194, 195
Коцар (Коцирь) 217, 218, 219, 222
Коцур К. 31
Кочерга 49, 55, 57
Кравцов 64
Кравченко М. 178, 181, 187
Красиль-Самарський (Самарський) П. 18, 21, 22, 28, 31, 34, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 140, 142, 143, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 154, 156, 157, 158, 191, 211, 217, 218, 219, 220, *270*
Краснов П. 201
Крауксис 180
Кращенко Г. 177, 181, 185, 186
Кривко Я. 196
Кривохатько В. 178
Кривошея М. 123
Кривоший 31
Криницький (Кривицький) 63, 65, 67, 68, 69, 70, 71
Кронштадський І. 73
Крутиков 212
Крючковський 192
Кузьмин 105
Кулеба П. 31
Куликова В. 114
Куликови 123
Кульчицький С. 7, 15
Куралов 31
Курочка 85
Кутєпов О. 264, 266, 267, 268
Кутоня 122
Куценко О. 85
Кучеренко 105
Кучеренко-Гай П. 108, 109, 110, 111, 112
Кушпіт О. 31

Л
Лавренко В. 99
Левенець А. 191, 219
Левенець Е. 129
Левенець К. 128
Левенець М. 128
Левенець Марфа 147, 149
Левенець О. 31, 33, 34, 35, **125**, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, *271*
Левенець П. 129
Левенець С. 34, 129, 142, 144, 145, 146, 150, 152, 153, 154, 155, 159, *273*
Левенець Т. 128
Левенць 138
Левицький А. 178
Левін М. 30, 165
Левченко А. 18, 127, 128, 132, 135, 137, 140, 142, 150, 154, 155, 156, 157, 191
Ленін В. 9, 10, 14, 15
Леонов Н. 73
Леонтьєв 214, 215, 222, 223
Леонюк 153, 168, 223, 268
Леплевський І. 70, 87, 88, 91, 92, 168, 223, 252
Леснянська 255
Лиман І. 16
Линник-Фоменко А. 73
Литвиненко 30, 257
Лозицький П. 44, 45, 47, 52, 54, 55, 57
Ломака І. 229
Луканейко (Лук'яненко) Г. 65, 69, 71
Луначенко Д. 161, 163, 164, 167, 168, 169
Луначенко Е. 161
Луначенко І. 161
Луначенко (Луна) Н. 30, 33, 34, 35, **160**, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169
Луначенко М. 161
Луначенко С. 161, 163, 166, 169
Лунєв 153
Лупилов Б. 252
Лупоносов І. 170, 172, 176, 180, 183
Лутай М. 133, 140, 144, 147, 150, 152, 154, 157
Луценко Ф. 129, 134
Лучко 96
Любченко 55, 57
Лютий 261
Лютий І. 232
Лютий-Черевик Є. 31, 266

М
Мазепа І. 174, 181
Макаренко В. 174
Макаренко Г. 174, 182, 183
Макаренко Ф. 33, 34, 35, **170**, 171, 172, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 261, 263, 265, 267
Макаров-Нікітін М. 107, 112
Макиевський 54, 55, 57
Максименко 251
Маласай А. 196

Маласай М. 196
Маласай Т. 197
Малиновський Б. 14
Малолітка (Сатана) О. 185, 187
Малолітко З. 30
Мамай 12
Мамойленко 243
Манжелей І. 109, 110
Мануйло А. 213
Мараховец Ф. 77
Марголін А. 267
Марков І. 31
Маршалка 213
Маслов 56
Матвієнко Ф. (дружина) 199
Матвієнко К. 196
Матвієнко Ф. 21, 22, 31, 33, 110, 111, 112, 125, 127, 128, 130, 132, 137, 138, 144, **191**, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 211, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 227, 264
Махно Н. 5, 17, 20, 22, 24, 28, 91, 109, 110, 111, 112, 119, 123, 139, 210, 247
Медведев 102
Медвєдєв (Наливайко) 30
Медуниця Ю. 15
Мелашко (Милашко, Мелешко, Малашко) М. 18, 30, 33, 35, 58, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 79, 81, 86, 87, 115, 118, 119, 124, 185, **201**, 202, 203, 204, 206, 208, 209, 224, 227, 229, 230, 232, 233, 235, 250, 254, 262
Мелешко І. 83
Мельник О. 18, 28
Мешков Д. 28
Мєшков Д. 28
Микитенко-Огник О. 31
Милоданов В. 217
Мирошниченко 229, 230, 257, 262
Митрофаненко Ю. 15
Михайлов 85
Михайлюк О. 15
Мичкань 217
Мірошниченко 105
Мірошниченко Ю. 30, 171, 172, 173, 174, 176
Мітревич К. 67, 68, 69, 167
Міхненко І. 32
Мокринець 118, 124
Молибог 105, 193
Морозенко В. 45, 49, 55, 57
Морозов 84, 93, 160, 164
Москаленко 267
Москвин Е. 15
Московка М. 45
Московка Ф. 45
Муравський 257, 264, 265

Н

Надутий 124
Назаренко П. 237
Наконечний (Дмитро) Ф. 29
Намисний І. 140
Науменко А. 195
Немко Ф. 168
Ненад М. 72, 73, 74, 76
Ненад Ф. 73
Нестеренко М. 96, 97, 98, 99
Нехай М. 196
Никитин 105, 110
Николаев 97, 223
Николенко 227, 241, 242, 243
Ніколі (Карлов) Н. 91, 92
Нікопенко І. 30
Новикова Ф. 73
Новоселя К. 146
Новоселя Ф. 129
Нога Н. 30, 231, 232, 233

О

Оберемок 56
Овсюк Б. 208, 210
Овсюк Е. 97
Овсюк Л. 209
Овсюк Р. 209
Овсюк Ю. 209
Овчаренко І. 124
Овчинников 65
Огієнко І. 191
Омельченко М. 261
Омелянович-Павленко М. 17, 28
Онищенко 168, 215
Орел 87
Орільська О. 203, 204, 205
Орлик 25
Орлов 84, 93, 160, 164
Осецький О. 7
Осипов 215, 222
Оскілко В. 8
Остапенко А. 134, 135, 147
Остапенко К. 146
Острова 82
Остряниця 12

П

Павленко Е. 63, 64, 65, 68, 69, 71
Павлиш 210
Павлов 177, 186
Павлов І. 181, 184, 185
Павловський 110
Палагута Н. 29, 238, 239, 240, 243, 263, 265, 266
Паляничка 109
Пан 180, 183, 186

Пасічна (дружина) 220
Пасічний М. 128, 130, 131, 134, 135, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 147, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 159, *271*
Пасічний О. 21, 31, 33, 34, 35, 125, 126, 127, 129, 133, 136, 137, 138, 140, 143, 144, 148, 150, 156, 158, 191, **211**, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223
Пасічний П. 135
Пастернак Б. 5
Патиченко Е. 89
Пахоменков Ю. 28, 29, 32, 255
Педенко А. 174
Перепада Т. 30
Пестушко (Степовий) К. 21, 22, 30, 95, 96, 97, 247
Песчаний І. 228, 229
Петкевич 66
Петлюра С. 7, 8, 13, 16, 45, 48, 96, 110, 171, 174, 176, 177, 180, 182, 187, 236, 256
Петренко 122, 227, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 237
Петренко В. 29, 204
Петриков 64
Петров Г. 70, 223, 252
Петровський Д. 70
Пещан 182, 185, 186, 187
Пирценко І. 196
Підгорний Є. 225
Підгорний К. 225
Підгорний Л. 225
Підгорний М. 225
Підгорний-Полин (Полин) І. 21, 29, 33, 35, 61, 204, **224**, 225, 226, 227, 228, 232, 235, 237, 238, 244, 246, 249, 251, 252, 253
Пісчан 30
Плотникова 56
Пляшник А. 234, 235, 238
Погорелов 203
Погорєлов 25
Погребняк 178
Пола А. 137, 140, 147
Половина М. 97, 99
Попко О. 90, 160
Попруга І. 244
Порошенко П. 5, 6, 15, 16
Портной 227, 242, 251
Потуренець П. 41, 42
Потуренець С. 45, 55
Преображенський 136, 139
Приходько Е. 73
Прохоренко 230
Прохоренко І. 204, 210
Пругло 204
Пузицький А. 7, 16
Пустовой І. 194, 195
Пустовойт С. 118
Пухальський М. 29, 227, 236, 239, 240, 243

Р

Работенко 61
Раковский 112, 113
Раковський Х. 10
Ралло К. 181, 184
Ральф 165
Ратушний І. 179
Ремнев 66
Рибалко Т. 129
Рибчинський П. 19
Рой 239
Романовський 164
Романченкова 181
Рудаков Г. 92
Руденко 118, 119, 124
Руденко А. 29, 115
Руденко П. 172, 174, 176, 178, 179, 180, 181, 183, 187
Рудь-Волга І. 30
Рябчинський В. 268

С

Сабадир Д. 193, 194
Савенко В. 174
Савченко 31
Савченко В. 8, 13, 16
Сайтан 268
Салкуцький 137
Сало М. 137
Самарець М. 172, 174
Самійленко В. 19, 199
Самійленко (Симеренко) В. 198
Самоіл 188
Сапронов 102, 103
Саранин 180
Сачава О. 196, 197
Сварич Є. 31
Свинаренко М. 147
Свищ А. 30
Северин А. 108
Семененко В. 16
Семерягин (Семеряга) 234, 251
Семесенко 30
Сергієв 52, 53, 54, 56
Сердюк 256
Серебряний 126
Сесь П. 118, 124
Сечевой (Сичевой) 109, 110, 111
Сиденко 110, 111

Сидник 109
Сидоренко І. 118, 124
Сидоренко С. 41, 42, 55, 57
Сидоров А. 213, 214, 220, 222
Силович 108
Симонова 69, 212, 223
Скляр (Шкляр) В. 30, 178
Скок М. 28
Скоропадський П. 8, 117, 201
Слабодюк 258
Слизькоух Д. 64, 69, 70, 71
Слизькоух І. 68, 69
Сміюха 30
Смолєєв О. 174
Сова А. 122
Сова І. 122, 224
Соколенко 241
Соколенко А. 83
Сокур Х. 31, 120, 121, 122, 123
Солдатенко В. 16
Сологуб Г. 137, 212
Солонко М. 73
Сопруненко 55, 57
Сопруненко А. 43, 45
Сопруненко М. 45
Сочава Е. 197, 199, 200
Сочко 54, 55, 57
Спиридонов 217
Спицький 132, 133, 138, 149, 150, 154, 157, 217
Стадник 113, 217
Сталін Й. 113
Стародуб І. 72
Стародуб К. 73
Стахів І. 255, 257, 265
Стахів П. 255, 257, 265
Сторожко Я. 235, 236, 240
Сторубель В. 19, 198, 199
Сторубель Г. 31, 109
Сторубель М. 249
Строкань Х. 261
Строменко 258
Строменко А. 45
Строменко Василь 44, 48, 51
Строменко Веремей 44, 48
Строменко Гаврило 45
Строменко Григорій 43, 44, 45, 46
Строменко І. 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57
Строменко М. 45
Субойка Д. 181, 188
Супрун С. 85
Суродарій И. 196
Сухін 204
Суходолець Л. 70, 92, 168, 223, 252
Сущенко Т. 197

Т

Таксар 107
Тарасенко Ф. 73
Тельник 122
Терещенко 77
Терещенко Д. 77
Терещенко Р. 97
Терноватський 247
Тертичиний Я. 197
Титаренко О. 192, 193, 195
Тишанін 98, 204, 210, 230, 231, 233, 235
Ткачев 54
Ткачев В. 128, 139
Ткачев М. 137, 139
Ткаченко Ф. 30
Ткач І. 197
Токар К. 197
Токоренко А. 97
Толстов 159
Толстой О. 6
Топчий 122
Топчий П. 122
Трепалов О. 70, 223, 252
Третьяк В. 197
Третяк 29
Трофимов 85
Троцький Л. 102, 103
Турченко І. 106, 113, 192, 193, 196, 199
Тютюник В. 232, 233, *270*
Тютюнник Ю. 170, 171, 174, 175, 176, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 262

У

Угнивенко Д. 73
Уденко З. 178
Усанд 131

Ф

Файбенович 126
Федоров Л. 216, 220
Федорченко 81, 119, 124, 204, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 251, 262
Федорченко Г. 31
Федорченко О. 257, 258
Федорченко Р. 18, 21, 22, 30, 33, 35, 170, 204, 224, 227, 229, **254**, 255, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268
Федорченко (Тихий) Д. 256, 257, 258, 259
Фоменко П. 122, 123
Фрізер В. 249
Фургало О. 174, 178, 181, 184

Х

Хижняк П. 192, 193, 194, 195
Хмеленко М. 146, 147

Хмеленко П. 31
Хрипков А. 190
Хромушина В. 244

Ц

Цалина (Цалипа) 164, 167
Царенко В. 244, 246
Царенко Г. 244, 246
Царенко Н. 230, 232, 235, 236
Царенко О. 227, 236, 244, 246, 247
Цепко 178
Циганок І. 72, 73, 75, 76, 77
Цимбалистий І. 137

Ч

Чабаненко Г. 85
Чайківський О. 20, 31
Чепурко О. 29, 37, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94
Череповський Е. 191
Черненко 56, 116, 119, 120, 121, 123
Черненко Іван 122
Черненко Ілля 21, 31, 122, 191
Черников 213
Черницький **39**, 42, 44, 47, 48, 51
Черниця С. 43
Черновол І. 88
Чернокнижний Г. 73
Черноус (Черноусов) 204, 229, 230, 231, 233, 234, 235
Чернявський С. 34, 139, 141, 143, 145, 147, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 159, *273*
Чирва 31, 185, 210, 229
Чоколов І 191
Чоп В. 16
Чорний (Хмара) О. 29, 81
Чорновус (Гнібеда) А. 31
Чумаченко 213
Чумаченко М. 30, 45, 46
Чумаченко Н. 45
Чуприна Г. 198, 199
Чуприна Т. 197, 198, 199, 200
Чухмарь 119, 124
Чучупака В. 79

Ш

Шанин Т, 28
Шаповал І. 31
Шаповалова 164
Шароваров (Шаровар) Г. 216, 217, 219, 220
Швед П. 181, 188
Швидкий Г. 103
Шевченко 165, 167
Шепель Ф. 64
Шершень В. 97
Шершень І. 97
Шестак А. 147
Шинкаренко 31, 97, 128, 152
Шинкаренко А. 128, 137, 139
Шинкаренко Ф. 137
Шкиренко А. 195
Шкурин 61
Шкуро А. 237
Шляев І. 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57
Шляпников О. 102, 103
Шмагайло 31
Шмалько М. 238
Шпаковський 163
Шрамко Ф. 147

Щ

Щеголь 166
Щетинин 193
Щур В. 169

Ю

Юдин Г. 124
Юзбашева Н. 29
Юрко М. 89
Юрченко 228

Я

Яворський 56, 57
Якунов Е. 16
Яновський Г. 199
Яценко І. 164, 167, 168

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

АП УСБУ в ДО – Архівний підрозділ УСБУ в Дніпропетровській області.
ВКП (б) – Всесоюза комуністична партія (більшовиків)
ВМП (ВМН – рос.) – вища міра покарання.
ВТТ (ИТЛ – рос.) – виправно-трудовий табір.
ВУНК (ВУЧК – рос.) – Всеукраїнська надзвичайна комісія.
ВУЦВК (ВЦИК – рос.) – Всеукраїнський центральний виконавчий комітет.
Губком – губернський комітет.
ГубНК (ГубЧК, губчека – рос.) – губернська надзвичайна комісія.
БУПР (ДОПР, Допр – рос.) – Будинок примусових робіт.
ДАДО – Державний архів Дніпропетровської області
ДПУ (ГПУ – рос.) – Державне політичне управління.
КДБ (КГБ – рос.) – Комітет державної безпеки.
КК (УК – рос.) – Кримінальний кодекс.
КНС – Комітет незаможних селян, комнезам.
КП(б)У – Комуністична партія (більшовиків) України
КПК (УПК – рос.) – Кримінально-процесуальний кодекс.
МВС (МВД – рос.) – Міністерство внутрішніх справ.
НК (ЧК, ВЧК – рос.) – Всеросійська надзвичайна комісія з боротьби з контрреволюцією та саботажем.
НКВС (НКВД – рос.) – Народний комісаріат внутрішніх справ.
ОДПУ (ОГПУ – рос.) – Об'єднане державне політичне управління.
РВК (РИК – рос.) – Районний виконавчий комітет або райвиконком.
РПК – Російська комуністична партія (більшовиків).
РСЧА (РККА – рос.) – Робітничо-Селянська Червона Армія.
СРСР (СССР – рос.) – Союз Радянських Соціалістичних Республік.
УДБ (УГБ – рос.) – Управління державної безпеки.
УКП – Українська комуністична партія, укапісти.
УНР – Українська Народна Республіка.
УРСР (УССР – рос.) – Українська Радянська Соціалістична Республіка.
УСДРП – Українська соціал-демократична робітнича партія.
УСРР (УССР – рос.) – Українська Соціалістична Радянська Республіка.
ЦК – Центральний комітет.
Цупком – Всеукраїнський центральний повстанський комітет.

ОТАМАНИ УКРАЇНСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ 5

ПОВСТАНСЬКИЙ РУХ ПРИДНІПРОВ'Я (1918–1922): ІСТОРИЧНИЙ НАРИС 17
Отамани та командири українських повстанських загонів Катеринославщини (1918–1922 рр.) 29
Верхньодніпровський повіт 29
Катеринославський повіт 29
Криворізький повіт 30
Нікопольський повіт 31
Новомосковський повіт 31
Олександрівський повіт 31
Павлоградський повіт 32

АРХЕОГРАФІЧНА ПЕРЕДМОВА 33

ПОВСТАНСЬКІ ВАТАЖКИ: мовою документів 38

БАБЕНКО Микола Демидович 38
№ 1 Анкета заарештованого М.Д. Бабенка 38
№ 2 Протокол допиту заарештованого М.Д. Бабенка 39
№ 3 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка 43
№ 4 Протокол допиту свідка П.П. Лозицького у справі М.Д. Бабенка 44
№ 5 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка 47
№ 6 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка 48
№ 7 Протокол допиту обвинуваченого М.Д. Бабенка 49
№ 8 Обвинувальний висновок у справі М.Д. Бабенка 49
№ 9 Витяг з протоколу засідання трійки УНКВС УРСР по Дніпропетровській області 51
№ 10 Протокол допиту свідка П.П. Лозицького у справі М.Д. Бабенка 52
№ 11 Обвинувальний висновок у справі М.Д. Бабенка 54
№ 12 Постанова президії Дніпропетровського обласного суду у справі М.Д. Бабенка 56

БАРАБАШ Яків Прокопійович 58
№ 13 Анкета заарештованого Я.П. Барабаша 58
№ 14 Протокол допиту Я.П. Барабаша 60
№ 15 Протокол допиту Я.П. Барабаша 63
№ 16 Протокол допиту свідка Г.Д. Луканейка у справі Я.П. Барабаша 65
№ 17 Витяг з протоколу засідання трійки Верхньодніпровського Політбюро у справі Я.П. Барабаша 66

№ 18 Покази Я.П. Барабаша 66
№ 19 Покази Я.П. Барабаша 67
№ 20 Доповідь по справі Я.П. Барабаша 68
№ 22 Висновок по справі Я.П. Барабаша 70

БОЙКО Дорофій (Дорош) Хомич 72
№ 23 Протокол допиту свідка І.Г. Стародуба 72
№ 25 Протокол допиту обвинуваченого С.О. Єремельця 75
№ 26 Протокол допиту обвинуваченого М.П. Ненади 76

ГЛАДЧЕНКО Трифон Федорович 79
№ 27 Доповідь інструктора відділу управління Д.К. Жаріна 79
№ 28 Заява про антирадянську поведінку Т.Ф. Гладченка 80
№ 29 Телефонограма 81
№ 30 Телефонограма 81
№ 31 Доповідна записка 81
№ 32 Рапорт керівника радянської робітничо-селянської міліції Катеринославського повіту 82
№ 33 Відношення щодо вилучення зброї у населення с. Сурсько-Михайлівка 82
№ 34 Протокол загальних зборів с. Сурсько-Михайлівка 83
№ 35 Доповідь розвідників щодо роботи з 19 по 26 березня 1920 р. 84
№ 36 Вирок села Олексіївка № 1 та 2 84
№ 37 Протокол сільського сходу с. Прівольне 85
№ 38 Протокол допиту Т.Ф. Гладченка 86
№ 39 Протокол допиту Т.Ф. Гладченка 87
№ 40 Доповідна записка керівника радянської робітничо-селянської міліції Катеринославського повіту 88
№ 41 Протокол сільських зборів с. Аполонівка 88
№ 42 Протокол загальних зборів с. Миколаївка 89
№ 43 Протокол сільських зборів с. Попова-Балка 90
№ 44 Вирок сільського сходу с. Петровське 90
№ 45 Покази обвинуваченого Т.Ф. Гладченка 91
№ 46 Протокол допиту свідка С. Задорожнього 91
№ 47 Висновок уповноваженого 1-ї групи таємно-оперативного відділу Катеринославської ГубНК 91
№ 48 Витяг з протоколу засідання Колегії Катеринославської ГубНК у справі Т.Ф. Гладченка 92
№ 49 Повідомлення в газеті щодо розстрілу отамана Т.Ф. Гладченка 92
№ 50 Висновок по справі Т.Ф. Гладченка 93

ГНІЄНКО Григорій Кіндратович (отаман Вовгура) 95
№ 51 Протокол допиту обвинуваченого М.В. Нестеренка 96
№ 52 Протокол допиту свідка С.М. Аксененка 98

ДИКИЙ Андрій Тимофійович 100
№ 53 Протокол допиту обвинуваченого А.Т. Дикого 100
№ 54 Автобіографія А.Т. Дикого 103
№ 55 Протокол допиту свідка М.М. Макарова-Нікітіна 107

ЕПІК Григорій Данилович 114
№ 56 Анкета Г.Д. Епіка для реєстрації амністованих повстанців 114
№ 57 Зобов’язання Г.Д. Епіка 116
№ 58 Автобіографія Г.Д. Епіка 117
№ 59 Додаткові покази до анкетних даних Г.Д. Епіка 121

ЛЕВЕНЕЦЬ Опанас Микитович 125
№ 60 Протокол допиту заарештованого О.М. Левенця 125
№ 61 Протокол допиту обвинуваченого О.М. Левенця 127
№ 62 Протокол додаткових показів обвинуваченого О.М. Левенця 130
№ 63 Протокол допиту обвинуваченого М.П. Пасічного 130
№ 64 Протокол допиту обвинуваченого М.П. Пасічного 131
№ 65 Протокол допиту свідка А.А. Остапенка у справі О.М. Левенця 134
№ 66 Протокол допиту обвинуваченого Н.Д. Дудки 136
№ 67 Протокол допиту обвинуваченого Д.І. Киприча у справі О.М. Левенця 139
№ 68 Постанова у справі отамана О.М. Левенця та інших повстанців с. Бабайківки 141
№ 69 Обвинувальний висновок у справі О.М. Левенця та інших обвинувачених 154
№ 70 Витяг з протоколу засідання Колегії ОДПУ у справі О.М. Левенця 159

ЛУНАЧЕНКО (Луна) Нестор Григорович 160
№ 71 Доповідь розвідника Катеринославської ГубНК 160
№ 72 Анкета заарештованого Н.Г. Луначенка 161
№ 73 Протокол допиту обвинуваченого Н.Г. Луначенка 163
№ 74 Доповідь розвідника Катеринославської ГубНК 164
№ 75 Протокол допиту обвинуваченого Н.Г. Луначенка 164
№ 76 Протокол допиту обвинуваченого Н.Г. Луначенка 165
№ 77 Висновок у справі Н.Г. Луначенка 167
№ 78 Витяг з протоколу екстреного засідання Колегії Катеринославської ГубНК 168
№ 79 Висновки у справі Н.Г. Луначенка 169

МАКАРЕНКО Феодосій Якович 170
№ 80 Протокол допиту свідка М.О. Горевого 170
№ 81 Протокол допиту обвинуваченого Ф.Я. Макаренка 172
№ 82 Протокол допиту обвинуваченого Ю.Я. Мирошниченка 173
№ 83 Протокол допиту Ф.Я. Макаренка 174
№ 84 Обвинувальний висновок у справі Ф.Я. Макаренка 176
№ 85 Протокол судового засідання кримінального відділу Надзвичайної сесії Криворізького окружного суду по справі Ф.Я. Макаренка 180
№ 86 Висновок у справі Ф.Я. Макаренка 189

МАТВІЄНКО Федір Гаврилович 191
№ 87 Протокол у справі заарештованого Ф.Г. Матвієнка 191
№ 88 Підписка керівника комуністичної організації с. Перещепино М. Дитяшева 192
№ 89 Протокол допиту членів Перещепинського волосного виконкому 192
№ 90 Протокол допиту членів Перещепинського волосного виконкому 193
№ 91 Протокол зборів громадян Перещепинської сільської громади 196
№ 92 Протокол допиту обвинуваченого Т.Е. Чуприни 197
№ 93 Додаткові покази обвинуваченого Т.Е. Чуприни 198
№ 94 Додаткові покази обвинуваченого Т.Е. Чуприни 199

МЕЛАШКО Михайло Васильович 201
№ 95 Повідомлення в газеті «Известия/Вісті» щодо арешту М.В. Мелашка 203
№ 96 Повідомлення в газеті «Известия/Вісті» про розгляд справи М.В. Мелашка Катеринославським ГубНК 203
№ 97 Покази Х.О. Діковського щодо захоплення м. Верхньодніпровська загоном М.В. Мелашка 204
№ 98 Протокол допиту заарештованого Д.А. Буца щодо нападу загону М.В. Мелашка на м. Верхньодніпровськ 205
№ 99 Протокол допиту свідка Ф.М. Забари 207
№ 100 Протокол допиту обвинуваченого Б.О. Овсюка щодо його перебування в загоні М.В. Мелашка 208

ПАСІЧНИЙ Омелян Петрович 211
№ 101 Повідомлення командира експедиційного загону щодо місця перебування О.П. Пасічного 211
№ 102 Покази П.В. Дрелевського у справі О. П. Пасічного 212
№ 103 Доповідь таємного співробітника «Щодо заходів встановлення місцезнаходження О.П. Пасічного» 212
№ 104 Доповідь таємного співробітника «Щодо заходів встановлення місцезнаходження О.П. Пасічного» 213
№ 105 Витяг обвинувального висновку у справі О.П. Пасічного та П.В. Дрелевського 213
№ 107 Витяг засідання Колегії Катеринославського ГубНК щодо смертного вироку О.П. Пасічному 223

ПІДГОРНИЙ-ПОЛИН Іван Михайлович 224
№ 108 Анкета заарештованого І.М. Підгорного 225
№ 109 Протокол допиту обвинуваченого І.М. Підгорного 227
№ 110 Власноручні покази І.М. Підгорного-Полиня 228
№ 111 Доповідь працівника Катеринославської ГубНК щодо справи І.М. Підгорного-Полиня 250
№ 112 Витяг з протоколу засідання Колегії Катеринославського ГубНК у справі № 2296 І.М. Підгорного-Полиня 252
№ 113 Висновок по архівній справі № 23092 щодо І.М. Підгорного-Полиня 253

ФЕДОРЧЕНКО Родіон Якович 254
№ 114 Вирок Катеринославського окружного суду у справі Р.Я. Федорченка 255
№ 115 Протокол допиту обвинуваченого Р.Я. Федорченка 259
№ 116 Протокол допиту Ф.Я. Макаренка, свідка у справі Р.Я. Федорченка 261
№ 117 Обвинувальний висновок у справі Р.Я. Федорченка 264
№ 118 Висновок щодо реабілітації Р.Я. Федорченка 268

ІЛЮСТРОВАНІ ДОДАТКИ 270

ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК 274

Наукове видання

Провідники повстанського руху Придніпров'я
(за матеріалами органів державної безпеки)

збірник документів

Укладачі:
Ю.Г. Пахоменков, О.О. Чепурко

Відповідальна за випуск О. Вінниченко
Коректор В. Орищий

Макет Misheal_D

На обкладинці використано роботи
художників В. Фаворського, А. Гончарова, М. Оленева

Формат 70x100/16. Папір Cremy.
Друк цифровий. Ум. друк. арк. 23,4.
Наклад 200 пр. Зам. 69/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.

book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-69-4